90 коп. Индекс 70145

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР АН СССР ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ

1. С отрывом от производства
   а) по специальности **«История СССР»** — 07. 00. 02
   — **История национальных отношений в СССР — 1 место**
   — **История СССР периода империализма — 1 место**
   б) по специальности **«История международных отношений и внешней политики»** — 07. 00. 05
   — **История внешней политики Советского государства — 1 место**
   в) по специальности **«Историография, источниковедение и методы исторических исследований»** — 07. 00. 09
   — **Источниковедение истории СССР периода капитализма — 1 место**
   — **Источниковедение истории советского общества — 1 место**
2. Без отрыва от производства — 5 мест.

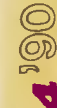
Прием документов до 31 июля 1990 г. Начало экзаменов — 1 сентября 1990 г.

Справки по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Отдел аспирантуры Института истории СССР АН СССР. Телефон 126-94-79.

Вопросы истории

ISSN 0042-8779

Вопросы истории

НОВЫЕ КНИГИ

БОЕВ Б. **Искри от партизанските огньове. Спомени.** София. Партиздат. 1989. 227 с.

ДИМИТРОВ Б. **Руско-турската война, 1877—1878.** София. Наука и изкуство. 1988. 154 с.

КУБАДИНСКИ П. **Верни другари.** София. Изд-во на Отечествения фронт. 1988. 590 с.

МИШЕВ Р. **Австро-Унгария и България. 1879—1894.** Полит. отношения. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1988. 333 с. (8) л. ил., портр. таб., факс.

Освобождението на България. Кореспонденции и материали на руския печат, 1876—1879. Подбор, увод и бел. Евлоги Бужашки. Т. 1. Отзвукът от Априлското въстание в Русия, 1876. София. Наука и изкуство. 1988. 449 с.

ПАЧКОВА П. **Идейното развитие на поборниците след Освобождението.** Социолого-историческо изследване. София. Наука и изкуство. 1988. 177 с.

ПЕТКОВ И. **Религия и политика.** (Идеологически аспекти на политизацията на католицизма и исляма). София. Партиздат. 1989. 149 с.

End-century Small Country Options. Hungarian and Swiss Economic and Political Perspectives. Ed. by István Dobozi and Harriet Matejka. Budapest. Hung. Scientific Council for World Economy. 1988. 329 p.

GLATZ F. **Nemzeti kultúra — kulturált nemzet, 1867—1987.** Budapest. Kossuth. 1988. 422. old.

Magyar reneszánsz udvari kultúra. Szerk. és az előszót irta R. Várkonyi Agnes. Budapest. Gondolat. 1987. 413. old. (16) l. ill., portr.

TROCSANYI Zs. **Habsburg-politika és Habsburg — kormanyzat Erdélyben, 1960—1740.** Budapest. Akad. kiadó. 1988. 476. old.

Die Große Französische Revolution, 1789—1795. Ill. Geschichte. Wolfgang Büttner, Kurt Holzapfel (Leiter), Herbert Langer et al. Berlin. Dietz. 1989. 496 S.

Tage nach der Völkerschlacht. Aufzeichn. der Stadtschreiber. 19. Okt. 1813 bis 7. Febr. 1814. Bearb. von einem Kollektiv unter Leitung von Beate Berger. Leipzig etc. Urania. 1988. 99 S.

Wege zur Unabhängigkeit. Die antikoloniale Revolution in Asien u. Afrika u. die Zukunft der Entwicklungsländer. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Martin Robbe. Berlin. Dt. Verlag der Wiss. 1989. 352 S.

WEICHOLD J. **Zwischen Götterdämmerung und Wiederauferstehung. Linksradikalismus im Wandel.** Berlin. Neues Leben. 1989. 259 S.

KOŁOMEJCZYK N. **Polska Zjednoczona Partia Robotnicza, 1948—1986.** Warszawa. KiW. 1988. 346 s., (16) k. il., portr.

LECZYK M. **Oblicze społeczno-polityczne Drugiej Rzeczypospolitej.** Warszawa. KiW. 1988. 505 s.

Teraz będzie Polska. Wybor z pamiętników z okresu I wojny światowej. Wstęp, oprac. i przypisy Andrzej Rosner. Warszawa. Pax. 1988. 233 s.

Zwycięstwo nad faszyzmem i jego skutki. Pod red. Lubomira Zyblikiewicza. Kraków. Zeszyty nauk. Uniw. Jagiellońskiego. 1988. 478 s.

BODEA C., SETON-WATSON H. **R. W. Seton-Watson şi Romanii, 1906—1920.** 1. XXV, 566 p. 2. 576—999 p. (16) f. il., portr. Acad. de ştiinţe sociale şi polit. Britisch Academy. Bucureşti. Ed. şti. şi encicl. 1988.

BODEA, Ch. I. et al. **Administraţia militară horthystă in nord-vestul Romaniei. Sept.-noiem. 1940.** Gh. I. Bodeam Vasile T. Suciu, Ilie I. Puşcaş. Cluj-Napoca. Dacia. 1988. 526 p. (16) f. il.

Statul naţional român — factor esenţial al progresului social. Coord. Ovidiu Trăsnea. Bucureşti. Ed. milit. 1988. 252 p.

GONEC V. **Vznik SSSR a sovetská Ukrajina.** Prisp. k pojeti pocátkû sov. federace. Brno. Univ. J. E. Purkyne. 1988. 158 s.

KVACEK R. **Diplomaté a ti druzí.** K dějinám diplomacie za druhé světové války. Praha. Panorama. 1988. 397 s. (16) l. il.

NOVAK V. **Abeceda mirového hnutí.** Praha. Horizont. 1988. 237 s.

Opštenarodna odbrana i društvena samozaštita SFRJ. Zb. radova povodom pedesetogodišnjice Titovog. dolaska na čelo KPJ. Zajednica viših škola Srbije. Ured. odb. Milorad Šarbajić et al. Beograd. Savremena administracija. 1988. 179 s.

PRUNK J. **Slovenački nacionalni programi.** Nac. programi u sloven. polit. misli od 1848. do 1945. g. Beograd. Eksportpres. 1988. 158 s.

ROŽIĆ M. **Moć i nemoć socijalističkog saveza.** Beograd. Naučna knjiga. 1987. 230 s.

VIDIČ J. **Noč v hotelu Park.** Ljubljana. Borec. 1987. 452 s.

DUSEK P. et al. **Zeitgeschichte im Aufriss. Österr. seit 1918.** Dusek Pelinka, Weinzierl. Wien. TR-Verlagsunion. 1988. 360 S.

NS-Herrschaft in Österreich, 1938—1945. Emmerich Talos et al. (Hg.). Wien. Verl. für Gesellschaftskritik. 1988. XXII, 632 S.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 4 АПРЕЛЬ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ В АПРЕЛЕ 1917 ГОДА

Через три главных этапа своей бурной истории прошел Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в феврале — октябре 1917 года. Первый приходится на время с 27 февраля по 5 мая, когда Совет реально во многих случаях противостоял Временному правительству. Именно тогда двоевластие существовало в «классическом» виде переплетения двух диктатур: революционно-демократической (Советов) и буржуазной (правительства). Отношения между ними были сложными и противоречивыми. С одной стороны, через Контактную комиссию, образованную 10 марта 1917 г., принимались меры по согласованию проводимой политики; с другой — обстановка открытой политической борьбы и растущей с каждым днем инициативы широких масс вызывала острые конфликты.

Самым крупным из них был Апрельский кризис, в результате которого правительство во избежание своего падения предложило эсеро-меньшевистским лидерам Исполнительного комитета Петросовета создать коалицию и ввести в правительство своих представителей. 5 мая было создано первое коалиционное Временное правительство. Двоевластие осталось, но прежняя роль Петросовета изменилась. Это отразилось на втором этапе его истории, с 6 мая по 31 августа. Пять «министров-социалистов» отчитывались о собственной деятельности в первую очередь перед центральными комитетами своих партий, что ослабляло значение контрольных функций Петросовета, о которых он объявил 2 марта, выразив условное доверие Временному правительству первого состава.

Лидеры Исполкома Совета развернули в мае подготовку к проведению I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд открылся 3 июня и продолжался до 24-го. На время его работы деятельность Петросовета практически прекратилась. Съезд избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК), куда вошла значительная часть работников Исполкома Петросовета. Это еще больше отодвинуло Совет на второй план. Если в марте — апреле он заседал почти ежедневно, то теперь его общие собрания проводились редко. Тем не менее именно на втором этапе постепенно зрели изменения в политических симпатиях большинства его депутатов, что особенно резко проявилось на заседании Петроградского Совета вечером 31 августа, в момент разгрома корниловского мятежа. Большинство присутствовавших впервые высказалось за принятие большевистской резолюции по текущему политическому моменту и по вопросу о власти в стране.

Так начался третий, наиболее важный этап истории Петросовета, длившийся до вооруженного восстания в столице 24—25 октября. Развернулась большевизация Совета, завершившаяся ко 2 октября выборами нового Исполкома и председателя (им стал Л. Д. Троцкий), а боль-

шевики завоевали и численное большинство. Уже 25 сентября Петросовет высказал открытое недоверие третьему коалиционному Временному правительству (А. Ф. Керенского). 9—11 октября Военный отдел и президиум солдатской секции подготовили проект образования Революционного штаба по обороне Петрограда. 12 октября его утвердил под именем Военно-революционного комитета (ВРК) Исполком Совета. 13 октября проект был одобрен Солдатской секцией, 16 октября — общим собранием Совета. С 17 октября выходит орган Петросовета — газета «Рабочий и солдат». Под лозунгом защиты Петросовета от посягательств Временного правительства шла легальная подготовка восстания, политическая и военная. В ночь на 19 октября ВРК провел первое организационное заседание, 20 октября начало работу его бюро, 21 октября в воинские части Петроградского гарнизона ВРК назначил своих первых комиссаров. «День Петроградского Совета» — 22 октября — превратился в политическую демонстрацию доверия рабочих и солдат столицы Совету и его большевистскому руководству. На митингах выступали В. Володарский, Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий и другие видные представители Центрального и Петербургского комитетов РСДРП (б). Временное правительство вынуждено было отменить «крестный ход» казачьих частей гарнизона, назначенный на тот же день. Этот факт Ленин расценил как показатель слабости буржуазной власти и призвал большевиков без промедления начинать восстание. В письме Свердлову он подчеркивал: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская *победа*. Ура! *Наступать* изо *всех сил* и мы победим вполне в несколько дней!»[1] На вечернем заседании Совета 23 октября был заслушан доклад секретаря ВРК В. А. Антонова-Овсеенко о первых шагах деятельности Комитета по защите революции. Рабочий и солдатский Петроград нацелился на восстание, была приведена в боевую готовность Красная гвардия, состоялась собранная под руководством отдела Рабочей гвардии Исполнительного комитета Петросовета общегородская конференция красногвардейцев с избранием Центральной комендатуры, которая отдала себя в распоряжение ВРК и перешла работать в Смольный.

Керенский в ночь на 24 октября отдал приказ о закрытии большевистских газет «Рабочий путь» и «Солдат» и о вызове верных ему воинских частей из пригородов. Рано утром типография «Рабочего пути» была захвачена юнкерами. Затем об этом узнали в Смольном. До съезда Советов оставались лишь сутки. Утреннее заседание ЦК РСДРП (б) постановило поручить ВРК открыть типографию, напечатать очередной номер газеты, принять меры по охране Смольного, создать запасной центр восстания в Петропавловской крепости. ВРК отдал по гарнизону «Предписание № 1» — о приведении полков в боевую готовность. В первой половине дня была вновь открыта типография «Рабочего пути», прибыли пулеметные команды и броневики для охраны Смольного. Тем не менее вплоть до вечера в действиях ВРК наблюдалась замедленность, что вызвало большую тревогу у Ленина, находившегося на конспиративной квартире на Выборгской стороне.

Вечером 24 октября он пишет письмо в ЦК и организует его перепечатку в Выборгском районном комитете РСДРП (б): «Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс»[2]. Ленин требовал, чтобы еще до II Всероссийского съезда Советов власть взял в свои руки ВРК. Вскоре Ленин прибыл в Смольный и стал у руля восстания. В ночь на 25 октября город оказался практически в руках восставших. Кульминацией истории Петросовета той поры явилось дневное заседание 25 октября, на котором с речью выступил Ленин: «Отныне,— заявил он,— наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»[3].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 434.
[2] Там же, с. 435.

Роль, которую сыграл тогда Петросовет, давно привлекала внимание и мемуаристов, и исследователей. Особенно ценны свидетельства очевидцев создания и первых шагов его деятельности. Речь идет о записках А. Г. Шляпникова, Д. О. Заславского и В. А. Канторовича, М. Рафеса, И. Юренева, О. А. Ерманского, М. И. Скобелева, ряда других лиц[4]. Многие из этих записок широко использовались историками уже в 20-е годы. Большое влияние оказали на их работы[5] очерки Шляпникова, представлявшие собой сочетание мемуаров с публикацией документов. Важен сборник протоколов Исполнительного комитета Петросовета и его Бюро[6]. Но эти протоколы приведены там не за весь период от Февраля к Октябрю; низок археографический уровень публикации: материалы не имеют легенд; составители не расшифровывали первоначальные рукописи протоколов и печатали машинописные копии, обработанные позднее; несколько вариантов сливались в один искусственно создаваемый протокол; часть документов помещена в основном тексте, часть — в приложениях; слабы комментарии.

Однако до сих пор названный сборник оставался единственной публикацией этих документов. Позднее Е. П. Кривошеина подготовила сборник, где были собраны отчеты газет об общих собраниях и о заседаниях секции Петросовета и Исполкома, и снабдила их комментариями, в которых использовала мемуарную и документальную литературу. Но протоколы заседаний она не включила в корпус публикуемых документов. Материалы первого тома охватывают время с 27 февраля до 9 мая 1917 года. Второй том не был подготовлен. Уцелела корректура сборника с датой — 1931 год. Затем работа над уникальными документами прервалась на долгие годы. Изучение истории Петросовета было свернуто, а в популярных изданиях она излагалась схематично и фальсифицированно. Одним из таких примеров может служить книга Л. Ф. Карамышевой[7]. Правда, со второй половины 50-х годов начали более подробно писать о Петросовете в обобщающих работах[8].

Настоящим подвигом стал труд Ю. С. Токарева (1925—1972 гг.), без которого была бы невозможна и данная публикация. Юрист, историк, архивист и источниковед, он посвятил последние годы своей жизни расшифровке черновых записей протоколов заседаний Петросовета и его Исполкома. Большинство из них записаны неразборчиво и отчасти по этой причине до сих пор почти не использовались. Когда после завершения трехтомной публикации о райсоветах столицы в 1917 г.[9], встал

[3] Там же. Т. 35, с. 2.
[4] Шляпников А. Г. Семнадцатый год. Кн. I—IV. М.— Пг. 1923—1930; Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Т. I. Февраль — май. Пг. 1924; Рафес М. Мои воспоминания.— Былое, 1922, № 19; Юренев И. Межрайонка (1911—1917).— Пролетарская революция, 1924, № 2(25); Ерманский О. А. Из пережитого (1887—1921 гг.). М.— Л. 1927; Скобелев М. И. Гибель царизма.— Огонек, 1927, № 11(207); Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Л. 1957; В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л. 1982; и др.
[5] См. Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. М.— Л. 1927.
[6] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК. М.— Л. 1925.
[7] Карамышева Л. Ф. Борьба большевиков за Петроградский Совет (март — октябрь 1917 г.). Л. 1964.
[8] Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Тт. 1—6. М. 1957—1986; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1—2. Л. 1967; Минц И. И. История Великого Октября. Тт. 1—3. М. 1977—1979; Ненароков А. П. 1917: Великий Октябрь. М. 1980; и мн. др.
[9] Районные Советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполнительного комитета. В 3-х тт. Л. 1964—1966.

вопрос об издании протоколов Петросовета, нечитаемость большинства сохранившихся протоколов оказалась главным препятствием. Обратились в Криминалистическую лабораторию Городского управления внутренних дел Ленинграда, но графологи признали задачу нерешаемой. Тогда взялся за это дело Токарев. В 1972 г. все черновики протоколов за март — май 1917 г. (последующие пока не обнаружены) были им расшифрованы.

Полностью подготовленный в 1975 г. к печати сборник объемом в 180 авт. листов до сих пор не издан. Развернувшаяся в 1971 г. «проработочная» кампания привела, в частности, к увольнению директора Института истории СССР АН СССР чл.-корр. АН СССР П. В. Волобуева. Он был главным научным редактором сборника, и последний опять попал в опалу. Лишь в 1989 г. работа над первым томом его возобновилась. Правда, труд Токарева по расшифровке черновиков протоколов был частично использован в работах Г. Л. Соболева и В. И. Старцева [10]; удалось также издать и законченную Токаревым часть планировавшегося им большого исследования по истории Петросовета [11]. Вышли также работы А. М. Андреева, Г. И. Злоказова, В. И. Миллера [12].

Но даже совокупность исследований не может заменить оригинального текста источника. Сейчас вопрос об издании протоколов Петросовета наконец-то решен положительно. Ниже впервые публикуется часть протоколов Исполнительного комитета Петроградского Совета от 19, 20 и 21 апреля и протокол общего собрания Петросовета от 20 апреля 1917 г., относящиеся к дням Апрельского кризиса.

Этот кризис был ускорен внешней политикой Временного правительства. Массы в силу своей недостаточной сознательности поверили эсеро-меньшевистским лидерам Петросовета, что война после свержения самодержавия обрела со стороны России справедливый характер. Возникло «революционное оборончество». Однако большинство солдат и значительная часть столичных рабочих поддержали «Манифест к народам мира» Петроградского Совета от 14 марта 1917 г., провозглашавший главной целью внешней политики революционной России достижение мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Лидер меньшевиков И. Г. Церетели предложил добиться от Временного правительства через Контактную комиссию издания «Обращения о целях войны», в котором оно заявило бы о поддержке этого манифеста. Министр иностранных дел лидер кадетов П. Н. Милюков вынужден был сделать эту уступку Совету, и 27 марта было принято обращение к населению о целях войны, в котором в туманных и противоречивых выражениях говорилось о признании принципа самоопределения народов, о присоединении к идее мира без аннексий и контрибуций.

Затем рабочие и солдаты стали предъявлять меньшевистско-эсеровским лидерам Исполкома новые требования; обращение правительства от 27 марта известно только им; союзники ничего о нем не знают; надо, чтобы оно было официально передано им от имени Временного правительства. Церетели обещал «устроить» это, но Милюков вновь отказался. Тогда Петросовет выдвинул ультиматум: если правительство не передаст ноту союзникам, то Совет не поддержит выпущенный тогда же военный «заем свободы». Милюков вновь уступил, однако предпослал обращению от 27 марта ноту, в которой «разъяснял» смысл обращения в империалистическом духе. Правительство одобрило ноту, и 18 апреля (по ст. ст.), когда Россия впервые открыто праздновала день 1 Мая, нота и обращение были переданы по телеграфу в столицы союзных государств. А 19 апреля Бюро печати российского МИД передало ноту органам печати для опубликования.

Публикация вводит читателя в паническую обстановку ночного заседания Исполкома Петросовета 19 апреля, когда текст ноты Милюкова уже лежал в типографиях столичных газет. Членами Исполкома овладели растерянность и бездействие. Когда же утром 20 апреля военнослужащие гарнизона прочли ноту, десятки тысяч солдат и матросов стихийно вышли на манифестацию с протестом против внешней политики Временного правительства. Шесть часов длился митинг у резиденции правительства — Мариинского дворца. Министры из-за болезни военного министра А. И. Гучкова собрались заседать на его служебной квартире (Мойка, 67), и это спасло правительство от ареста солдатами и матросами. Перипетии Апрельского кризиса прокомментированы ниже, в примечаниях, следующих за документами. В связи с трудностями набора текстуальные примечания введены в текст в круглых скобках.

Б. Д. Гальперина

I. ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА. 19 АПРЕЛЯ 1917 г.

1. Протокол заседания.

[Доклад] военного министра. Положение на фронте серьезное. Дисциплина расшатывается. Продолжается дезертирство (7000 — с двух фронтов). Положение на фронте [не] блестящее. В Черноморском флоте. Сведения о проникновении пропаганды. Дезорганизация армии и понижение работоспособности. Характеристика генерала Максимова. Безудержно анархическая [обстановка] в Гельсингфорсе. Оказать должную поддержку. Пацифистские настроения сказываются в понимании обороны (в стратегическом — пассивная), отказ от подготовки к военным действиям, отказ от передвижения, отказ от повиновения. Недоверие к комитету. Пораженческая агитация, как объяснение, и со стороны тыла и со стороны противников... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Две прокламации. Или идти на помощь, [чтобы дезорганизовать]... (многоточие в тексте) дальше, или [брать] власть. Создать психологическую беспечность и использовать — это мысль Гучкова.

Обмен мнений. Пред[седатель] Исполнительного комитета указывает, что правительство никаких шагов не предпринимает, чтобы [наказать], какова точка зрения... (так в тексте). Под поражен[ческой литературой] генерал Алексеев имел в виду пацифизм. Пацифизм создает психологическое н[астроение], которое скрывает инстинкт самосохранения. В общем этом настроении он видел все зло.

Церетели. Командный состав принял наши лозунги. Правительство дальше пошло и воздействует на командный состав в этом смысле. Ответ комиссии. Одобряя ответ, данный правительству, переходим к очередным делам [1]. Уйти от такого серьезного вопроса нельзя. Можете ли вы что-нибудь сделать? Мы свой ответ дали во Всероссийском совещании. Так как правительство обсуждало свое отношение к внешней политике и это отношение выразит свое... (фраза не закончена). Через полчаса мы получим их ответ и отложить это обсуждение до тех пор, пока мы не получим [ответа].

О Ленине. Резолюция, предложенная т. Церетели. Резолюция высказывает отношение к Ленину. [Он] расходится с Лениным, считает недопуст[имыми] приемы борьбы, против угрозы и акта, сторонников и противников считает недопуст[имо]... (фраза не закончена) [2].

---

[10] Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л. 1973; Старцев В. И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 г. М. 1978.

[11] Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л. 1976.

[12] Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март — октябрь 1917 г. М. 1967; Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М. 1974; Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль — июнь 1917 г.). М. 1969; его же. Петроградский Совет на путях к Октябрю. М. 1978.

ГАЛЬПЕРИНА Берта Давыдовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального государственного исторического архива (Ленинград).

О Международном конгрессе. Доклад о Международном конгрессе. Новое «Vorwärts» [международного] бюро приглашает представителей больш[инства] и меньшинства. Председатель Гримм приглашен в Стокгольм. В... социалистическое большинство среди членов всех организ[аций] рабочих (так в тексте). С ними дер[жать] соц[иалистам] кон[такт] или объединение всех [сил] для борьбы за мир, которые не будут бояться разрыва со своими правительствами или агент[ами] правительств Это один тип сношений. Другой тип... (многоточие в тексте, фраза не закончена). В «Биржевых ведомостях» Трельд сказал, что он виделся с Шейдеманом. Или устроить конгресс с замаскированными агентами, или устроить конгресс тех социалистических партий... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Он дальше обращается... к определенным противо.., частям (так в тексте). Нужно создать бюро, которое обратилось бы только к определенным... (фраза не закончена).

Конференция в мае есть конференция больш[инства]. Как ответить на их приглашение? Мы должны вступить в сношения с нашими соратниками. Если все эти [представители] социалистических партий выразят свою готовность встретиться с только... (многоточие в тексте, фраза не закончена). В этом случае можно пойти на такую конференцию. Образовать организационное бюро из 5—6—7 представителей плюс представители и социалистических партий, входящих в Совет. [Войти] в сношение со всеми [социалистическими партиями]. Вопрос об отношении к конгрессу большинство решит в зависимости от их отношения к мен[ьшинству]. Принять все меры, чтобы такая конференция была возможностью обратиться с призывом ко всем с приглашением... (так в тексте). Обратиться к правительствам, чтобы они пропустили делегации в Россию. Посылка специальных делегаций в Европу и принять меры, чтобы Гримма пропустить. Заявление, что Гримм не будет пропущен, так как он в связи с... (слово неразборчиво). Если мы не завоюем себе права протест[а]... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Все заявления должны исходить только от (слово неразборчиво).

Дан. Мы не можем этого сделать и по той причине, что мы в своей среде [имеем] и представителей оборончества. [В лице Совета войны русскую революцию] (так в тексте). Какова будет позиция? Сочтут ли они возможным изменить свои позиции, как это сделала наша революция? Вместо того, [чтобы] орг[анизовать] колоссальное пробуждение в пр[авительстве], мы созвали только Цимм[ервальдскую конференцию]. Один принцип — это привлечение всех [течений]. Принять меры, чтобы и среди мень[шинства] были представлены. Чтобы наоборот все... (слово неразборчиво), которые порождаются движением на фронте. Инициативу должен взять на себя Исполнительный комитет. Участие представителей партии может только дело затянуть. Инициатива [должна исходить от] Совета рабочих. Причем всем течением на — платформе (так в тексте) — Необходимое условие — обеспечение формальных условий для проезда. Конгресс созвать в стране нейтральной.

О конференции 2-го мая. Послал ли он (сверху неразборчиво написана фамилия) приглашения только официальным партиям. Пойдут ли меньшинства? Если выяснится, что это будет конференция только большинства... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Два метода восстановления Интернационала. Метод вколачивания кола в старый Интернационал и на его развалинах создать новый. Второй, исходя из объективных условий анализа, причиной крушения старого Интернационала была объективная... (многоточие в тексте, фраза не закончена). (слова неразборчивы) его возврат к жизни. Письмо переслано через М... (многоточие в тексте, фраза не закончена).

Вопрос о праве членов бюро присутствовать с совещательным голосом. Незначительное большинство приняло платформу, совпадающую с платформой Совета. Конференция созывается в Стокгольме. Она не состоится. Никаких полномочных представителей там не будет.

Задачи конференции. Восстановить Интернационал. Средством для этого является добывание скорейшего мира. И тогда отпадет инициатива и даже участие Советов. Другая наша цель создать конгресс, который привел бы к широкому международному [с целью] закончить войну. Возможно ли... (далее фраза: «Поскольку мы считаем возможным существование совместного министерства» — зачеркнута). До сих пор трудовиков мы не считали такой партией, которую [можно учитывать в политике]. Но при такой цели мы... (фраза не закончена). Эти две цели взаимно не исключают друг друга. Воссоздать рабочий Интернационал — одна из целей. Созвать другой конгресс, который приблизил бы народ к миру. На него нужно созвать представителей всей демократии. Прервать... (фраза не закончена). Выяснить свое отношение к документу, полученному от Временного правительства.

Церетели. Может ли документ удовлетворять тем требованиям, которые мы ставим себе в области внешней [политики]? Является ли он дальнейшим шагом по пути отказа от аннексий? Сила документа 27-го [марта], говорили, иллюзорна, так как он не обращается к союзным державам. Теперь — с обращением — в духе вступившей в войну Америки. Россия присоединилась к позиции Америки, и присоединяется к позиции ие союза, а... (далее неразборчиво).

Ларин. Резко отрицательный ответ на обращение [Совета]. Всероссийское совещание считает необходимым, чтобы наше правительство оказало давление на союзников. В ответ мы получаем [резолюции]. Резолюция совещания поддержана.

2) (Нумерация начинается со 2-го пункта). Эта нота заявляла, что воля правительства вести войну до победного конца, а не... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Эта нота находится в полном согласии со всеми другими выступлениями представителей мин[истерства]... (многоточие в тексте, фраза не закончена) (Разбил Австрию и Константинополь). 1) Правительство не исполняет требования. 2) Правительство приняло программу — война до победного конца. Совместно должны опубликовать обращение ко всему русскому народу об иностранной политике. Если с одной стороны Гучков знает о состоянии боеспособности, а с другой стороны он [развивает войну] до решительной победы над врагом. Что из этого следует? Что и люди сознательно идут к военному разгрому... (многоточие в тексте, фраза не закончена).

Каменев. Ссылка на Америку. Правительство гонит события вперед с такой быстрой... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Мы предлагаем и Вам потребовать открытого формального выговора. Мы этого добьемся постепенно. Отдаленного намека в этот документ ни... [стать на путь даль...] (так в тексте). Русское правительство, скажет английское правительство, совсем не представляет той угрозы миру, о которой... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Как будут реагировать пролетариат и армия. Временное правительство пошло по пути, по которому мы ему пойти позволить не можем [3]. По поведению большинства можно было думать, что у них имеются какие-то основания надеяться. Если мы не хотим сдать свои позиции... (многоточие в тексте, фраза не закончена) (здесь и далее изложение текста дается в последовательности нумерации листов, данной секретарем при ведении протокола. Лист № 5 отсутствует). ...использовать революционную волю к миру. Будет использована.

О целях империализма. Как реагировать? Большинство стоявших за заем не сможет теперь отстаивать свою позицию. В резолюции об отношении к Временному правительству обусловили свое доверие к правительству. Мы должны заявить, что пока правительство не примет обратно своего заявления, которое лишает его нашего доверия, отказаться от аннексий после победы. Делегация не потребовала предъявления этого документа. Совершенно необходимо было бы надеяться, что наше правительство может оказать давление на своих представителей без того, чтобы создать движение внутри этих стран. Все те меры, которые представлены будут недостаточны, если мы не вызовем в этих странах движения против правительств. Наше правительство — орудие в руках империалистов. Это не шаг назад. В международном от[ношении в политике] назад оно не пошло, а пошло вперед. Суть вопроса заключается в том, почему так случилось в отношении к м[ирному вопросу]. Наше правительство находится в плену у правительства Англии и Франции. Или мы окажем ему поддержку, или мы ввиду этого отказываем и берем власть в свои руки (далее фраза: «Мы ухудшим положение» зачеркнута). Мы не подготовили себе почвы ни во Франции, ни в Англии. Эта сторона деятельности была проведена нами очень слабо. Мы недостаточно организовали свое давление на правительство.

Такие акты должны были издавать не наше [правительство]. Правительство даже не собирается отменять эти тайные договоры. За что мы воюем? Этот акт не является неожиданным. Есть ли смягчающий момент доведения... (так в тексте), но в каком смысле — на новых началах в сравнении со старым правительством (империалистов). Ссылка на Америку (но Вильсов теперь и это). Какие еще ответственные деятели. В какой обстановке это сделали? Это сделали в обстановке... (так в тексте) (наше

заявление об обложении займа). Определенная связь между обращением и заявлением Гучкова. Этот шаг обдуманный. Значительная часть России не знает [положения] 18-го апреля. Акт от 27-го не был доведен до сведения Временным правительством. Сегодня же через контактную комиссию [потребовать] немедленной отставки Милюкова[4]. Между царизмом и нашей буржуазией есть общее — область внешней политики. Наша позиция была роковой еще в тот момент, когда Исполнительный комитет принял свою резолюцию о войне и организационная тактика, вносящая раскол (так в тексте). Манифестация мира и ускорит созыв Учредит[ельного собрания], ускорит созыв Международной конференции. Завтра в 4 час. дня созвать в Морском корпусе в 6 час. Предложение отложить.

Борисов П. Противоестественный союз (далее: «И. К.» зачеркнуто) революционной демократии с контрреволюцией. Нам нужно созвать Всероссийский съезд. Что Платтен (фраза не закончена). Империалистическая буржуазия идет на определенный разрыв с демократией. Опыт прошлого показал, что буржуазия ни перед чем не останавливается. Может ли меньшинство принять на себя вину. Вспомните, как проходили все резолюции большинства. Мы не отказываемся от общей работы с вами. Дать самый решительный отпор правительству. Правительство ставит нас перед лицом совершившихся фактов, с которыми мы мирились и все перед страхом, что вдруг правительство уйдет, поддерживали его силы буржуазии — буржуазии международной. Стре[мление] международной революции объединить все силы буржуазии. При ўходе Милюкова правительство не уйдет, потому что оно еще в этой буржуазии найдет достаточно поддержки.

1) Требование сменить Милюкова, Гучкова, Извольского. 2) Сделать (слова неразборчивы) [оптимально] резко и вести на основе их агитацию. Документ из области не внешней политики, а из политики [внутренней]. Иначе как вызов его считать нельзя. Под давлением дипломатии они комментируют свой прежний акт. Выводы и соотношения сил. При этом характере, который принимает революция, они решаются бросить нам вызов. Совет рабочих депутатов оставляет в праве призывать... (фраза не закончена). Документ — грозное предостережение.

Гоц видит противоречие (отказ от захвата и аннексий), а с другой стороны — война до победного конца. Два выхода: путь давления на правительство и путь борьбы. Ни одного ответственного [значения]. Политический [смысл] учтен всеми. Единств[енное] — выяснение того, что есть. Прежде всего нужно сказать, что надежды... (фраза не закончена) как-нибудь выскочит из... (слова неразборчивы). (Слова неразборчивы)... империализма. Никакой другой политики в эпоху империалистической войны быть не может. Несмотря на изменение в верхах война остается... (слова неразборчивы) в интересах империа[листов]. Мы должны сказать иностранной демократии, что никакой ответственности за внешнюю политику мы на себя не берем. Вы рев[олюционная] демократ[ия], [а] не можете заставить Милюкова говорить не то, что он говорит. До тех пор пока вы не [с]можете заставить свое правительство говорить... (многоточие в тексте), вы не имеете права обрат[иться к] (далее неразборчива одна буква). Мы должны обратиться к своей демократии. Мы должны поставить народ перед неизбежностью сделать выбор между двумя властями. Я призываю Вас сказать... (фраза не закончена) [перед криками] о двоевластии нужно было бы... (фраза не закончена). Мы своей колеблющейся политикой [присяги и т. д.] одобрили правительство. Когда (так в тексте) а убедить М[илюкова], что вы тоже за единство, за [победу] народа к тому, что он должен ее взять. Нужна точная и определенная политика, чтобы подготовить народ. Вы готовитесь к переходу власти в свои руки.

Скобелев. Не в атмосфере революционного отчаяния, не в [атмосфере] революционной восторженности (фраза не закончена). Один из таких актов, ради которого и была выработана вся тактика. Попытка сделать шаг в этом направлении, в котором мы его толкали, а трагизм русской революции в этой... (фраза не закончена). Если бы у меня была уверенность, что в этом документе (далее: «есть» зачеркнуто) весь трагизм несостоятельности правительства или русской буржуазии, но трагизм больше — трагедия в русской революции в мировой конъюнктуре. Это «несчастные люди» думают, что они оказывают нам такую услугу. Скрещиваете травлю политики с русской политикой. Величие не русской буржуазии, а мировой. Дело в мировой, а не в русской

буржуазии. Давайте строить и нашу тактику под обстрелом международной буржуазии. Народ надо подготавливать к власти. Мы не хотим сейчас делать займа. Мы хотим выждать. Теперь мы должны высказать... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Определенно высказать свою волю... (многоточие в тексте, фраза не закончена)[5].

Чернов. Вам неизвестно интервью «что приходится рассматривать...» (так в тексте). Дилемма перед русской революцией. Мы хозяева, но роли той, что приобрели... (так в тексте). Мы не защищаем Ром[ановых] а граж... (так в тексте). Нам нужно избавиться, что нам вынужд. защи. пр. ... (так в тексте). под... (далее неразборчиво). Поражения Милюкова 27-го марта. Что могла делать эта часть буржуазии? Как это рассматривать. Со стороны одной части буржуазии — это вызов. Со стороны другой части — это ошибка. Почему это вызов и почему он выгоден этой части буржуазии? Мы видим, как не по дням, а по часам силы организованной армии труда растут. Это первоначальное несоответствие между Петроградом и провинцией сглаживается с каждым днем. Развитие крестьянства — это такого рода прибавок сил... (многоточие в тексте, фраза не закончена) рвет[ся] к таким крайним лозунгам (так в тексте). Перед чем они станут в Учредительном собрании [и перед правительственной частью кадетов], на какую... (так в тексте) роль они обречены. По отношению к правительству они служили ширмой и за этой ширмой шло могучее организованное движение пролетариата. При таком положении выгодно... (так в тексте) призрачной власти. Зная все это [правительственная часть кадетов] подумывает, нельзя ли ей уйти, чтобы затем вернуться, когда [отволнуются]. Вот каково положение... (так в тексте) ответственность власти колоссальна, не бояться — власть не приходит, но мы считали до сих пор, что нам формировать власть не расчетливо[6]. Каждый день усиливает нашу позицию. Возможно не от нас зависит избрать момент, когда [к] нам придет вся власть. Относительно совершенно спокойно. Наша тактика диктуется сама собой. Мы несомненно знаем, что боремся за власть, но не форсировать.

Этот момент наступит, когда не будет большой разницы между высотой революционного подъема [Петрограда и провинций]. Мы должны констатировать, что мы заставили правительство высказать [претензии]... (так в тексте) показала, что мы, отнюдь, не потеряли головы, власть, что в момент, когда мы будем [иметь] достаточно сил, мы дадим ей бой (так в тексте). Предлагает Временному правительству представить правительству Англии и обсудить общий вопрос об отказе от аннексий, но без [нервности]. Откуда взялась эта сила вызова со стороны Временного правительства. Что глубже в народную массу вошло — демократические организации или Временное правительство. Свергнуть-то всегда можно, но пробил ли этот час. Очевидно, Временное правительство опирается на какие-то силы. Временное правительство выполняет волю, указывающую, кто их послал. Вр. (так в тексте). Мы ослабили удар по правительству. Мы занимались взаимной грызней. Посылка делегаций. Организацией манифестаций. Поставить [контроль] над правительством (далее зачеркнуто: «не из чувств»). Что может быть ответом Временному правительству? Временное правительство [попрало] все заявления, которое дало Англии. До сих пор Гинденбург не мог вести наступление ... политическое сопротивление (так в тексте). Вы знаете (далее зачеркнуто: «протест») речи на фронте. [Нашу роль повторила] русская революция. Вышло, что Гинденбург помимо своей воли... (так в тексте). Но теперь душа (далее зачеркнуто «революционного») народа будет опять в руках юнкер[ов]. Теперь Гинденбург двинет против нас свои войска. Это будет первым результатом этой борьбы. Среди прочих соображений не нужно забывать... (фраза не закончена). Нота — путь к сепаратному миру, который убьет душу и французских и английских рабочих. Второе соображение, если мы допустим такой разгром, это ударит по (фраза не закончена).

Здесь говорили нужно оказывать давление на Англию и Францию. Если выбросить Гучкова в этом действительно окажется давление. Большинство не было оказано давление на... (многоточие в тексте, фраза не закончена).

Открытие всенародной кампании [представляется] союзникам такой же кампанией. Потребовать удаления Гучкова и Милюкова, во исполнение своего обращения, что народ не допустит. Возможно ли теперь свергнуть правительство? Или останется? Нельзя говорить только о русских условиях, нужно взять в международном масштабе.

Нам нужно послать действительную делегацию как... (многоточие в тексте, фраза не закончена), но только после того как мы покажем свою. Пугаться [передать] в руки трудовиков нам бояться нечего... (многоточие в тексте, фраза не закончена). Мы стоим на гребне развивающейся революции. Революционный патриотизм нам говорит, что оставлять без ответа вызов Милюкова мы не можем. Революция приняла такой размах, что остановиться нельзя. В пределах буржуазии много элементов, не связанных с мировым капитализмом. Замена этой части буржуазии может пройти безболезненно. Лозунг «Долой Милюкова» может сплотить все силы. Нужно сочетать русскую революцию и англо-французскую. Месяц тому назад этот лозунг был бы обречен на неудачу. Путем организованного воздействия на буржуазию мы добьемся мира. Никакого воздействия — надо свергнуть и больше [ничего]. Положительный акт. Проведение в международном масштабе своего заявления 27-го [марта] не предлагает того же союзникам и «победы до конца». Оно стремится к захвату, но этой цели оно добьется, доведя войну до конца. Доведение до победного конца не означает захватов. Результат бессилья русского правительства невозможность предъявить ультиматум. Мы создали тайную дипломатию в виде контакта. Давление было не наше на правительство, а обратно. Момент ставит. Теперь положение другое. Теперь мы можем взять власть в свои руки, народ пойдет за нами. Должны ли мы все-таки взять власть в свои руки?

Козловский. Движущими силами этой революции является только революционный демократизм. Либеральной буржуазии уже давно нет, есть только империалистическая контрреволюция. Целиком и наше прав[ительство] (написано над зачеркнутым «программа») контрреволюционно. Судьба всех революций такова, что [никогда] один класс не совершает революции. Все примазывают другие классы. В пламень, в жару буржуазия была либеральной, но только на один момент, а дальше? Что теперь случилось? С моей стороны ничего особенного не случилось. Мы должны себе сказать раз и навсегда — правительство наше контрреволюционное. Путь, по которому мы шли, неправилен. Правительство видит, как мы идем по пути ком[промиссов]. Это пробивает шар долготерпения большинства. Момент требует [конкретного] акта. Мало заявить о своей позиции. Надо бой принять на этом вопросе[7]. Нужно по полкам и заводам вести кампанию за мир без аннексий. Уступить власть [демократической] буржуазии — это значит подготовить почву для социалистической революции[8].

ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 7384, оп. 9, д. 34, лл. 1—6. Черновая рукопись.

ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА. 20 АПРЕЛЯ 1917 г.

(Продолжение заседания)

Протокол заседания.

Тов. **Чхеидзе** сообщается новый факт о предстоящей отставке [Временного правительства]. Желательно повидаться с Временным правительством. Группы выделили по одному представителю для обмена [мнений с правительством]. Ввиду того, что общее собрание было созвано до этого, [предлагается собрание] отложить.

Вербо. Считает это опасным и рекомендует созвать общее собрание.

Соколов. Правительство (так в тексте).

Зурабов и Скалов. Против.

(фамилия выступавшего не указана). Отношения к правительству определяются Большинством против 6 решено отправиться к правительству.

Предложение обсудить предварительно свое отношение к [правительству]. Мы должны сойтись на том, что отношение отрицательное. Никаких авансов, связывающих ИК (об отставке), никаких обязательств поддержки Временного правительства. Центральный [пункт] — отношение к возможности [отставки правительства]. Несмотря на то, что вы уходите, мы не пугаемся этой власти и мы надеемся на стороне найти достаточно демократических и пролетарских сил.

Богданов. Идти на собрание не только с открытым [забралом] (далее зачеркнуто — «но и на требование»). Чего мы от него требуем в связи с конфликтом и по вопросу о власти? По поводу того (так в тексте). Об условиях поддержки, если таковая будет возможна. Вопрос не о выставлении каких-то условий. Сегодня мы стоим перед фактом ухода со стороны Временного правительства. Соберите Совет (слово «Совет» зачеркнуто). Временный комитет [Государственной думы]. Мы соберем [Совет]. Уход может быть рассматриваем как апелляция к общественному мнению ввиду конфликта между Временным правительством и Советом. Потребовать взамен ноты другую ноту. Предложение о смене всех представителей и назначении комиссаров. Чтобы ни один акт не был [издан] без [согласия Совета]. Собрание с правительством как собрание информационное. Сейчас эта информация настолько важна, что она должна быть предоставлена всему Исполнительному комитету. Поскольку эта информация выдвинет для нас... (так в тексте).

Станкевич. Полностью мы власть снять не можем. Частичная смена министерств — выход. (далее зачеркнуто — «Мы будем») Мы должны выработать общее мнение, сводящееся к тому, что от власти демократия при данных обстоятельствах отказаться не может. Правительство, несомненно, навяжет демократии неприемлемые требования. Информация должна быть взаимная. Вопрос о власти не нами поставлен. Он форсирован. Мы должны ясно поставить себе границы [в том смысле], что поскольку вопрос идет о власти, наше собрание только чисто информационное. Политический совет при Совете министров и очистка министерств. Это — не контактная комиссия. Идти туда нужно. Наше отношение к ноте и разные требования.

Предложено 6 [членами делегации]. Избрать от всех течений в Исполнительном комитете одно или двух лиц, которым поручить совершенно свободно информировать [правительство] и заявить, что весь обмен мнений не выражает общей воли и что волю эту мы сообщим позднее. Принять (вместо зачеркнутого — «назначить») на голосование. Выяснить эти течения. Контактная комиссия (10 человек). Ларин. 1) Чхеидзе, 2) Скобелев, 3) Церетели, 4) Чернов, 5) Станкевич; 1) Суханов, 2) Венгеров, 3) Красиков или Зурабов, 4) Каменев, 5) Бэр.

Дебаты по вопросу, созывать ли собрание. Изложить историческую часть и в срочном порядке, немедленно. По выяснении мы созовем общее собрание.

Предложение Богданова — созвать сегодня, выяснить по существу и создать такой характер [собрания], что Исполнительный комитет [войдет] в настоящий контакт с Советом. Сегодня принимать решение. Послать 5 лиц. Богданов. Фракции должны наметить товарищей кандидатов фракций, которые выступят.

Предложение Бэра (перед этим зачеркнуто — «В ответ на заявление, что власть уходит, отложить»). Есть ли другой Церетели? В самом правительстве расходятся. Контактная комиссия.

Произносит речь Чхеидзе. Сегодня по существу не принимать никаких решений. Находит, что можно тотчас же открыть дискуссию. [Выступают] председатель и потом представители фракций. Председатель делает доклад. Прения по докладу.

Сообщение из Москвы. Тревожные слухи в связи с вестями о разрыве между Временным правительством и Советом. Осложнения в продовольственном вопросе. Просить Розанова держать все время в курсе Москву. Внесено предложение наметить небольшую группу товарищей для поддержания связей. Либер, Эрлих, Скалов, Каменев, Матузков.

ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 1000, оп. 73, д. 25, лл. 4—6. Черновая рукопись.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ СОВЕТА. 20 АПРЕЛЯ.

Заявление т. **Чхеидзе** (далее зачеркнуто: «На прошлом заседании стоял вопрос о займе. С момента отказа»). Вопрос о займе был снят с очереди постановлением прошлого общего собрания Совета до выяснения дальнейших шагов правительства в области внешней политики. Вчера мы получили ноту. Она была подвержена обсуждению в Исполнительном Комитете, но окончательного решения ИК не принял и решил отложить на сегодня и придти на общее собрание уже с готовым решением. Часть членов ИК в этом факте усмотрела полный отказ правительства от обязательств, при-

нятых на себя и выразившихся в акте от 27 марта. Другая часть видела (далее зачеркнуто: «самую») положительную сторону в этом акте, усмотренную ими в том, что нота 18 апреля самим фактом обращения к союзникам выводит обсуждаемый вопрос на международную арену (далее зачеркнуто: «и делает отказ»). Но расхождения не было в [оценке] опасности выдвижения некоторых, хотя и замаскированных, посулов в [достижении] решительной победы над врагом, которые идут вразрез с заявлениями об отказе от аннексии (далее зачеркнуто: «не было расхождения») [9]. В принципе решено, чтобы ИК обратился с обращением к социалистическим партиям Франции и Англии, чтобы заставить свои правительства ясно высказаться по вопросу об аннексиях. Сегодня мы предполагали докончить обсуждение, но сегодня же мы узнали, что правительство предполагает уйти. Мы сочли необходимым ввиду особой серьезности положения всем членам ИК сегодня устроить свидание [с Временным правительством], чтобы ознакомиться с положением дела во всем его объеме. Правительство оповещено о нашем желании и выразило свое согласие. ИК после заявлений представителей (далее зачеркнуто: «фракций») организаций решил отложить обсуждение и окончательное решение этого вопроса на завтра [10].

От имени трудовой фракции т. Станкевич отмечает, что по единству, которое на известных условиях установилось между Временным правительством и Советом, был нанесен сильный удар. Обнаружилось расхождение между Временным правительством и Советом по одному из самых важных и больных вопросов — в вопросе об аннексиях. Вопрос об аннексиях связан и с интересами обороны. В ноте несомненно отзвуки старых империалистических лозунгов. Мы не можем допустить, чтобы правительство... (так в документе). Какие же выводы из создавшегося положения? Возможен примитивный исход — свержение или даже арест правительства, но в нашем распоряжении есть более целесообразные выходы. Первый выход заключается в том, чтобы после того, как для нас выяснится (далее зачеркнуто: «полная») зловредность правительства, перед вами поставить вопрос о недоверии и потребовать об его уходе. Но этот вопрос серьезный и ответственный. Перед нами встает вопрос о том, взять ли власть в свои руки. Не поддавайтесь только чувству. Может встать и вопрос о коалиционном министерстве. Возможно, что настал момент, когда эта необходимость уже созрела. Окончательное решение этого вопроса будет зависеть от вас. Но вместе с тем мы призываем вас не принимать поспешных решений. Только доклад представителей ИК после встречи с правительством даст вам достаточный критерий для обсуждения этого вопроса.

От имени большевиков т. Федоров отмечает, что вопрос о войне — это вопрос, который разделил всю социалистическую мысль на два лагеря — оборонцев и интернационалистов-циммервальдцев. Внешняя политика буржуазии в империалистической войне не может быть не захватной политикой, больно ударяющей по демократии. Благодаря выгодному в данный момент соотношению сил она парализована давлением демократии. Позиция демократии, поскольку она выражена в политике Советов, есть революционное оборончество, которое совершенно исключает какие-либо захваты, аннексии и тому подобное. И на этот путь мы толкали и правительство. Мы обусловили и его поддержку, и его существование соблюдением этого обязательства. Теперь (далее зачеркнуто: «мы получили») одним росчерком пера правительство оторвалось совершенно от этой демократии. Взгляды другого (далее зачеркнуто: «части») течения социализма никогда не возлагали надежды, никогда не верили в возможность со стороны буржуазного правительства отказаться от своего существа, идти против своих [интересов]. В этом акте [интернационалистская социал-демократия] видит подтверждение своих [взглядов].

Чернов от имени партии социалистов-революционеров отмечает серьезность момента, обязывающего к спокойствию, абсолютному и безусловному. Необходима твердость, но и осторожность. Сейчас дело сложнее, чем в февральские дни, так как дело идет о борьбе между победителями. Мы должны сознавать все трудности, на которые мы идем. Никаких скоропалительных решений. Одно несомненно, что трудовой народ, сбросивший наследие царизма в области внутренней политики, сделал бы то же самое в области внешней... Нам необходимо, чтобы отказ от аннексий трудовой России был доведен до сведения [всей] России и чтобы Россия предложила пересмотреть цели

войны в этом смысле. Совет не брал в свои руки всей полноты власти, так как знал, что каждый день увеличивает его силы и подготавливает момент, когда власть не только возложить не трудно... (так в документе) [11]. Что это так, показывает эта колоссальная работа организации деревни в лице крестьянских депутатов. Та колоссальная работа (далее зачеркнуто: «Вы не торопитесь»). Вы проявляете терпеливость, но терпеливые люди выковывают новую жизнь. Поэтому все колебания Временного правительства до тех пор пока вы ведете свою линию терпеливо, но твердо, не опасны. Вот почему ИК и присоединившиеся к нему организации говорят — прежде всего полное спокойствие, и будьте на местах, когда потребуются решительные действия. Перед правительством (далее зачеркнуто: «одна») альтернатива — или подчиниться и взять [ноту] назад, или уйти. Если же уйдет [и мы окажемся] перед необходимостью создания нового правительства, то будем к этому готовы. Мы должны думать о создании единой революционной воли. Завтра вы услышите о том, на что идет Временное правительство, что оно предлагает. Вы будете иметь конкретную основу. ИК [настаивает] на этом решении и выслушав его, вы дадите [свое согласие].

Тов. Бройдо. Если вопрос о войне и порождает разногласия, то есть полное единство в отношении к войне в ИК и в стремлении прекратить ее волей демократии. Нота правительства показывает все непонимание не только этих настроений демократии, но и истинного положения вещей. Заявлением о доведении войны до победного конца правительство не только рвет со своим же заявлением от 27 марта, но и расписывается в полном пренебрежении к интересам демократии, нашедшим свое выражение и в резолюции о войне на Версальском совещании Советов. Мы должны самым энергичным образом заявить протест против этого вызова всей демократии и этот протест мы должны вынести и за пределы нашей страны. Мы должны стараться, чтобы наш протест скорее дошел до наших зарубежных товарищей, стоящих на нашей точке зрения. Вы предостережетесь от обольщения (далее зачеркнуто: «слишком легко») взять в данный момент власть в свои руки. В такой грозный момент это было бы роковой ошибкой. Дело не только в трудности справиться с рядом сложных вопросов, еще более осложненных войной, но есть опасность в возможности раскола в рядах демократии (далее зачеркнуто: «Вы не решитесь признать захвата власти, но и против»). Вопроса о кабинете министров оратор не касается ввиду наличности разногласий по этому вопросу во фракции социал-демократов меньшевиков, представителем которой он является.

Оратор от анархистов отмечает наличность «Жиронды» и «якобинцев». Это мы — якобинское меньшинство.

От польской социал-демократии Мандельбаум заявляет: если для освобождения Польши нужна хотя бы одна капля крови, то мы этакой свободы не хотим (далее зачеркнуто: «Если Польша будет свободной, то этим») Освобождение Польши возможно только усилиями международной социал-демократии.

Анин (далее зачеркнуто: «Каков должен быть разговор наших представителей с Временным правительством? Война идет не по желанию народов».) Своим вчерашним заявлением правительство склонилось к империализму и это диктует нашему ИК требование предъявить ультиматум. ИК не должен дать разрешение на вывод маршевых рот впредь до выяснения положения. При министерстве иностранных дел должен быть учрежден политический центр. ИК должен взять на себя инициативу созыва международной конференции, которая положила бы основания твердого мира. ИК должен заявить, что этот акт, если он не будет отменен, должен рассматриваться как акт контрреволюционный.

Другой оратор [12] критикует позицию ИК в его отношении к правительству. Он находит, что если в первый момент (далее зачеркнуто: «возможно было») были оправдания для передачи власти в руки Временного правительства, то сейчас, когда демократия организована в Советах, это было бы ошибочным. Лозунг дня — это власть Советам солдатских и рабочих депутатов. Если мы не сможем осуществить этот лозунг сейчас, то мы можем утерять момент.

От социал-демократической фракции меньшевиков. Наша революция выливается в интернациональную и этой интернационализации не избежать. Нота правительства — акт, высказанный всей империалистической интернациональной буржуазией, и на эту

ноту ответит интернациональный пролетариат. Дело теперь обстоит так. Мы (далее зачеркнуто: «увидели») увидели, что контакт между правительством и нами нарушен. Я затрудняюсь сказать, как мы выйдем из этого положения. Одно мы только твердо знаем, что только организованная воля народа в лице Совета рабочих и солдатских депутатов, выведет из него.

Член ИК Войтинский. Большинство сторонников революционного оборончества говорит о тех основаниях, которые были у Совета, чтобы передать власть. В первые дни революции мы не были достаточно сильны (далее зачеркнуто: «В первые дни. Теперь все знают»). То, что совершилось сегодня, это грозное предостережение. Власть исполнительная должна подчиниться (далее зачеркнуто: «воле») власти народной. (далее зачеркнуто: «В начале был спор, на чьей стороне сила. Этот спор разрешен») Опасность, что шаги, предпринятые министерством, дезорганизуют дело обороны. Необходимо, чтобы каждый русский солдат знал, что он проливает свою кровь только за свободу, а не за Константинополь. И вот эта нота Милюкова мешает этому сознанию. С другой стороны, мы осуждаем эту ноту, так как она мешает осуществлению нашей мечты о мире. (далее зачеркнуто: «Для того»). Не допустите двоевластия и в ваших рядах. Берегите это единство. Не верьте тем, кто говорит, что мы этой нотой обязаны ошибочной тактике Совета [13]. Постоянно эта тактика вела нас от победы к победе.

Представитель солдатской комиссии [14] социалистов-революционеров (далее зачеркнуто: «при такой неустойчивости») также высказывается против того, чтобы брать власть.

Тов. Чхеидзе оглашает поступившее к нему заявление о прекращении прений. Прения прекращаются [15].

ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 1000, оп. 73, д. 25. лл. 1—3об. Черновик.

ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА. 21 АПРЕЛЯ.

1. Протокол заседания.

Просьба большевистской организ[ации]. Тов. Ларин. Телефонограмма (сверху страницы имеется карандашная запись «Экстренное собрание с.-р. и с.-д. открылось речью председателя совета т. Чхеидзе, указавшего...»). Заседание районных комитетов + бюро с правом всех членов Исполнительного комитета принимать участие. Предлагается телеграммой [вызвать] представителей всех воинских частей и совместно с ними решить, что без прямого постановления [Исполнительного комитета они не выходили на улицу] [16].

Тов. Красиков против того, чтобы совещание было из представителей бюро, ввиду того, что (далее неразборчиво). Тов. Красиков просит занести в протокол, что Дан употребил выражение извращенное. Вопрос организации связан с вопросом о составе бюро.

Ларин предлагает для Совета по одному представителю от большевиков, меньшевиков и с.-р. от оппозиции и по 1 депутату от больш[евистского], меньш[евистского] и с.-р. большинства. Совещание это очень важное. О перевыборе бюро поставить в порядке дня. Тов. Эрлиху, Стеклову и Сталину поручить составить телефонограммы... (фамилия выступавшего не указана). Впечатления от вчерашнего собрания самые угнетающие и с формальной [точки зрения] и по существу предложенной информации, но это было нарушено рядом товарищей, которые выступили с предложением. По существу — развернулась картина непонимания Врем[енным] прав[ительством] момента и задач демократии. Выяснили полную невозможность дальнейшего ведения войны и тем не менее они ведут политику преступную. Он должен отказать им в каком бы то ни было доверии. Никакого выхода не может быть, и ответственность падает на нас. Нужны апелляции к народу и прав[ительству].

Внеочередное заявление о кровавом столкновении между войсками, под[держивающими] правительство и демонстрантами, подд[ерживающими] Совет. Сдать сейчас

в набор обращение к народу от имени Совета. Исполнительный комитет солдат Совета должен разослать своих людей, чтобы все части вернулись в свои части, и чтобы ни одна часть не была выведена без разрешения и постановления Исполнительного комитета [17]. Подчеркнуть, чтобы демонстрации были мирные.

Делегируется 2 группы по 3 товарища. Исполнительный комитет отправит на Невский: Стеклов, Чхеидзе, Вербо, Калегаев, Скобелев, Венгеров, Стеклов. Поручено объехать возможно большее количество [мест]. По всем принятым решениям меньшинство должно подчиниться большинству. Опубликовать воззвание, составленное из 2 частей: литературно-политической, 2 часть — перечень директив и мероприятий.

Заявление [Череванина], что уже разошлась демонстрация.

Заявление о том, что генерал Корнилов вызывает [войска на Дворцовую площадь] [18]. Без разрешения Исполнительного комитета ничего не давать. Недопустимо никакое вооружение демонстраций ни солдат, ни рабочих. Войскам оставаться в казармах и без разрешения Исполнительного комитета [не выходить и выход только] по письменному распоряжению Исполнительного комитета и за подписью председателя и (так в тексте). Кроме Чхеидзе и Скобелева.

Поручить Чхеидзе вступить в сношения с генералом Корниловым. Образовать штаб товарищей из 7 лиц, которым предоставить права подписывать приказ о выводе войск из казарм вывод частей, кроме Воинские части могут быть выведены из казарм только за подписями следующих членов Исполнительного комитета, причем должны быть не (так в тексте). Разослать по всем воинским частям подлинники этих подписей. Чхеидзе, Скобелев, Станкевич.

1) Богданов (34), 2) Филипповский (32), 3) Скалов (далее зачеркнуто: «Стеклов») (27)... (16) 4) Либер (36) (Гольдман) (далее зачеркнуто: «Внеочередное заявление Церетели») 5) Бинасик (26). На документе указать № телефона, разослать не только в Петроград, [но и в пригороды]. Уполномочить т. Чхеидзе заявить генералу Корнилову, чтобы он немедленно отозвал войска, в противном случае (так в тексте). Уполномочить [Чхеидзе] ген. Корнилову передать, что независимо от исхода [событий нужно] выйти (далее зачеркнуто: «на улицу») к созванным солдатам и отозвать их обратно в казармы. 1) Богданов, Скобелев, 2) Филипповский.

Церетели. Разъяснение, которое Вр[еменное] правительство опубликует завтра [19]. Нужно его обсудить. Поручить это штабу. Поручить тт. Каменеву, Войтинскому, Станкевичу и Стеклову составить [воззвание].

Принят текст телеграммы в Ораниенбаум, Кронштадт и т. д. и текст [телеграммы] в Москву. Предложить комиссии из Стеклова, Сталина. Принят третий текст.

Решено приступить к обсуждению (далее зачеркнуто: «текст резолюции») заявления т. Церетели.

Зурабов. Документ не разрешает конфликта между правительством и Советом. В сегодняшнем документе они подтверждают все, что [было] на секции 27 марта. Отказ от захватной политики, но ответа на вопрос, как выйти из разрухи, нет. Конфликт теперь перешел в плоскость окончания войны или продолжения, независимо от того ставить ли себе лозунгом доведение [войны] до победного конца.

Ларин. Ответ правительства — выход в прекращении революции.

Соколов (фамилия «Соколов» зачеркнута) и Юренев отмечают, что нельзя ограничиться одним только обсуждением ноты (сверху слова «ноты» надписано: «нового заявления») правительства вне зависимости от общего. Выставить два оратора.

т. Церетели доказывает, что теперешнее заявление правительства совершенно дезавуировало ноту от 18 апреля. Стоя на позиции Всероссийского совещания и даже; что... (фраза не закончена).

Стеклов. В международном масштабе [вопрос] не поставлен. Он нужен, чтобы правительство заявило готовность принять некоторые шаги, чтобы поставить вопрос об аннексии в международном масштабе. За заем вотировать нельзя.

Авксентьев. Теперь правительство взяло свою ноту... След[ующее] пре[дложение].

Группа товарищей предлагает признать ноту от 18-го исчерпанной [20]. 34 голоса, против 19. (над строкой написано: «что эпизод, возникший в связи с новым заявлением правительства») Эпизод нельзя отделить от общего отношения правительства к войне и не (сверху написано: «не считать») поставить перед общ[еством] Общий вопрос об

орг[анизации]. (далее зачеркнуто: «Признавая, что эти»). Признавая разъяснения правительства, чтобы правительство отправило ноту — за первую необходимость — Совет оказал давление, чтобы правительство поставило вопрос об отказе в международном о[бъеме]. Под давлением демонстрации правительство стало на позиции 27 марта. Нота 18 апреля показала, что необходимы данные. Усматривая в заявлении правительства новое подтверждение (далее зачеркнуто: «Демократия в том же направлении будет побуждать правительство делать дальнейшие шаги»). С другой стороны (далее зачеркнуто — «Совет»). Мы признаем, чтобы правительство сделало дальнейшие шаги. Признать, что ни один крупный акт правительства не может быть предпринят без согласия Совета и депутатов (внизу листа справа имеется пометка: «все поправки составлены редакцией». Далее зачеркнуто: «Собрание Исполнительного комитета вносит на Совет... Предлож[ение] тов. Войтинского за то...»). Сегодня не ставить вопрос о займе.

Заявление Кронштадта. Учесть половинчатость Исполнительного комитета и возложить на него ответственность, чтобы Исполнительный комитет обратился с обращением к населению в связи с травлей большевиков.

ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 7384, оп. 9, д. 35, лл. 6—8. Черновая рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду нота Милюкова от 18 апреля 1917 года. С этого момента начинается обсуждение ноты.

[2] Видимо, первая реакция Церетели на ноту была положительной.

[3] Каменев здесь, по существу, ставил вопрос о взятии власти Советами.

[4] Данная часть заявления Каменева показывает, что ему было ближе «верхушечное», келейное разрешение кризиса путем требования немедленной отставки министра иностранных дел П. Н. Милюкова. О возможности взрыва недовольства масс он, как и большинство других участников этого заседания Исполкома, не думал.

[5] Выступления лидера эсеров А. Р. Гоца и одного из вождей меньшевиков М. И. Скобелева о готовности народа к взятию власти свидетельствуют о колебаниях мелкобуржуазных лидеров к началу Апрельского кризиса.

[6] Еще большими были колебания В. М. Чернова касательно взятия власти Советами.

[7] В выступлении большевика М. Ю. Козловского содержалось, таким образом, практическое предложение организации кампании массовых митингов против ноты Временного правительства.

[8] На данном заседании Исполкома колебания вождей меньшевиков и эсеров усилились. Говоря о том, что они «не пугаются этой власти», они имели в виду создание коалиции с «демократическими слоями» буржуазии вместо кадетов и октябристов. Подобный вариант был осуществлен позднее (в сентябре 1917 г., при организации третьего коалиционного правительства Керенского).

[9] Имеется в виду следующее место ноты Милюкова: «Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого» (Вестник Временного правительства, 20.IV.1917, № 35 (81); Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Док. и м-лы. М. 1958, с. 725—726).

[10] После заседания Исполкома в первой половине дня 20 апреля его члены (Известия, 21.IV.1917) «разъехались по своим районам, чтобы успокоить их и призвать к стойкости». Это решение было вызвано первыми сообщениями о начале стихийной демонстрации протеста против ноты Временного правительства. Инициатором выступления явился вольноопределяющийся Ф. Линде, активный участник Февральской революции, депутат Петросовета от запасного батальона гвардии Финляндского полка. Явившись утром 20 апреля в полк с экземпляром газеты, в которой была напечатана нота Милюкова, он убедил полковой комитет в необходимости вооруженной демонстрации протеста. Были изготовлены плакаты «Долой Милюкова!», «Милюкова в отставку!», посланы агитаторы в 180-й пехотный запасный полк и 2-й Балтийский флотский экипаж. Вскоре масса солдат и матросов, построившись в колонны, перешла Николаевский мост и направилась к резиденции Временного правительства — Мариинскому дворцу. По пути к ним присоединились солдаты запасного батальона гвардии Кексгольмского полка и матросы Гвардейского экипажа. Около 30 тыс. военнослужащих скопилось перед Мариинским дворцом, начался митинг протеста. Поначалу его участники были настроены агрессивно, раздавались призывы проникнуть во дворец и арестовать Временное правительство. Вскоре выяснилось, что министров там нет. Это снизило накал выступлений. После многочасовых речей ораторов солдаты и матросы позволили уговорить себя делегатам Исполкома Петросовета и стали расходиться. Затем ЦК кадетской партии попытался организовать контрманифестацию в поддержку Милюкова. После дневной смены на заводах большевики тоже призвали рабочих к выступлениям. Вечером на центральных магистралях появились первые колонны рабочих демонстрантов с лозунгами: «Вся власть Советам!», а также «Долой Временное правительство!». В этой обстановке проходило упоминаемое здесь вечернее заседание Петросовета.

[11] Очевидно, Чернов хотел сказать, что власть не только надо взять (что по обстановке 20 апреля было вполне возможно), но и удержать ее. А такой момент, по его мнению, еще не наступил.

[12] Каменев, представитель фракции большевиков.

[13] Ренегат В. С. Войтинский, вышедший из большевистской партии после возвращения Ленина из эмиграции, обращает здесь свою критику против большевиков.

[14] Им был эсер В. Н. Каплан.

[15] После заявления Чхеидзе, позванного к собравшимся у здания Морского корпуса (там происходило данное собрание) солдатам Финляндского полка, председательствование продолжил Скобелев. Он также высказался за прекращение прений, т. к. собрание было созвано только с информационной целью, а все представители фракций высказались. Большевики настаивали на продолжении работы и предложили избрать новым председателем собрания Ленина, присутствовавшего в Актовом зале Морского корпуса. Меньшевики протестовали против продолжения собрания, ибо некоторые члены исполкома уже ушли, и их предложение было принято. Следующее заседание назначили на 18 час. 21 апреля (Т о к а р е в Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г., с. 186; С т а р ц е в В. И. Революция и власть, с. 182).

[16] Многочасовое заседание Временного правительства, Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета Петросовета в ночь на 21 апреля проходило под аккомпанемент буржуазных контрманифестаций под стенами Мариинского дворца в поддержку империалистической политики Антанты. На заседании представители Совета требовали отмены ноты, но впадали в панику каждый раз, как только министры пугали их своей отставкой. В 4 часа утра участники собрания согласились разойтись, с тем чтобы днем 21 апреля правительство представило свои разъяснения по поводу ноты.

[17] Исполком специальной телефонограммой, отправленной вечером 20 апреля, запретил солдатам покидать казармы в день 21 апреля без прямого вызова со стороны Петросовета. Поэтому в событиях 21 апреля подавляющее большинство солдат гарнизона не участвовало. Но ЦК большевистской партии призвал рабочих в тот день продолжать демонстрации, и они состоялись в центральных районах города. Рабочие, охранявшиеся отрядами рабочей милиции и Красной гвардии, были провокационно обстреляны и выдержали нападения буржуазных контрманифестантов. Об одном из таких столкновений как раз и говорится здесь.

[18] Генерал Л. Г. Корнилов приказал начальнику Михайловского артиллерийского училища (у Финляндского вокзала на Выборгской стороне) выслать учебную батарею шести трехдюймовых орудий на Дворцовую площадь для охраны штаба округа. Начальник училища обратился за разрешением к училищному солдатскому комитету, тот известил Исполком Петросовета. Делегация Исполкома прибыла в штаб и заставила Корнилова отменить по телефону приказ. Против вызова артиллерии на Дворцовую площадь протестовал и Выборгский райсовет рабочих и солдатских депутатов.

[19] Разъяснение Временного правительства к ноте от 18 апреля было пустейшей отпиской, в которой говорилось, что слова ноты надо понимать только в смысле заявления от 27 марта.

[20] Так «инцидент» с нотой был признан Исполкомом «исчерпанным». Идентичное постановление было одобрено большинством депутатов Совета на вечернем заседании 21 апреля. Самая острая фаза Апрельского политического кризиса закончилась. 22 апреля, выступая на заседании Исполкома, Церетели пытался изобразить соглашательство меньшевиков и эсеров как «победу революции»: «Инцидент закончился нашей победой, победой демократии. Или нужно сделать практические шаги, вытекающие из победы, и по отношению к правительству остаемся на старой позиции, или мы отсрочиваем вопрос и попадаем в положение неустойчивое. Атмосфера анархических выступлений — это худшее, что может грозить революции. Если мы его сегодня не решим, то нам придется объяснить завтра, почему мы так сделали. Раз мы заявили, что вчерашний шаг правительства нас в данный момент удовлетворяет, то нужно и вопрос о [военном] займе решить удовлетворительно. Это сразу установит устойчивость положения, которое было расшатано» (ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 7384, оп. 9, д. 36, л. 7. Черновая рукопись). Меньшевистско-эсеровское руководство Исполкома продолжало толкать Совет на путь дальнейшего соглашательства с буржуазией.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НЭПА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

М. М. Горинов, С. В. Цакунов

Всего несколько лет просуществовал в нашей стране нэп. Народное сознание запечатлело его в виде своеобразного «золотого века», когда полки магазинов были полны, народ был обут и одет, а в стране воцарился мир, процветали наука и искусство. Сталинская историография превратила его в короткий этап, предшествующий «великим свершениям социализма» — индустриализации и коллективизации, а политическую и культурную жизнь того времени — в шабаш врагов и шпионов. Лишь с 60—70-х годов стали появляться работы о нэпе (преимущественно об отдельных его «элементах» — госкапитализме, продналоге, концессиях, торговле, кооперации, управлении промышленностью и т. д.), свободные от фальсификаций. Однако политические факторы брежневского «развитого социализма» не позволяли вплоть до второй половины 80-х годов всесторонне теоретически обобщить опыт этого важного этапа советской истории.

Перестройка окрылила историков и публицистов. Потоком хлынули публикации о нэпе, его опыте и связи с современностью. В условиях глубокого кризиса системы государственного социализма, сопровождающегося быстрой политизацией общественного сознания, все, что происходило в годы нэпа, становится аргументом в жестких идеологических схватках. В частности, отсутствие в прошлом исследований о содержании и динамике ленинских взглядов на нэп привело к тому, что вновь цитаты из В. И. Ленина используются для доказательства противоположных взглядов, вырываются из исторического контекста. Свою задачу авторы данной статьи видят в том, чтобы попытаться объективно проанализировать ленинские взгляды, их динамику и противоречия.

Вынужденный поворот. Чем реже звучали залпы гражданской войны, тем чаще победители задавали вопрос: Что делать дальше? Как возродить разоренную войнами и революциями страну и одновременно приблизить цель, ради которой было пролито столько крови,— социализм?

Поиски в этом направлении относятся не к началу 1921 г., как часто представляется, а к началу 1920 г., причем вели их не только члены РКП(б), но и представители других общественно-политических сил страны. Отпустив чуть «гайки» военного положения, партия столкнулась с конкурирующими и альтернативными проектами. Все это подстегивало определение ее новой, «мирной», политической линии. С середины 1920 г. внутри партии наметилась тенденция к демократизации, более свободному обсуждению текущих проблем.

ГОРИНОВ Михаил Михайлович — кандидат исторических наук (Институт истории СССР АН СССР); **ЦАКУНОВ Сергей Владимирович** — кандидат экономических наук (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Успехи гражданской войны, высокая эффективность жестко централизованных методов управления, простота и понятность установленных отношений экономики «военного коммунизма» привели к тому, что руководство РКП(б) приняло решение продолжить политику «военного коммунизма», но уже на своеобразных «гражданско-коммунистических» рельсах. Эти взгляды нашли отражение в решениях IX съезда РКП(б), VIII Всероссийского съезда Советов, получили широкое распространение в партийной литературе [1]. Ленин, лидер правящей партии и глава Советского правительства, также не видел необходимости перемены общих основ трехлетней экономической политики и продолжал делать упор на государственное принуждение как основу выхода из экономического кризиса и дальнейшего хозяйственного возрождения страны [2].

Однако продолжение продразверстки, увеличение с каждым годом ее размеров вело к росту недовольства крестьян, сокращению посевных площадей, понижению урожайности, уменьшению реального поступления хлеба государству. В 1920 г. стало ясно, что сельское хозяйство поразил глубочайший кризис. На этом фоне уже в начале 1920 г. стали раздаваться «прагматические» предложения об отмене продразверстки и переходе к продналогу. В печати в скрытой форме началась дискуссия о «предпосылках и стимулах» к поддержанию и развитию крестьянских хозяйств.

В большевистском руководстве, видимо, одним из первых на такую точку зрения попытался встать Л. Д. Троцкий. В книге «Новый курс» он поместил часть своих предложений по продовольственной и земельной политике, внесенных в феврале 1920 г. в ЦК: заменить «изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходно-прогрессивный натуральный налог) с таким расчетом, чтобы крестьянская запашка или лучшая обработка земли представляли выгоду». Предложение было отвергнуто ЦК, но о нем знали [3]. Л. С. Сосновский на X съезде РКП(б) напомнил об этом, прибавив даже, что «уступка (переход на продналог.— *Авт.*), которую сейчас мы будем обсуждать, кое-где явится или запоздалой или недостаточной; она была бы гораздо более действительной в прошлом году об эту пору» [4]. Проявления «ереси» встречались и на местах. По воспоминаниям З. Н. Немцовой, ее отец, Н. И. Немцов, будучи секретарем одного из губкомов, в качестве эксперимента и под давлением недовольства крестьян вводил в 1920 г. в некоторых уездах продналог вместо продразверстки.

В свое время не был чужд идее продналога и Ленин. Он отмечал, что «вопрос о налоге и разверстке в законодательстве у нас поставлен давно, еще с конца 1918 года. Закон о налоге датирован 30 октября 1918 года. Он был принят — этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев,— но в жизнь он не вошел» [5]. Помешала гражданская

[1] Наибольшую известность получили работы: Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М. 1920; Гусев П. Трудовые мобилизации и трудовые армии в Саратовской губернии. М. 1920; его же. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. М. 1920; Крицман Л. Очерки хозяйственной жизни и организации Советской России. М. 1920; Осинский Н. Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М. 1920; и др.

[2] Известно, как высоко оценил Ленин главу «Внеэкономическое принуждение в переходный период» из книги Бухарина «Экономика переходного периода» (см. Ленинский сборник XI, с. 424).

[3] Троцкий Л. Д. Новый курс. М. 1924, с. 58. После этого Троцкий и выдвинул программу милитаризации труда. Ему не откажешь в логике: раз отрицается материальное стимулирование, надо вводить идеологическое и «милитарное».

[4] X съезд РКП(б). Стеногр. отч. М. 1963, с. 79.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 28.

война. А затем темперамент революционера на какое-то время бросил вождя в объятия военно-коммунистической утопии. «Мы решили,— отмечал он в 1922 г.,— что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам,— выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»[6].

Работники Наркомпрода решительно высказывались против любой попытки перехода на продналог в 1920 году. Осинский писал, что такое предложение неприемлемо, так как означает «восстановление хотя бы частью «свободной торговли»[7], а следовательно, и крушение государственных принудительных заготовок, поскольку при отсутствии товарного фонда государство не сможет выдержать конкуренции со свободной торговлей. Рабочие в городах могли оказаться на грани голода, не имея других источников продовольствия, кроме «пайков» и «карточек». Такая позиция объяснялась не только ведомственными стремлениями сохранить Наркомпрод и государственные заготовки. Осинский наиболее ярко выразил то, чего марксистская ортодоксальность большевиков в тот момент никак не могла допустить.

Дело в том, что отмена тотальной государственной монополии на распределение продуктов или ее частичное ограничение создавали почву для свободного движения продуктов вне государственной сферы. Последнее означало не что иное, как частичное восстановление торговли, рынка, а значит, и капиталистических отношений, поскольку, по мнению марксистов того времени, существует прямая связь между товарно-денежными и капиталистическими отношениями. Допустить последние в любой форме — на это никто из руководства пойти не смог. Это означало бы не просто исправление всей предыдущей политики, а фактическую ее отмену, резкую остановку в ее осуществлении, поворот назад после столь быстрого продвижения к заветным целям. Именно поэтому все, в том числе и Ленин, так долго не соглашались заменить продразверстку продналогом.

Тем не менее от необходимости разрешения проблем, возникших в сельском хозяйстве, уйти было невозможно. Программа мирной хозяйственной политики, восстановления народного хозяйства страны в 1920 г. со всей остротой поставила вопрос о необходимости первоочередного поднятия сельского хозяйства. Нельзя сказать, что правительство не предпринимало никаких шагов. Напротив, принимались самые энергичные меры. В течение лета и осени 1920 г. проводилась «неделя крестьянина», в ходе которой в село было послано значительное количество коммунистов для оказания ему помощи, изыскивались средства материальной его поддержки. К концу года правительство разработало программу, принятую VIII Всероссийским съездом Советов и отраженную в специальной резолюции «О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства»[8].

Главный недостаток этих мер, теоретических положений, заложенных в их основе, состоял в том, что правительство продолжало строить свою политику на фундаменте принуждения, продразверстки, сфера которой даже была расширена до семенного фонда (государственного регулирования засевов). На VIII съезде Советов Ленин говорил, что «в стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять»[9]. Этот подъем мыслилось осуществить путем преобразования сельского хозяйства в коллективное. На том же съезде в качестве ближайшей хозяйственной задачи Ленин упоминает о «переорганизации самых основ экономики России, самых основ мелкого крестьянского хозяйства»[10].

[6] Там же. Т. 44, с. 157.
[7] Правда, 5.XI.1920.
[8] См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М. 1967, с. 186—191.
[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42, с. 147.

Трагичность данного момента для Ленина и других руководителей страны состояла в том, что они не хотели рассматривать иные, отличные от официальных, мнения о путях восстановления хозяйства и выхода из кризиса. Вопрос о необходимости коренного изменения продовольственной политики и переходе к продналогу был поставлен на заседании коммунистической фракции VIII съезда Советов, но на съезде не рассматривался[11]. Один из лидеров меньшевиков, Ф. И. Дан, заявил на съезде после доклада Ленина: «Продовольственная политика, основанная на насилии, обанкротилась, ибо, хотя она выкачала триста миллионов пудов, но это куплено повсеместным сокращением посевной площади, достигшим почти одной четверти прежних засевов, сокращением скотоводства, прекращением посевов технических культур, глубоким упадком сельского хозяйства и выкачиванием из деревни хлеба»[12]. Выражая мнение своей партии, он считал путь усиления государственного вмешательства в сельскохозяйственное производство (посевкомы, планы засева) пагубным, создающим в крестьянстве опору для контрреволюционных выступлений. Представитель же партии меньшинства социалистов-революционеров В. К. Вольский заявил, что «система, которая сейчас проводится, состоящая в отбирании излишков и оставлении малых остатков, должна быть заменена системой налогов»[13].

Понадобились общественно-политический кризис весны 1921 г., угроза потери власти, чтобы большевистское руководство осознало неизбежность поворота в политике. Нежелание крестьянства терпеть продразверстку стало явью. С августа 1920 г. в Тамбовской, Воронежской губерниях продолжался «кулацкий мятеж», возглавляемый А. С. Антоновым. Большое число крестьянских формирований действовало на Украине (петлюровцы, махновцы), повстанческие очаги возникли в Среднем Поволжье, на Дону, Кубани. В Туркестане активизировались басмачи. Западносибирские мятежники в феврале — марте 1921 г. создали вооруженные формирования в несколько тысяч человек, захватили почти полностью территорию Тюменской губ., Петропавловск, Кокчетав и др., прервав железнодорожное сообщение между Сибирью и центром страны на три недели. 1 марта 1921 г. вспыхнул мятеж в Кронштадте, сопровождавшийся забастовками в Петрограде. Восставшие овладели Кронштадтом, военными кораблями, выдвинули лозунги «Власть Советам, а не партиям», «Долой правую и левую контрреволюцию», «Советы без коммунистов».

Вопрос о замене продразверстки натуральным налогом рассматривался впервые на заседании Политбюро ЦК 8 февраля 1921 года[14]. Для выработки решения была создана специальная комиссия. 16 февраля Политбюро приняло решение открыть в «Правде» дискуссию «О замене разверстки продналогом» и опубликовать статью московского губпродкомиссара П. С. Сорокина и заведующего московским губземотделом М. И. Рогова о преимуществах продналога перед разверсткой. Они писали: «С помощью одной принудительной силы невозможно достигнуть увеличения сельскохозяйственного производства. Поэтому задача дня найти такие формы, при которых наша продовольственная работа в деревне не убивала бы в производителе желание увеличивать и развивать свое производство»[15].

[10] Там же, с. 141.
[11] Месяцев П. А. Аграрная политика в России. М. 1924, с. 139.
[12] VIII Всероссийский съезд Советов. Стеногр. отч. М. 1921, с. 42.
[13] Там же, с. 49.
[14] См.: X съезд РКП(б), с. 857; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 433, прим. 14.
[15] Сорокин П., Рогов М. Разверстка или налог.— Правда, 17.II.1921.

24 февраля комиссия представила Пленуму ЦК «Проект постановления ЦК о замене разверстки натуральным налогом», который после обсуждения и доработки был предложен X съезду РКП(б). Так партия пришла к идее продналога — первому шагу к новой экономической политике.

Две фазы отступления. Вопрос о замене разверстки налогом рассматривался на седьмой день работы съезда, с основным докладом выступил Ленин, с содокладом А. Д. Цюрупа. Перед Лениным стояла нелегкая задача убедить съезд, партию в необходимости принятия того метода возрождения сельского хозяйства, который всего три месяца назад, на VIII съезде Советов, категорически отвергался. Но у Ленина были веские аргументы: антибольшевистские крестьянские восстания, охватывавшие все новые и новые губернии, спад мировой революции, Кронштадтский мятеж. В этой обстановке Ленин сделал два основополагающих вывода: во-первых, «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»; во-вторых, «мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет» [16].

Замена продразверстки продналогом неизбежно поднимала ряд серьезных политических вопросов, связанных с переходом от капитализма к социализму в России. Ведь ликвидация продразверстки означала крушение одного из важнейших начал концепции прямого перехода к социализму, которой следовали большевики — государственной монополии и прямого государственного регулирования сельскохозяйственного производства и распределения продуктов. В этой связи Ленин делает важный общетеоретический вывод: «Социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство» [17].

Больше всего сомнений и непонимания при обосновании идеи продналога вызывал вопрос о неизбежности восстановления и оживления на его базе товарооборота, свободы торговли, а следовательно (как считали все, включая Ленина), и капитализма. «Может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий?» [18],— формулировал эти настроения Ленин. Он поставил под сомнение ряд основополагающих идей прямого перехода к социализму, а также форму их практического воплощения. Он констатировал, что, увлекшись государственным регулированием всего и вся, во-первых, партия проигнорировала совершенно очевидный факт: «мелкий земледелец, пока он остается мелким, должен иметь стимул, толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, т. е. мелкому отдельному хозяйству»; во-вторых, «мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно» [19]. Наконец, Ленин пришел к выводу: самый факт государственной монополии на сельскохозяйственную продукцию в виде продразверстки теоретически не есть «наилучшее с точки зрения социализма» [20].

---

[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 59.
[17] Там же, с. 57—58.
[18] Там же, с. 62.
[19] Там же, с. 63.
[20] Там же, с. 70—71.

Устранение этих теоретических и практических ошибок, по мнению Ленина, открывало до известной степени путь к оживлению торговли, рынка, позволяло создать для мелких земледельцев экономический стимул хозяйствования, сохраняя при этом политическую власть пролетариата. «Вопрос — в мере»,— говорил Ленин. Для него было очевидно, что свободный, ничем не ограниченный товарооборот, рынок приведут к возрождению капитализма в стране, а в конечном счете и к утрате политической власти трудящихся, и наоборот, в государственно регулируемом виде торговля, рынок, обеспечив смычку с крестьянством, способны не только не разрушить, но даже укрепить эту власть. «Классы удовлетворяются не бумажками, а материальными вещами»,— подчеркивал Ленин [21], поэтому он говорил о «допущении» торговли, «известной» ее свободе.

В течение нескольких месяцев после съезда Ленин вместе с другими партийными и государственными деятелями интенсивно пропагандировал его решения [22]. К его удивлению, члены партии, восприняв идею продналога, не могли согласиться с мыслью о неизбежности развития торговли и капитализма в стране. «Ленин произвел изумительный по смелости и решительности поворот политики. «Научитесь торговать!» — мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно целые главы марксизма от нас отрезать» [23],— вспоминал Н. Валентинов (Н. В. Вольский) о признаниях редактора «Известий» Ю. М. Стеклова.

В результате к маю 1921 г. возникла необходимость созыва чрезвычайной партийной конференции для разъяснения смысла нэпа и содержания намеченных реформ в аграрной, финансовой, кооперативной сферах и в области мелкой промышленности. За месяц до конференции Ленин написал брошюру «О продналоге», с которой могли ознакомиться ее делегаты. Брошюра дает четкое и систематическое представление о ленинском подходе к идее продналога и основам нэпа в первой половине 1921 года.

«От чего к чему ведет данный переход?» — неясность в этом вопросе, по мысли Ленина, и составляла причину непонимания сущности нэпа. Не капитализм в своих развитых формах, а море мелких крестьянских хозяйств, «мелкособственническая стихия» являлись исторической данностью России, исходной точкой ее движения к социализму. Азбучной истиной политической экономии для Ленина было и то, что мелкое хозяйство в условиях свободы торговли эволюционирует в сторону капитализма. Значит, необходимо, основываясь на экономической действительности, искать ступени постепенного приближения страны к социалистическим формам общественной организации.

Ближайшей ступенью такого перехода к социализму в тот момент Ленин считал организацию крупномасштабного продуктообмена между восстановленной промышленностью и крестьянским хозяйством. Однако сразу осуществить этот переход в тех условиях было невозможно. Нужны были еще какие-то посредствующие звенья на то время, пока промышленность и сельское хозяйство будут восстановлены. Поэтому, вновь подтверждая мысль о возможности в будущем осуществить непосредственный переход к социализму в России, Ленин поставил перед всеми задачу поиска этих особых промежуточных звеньев, дополнительных форм перехода от докапиталистических отношений к социалистическим. «В этом весь гвоздь» [24],— писал он. Относительно короткая

---

[21] Там же, с. 62, 61.
[22] См., напр., Новая экономическая политика и задачи партии. Сб. статей В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, В. П. Милютина, П. А. Богданова и др. М. 1921.
[23] Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Воспоминания. Стэнфорд. 1971, с. 30.
[24] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 228, 229.

в теоретических представлениях фаза переходного периода от капитализма к социализму превращалась в длительный, многоступенчатый процесс.

Как и предполагалось, первые месяцы после перехода к нэпу ушли на поиск форм и методов его осуществления. Огромную работу по обобщению первого практического опыта, формированию основ хозяйственного механизма нэпа осуществляла специальная комиссия ЦК РКПб) и Совнаркома по продналогу под председательством Л. Б. Каменева. В нее входили А. Д. Цюрупа, А. М. Лежава, В. П. Милютин, Н. Осинский, А. И. Рыков, П. А. Богданов, А. А. Андреев и другие. На Х съезде была создана финансовая комиссия: Е. А. Преображенский (председатель), Н. Н. Крестинский, А. О. Альский, О. Ю. Шмидт, Ф. Ф. Сыромолотов, А. М. Лежава, Ю. Ларин, А. С. Киселев, А. М. Краснощеков, Г. Я. Сокольников. Если первая комиссия подготовила и провела в жизнь основные постановления правительства по переходу к продналогу, введению начал новой экономической политики, реорганизации кооперации, то вторая занималась проблемами приспособления к новым условиям кредитной системы, денежного обращения, бюджетного дела и налогового законодательства.

Помимо теоретических, правовых проблем, переход к продналогу ставил чисто практический вопрос: если деревня даст городу безвозмездно в форме продналога лишь часть необходимых ему продуктов, то, как «взять» недостающее? Вставала задача формирования фонда промышленных товаров и налаживания товарообмена с крестьянством. Концессии, широкое привлечение иностранного капитала, даже использование золотого фонда страны [25] для закупок товаров широкого потребления были тогда, по мысли Ленина, единственной реальной возможностью быстрого создания и увеличения этого фонда в условиях почти полностью разрушенной промышленности и «запаздывания» пролетарских революций в промышленно развитых странах.

На этом и основывалась уверенность Ленина в марте 1921 г., что политическая власть пролетариата в условиях, когда в ее руках будет этот своеобразный обменный фонд с крестьянством, сумеет удержаться и укрепиться, допуская при этом лишь крайне ограниченную (в пределах местного оборота) свободу торговли. Главным направлением «смычки» промышленности и сельского хозяйства определялся товарообмен — прямой, минуя рынок,— обмен промышленных товаров на сельскохозяйственные через аппарат Наркомпрода и кооперацию [26].

Однако развитие страны после перехода на продналог пошло иначе, чем предполагал Ленин. Не оправдались его надежды на использование концессий. Обнаружились недостаток промышленных товаров (уже к началу лета их основные запасы были исчерпаны), слабость кооперативного аппарата, неопытность кадров. Несмотря на все усилия правительства, крестьянство в ходе весеннего сева 1921 г. еще не учло возможности реализации излишков производимой им продукции и поэтому посевные площади увеличились незначительно. В стране начался продовольственный кризис. 16 июня в речи на III продовольственном совещании Ленин отметил «то непредвиденное обстоятельство, которого мы опасались» [27],— вероятность того, что второй год подряд значительные районы страны окажутся подвергнутыми засухе. В июле окончательно стали ясны и размеры постигшего страну бедствия.

---

[25] В 1922 г. Политбюро пошло на еще более отчаянный шаг — изъятие церковных ценностей с целью их продажи и на вырученные деньги покупку хлеба и оказание помощи голодающим.

[26] См.: Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Щербань Н. В. Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. М. 1982, с. 50; Соколов Н. Г. Использование товарообмена при переходе к нэпу. В кн.: Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М. 1974, с. 121—126.

[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 350.

Голод и засуха поставили под сомнение сбор продналога, организацию товарообмена с крестьянством, восстановление промышленности. Записанные 4 июля 1921 г. «Мысли насчет «плана» государственного хозяйства» отражают размышления Ленина по этому поводу. «Главная ошибка всех нас,— отмечал он,— была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее: и от этого впадали в бюрократические утопии... Надо это в корне переделать. Рассчитать на худшее» [28]. В критической ситуации, когда население страны оказалось на грани голода, правительство вынуждено было пойти на отмену государственного товарообмена, встать, наконец, на путь раскрепощения товарно-денежных отношений, широкого использования рыночных методов хозяйствования. Масштабы предпринятого весной «отступления» оказались недостаточными.

9 августа 1921 г. принимается «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» [29]. Наказ зафиксировал исходные принципы перестройки работы промышленности в условиях нэпа. Ее развитие продолжало мыслиться в рамках единого общехозяйственного плана под руководством созданного в феврале Госплана. Новую роль в организации промышленности должны были играть профсоюзы. С целью предотвращения дальнейшего упадка народного хозяйства осуществлялась значительная децентрализация управления отраслями. Государственные предприятия переводились на «точный хозяйственный расчет» (имевший несколько иное содержание, чем сегодня), им предоставлялось право ограниченного сбыта своей продукции. Вводилось материальное стимулирование рабочих. Многие предприятия сдавались в аренду кооперативам, товариществам и другим объединениям или частным лицам. Все остальные предприятия, не сданные в аренду и оказавшиеся вне государственного управления, подлежали закрытию. Кроме того, в п. 10 наказа в интересах ускорения восстановления народного хозяйства и в качестве средства компенсации возможного недобора городом сельскохозяйственных продуктов по продналогу и товарообмену правительство впервые рекомендовало не ограничиваться рамками местного оборота, а «переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена» [30].

16 и 23 августа, 5 и 6 сентября СНК вновь рассматривал вопрос о товарообменных операциях. Кооперация получила широкие права. Центросоюз мог теперь производить товарообмен как в натуральной, так и в денежной форме. Цены кооперация устанавливала в зависимости от конъюнктуры. В случае слабости местных органов кооперации Наркомпрод мог привлечь к товарообмену другие виды кооперации и частных лиц [31]. 29 октября в заключительном слове на VII Московской губпартконференции Ленин делает фундаментальный вывод: «Надо учиться государственному регулированию коммерческих отношений — задача трудная, но невозможного в ней ничего нет» [32].

В докладе о новой экономической политике на VII Московской губпартконференции Ленин дал оценку пройденному с весны по осень 1921 г. пути, трактуя его уже как две фазы вынужденного отступления. Отступления от чего и к чему? От политики (проводившейся с весны 1918 г.) «непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике

---

[28] Там же. Т. 44, с. 63.

[29] О ходе его разработки см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 537—538, прим. 42.

[30] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1, с. 247.

[31] Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Щербань Н. В. Ук. соч., с. 51—52.

[32] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 218.

социалистической», то есть от политики, при которой предполагалось «строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы» («частноторгового производства и распределения»), когда «мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, торговле». «Весною 1918 г. вопрос о государственном капитализме... был поставлен не так, что мы пойдем назад, к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче и решение нами социалистических задач было бы ближе, если бы у нас в России был государственный капитализм в виде господствующей хозяйственной системы. На это обстоятельство я хотел бы,— подчеркивал Ленин,— в особенности обратить... внимание» [33].

Таким образом, речь шла об отступлении от стратегии тотальной конфронтации между формировавшейся бестоварной государственно-социалистической экономической системой и социально-экономическими укладами, функционировавшими на основе товарно-денежных, рыночных отношений; от курса на скорейшее «уничтожение» рынка, понимаемое как «непосредственный переход к социализму».

Что же, по мысли Ленина, происходит весной 1921 года? «После опыта непосредственного социалистического строительства... в условиях гражданской войны... перед нами весной 1921 года стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений... Весной мы говорили, что мы не будем бояться возвращения к государственному капитализму, и говорили о наших задачах как об оформлении товарообмена... Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации» [34].

Итак, Ленин характеризует первую фазу «отступления» как отступление к государственному капитализму, но капитализму не как целостной системе, а в «ряде областей экономики». По существу, мыслилось создание хозяйственной системы, в которой бы сосуществовали различные уклады: государственно-социалистический (часть госпромышленности, не связанная с товарообменными операциями + часть хозяйственной деятельности крестьянского хозяйства, обеспечивающая сдачу продналога); государственно-капиталистический (часть промышленности, занятая созданием товарообменного фонда с крестьянством, аналогичная часть хозяйственной деятельности крестьянства); мелкотоварный (в пределах местного оборота); частнокапиталистический; патриархальный.

Что же происходит дальше? «Этот весенний переход к новой экономической политике, это наше отступление к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма — оказалось ли оно достаточным, чтобы мы, приостановив отступление, стали уже готовиться к наступлению? Нет, оно оказалось еще недостаточным». Почему? «Оказалось.., что товарообмен сорвался; сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу». Отсюда вытекала и характеристика второй фазы отступления: «мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения» [35].

Раз не удалась попытка государственного товарообмена, «то не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т. е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть... Если нет цветущей крупной промышленности, способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием, под руководством и контролем рабочего государства,— никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость привела нас к этому пути. И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики» [36]. В этих словах уже определены ключевые моменты ленинской концепции нэпа как обходного, опосредованного (через широкое использование торговли, товарно-денежных отношений) пути к социализму: вынужденный характер нэпа, обусловленный отсутствием развитой промышленности, связь между промышленностью и сельским хозяйством на основе торговли и безвозмездного отчуждения части ресурсов деревни на восстановление промышленности (продналог), государственное руководство и контроль над экономикой, торговлей, рынком.

Вывод о широком использовании рыночных отношений в переходный период — это то новое, что отличало ленинские планы социалистического строительства осени 1921 г. от планов весны 1918-го и весны 1921 года. «Нам нужно встать на почву наличных капиталистических отношений» [37],— подводит итог Ленин. Он понимает этот переход так: с одной стороны, легализуются рыночные отношения [38] вне государственного сектора — «теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию», а с другой — «государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет». Затем Ленин уточняет, что перевод на хозяйственный расчет «означает, в обстановке допущенной и развивающейся свободы торговли, перевод госпредприятий в значительной степени на коммерческие, капиталистические основания» [39].

Все эти ленинские констатации были, в общем, неизбежны, если оставаться на позициях ортодоксального марксизма, согласно которому социализм понимался как уничтожение товарного производства. Если субъекты хозяйствования (будь то концессионные, частные, крестьянские, кооперативные, смешанные, государственные предприятия) действуют на базе рыночных отношений, значит, в экономике господствуют капиталистические начала, а в социальной сфере существует классовая борьба. Вместе с тем перед Лениным вставал сложный теоретический и практический вопрос: если базисные отношения по своей сути являются несоциалистическими, рыночными, капиталистическими, то как тогда быть с социалистическим характером революции? Ведь надстройка, по Марксу, является проекцией базиса, а следовательно, неизбежно должна в скором времени прийти в соответствие с базисными — капиталистическими отношениями и сама стать капиталистической. Не означает ли это правоты сменовеховцев, считавших, что большевистский нэп — это не тактическое отступление, а неизбежная эволюция в сторону капиталистического общества? Вставал вопрос и о политико-экономической и формационной характеристиках Советской России. Ответы на эти вопросы Ленин дает в 1922—1923 годах.

Отступление закончено. Через год после введения нэпа Ленин вновь

[33] Там же, с. 199—200.
[34] Там же, с. 205, 207.
[35] Там же, с. 206—208.

[36] Там же, с. 308.
[37] Там же, с. 210.
[38] В годы «военного коммунизма» сохранялся довольно обширный нелегальный, подпольный рынок, получивший в литературе обобщенное название «Сухаревка» по одному из крупнейших подобных рынков в Москве.
[39] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 44, с. 342, 343.

делает решительный политический шаг. 6 марта 1922 г., выступая на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, он говорит: *«Отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено... наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно. Дальше назад мы не пойдем,* а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы». С особой силой этот вывод прозвучал в Политическом отчете ЦК РКП(б), сделанном Лениным XI съезду РКП(б) 27 марта 1922 г.: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил» [40].

Ленин неспроста от имени партии выступил с таким «боевым» лозунгом. На это имелись веские основания. С одной стороны, тактически-пропагандистского порядка. Надо было поднять катастрофически падавшую веру многих коммунистов в цели партии. «За что боролись?»,— не раз с горечью произносили старые партийцы, сталкиваясь с «гримасами нэпа». С другой стороны, стратегически-теоретического порядка. Ведь речь шла о вступлении коммунистов на не предусмотренный в теории путь опосредованного движения к социализму, включавший широкое использование косвенных, преимущественно экономических, рычагов регулирования общественных процессов в переходную эпоху.

Однако Ленин не мыслил себе нэп как стихийное, свободное развитие товарно-денежных отношений и частнокапиталистического сектора. Отход на эти позиции как в теории, так и на практике был бы уже шагом к потере контроля над экономической и политической ситуацией в стране, отказом от целей программы партии. Лозунг «остановки отступления» и «перегруппировки сил» означал, что, во-первых, непосредственные задачи введения нэпа (ослабление политического и экономического кризиса 1921 г.) в целом были достигнуты, во-вторых, партия в своем «отступлении в нэп» останавливается на позиции «государственного регулирования капитализма и торговли», поэтому главная проблема, которая встает перед партией, заключается в умении торговать и хозяйствовать «не хуже капиталистов» и «руками капиталистов» [41].

На каком рубеже было приостановлено отступление? Ряд высказываний Ленина того периода дает основание предположить, что он понимал строй Советской России 1922 г. в политэкономическом смысле — как государственный капитализм, а в плане формационном — как общество, находящееся в переходном состоянии. Он говорил, что «переход к коммунизму возможен и через государственный капитализм, если власть в государстве в руках рабочего класса. Это именно и есть «наш теперешний случай», «государственный капитализм в пролетарском государстве» [42].

В 1922 г. госкапитализм у Ленина выступает уже не как один из укладов хозяйственного строя (как это было на этапе организации государственного товарообмена), а как целостная, хотя и противоречивая, экономическая система Советской России. Советское общество представляется ему одновременно и целостным и глубоко дуалистичным. Целостным потому, что в области экономики все субъекты хозяйствования действуют на основе рыночных отношений, а в политико-идеологической сфере отсутствует плюрализм: на официальном уровне господствуют одна партия, одна идеология. Дуалистичным потому, что в экономике борются два начала: капиталистическое, стихийно-рыночное, и опирающееся на мощный госсектор и партийно-государственный аппарат социалистическое, сознательно-плановое начало, стремящееся «ограничить», «поставить в известные рамки» капитализм, причем эта борьба ведется и внутри госсектора; проецируясь на социально-политическую, идеологическую сферы, она стимулирует внутрипартийные дискуссии, распространение в обществе, в монопольно правящей партии сменовеховских, меньшевистских, эсеровских и т. п. идей. В обществе идет (правда, не открытая, как в годы гражданской войны, а скорее глухая, но от этого не менее ожесточенная) борьба между социализмом и капитализмом: «кто кого?», «чья возьмет?» [43].

Главная задача нэпа, «все остальное себе подчиняющая», состояла, по мнению Ленина, в необходимости создания экономической смычки «между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может» [44]. Здесь идея экономического союза рабочего класса с крестьянством конкретизируется с точки зрения взаимоотношения секторов переходной экономики. Причем ленинская позиция по отношению к сельскохозяйственному сектору отнюдь не была безоглядно рыночной, как нередко изображается в последнее время. На селе в начале 20-х годов были крайне затруднены аренда земли, наем рабочей силы (на определенную либерализацию в этих вопросах партия пошла только в 1925 г.) [45]. Ленин не отрицал в принципе и использования методов внеэкономического принуждения по отношению к кулачеству («война, например, может принудить к комбедовским способам»), считал ошибочной политику поддержки этого слоя в ущерб другим под предлогом скорейшего поднятия сельского хозяйства [46].

Итак, для Ленина на одном полюсе «фундамента нэпа» находится «новая экономика, которую мы начали строить... на основе совершенно новой социалистической экономики, нового производства, нового распределения, а на другом — крестьянская экономика. Но нэп вводил в этот двучлен еще и третий элемент — частнокапиталистические производство и торговлю, которые по законам товарного производства также были ориентированы на экономическую смычку с крестьянской экономикой. Тем самым идея экономической смычки у Ленина получала еще одно значение, в котором заключался «корень экономики», «суть партийной политики». Речь шла о достижении этой смычки на основе соревнования с частнокапиталистическим сектором. «Тут предстоит «последний и решительный бой»,— совершенно определенно высказывался Ленин,— тут больше никаких, ни политических, ни всяких других обходов быть не может, ибо это экзамен соревнования с частным капиталом. Либо мы этот экзамен соревнования с частным капиталом выдержим, либо это будет полный провал» [47].

---

[40] Там же. Т. 45, с. 8, 10, 11, 13, 87.

[41] XI съезд РКП(б). Стеногр. отч., с. 19, 21.

[42] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 263, 119. Новая трактовка Лениным понятия «госкапитализм» вызвала критические отклики в печати. Корни дискуссии тянулись к весне 1918 г., к полемике с «левыми коммунистами». Основным оппонентом Ленина в этом вопросе, как и ранее, был Бухарин. 8 февраля 1922 г., накануне XI съезда партии, он писал в «Правде»: «Сам термин «государственный капитализм» имеет в экономической литературе совсем не то значение, которое ему придано в последнее время». На съезде он отсутствовал, но возражения Ленину были повторены Преображенским, предпочитавшим характеризовать экономику России как «товарно-социалистическую» (см. также дискуссию по докладу В. П. Милютина «Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства».— Вестник Социалистической Академии, 1923, № 2).

[43] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 85, 95—96.

[44] XI съезд РКП(б). Стеногр. отч., с. 15.

[45] Месяцев П. А. Ук. соч., гл. IV.

[45] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 44; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 22933.

[47] XI съезд РКП(б). Стеногр. отч., с. 15, 13. В конфиденциальном письме Каменеву от 3 марта 1922 г. Ленин выразился еще более жестко: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 428).

Под углом зрения борьбы с частным капиталом, остановки наступления Ленин разрабатывал и внешнеэкономическую политику Советской власти. Он был бескомпромиссным сторонником государственной монополии на внешнюю торговлю. «Иностранцы иначе скупят и вывезут все ценное,— писал он.—...Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников и «вывозят остатки России». И вывезут... Поэтому: 1) ни в коем случае не подрывать монополии внешней торговли... 3) опубликовать тотчас же... от имени Президиума ВЦИКа твердое, холодное, свирепое заявление, что мы дальше не отступаем в экономике и что покушающиеся нас надуть (или обойти монополию и т. п.) встретят террор; этого слова не употреблять, но «тонко и вежливо намекнуть» на сие»[48]. Именно поэтому Ленин так резко отреагировал на предложения Сокольникова Пленуму ЦК РКП(б) 5—6 октября 1922 г. об ослаблении монополии внешней торговли, заставив в конечном итоге ЦК пересмотреть первоначальное положительное решение по этому вопросу[49].

Между тем известно, что внешнеэкономические связи не сводятся только к торговле. До революции Россия широко привлекала иностранный капитал в виде займов, прямых инвестиций. В 1913 г. на почти 14 млрд. руб. отечественных капиталовложений в ценные бумаги приходилось свыше 7,5 млрд. руб. заграничных[50]. Эти формы внешнеэкономических связей казались особенно необходимыми для Советской России, учитывая масштабы разрухи — результаты империалистической и гражданской войн. 13 ноября 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна Ленин говорил: «Экономическая история капиталистических стран доказывает, что в отсталых странах только долгосрочные стомиллионные займы... могли бы быть средством для поднятия тяжелой промышленности. У нас этих займов не было, и мы до сих пор ничего не получили. То, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не представляет, кроме бумаги». И далее следует парадоксальная мысль: «Однако наша концессионная политика кажется мне очень хорошей. Но, несмотря на это, прибыльной концессии мы еще не имеем»[51].

Очевидно, после первоначального увлечения концессиями и неудачи на этом поприще Ленин счел возможным в экономических отношениях с иностранным капиталом ограничиться торговлей на основе государственной монополии. На XI съезде РКП(б), говоря о целях советской делегации на Генуэзской конференции, Ленин отмечал: «Мы идем в Геную с практической целью — расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и усиленно развивалась»[52]. Ленин понимал причины сдержанности западных предпринимателей и финансистов в вопросе о займах и инвестициях. В сентябре 1922 г. он отмечал: «Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственности капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем». В телеграмме Г. В. Чичерину, возглавлявшему советскую делегацию в Генуе, Ленин подчеркивал: «Мы безусловно не согласны восстановить частную собственность заграничных капиталистов»[53].

Чем объяснялась эта неуступчивость Ленина? Ведь он пошел на возрождение рыночных отношений в России, частной собственности отечественных капиталистов, почему бы не пойти еще на один компромисс — с западными капиталистами? Возможно, что Ленина, политика

[48] Там же, с. 427—428.
[49] См. там же. Т. 45, с. 333—337, 220—223.
[50] Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. М. 1988, с. 66—67.
[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 286—287.
[52] Там же, с. 70.
[53] Там же, с. 209, 164, 538, прим. 104.

чрезвычайно прагматичного, на данном этапе вполне устраивали связи с внешним рынком лишь на основе государственной монополии внешней торговли. Оборудование в стране пока еще имелось — простаивали целые заводы, тем более, еще не требовалось создавать капиталоемкие производства тяжелой промышленности. То есть, в первую очередь стране был нужен оборотный капитал, чтобы «запустить» простаивавшее оборудование.

Если бы Ленин ради займов и инвестиций пошел на полную нормализацию отношений с капиталистическим миром, то взамен, в соответствии с требованиями держав Антанты, он должен был бы признать дореволюционные долги, возвратить национализированную собственность (или возместить убытки), то есть значительную часть внутренних накоплений направить не в оборотный капитал, а на погашение внешнего долга, что во многом нейтрализовало бы положительный экономический эффект от в общем-то весьма проблематичных внешних займов и инвестиций. Кроме того, Ленин, видимо, понимал, что если бы к развитию внутреннего рынка добавилось расширяющееся проникновение в страну иностранного капитала, то поставить рыночные отношения в жесткие рамки государственного капитализма было бы намного сложнее, не говоря уже о последствиях этих мер для стабильности политического режима.

Позиция Ленина относительно пределов отступления в политико-идеологической области также предельно жесткая: «Надо учиться, добиваться того, чтобы государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смог выходить из рамок и условий, определенных ему пролетариатом, из условий, которые выгодны пролетариату... Если крестьянину необходима свободная торговля в современных условиях и в известных пределах, то мы должны ее дать... Это не значит, что мы разрешим торговать политической литературой, которая называется меньшевистской и эсеровской и которая вся содержится на деньги капиталистов всего мира... А без эсеровской и меньшевистской пропаганды... русский крестьянин, мы утверждаем, жить может. А кто утверждает обратное, то тому мы говорим, что лучше мы все погибнем до одного, но тебе не уступим! И наши суды должны все это понимать»[54].

Через два месяца Ленин переводит эти политические рекомендации в практическую плоскость. 15 мая в дополнениях к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и в письме наркому юстиции Д. И. Курскому он, в частности, пишет: «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... Ко всем видам деятельности меньшевиков, *с.-р. и т. п.*, найти формулировку, ставящую эти деяния **в связь** *с международной буржуазией* и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)»[55].

В самом общем виде ленинскую концепцию 1922 г. можно сформулировать как путь к социализму через госкапитализм в условиях пролетарского государства, допущение практически во все сферы экономической жизни товарно-денежных отношений «в известных пределах». Поскольку непосредственная угроза потери политической власти практически исчезла, а положение в экономике начинало стабилизировать-

[54] Там же, с. 119—120.
[55] Там же, с. 189. Как известно, эти рекомендации нашли практическое воплощение: в 1922 г. за границу было выслано 160 выдающихся представителей отечественной культуры, видимо, подпадавших под рубрику «и т. п.». Более того, 17 мая 1922 г. в письме тому же адресату Ленин уточняет: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого» (там же, с. 190).

ся, постольку для Ленина в конце 1922 г. дальнейшее «отступление» теряло смысл. Теперь перед ним вставала проблема интеграции новой концепции переходного периода в рамки марксистского видения исторического процесса.

Новый поворот? В своих январских 1923 г. заметках «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)» Ленин высказывает ряд теоретических соображений по этому ключевому вопросу, получивших впоследствии название концепции «инверсионного развития» [56]. Не имея возможности ознакомиться с неопубликованными в то время подготовительными материалами К. Маркса к его письму В. И. Засулич [57], он приходит к тем же идеям, что и Маркс: о многолинейности исторического развития. Критикуя теоретиков II Интернационала за европоцентризм, Ленин делает фундаментальный теоретический вывод: «при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития».

В этой связи Ленин подчеркивает специфические черты русской революции, связывая их с воздействием мировой войны, с пограничным положением России среди «стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских». Влияние этих факторов позволило русским революционерам «осуществить... тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 г. по отношению к Пруссии». В контексте данных рассуждений Ленин и делает вывод, дающий ответ на поставленный нэпом «проклятый вопрос» о пролетарской надстройке и капиталистическом базисе. Цитируя своих оппонентов, утверждающих, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм» и признавая бесспорным это положение, Ленин считал, что оно не является «решающим для оценки нашей революции» [58].

Почему? Потому что в силу указанных выше своеобразных черт в России произошло «завоевание... не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации», как бы инверсия (обратный порядок) создания предпосылок для социализма. Не так, как в классическом марксизме: сначала создание в рамках капитализма материального базиса нового общества, а потом (через социалистическую революцию и относительно кратковременный период диктатуры пролетариата) приведение в соответствие с ним надстройки; а наоборот: «начать сначала с завоевания революционным путем» политических предпосылок для достижения определенного уровня культуры, необходимого для социализма (см. об этом также работу Ленина «Странички из дневника»), «а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [59].

Возникновение возможности инверсионного пути к социализму в России Ленин связывает с двумя обстоятельствами: с воздействием мировой войны и с пограничным положением страны между «цивилизованными» и «втягиваемыми в цивилизацию» мировой войной обществами. Иначе говоря, с одной стороны, русская революция является результатом обострения противоречий империализма (мировой войны).

[56] См.: Майданик К. Л. Революционер.— Латинская Америка, 1977, № 6; Развивающиеся страны в современном мире: пути революционного процесса. М. 1986, с. 5, 30—32.
[57] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19, с. 400—421.
[58] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 379—380.
[59] Там же, с. 380—381.

С другой — следствием конфликтов многоукладного российского общества (кстати, многоукладность его экономики, экстраординарная конфликтность общественного развития также во многом являлись результатом влияния империалистической системы — внедрения зарубежного капитала) [60], в котором сосуществовали «цивилизованные» (капиталистические, по терминологии тех лет) и «втягиваемые в цивилизацию» (докапиталистические и раннекапиталистические, находящиеся под сильным воздействием капитализма) социально-экономические формы. Отсюда — слияние пролетарской революции с крестьянской войной.

Поскольку российское общество многоукладно, возрастает степень относительной самостоятельности надстройки (так было при абсолютизме, возникающем в переходную от феодализма к капитализму эпоху, когда в состоянии определенного равновесия сосуществуют докапиталистические и капиталистические уклады), поэтому революционный режим, при условии дисциплинированности, монолитности политического авангарда, отнюдь не обречен на перерождение. Опираясь на имеющийся минимум материальных, социо-культурных предпосылок нового общества, он может сам, сверху, ускоренно подтянуть отсталые технологические, социально-экономические структуры («на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы»), создав тем самым недостающие предпосылки социализма.

Отсюда — особое внимание, уделяемое Лениным в последних работах политической надстройке. Его конкретные рекомендации (по расширению состава ЦК за счет рядовых «рабочих от станка» и «крестьян от сохи»; по реорганизации Рабкрина, его слиянию с ЦКК, превращению его служащих в «высококвалифицированных, особо проверенных, особо надежных, с высоким жалованьем» специалистов по управлению и одновременно сверхкомпетентных контролеров за работой госаппарата и др.) [61] преследовали цель обеспечить монолитность партии и эффективное функционирование госаппарата в условиях жесткого (запрет фракций на X съезде партии) однопартийного режима в многоукладном обществе. Ибо, будучи марксистом, Ленин понимал, что, с одной стороны, противоречия социальных интересов, не имея легальных каналов политического выражения, будут проявляться на политическом уровне в форме «оттенков мнений», группировок внутри правящей партии, а, с другой — в условиях отсутствия организованной легальной оппозиции будет существовать сильная тенденция к росту коррупции, бюрократизма и прочих «органических» грехов партийно-государственных функционеров, пользующихся практически бесконтрольной властью.

Поэтому было бы глубоко неверным из слов Ленина о необходимости «предпринять... ряд перемен в нашем политическом строе» делать далеко идущие выводы о его стремлении к широкой демократизации и чуть ли не к введению политического и идеологического плюрализма. Демократизация общества в таком направлении противоречила самой сути ленинской концепции переходного периода. Наоборот, с позиций этой концепции становится понятным, столь, казалось бы, непропорционально большое для марксиста внимание, уделяемое Лениным в последних работах «субъективному фактору», вплоть до персонального состава высших партийных органов: рекомендация сместить Сталина с поста генсека, нелицеприятные характеристики ближайших соратников. В условиях сверхцентрализованной власти очень многое зависело от личных качеств партийных «олигархов». В том же русле пристального

[60] См., напр., Тарновский К. Н. Революционная мысль в революционное дело. М. 1983, с. 153—155.
[61] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 347—348, 385—386.

внимания к субъективному фактору, к надстройке, к государству находится и факт поддержки Лениным предложений Троцкого о расширении компетенции Госплана [62].

В пределах того же «потока сознания» рождается ленинская идея о «перемене всей точки зрения» на социализм. Она была высказана в работе «О кооперации», продиктованной стенографистке в два приема (4 и 6 января 1923 г.). С этим, очевидно, связаны ее стилистическая неотшлифованность, ряд не очень четких формулировок, в принципе допускающих (особенно, если их вырвать из контекста) различные толкования; конспективность, пунктирность изложения. Но даже учитывая все это, делаемый рядом исследователей и публицистов на основании статьи вывод, что пересмотр Лениным «всей точки зрения» на социализм, якобы происшедший в январе 1923 г., заключался в смене «парадигм социализма» — бестоварной модели на рыночную (кооперативную) — является, по меньшей мере, спорным.

Сторонники «новой парадигмы» опираются на известное положение статьи: после взятия власти пролетариатом «простой рост кооперации для нас тожественен... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [63]. Ход дальнейших, рассыпанных на страницах многочисленных газет и журналов, рассуждений примерно следующий. Ленин пишет: «Рост кооперации... тожественен... с ростом социализма», этим меняется «вся точка зрения наша на социализм». Значит, он отказывается от своей прежней идеи о социализме как государственной монополии, обращенной на пользу всему народу, и выступает теперь, в 1923 г., за социализм как строй кооперативный. И цитируют заключительную фразу первой части статьи: «А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма» [64].

Но ведь Ленин пишет не просто «строй цивилизованных кооператоров — есть строй социализма», а «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — есть строй социализма», то есть не любой кооперативный строй есть социализм, а коооперативный строй в пролетарском государстве при общественной собственности на средства производства. В этом случае обычно указывают: кооперативная собственность — тоже общественная собственность. Не случайно, как бы заранее опровергая такое толкование, во второй части статьи Ленин, характеризуя сущность социалистических кооперативных предприятий, вносит весьма существенные уточнения: «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» [65].

Ленин не противопоставляет государственную монополию строю кооператоров, кооперативную собственность — государственной, а тем более не призывает к раздаче госпредприятий в собственность кооперативам, а подразумевает под строем цивилизованных кооператоров не форму собственности на средства производства, а способ (форму) организации трудовой деятельности населения, работающего на земле, при (на) средствах производства, принадлежащих государству: государственная монополия и кооперативный строй сосуществуют [66]. Таким образом, не любая кооперация, по Ленину, является социалистической, а лишь та, которая складывается на земле при средствах производства, принадлежащих государству. Элементы подобных экономических отношений возникали в деятельности колхозов при государственных МТС, при аренде кооперативами государственных предприятий.

Следующий аргумент сторонников «новой ленинской парадигмы»: раз Ленин стал понимать социализм как строй кооперативный, признал социалистичность кооперативной формы собственности на средства производства, то он тем самым признал и необходимость рыночных отношений при социализме. Ведь кооперация существовала до революции и при нэпе в России в условиях товарно-денежных, рыночных отношений. И в подтверждение обычно цитируют ленинские слова: «В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов». И на этом обрывают цитату, хотя дальше говорится: «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.— разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [67].

Итак, тотальное кооперирование населения при господстве нэпа (то есть, в условиях рынка, госкапитализма при пролетарском государстве), при третировании торгашеской стороны кооперации, это не построение социализма, а необходимое и достаточное условие его построения. О том, что рыночные отношения будут при социализме, из вышеприведенной цитаты не следует. Более того, чуть выше Ленин рассматривает кооперацию как альтернативу, как средство преодоления вынужденно допущенной свободы торговли: «В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации» [68].

Вряд ли может служить аргументом в пользу «рыночной парадигмы» ленинская характеристика «в обстановке нашей теперешней экономической действительности» предприятий, в которых «и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом», как предприятий «последовательно-социалистического типа» [69]. Ведь Ленин рассматривал перевод госпредприятий на хозяйственный расчет в тех условиях как «перевод госпредприятий в значительной степени на коммерческие, капиталистические основания» [70]. Тем не менее он характеризовал их не как государственно-капиталистические, а как предприятия «последовательно со-

[62] См. там же, с. 349—353.
[63] Там же, с. 376.
[64] Там же, с. 373.
[65] Там же, с. 375.

[66] Идея взаимоувязки принадлежащей государству собственности на средства производства и кооперации как формы организации трудящихся была выдвинута Лениным задолго до 1923 г. (см. там же. Т. 36, с. 161).
[67] Там же, т. 45, с. 370, 372.
[68] Там же, с. 370.
[69] Там же, с. 374.
[70] Там же. Т. 44, с. 343.

циалистического типа», работающие «в значительной степени» на капиталистических началах. Это соответствовало реальной ситуации того времени: хозрасчет был крайне слабо выражен в деятельности предприятия и весьма ограничен на уровне треста, а следовательно, по меркам того времени, предприятия и тресты в основном работали на социалистических (плановых) началах.

И наконец, процитируем полностью любимый текст «рыночников»: «Простой рост кооперации для нас тожественен... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». На этом месте цитату обычно обрывают, хотя дальше следует важное пояснение: «Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу». Таким образом, у Ленина произошло изменение не понимания социализма, не взглядов на него, а именно точки зрения: раньше, до взятия власти, он смотрел на социализм «снизу», из революционного подполья, с учетом необходимости взятия власти, классовой борьбы, а теперь смотрит на него «сверху», с позиции человека, находящегося у власти — с организационно-хозяйственной, культурной [71].

Итак, в своих последних работах Ленин, думается, продолжал оставаться на позициях выдвинутой им в конце 1921—1922 гг. концепции пути к социализму через госкапитализм в условиях пролетарского государства. Она состояла из следующих основных компонентов: в политико-идеологической области — жесткий однопартийный режим, подавлявший всякое проявление на официальном уровне инакомыслия и инакодействия; в экономике — административно-рыночная система хозяйства, включавшая: минимальную связь с мировой экономикой, сведенную к внешней торговле на основе государственной монополии; хозрасчет в промышленности, действовавший в ограниченном виде на уровне треста, а не предприятий, цехов, включавший централизованное — через ВСНХ — перераспределение прибыли; неэквивалентный обмен с деревней на основе продналога; торможение роста индивидуального крестьянского хозяйства в деревне.

Этот вариант политики исходил из реалий восстановительного периода. Жесткий политический режим обеспечивал необходимую для скорейшего возрождения страны политическую стабильность, иначе рост социальной напряженности мог бы блокировать проведение экономических реформ. Отказ от уплаты долгов и восстановления иностранной собственности, хотя и блокировал приток иностранного капитала, но одновременно позволял не отвлекать часть скудных внутренних финансовых ресурсов на уплату кредиторам и инвесторам, а направлять их в оборотные фонды имевшихся предприятий, что обеспечивало их относительно быстрое восстановление. Трестовский хозрасчет позволял через механизм централизованного перераспределения прибыли финан-

[71] Подробно этот вопрос после смерти Ленина был рассмотрен Бухариным, который сумел правильно интерпретировать ленинские слова о перемене точки зрения на социализм, найти к ним теоретический ключ. 17 февраля 1924 г. в докладе на заседании Коммунистической Академии, посвященном памяти Ленина, он говорил: «Когда рабочий класс становится у власти, перед ним встает задача склеивания различных частей общественного целого под определенной гегемонией рабочего класса. Практический интерес представляет целый ряд вопросов, которые раньше интереса не представляли, которые теперь должны поэтому быть в гораздо большей степени осмыслены. Мы должны сейчас не разрушать, а строить. Это совершенно другой аспект, совершенно другой угол зрения» (Бухарин Н. И. Избр. соч. М. 1988, с. 62—63). Под новым углом зрения Ленин в 1922—1923 гг. стал рассматривать и проблемы национально-государственного устройства страны. Эта сторона ленинского наследия требует отдельного и детального рассмотрения.

сировать, а значит, ускоренно возрождать за счет высокорентабельных отраслей (легкой, пищевой) промышленности необходимые для функционирования экономики в целом, но пока убыточные тяжелую промышленность, транспорт. По сравнению с продразверсткой неэквивалентный обмен с деревней в форме продналога какое-то время казался крестьянину великим благом и стимулировал быстрое восстановление посевных площадей. Обработка заброшенных, но в свое время окультуренных участков была возможна и на базе мелкотоварных крестьянских хозяйств, не требовала больших усилий и затрат.

Итак, Ленин успел проанализировать лишь первый, менее чем двухлетний, период нэпа, когда страна только начинала восстанавливать свое хозяйство. Его концепция нэпа осталась незавершенной, сохранив ряд противоречий с классическими, «ортодоксальными», представлениями марксизма как о переходе к социализму, так и о самом социализме. Во-первых, понимание нэпа как опосредованного пути к социализму по мере его развития начинало все больше отрицать теоретическое положение о возможности непосредственного перехода к социализму, которую, однако, никто, включая Ленина, в тот период не отвергал. Во-вторых, процесс построения социалистического общества в условиях крестьянской России вступал в противоречие с марксистскими положениями о мировом характере социализма как общественного строя. В-третьих, обнаруживалось противоречие между новым ленинским пониманием взаимодействия капиталистического и социалистического укладов и «ортодоксальным» пониманием неизбежности антагонизма между капитализмом и социализмом. По Ленину, нахождение «меры» допущения капитализма позволяло «чужими руками», то есть с его помощью, строить социализм. Любое же ослабление или ужесточение государственного регулирования капитализма в условиях нэпа нарушало эту «меру» движения к социализму, разделяло народное хозяйство на «чистый» капиталистический и «чистый» социалистический уклады. В-четвертых, базой нэпа являлся экономический союз рабочего класса и крестьянства, однако в условиях экономического роста их интересы могли разойтись, так как «интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий» [72].

И, наконец, основное противоречие концепции нэпа: между «рыночным» нэпом и «планомерным, бестоварным» социализмом как конечной целью. В связи с этим можно теоретически допустить, что по мере переосмысления и развития (в связи с изменяющимися объективными условиями) своей концепции нэпа Ленин мог бы разрешить это противоречие на путях не модернизации марксистской доктрины социализма, а радикального ее обновления. Ведь многовариантность исторического развития реализуется так, что выбор того или иного пути в немалой степени предопределяет и конечный результат: «рыночный нэп» мог привести к «рыночному» социализму.

В 1921—1923 гг. у Ленина объективно еще не было достаточно веских аргументов для осуществления более радикальных изменений в марксистских взглядах на социализм. Недаром еще на XI партсъезде он призывал «прекратить умничать, рассуждать о нэпе», а вместо этого накапливать, обобщать и развивать положительный практический опыт, проверять теорию практикой. Тем не менее ленинская мысль развивалась: сначала доказательство возможности госкапитализма при диктатуре пролетариата, общая характеристика тогдашнего общественного строя Советской России, затем обостренное внимание к кооперации как основному пути, методу сохранения и развития социалистических тенденций в условиях нэпа. Обострение болезни и последовавшая за этим смерть Ленина прервали развитие его концепции нэпа.

[72] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 58.

СТАТЬИ

В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ: КОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В 30-х ГОДАХ

Б. М. Орлов

В западной историографии существуют различные точки зрения по вопросу об отношении командования Красной Армии к проблемам внешней политики Советского Союза в 30-е годы. Р. Гартхоф, например, полагает, что роль военных в ее формировании была тогда небольшой. Естественно, замечает он, какое-либо возрастание этой роли не могло иметь места в период сталинского террора 1937—1938 гг., жестоко поразившего военные круги[1]. Убеждение, что военные вообще стояли вне политики, занимаясь чисто профессиональными вопросами, распространено на Западе достаточно широко. Другую точку зрения высказывали публицисты, группировавшиеся вокруг журнала «Социалистический вестник». По их мнению, представители высшего командования Красной Армии занимали в 30-е годы активную антифашистскую позицию, что препятствовало попыткам Сталина сблизиться с гитлеровской Германией. Это и стало одной из причин их гибели в годы террора[2].

Различия в оценке роли командования Красной Армии в определении внешней политики советского руководства заставляют рассмотреть более подробно военный аспект отношений Германии и Советского Союза в 30-х годах, а также взаимоотношения СССР с демократическими государствами Европы, и прежде всего с Францией.

Отношения Советской России и Германии в 20-е годы строились на твердом убеждении советских руководителей в близости пролетарской революции в Германии. Неизбежность революционного взрыва почти не подвергалась сомнению, вопрос мог стоять лишь о сроках и необходимой в этом случае тактике. Версальский мирный договор, налагавший ограничения на перевооружение Германии, рассматривался советской стороной как грабительский, империалистический, низводивший Германию до уровня полуколониальной страны. Борьба Германии против «версальского пленения» приравнивалась с известными оговорками к спра-

ОРЛОВ Борис Маркович — доктор философии (Русский исследовательский центр Тель-Авивского университета).

[1] G a r t h o f f R. Military Influences and Instruments. In: Russian Foreign Policy. New Haven — Lnd. 1962, p. 263.

[2] См.: Д е н и к е Ю. История великого предательства.— Социалистический вестник, 1954, № 6 (671), с. 108; Н и к о л а е в с к и й Б. Сталин и убийство Кирова.— Там же, 1956, № 5 (693), № 12 (700).

ведливой борьбе против империалистических держав — победителей в первой мировой войне.

На этой идеологической основе базировались и межгосударственные отношения Советского Союза и Германии, закрепленные Рапалльским договором 1922 года. В соответствии с духом Рапалло 24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор о ненападении и нейтралитете сроком на пять лет, продленный 24 июня 1931 года. Ратификация протокола о продлении договора произошла в апреле — мае 1933 г. уже после прихода Гитлера к власти[3].

На фоне благоприятного отношения советских руководителей к политике тех деятелей Веймарской республики, которые стремились освободиться от «цепей Версаля» и вели борьбу против ограничительных статей Версальского договора, с середины 20-х годов развернулось военно-техническое сотрудничество Красной Армии и рейхсвера[4]. С германской стороны этим руководили генералы рейхсвера Сект, Бломберг, Хаммерштейн-Экуорд, Хальм, Адам, Манштейн и другие. С советской стороны — наркомвоенмор К. Е. Ворошилов, начальник штаба Красной Армии А. И. Егоров, а также И. П. Уборевич, Я. Фишман. Менее других к сотрудничеству был причастен М. Н. Тухачевский. В немецких военных кругах Ворошилов, Уборевич и Егоров считались деятелями прогерманской ориентации[5].

К концу 20-х годов на территории Советского Союза были созданы тренировочно-испытательные базы для подготовки летчиков и танкистов германской армии: авиационная база в Липецке, танковая — на Каме под Казанью. Кроме того, в Саратове была основана советско-германская станция по испытанию боевых отравляющих веществ. В течение 6—8 лет каждый год в Советский Союз приезжали на подготовку до 80 германских офицеров[6].

В конце 20-х годов участились визиты руководителей рейхсвера в Советский Союз. Чаще всего они проходили в форме инспекционных поездок по германским тренировочным базам и сопровождались нередко присутствием на маневрах Красной Армии и продолжительными беседами с представителями ее высшего командования[7]. Значение советской военной помощи в подготовке боевых кадров для рейхсвера трудно переоценить. Многие из германских офицеров, прошедших стажировку на тренировочных базах в Липецке и на Каме, впоследствии активно участвовали во второй мировой войне[8].

Одним из условий советско-германского военного сотрудничества было согласие германской стороны на обучение командиров Красной Армии в Академии германского Генерального штаба и других военных учебных заведениях. Учеба проходила в Берлине, в пехотной школе в Дрездене и других местах. Точное число и персональный состав предста-

[3] Документы внешней политики (ДВП) СССР. Т. XIV. М. 1968, с. 396.

[4] Подробности этого сотрудничества изучены достаточно полно. См.: C a s t e l l a n G. Reichswehr et Armée Rouge. In: La Relation Germano-Sovietiques de 1933 à 1939. P. 1954; C a r s t e n F. L. The Reichswehr and Politics, 1918—1933. Oxford. 1966; D y c k H. L. Weimar Germany and Soviet Russia, 1926—1933. Lnd. 1966; W h e e l e r-B e n n e t t J. W. The Nemesis of Power: The German Army in Politics, 1918—1945. Lnd. 1954; G a t z k e H. W. Russo-German Military Collaboration during the Weimar Republic.— American Historical Review, 1958, vol. LXIII, № 3, pp. 565—597; S p e i d e l H. Reichwehr und Rote Armee.— Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1953, № 1.

[5] G a t z k e H. W. Op. cit., pp. 593—595.

[6] S c o t t W. E. Alliance against Hitler: The Origins of the Franco-Soviet Pact. Durham. 1962, pp. 95—96.

[7] Slavonic and East European Review, 1962, vol. XLI, № 96; C a r s t e n F. L. Op. cit., pp. 281—282, 360; C a s t e l l a n G. Op. cit., pp. 194—196; M a n n s t e i n E. von. Aus einem Soldatenleben. Bonn. 1958, S. 138—159.

[8] C a s t e l l a n G. Op. cit., p. 209; C a r s t e n F. L. The Reichswehr and the Red Army, 1920—1933.— Survey, 1962, № 44—45, p. 124; S e a t o n A. The German Army, 1933—1945. Lnd. 1982, pp. 29, 62.

вителей комсостава РККА, прошедших различные виды обучения в Германии, устанавливается с большим трудом. Советские источники содержат весьма скудную информацию по этому вопросу, а западные не отличаются большой точностью. Из представителей высшего комсостава Красной Армии курс Военной академии германского генштаба прошли И. П. Уборевич и Р. П. Эйдеман (в 1927—1928 гг.), И. Э. Якир (в 1928—1929 гг.). Тогда же в Германии учились И. Н. Дубовой, П. Е. Дыбенко, Э. Ф. Аппога, ставший затем начальником Управления военных сообщений РККА. В 1930 г. с группой высших командиров выезжал в Германию К. А. Мерецков. В 1931 г. в германской Академии генштаба учился В. М. Примаков, написавший по возвращении книгу «Тактические задачи германского генерального штаба»[9]. В работах западных исследователей нередко содержится утверждение, что в те годы в Германии учился также Г. К. Жуков[10]. Сам маршал в своих воспоминаниях обходит этот факт полным молчанием, а советские историки называют это выдумкой.

В рамках военно-технического сотрудничества в Германию в 1927 г. был командирован заместитель начальника Управления ВВС РККА Я. И. Алкснис. Целью командировки было ознакомление с германским самолето- и моторостроением. Алкснис, хорошо знавший немецкий язык, встречался с известным авиаконструктором Хейнкелем. После этого визита он побывал в Германии еще несколько раз[11]. Поездки в Германию для лечения были обычным явлением среди высшего комсостава Красной Армии. Несколько раз ездил за границу лечиться Егоров, выполняя попутно и некоторые служебные задания.

В какой мере в ходе военного сотрудничества затрагивались политические проблемы советско-германских отношений и какую роль при этом играли военачальники Красной Армии? Ответ на этот вопрос в полной мере пока затруднен отсутствием необходимых документов. Однако некоторые свидетельства все же имеются.

Больше других касался политических проблем наркомвоенмор Ворошилов, член Политбюро ЦК, чей политический вес был, конечно, значительнее, чем других командиров Красной Армии. В 1928 г. во время беседы с генералом Бломбергом Ворошилов неожиданно спросил, сможет ли Красная Армия рассчитывать на поддержку Германии в случае нападения Польши? Он добавил, что если Польша нападет на Германию, Россия окажет ей любую помощь. Бломберг осторожно ответил, что это — вопрос высокой политики, решать который компетентны только политические власти[12].

Ворошилов принадлежал к ближайшему сталинскому окружению. Можно предположить, что высказанные им соображения отражали в известной мере мысли и планы самого Сталина. Следует заметить, что советская военная концепция со времен гражданской войны традиционно рассматривала Польшу как одного из наиболее вероятных противников Советского Союза в будущей войне. Считалось, что войну против СССР развяжут страны Антанты, в первую очередь Франция, и что в первом эшелоне Антанты будут действовать граничащие с Советским Союзом Польша и Румыния, а также лимитрофные государства — Латвия, Литва, Эстония и Финляндия.

[9] См.: Командарм Якир. М. 1963, с. 236; Командарм Уборевич. М. 1964, с. 242; Панков Д. В. Комкор Эйдеман. М. 1965, с. 79; Дубинский И. Примаков. М. 1968, с. 154, 173; Военно-исторический журнал, 1967, № 5, с. 37; Carsten F. L. The Reichswehr and Politics, p. 280.

[10] Lauterbach R. These are the Russians. N. Y. 1945, p. 124; Liddell Hart B. H. The other Side of the Hill. Lnd. 1948, p. 231; Görlitz W. The German General Staff. Lnd. 1953, pp. 232—233.

[11] Heinkel E. He-1000. Lnd. 1956, pp. 115—116; Командарм крылатых. Жизнь Я. И. Алксниса. Сб. воспоминаний. Рига. 1967, с. 20—21.

[12] Gatzke H. W. Op. cit., p. 588.

Один из ведущих советских военных теоретиков, заместитель начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллов предполагал, что все эти страны смогут выставить 106 перволинейных дивизий. Одна Польша, по его расчетам, была способна выставить 48 перволинейных дивизий[13]. С подобной силой приходилось считаться. Веймарская Германия в тот период рассматривалась как возможный союзник против польской угрозы. В начале 30-х годов ситуация начала меняться, хотя прежние настроения иногда давали себя знать. В феврале 1932 г. при заключении предварительного контракта с фирмой «Рейнметалл» в области артиллерийского вооружения Уборевич предложил генералу Людвигу подумать об урегулировании границы за счет Польши, упомянув о возможности ее нового раздела[14].

Большой интерес на Западе вызвала поездка в сентябре — октябре 1932 г. в Германию большой советской военной делегации во главе с Тухачевским, приглашенной военным министром генералом Шлейхером на осенние маневры рейхсвера. Советские военачальники присутствовали на них в районе Франкфурта-на-Одере, а затем, разделившись на две группы, посетили военные предприятия Рурского бассейна и Высшую пехотную школу в Дрездене, где учились советские командиры. Тухачевскому был оказан хороший прием. Делегацию принял президент Гинденбург[15]. По поводу этой поездки выдвигались различные гипотезы, включая предположение о развитии стратегического сотрудничества, направленного против Польши. Роль Тухачевского склонны были преувеличивать. Он был заместителем наркомвоенмора и начальником вооружений РККА. Вопросы стратегического планирования не входили в его компетенцию. В Германии Тухачевский интересовался главным образом проблемой развития вооружений и работой военной промышленности. По окончании визита никакие документы не были подписаны. Тухачевский был очень сдержан в своих оценках и суждениях. Не следует забывать, что его положение в военном ведомстве только начало укрепляться. Длительный конфликт со Сталиным и Ворошиловым был притушен, но не забыт. По некоторым признакам можно было судить о приближении перемен, и руководящие круги Красной Армии начали интересоваться проблемой поиска новых союзников и переориентацией в военном сотрудничестве.

21 июля 1932 г. был подписан пакт о ненападении между Советским Союзом и Польшей. До дружественных отношений было далеко, однако военная угроза западным границам СССР была ослаблена. После подписания этого пакта германо-советские отношения начали портиться. Осенью 1932 г. был сделан еще один шаг, означавший отход советской политики от многолетней прогерманской ориентации. 29 ноября 1932 г. был подписан пакт о ненападении между СССР и Францией. В советских военных кругах интерес к сближению с Францией возник раньше, чем были предприняты политические шаги. Зимой 1930—1931 гг. Алкснис прожил несколько месяцев в Париже, знакомясь с французской авиапромышленностью.

Поездка Тухачевского в Германию на маневры осенью 1932 г. была по существу последним присутствием представителей Красной Армии на учениях рейхсвера. Несмотря на сердечные, согласно дипломатическим отчетам, приемы, во взаимоотношениях командования двух армий уже тогда чувствовалась неудовлетворенность. Впоследствии, в беседе с германским военным атташе в Москве Хартманом, Тухачевский утверждал, что во время его пребывания в Берлине осенью 1932 г. уже говорилось

[13] Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М. 1932 (Цит. по: Военно-исторический журнал 1966, № 5, с. 13).

[14] Gatzke H. W. Op. cit., p. 594.

[15] См.: Castellan G. Op. cit., p. 248; Carsten F. L. The Reichswehr and Politics, p. 360; Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза. 1928—1932. М. 1968, с. 267.

о намерении Германии приступить по финансовым соображениям к ликвидации тренировочных станций на советской территории[16]. Таким образом, по крайней мере за полгода до прихода Гитлера к власти существовали определенные сомнения в целесообразности военного сотрудничества двух стран. Установление в Германии нацистского режима ускорило процесс, начавшийся ранее.

Обстоятельства разрыва советско-германского военного сотрудничества изучены недостаточно хорошо. Советские архивы ждут своего исследователя. Германская документация, относящаяся к этому вопросу, сильно пострадала в конце второй мировой войны. Среди западных историков нет полного единодушия в вопросе, кто явился инициатором прекращения военного сотрудничества между СССР и Германией. Германский посол в Москве Х. Дирксен и Г. Хильгер считают, что это была советская сторона[17]. Бывший военный атташе Кёстринг и один из весьма осведомленных штабных офицеров в Берлине Шпейдель придерживаются мнения, что прервать отношения с Красной Армией приказал Гитлер[18].

Анализ германских дипломатических документов позволяет думать, что инициативу проявила советская сторона, хотя нельзя отрицать, что у Гитлера в тот период абсолютно отсутствовала какая-либо склонность к сотрудничеству с Советским Союзом. В то же время в действиях советской стороны заметны были колебания и противоречивые шаги, отражавшие колебания и борьбу внутри советского руководства.

Первое сообщение о том, что русские не хотят больше продолжать деятельность одной из военных баз, поступило от посла Дирксена 28 апреля 1933 года[19]. Речь шла, по-видимому, о базе под Саратовом. Дирксен не дает оценки политических причин этого решения. Вскоре, однако, советская сторона отменила свое решение, также без объяснения причин. Дирксен сообщил об этом в пространном отчете от 14 мая в германский МИД[20]. Описывая прием в честь немецкой военной делегации во главе с генералом Бокельбергом, посол отметил, что Ворошилов в беседе подчеркнул свои дружеские чувства по отношению к Германии. Он просил посла передать правительству в Берлине пожелания Советского правительства продолжать, как и раньше, хорошие отношения с Германией. Правда, отметил Дирксен, в советском руководстве имеется и враждебная позиция по отношению к Германии. Тухачевский был более сдержан в проявлении дружеских чувств к Германии. Военному атташе Хартману он дал понять, что в области военного сотрудничества нельзя будет придерживаться прежней линии, если оно не будет согласовано с общей политической позицией[21].

Очевидно, в конце мая или начале июня 1933 г. была выработана новая советская политика по отношению к Германии. Советское правительство заявило о решении прекратить как можно скорее деятельность германских тренировочных станций. Затем последовало решение об отмене обучения командиров РККА в Академии германского Генерального штаба. В июле германская сторона аннулировала участие своих представителей на осенних маневрах Красной Армии. Летом 1933 г. в Советский Союз прибыли специальные представители рейхсвера для ликвидации военных баз. Часть военного имущества на сумму 2,9 млн. марок осталась в распоряжении Красной Армии.

---

[16] Documents on German Foreign Policy. Ser. C. (далее — DGFP). Vol. I. Lnd. 1957, p. 464.

[17] См.: Dirksen H. Moscow, Tokyo, London. Norman. 1952, p. 123; Hilger G., Meyer A. The Incompatible Allies. N. Y. 1953, pp. 256—257.

[18] Castellan G. Op. cit., pp. 206—207; Carsten F. L. The Reichswehr and the Red Army, p. 131; Scott W. Op. cit., p. 96, n. 85.

[19] DGFP. Vol. I, p. 363.

[20] Ibid., pp. 421—423.

[21] Ibid., p. 466.

К концу сентября 1933 г. ликвидация германских военных баз на территории Советского Союза была завершена. Сообщая об этом, полковник Штюльпнагель из Министерства по делам рейхсвера добавил, что Ворошилов и другие военные, исключая Тухачевского, выразили надежду на скорое восстановление тесных военных контактов[22]. Тухачевский был более скептичен. В беседе с новым послом Германии в СССР Твардовским 1 ноября 1933 г. он подчеркнул дружеские чувства к рейхсверу, однако отметил, что закрытие военных баз было политическим решением, поскольку в Советском Союзе убедились в антисоветском характере политики германского правительства[23].

Тухачевский не питал никаких иллюзий в отношении нового режима в Германии. Взаимоотношения же Гитлера и «политических генералов» рейхсвера были в тот период недостаточно ясны. В то же время антисоветские заявления руководителей нацистского режима не оставляли сомнений в их планах. Тухачевский понимал это, возможно, лучше других. В начале 1935 г. он опубликовал статью «Военные планы нынешней Германии», в которой приводил данные о численном росте германской армии, указывал на создание сильной военной авиации и подготовку «могучих армий вторжения», что соответствовало «антисоветским и реваншистским планам Гитлера»[24]. Тухачевский предупреждал, что эти планы имеют не только антисоветскую, но и антизападную направленность.

Статья вызвала немедленный официальный протест Германии одновременно Литвинову и в Наркомат обороны. Д. Эриксон полагает, что советское военное командование не могло серьезно предполагать, что со стороны Германии существует непосредственная военная опасность для Советского Союза. По его мнению, статья частично отражала «истерический страх» перед позицией, преобладающей в Германии[25]. Подобная точка зрения вряд ли справедлива, хотя несомненно, что в военных кругах СССР существовала озабоченность военными приготовлениями нацистской Германии и милитаристской Японии. Особые опасения могла вызывать возможность одновременных действий со стороны обеих этих стран.

В статье Тухачевского интересен один, весьма важный момент. Поскольку он не имел прямого влияния на принятие решений по вопросам внешней политики, его статья была своеобразной формой давления на выработку советским руководством новой внешнеполитической линии. Она произвела большое впечатление на Западе, показав, что, помимо военных лидеров прогерманской ориентации, каковыми традиционно считались Ворошилов и Егоров, существуют военные руководители, ориентирующиеся на западные демократические державы.

Сталин ответил на статью Тухачевского в необычной форме, попытавшись дискредитировать его в глазах западных политических деятелей. В беседе с А. Иденом, прибывшим с визитом в Москву в конце марта 1935 г., Сталин коснулся советско-германских переговоров о займе, а затем неожиданно сообщил высокому английскому гостю о слухах, распространяемых германским правительством о будто бы имевших место встречах Тухачевского и Геринга «для совместной выработки плана нападения на Францию»[26]. Заметив, что это «мелкая политика», Сталин, однако, слух не опроверг. Иден был изумлен упоминанием имени Тухачевского рядом с именем одного из нацистских руководителей. «Это было странное сообщение,— пишет Иден в своих воспоминаниях,— к этому времени Тухачевский опубликовал статью настолько антигерманскую,

---

[22] Ibid., p. 875.

[23] Ibid. Vol. II. Lnd. 1959, pp. 81—83.

[24] Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 2. М. 1964, с. 233—239.

[25] Erickson J. The Soviet High Command. Lnd. 1962, p. 384.

[26] ДВП СССР. Т. XVIII. М. 1973, с. 249.

что это вызвало дипломатический протест из Берлина»[27]. Указав без комментариев, что два года спустя Тухачевский был расстрелян за якобы изменнический заговор с нацистами (воспоминания опубликованы после реабилитации Тухачевского!), Иден глубокомысленно добавляет: «Лабиринты Кремля непроницаемы». Дело, конечно, заключалось не в «тайнах Кремля». Действия Сталина всегда носили обдуманный характер. Сообщая слухи, порочащие одного из виднейших руководителей Красной Армии, он стремился ослабить впечатление, произведенное статьей Тухачевского на Западе, зародить сомнения в искренности его антигерманской позиции.

Тухачевский был последователен в своей линии, направленной на разоблачение агрессивных планов гитлеровской Германии. В речи на второй сессии ЦИК 15 января 1936 г. он снова говорил о военных приготовлениях Германии и поисках ею путей вторжения на советскую территорию. Тухачевский дал оценку состоянию Красной Армии и степени ее готовности вести одновременно борьбу на Дальнем Востоке и на западной границе[28]. Тухачевский разделял и поддерживал развиваемые Литвиновым идеи союза с западными державами, прежде всего с Францией. В феврале 1936 г. они вместе присутствовали в Лондоне на похоронах короля Георга V.

С Литвиновым был близок и командарм Якир, чей политический вес как члена ЦК, никогда не конфликтовавшего со Сталиным, был несравненно больше веса и влияния Тухачевского. Летом 1936 г., находясь на отдыхе и лечении в Чехословакии, Литвинов и Якир провели вместе два дня, обсуждая положение в Европе в связи с ростом фашистской опасности[29]. Позднее, 31 августа 1939 г., после подписания пакта о ненападении с гитлеровской Германией и за один день до начала второй мировой войны, на заседании Верховного Совета СССР Молотов осудил некоторых близоруких людей, которые «увлеклись упрощенной антифашистской агитацией»[30]. Литвинов к этому времени был уже смещен с поста Народного комиссара иностранных дел, а Тухачевский и Якир и другие военачальники, предупреждавшие о фашистской агрессии, расстреляны по ложным обвинениям в измене.

Контакты в военной области между Францией и Советским Союзом в начале 30-х годов практически отсутствовали. В столицах двух государств не было военных атташе, не было взаимных визитов военных делегаций на маневры двух армий. Улучшение франко-советских отношений, развивавшееся на фоне разрыва сотрудничества Красной Армии и рейхсвера, началось с обмена военными атташе. 8 апреля 1933 г. в Москву прибыл первый французский военный атташе полковник Мендрас, дружески принятый Ворошиловым, Егоровым и Литвиновым. В мае 1933 г. в столицу Франции прибыл первый советский военный атташе комдив Венцов, один из ближайших сотрудников Тухачевского. Он довольно быстро наладил хорошие отношения с представителями французских военных кругов. Особенно тесные отношения сложились у него с молодым офицером из штаба генерала Вейгана полковником де Латтром де Тассиньи[31]. Энергия Венцова во многом способствовала франко-советским контактам.

Процесс франко-советского сближения развивался весьма энергично в течение всего 1933 года. В августе — сентябре Советский Союз посетил видный французский государственный деятель Э. Эррио. В программу его визита было включено посещение военного училища и Аэродинамического института в Москве. Руководители Красной Армии устроили банкет в честь французского гостя.

Наибольший интерес вызвал визит французского министра авиации П. Кота в сентябре 1933 года. Он был одобрен не только МИД Франции, но и военным министерством и французским Генеральным штабом. В этом усматривался намек на то, что военные руководители Франции одобряли возобновление дружественных отношений с Советским Союзом[32]. Французская делегация прибыла в СССР на самолетах и проследовала в Москву через Киев и Харьков. Перелет из Харькова прошел в сопровождении почетного эскорта самолетов ВВС РККА. Впервые в советской практике зарубежной делегации были оказаны воинские почести. П. Кот был принят Тухачевским. Вместе с членами делегации он присутствовал на маневрах авиационных подразделений Красной Армии, посетил авиационный завод в Филях под Москвой и завод по производству авиационных моторов. Делалось все, чтобы заинтересовать французов достижениями в области военной авиации. Французам дали понять, что они могут занять место, освобождаемое немцами.

В начале 1934 г. между Францией и СССР произошел обмен военно-воздушными атташе, а в августе в Париж прибыла эскадрилья советских самолетов АНТ-6. Это был ответный визит на посещение Советского Союза П. Котом. Французов не оставляло ощущение, что инициатива к сближению исходила от советской стороны. Причину этого они видели в возрастающей опасности со стороны Германии и Японии, вызывавшей беспокойство советских руководителей[33]. Если подобное предположение справедливо, то очевидно, что на франко-советском сближении настаивали те круги высшего командования Красной Армии, которые видели в этом ответ германо-японской угрозе.

Отношение командования французской армии к франко-советскому сближению было двойственным. С одной стороны, сотрудничество с Советским Союзом было весьма привлекательным, так как позволяло разрушить контакты Красной Армии и рейхсвера и заручиться советской поддержкой в случае нападения Германии на Францию; с другой — французский Генеральный штаб предпочитал ограничиться общим франко-советским договором, не дополняя его специальной военной конвенцией. Французская военная доктрина строилась на предпочтении позиционной войны и использовании для этой цели линии Мажино. Французские генералы понимали, что в случае войны с Германией открытие Советским Союзом второго фронта может облегчить положение Франции. Однако среди французских военных господствовало скептическое отношение к возможностям Красной Армии вести широкие наступательные операции. Положение осложнялось отсутствием общих границ между Германией и СССР. Необходимо было согласие Польши, Чехословакии и Румынии на проход советских войск. Заручиться таким согласием было делом нелегким.

В 1934 г. советская военная авиация усиленно демонстрировала Западу свои достижения. После упомянутого выше визита в Париж эскадрилья советских самолетов вылетела в Рим. Летом того же года делегация ВВС РККА на трех самолетах АНТ-6 находилась с визитом в Варшаве, а Алкснис вместе с группой конструкторов и летчиков отправился в Лондон на авиационную выставку и военно-воздушный парад[34]. В отличие от Франции британское военное министерство раскачивалось медленно, и советский военно-воздушный атташе И. И. Черний появился в Лондоне только в конце 1936 года.

Взаимные визиты 1933—1934 гг. подготовили почву для более тес-

---

[27] Eden A. Memoirs. Facing the Dictators. Boston. 1962, p. 174.
[28] Тухачевский М. Н. Задачи обороны СССР. М. 1936, с. 6—10.
[29] Командарм Якир, с. 226—227.
[30] Внеочередная, 4-я сессия Верховного Совета СССР. М. 1939, с. 200.
[31] Pertinax. Les Fossoyeurs. N. Y. 1943, p. 43; Scott W. Op. cit., pp. 139—140.

[32] Scott W. Op. cit., pp. 119—120.
[33] Ibid., p. 121.
[34] Военно-исторический журнал, 1981, № 2, с. 86; Командарм крылатых, с. 33; Майский И. М. Воспоминания советского посла. Кн. 2. М. 1964, с. 275.

ного франко-советского союза. 2 мая 1935 г. в Париже был подписан договор о взаимной помощи против агрессии между СССР и Францией сроком на пять лет. Через десять дней после подписания договора в Москву прибыл министр иностранных дел Франции П. Лаваль. Он встречался со Сталиным, Молотовым и Литвиновым. В ходе бесед советская сторона предложила дополнить договор военной конвенцией с конкретными обязательствами на случай войны. Лаваль не питал дружеских чувств к Советскому Союзу, но дал согласие на открытие переговоров между генеральными штабами Франции и СССР[35]. Чтобы продемонстрировать Лавалю серьезность советских намерений, его пригласили посетить военный аэродром под Москвой, где он наблюдал полеты военных самолетов и учения парашютных войск[36].

Не успел Лаваль вернуться в Париж, как советский военный атташе Венцов в конце мая информировал французский Генеральный штаб, что штаб РККА «готов вступить в отношения с французским генштабом»[37]. Последний занял осторожную позицию, не проявляя никакой инициативы. Еще 4 мая 1935 г., сразу после подписания франко-советского договора, начальник французского генштаба генерал Гамелен заметил, что в данный момент не может быть и речи о каких-либо конкретных аспектах франко-советского военного сотрудничества. Но, добавил он, когда «оба правительства сочтут это необходимым, это выпадет на долю генеральных штабов»[38].

В июне 1935 г. советский посол во Франции В. П. Потемкин напомнил военному министру Фабри о стремлении Советского Союза к заключению военной конвенции. С целью продемонстрировать реальные возможности Красной Армии и ее успехи в деле модернизации военные делегации Франции, Чехословакии и Италии были приглашены на большие осенние маневры войск Киевского военного округа, проходившие с 12 по 17 сентября 1935 года. Руководил маневрами командующий округом Якир. «Синей» стороной командовал И. Дубовой, в прошлом заместитель Якира, недавно назначенный командующим Харьковским военным округом, а «красной» — заместитель Дубового С. Туровской.

Маневры были организованы с большим размахом. Наряду с использованием стрелковых и кавалерийских частей широко применялись механизированные соединения, танковые части и, что особенно поразило иностранных гостей, массовый воздушный десант. Кроме этого, маневры были интересны отработкой теории глубокого боя, предложенной Триандафилловым и разработанной Тухачевским[39]. Об этих маневрах был снят документальный фильм, который показывался в советских посольствах ряда европейских стран членам правительств и представителям генштабов.

Глава французской делегации на киевских маневрах генерал Луазо представил по возвращении доклад, дав высокую оценку достижениям Красной Армии. «Это поможет ей,— писал он в заключении,— удержаться на восточном фронте во время столь критического периода, как начало конфликта, важного для сил, оказывающих сопротивление»[40]. Доклад Луазо не встретил сочувствия у руководителей французского Генерального штаба, а сам генерал получил выговор за неумеренные похвалы Красной Армии.

27 февраля 1936 г. после бурных дебатов палата депутатов французского парламента ратифицировала франко-советский пакт. 8 марта 1936 г., на следующий день после ввода германских войск в демилитаризованную Рейнскую зону, пакт был ратифицирован Советским Союзом. Еще через четыре дня его ратифицировал французский сенат. Вопрос о военной конвенции остался открытым.

Историки, как советские, так и западные, склонны обвинять Францию в отказе от подписания специального военного соглашения[41]. Но и советские руководители после ратификации договора не слишком спешили с открытием переговоров о военном сотрудничестве. 19 марта 1936 г. на вопрос редактора газеты «Le Temps» Шастенэ о наиболее полезных формах сотрудничества в военной области Молотов уклончиво ответил: «Вопрос требует специального изучения. Этим пришлось бы заняться военным специалистам»[42]. Ответственность, таким образом, перекладывалась на плечи командования Красной Армии, которое в 1936 г. стало главным источником инициативы в развитии военного сотрудничества с Францией.

В январе 1936 г. Тухачевский был назначен сопровождать Литвинова на похороны английского короля Георга V. Проследовав на поезде через Берлин, он задержался там на несколько часов. Эта задержка стала источником многочисленных домыслов и спекулятивных догадок о возможной встрече Тухачевского с представителями германского Генерального штаба[43]. Официальные германские круги категорически отвергали возможность такой встречи. Об обстановке в Берлине не сообщалось ни в советской, ни в немецкой печати. Трудно предположить, что в условиях всеобщей подозрительности Тухачевский предпринял какой-либо опрометчивый шаг, который мог его безнадежно скомпрометировать.

Попытки прозондировать почву в германских военных кругах были предприняты Уборевичем. Направляясь в конце января 1936 г. через Варшаву в Париж, чтобы присоединиться к Тухачевскому, Уборевич встретился с помощником германского военного атташе в Польше майором Кинцелем. В беседе с ним он выразил желание встретиться с авторитетными немецкими военными, на обратном пути Уборевич надеялся посетить Бломберга[44]. По-видимому, некоторые военные продолжали надеяться на возможность возобновления контактов с бывшими руководителями рейхсвера, влияние которых на внутреннюю и внешнюю политику Германии сильно преувеличивалось.

В Англии Тухачевский провел 13 дней. Он имел встречи с министрами обороны и авиации, а также с представителями генералитета, которым был показан фильм о высадке парашютного десанта. Тухачевский стремился заинтересовать своих слушателей новыми для них идеями. В Лондоне Тухачевский получил приглашение генерала Гамелена посетить Париж и провести неделю в качестве гостя французского Генерального штаба. Программа пребывания маршала во Франции была чрезвычайно насыщена. Она включала посещение военных объектов, визиты к государственным деятелям и продолжительные беседы с генералом Гамеленом по вопросам технического оснащения двух армий и их более

[35] Mourin M. Les Relations Franco-Soviétiques (1917—1967). P. 1967, p. 208; Scott W. Op. cit., p. 266.

[36] Ibid., pp. 254—255.

[37] Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М. 1979, с. 85.

[38] Général Gamelin. Servir. Le Prologue du Drame (1930—août 1939). P. 1946, p. 166.

[39] Современную западную оценку военно-теоретических взглядов Тухачевского см.: Erickson J., Simpkin R. E. Deep Battle: the Genius of Marshal Tukhachevskii. Oxford. 1986.

[40] Цит. по: Dreifort J. E. The French Popular Front and the Franco-Soviet Pact, 1936—1937.— Journal of Contemporary History, 1976, vol. 11, № 2—3, p. 219.

[41] Scott W. Op. cit., p. 265; Сиполс В. Я. Ук. соч., с. 86.

[42] Молотов В. М. Статьи и речи. М. 1937, с. 233.

[43] Castellan G. Op. cit., p. 244; Erickson J. Op. cit., p. 411; Tabonis G. They Called me Cassandra. N. Y. 1942, p. 257.

[44] См.: McMurry D. S. Deutschland und die Sowjetunion, 1933—1936. Köln-Wien, 1979, s. 320—321. Осенью 1936 г. Уборевич по приглашению генерала Фрича присутствовал на маневрах германской армии, вызвав раздраженное замечание Гитлера в адрес тех немецких генералов, которые «пьянствуют и водятся с коммунистическими генералами» (см.: Görlitz W. Op. cit., p. 308; Hegner H. S. Die Reichskanzlei, 1933—1945. Societäts-Verlag. 1959, S. 255—256).

тесного сотрудничества. Тухачевский не скрывал, что встревожен германской угрозой и внимательно следит за прогрессом германской армии [45].

Пребывание Тухачевского в Англии и Франции было предметом пристального внимания европейской прессы и темой многочисленных, весьма спекулятивных комментариев. Поведение советского маршала обсуждалось без глубокого понимания общественно-политических процессов, происходящих в Советском Союзе. Банальные рассуждения о бонапартистских наклонностях Тухачевского не имели ничего общего ни с его характером, ни с обстановкой, в которой ему приходилось работать. Выступления Тухачевского, его фразы и замечания, вскользь брошенные на банкетах и дипломатических приемах, превратно толковались [46].

Тем не менее визит Тухачевского произвел самое благоприятное впечатление на тех, кто стремился к франко-советскому сближению. Через месяц, в беседе с редактором газеты «Le Temps», немедленно доведенной до французского общественного мнения, Молотов дезавуировал усилия Литвинова и Тухачевского к сближению с демократическими державами Запада. Из заявления Молотова вытекало, что Сталин, названный «главным направлением, определяющим политику Советской власти», стремится к улучшению отношений с гитлеровской Германией, в отличие от тех советских людей, которые относятся «к современной Германии с совершенной непримиримостью» [47]. Нетрудно понять, кого имел в виду Молотов. Непримиримое отношение к нацистской Германии занимал Литвинов и разделявшие его позицию Тухачевский, Якир и близкие им по духу командиры Красной Армии. Заявление Молотова порождало у западных политических деятелей сомнения в искренности советской политики совместного выступления с Францией против возможной фашистской агрессии.

Несмотря на трудности, военные контакты со странами, подписавшими с Советским Союзом пакты о взаимной помощи,—Францией и Чехословакией — продолжали непрерывно развиваться [48]. Значительным событием в этой области после поездки Тухачевского был визит советской военной делегации во главе с Якиром на маневры французской армии осенью 1936 года. Эта поездка не освещалась ни в одной из советских или западных работ [49]. Якир пробыл во Франции с 19 августа по 2 сентября. Его сопровождали советские военный и военно-воздушный атташе во Франции, а также один из руководителей ВВС РККА комкор Хрипин. Делегация присутствовала на военных учениях в районах Меца, Нанси, Труа и Тура и на авиационных маневрах и учениях ПВО в районе Буржа. Посещение линии Мажино и наблюдения за применением танков на маневрах французской армии разочаровали Якира. Военная доктрина французского генштаба была консервативна и мало отвечала духу времени.

Якир имел встречи и беседы с генералами Гамеленом и Вейганом, а также с министром авиации Котом. В день отъезда, во время ответного завтрака, где присутствовали Кот и высшие чины генштаба, Якир поблагодарил французов за радушный прием, оказанный советской делегации. Выйдя за рамки обычных дипломатических любезностей, Якир заявил: «При теперешнем положении в Европе сотрудничество наших

[45] Erickson J. Op. cit., p. 412.

[46] См.: Tabouis G. Op. cit., pp. 257—258; Erickson J. Op. cit., p. 413.

[47] Молотов В. М. Ук. соч., с. 231—232.

[48] О поездке заместителя начальника 1-го (оперативного) отдела Генштаба РККА Г. С. Иссерсона во Францию, визитах командармов Б. М. Шапошникова и Я. И. Алксниса, комдива К. А. Мерецкова в Чехословакию и о пребывании французской авиационной делегации в СССР в августе 1936 г. см.: Военно-исторический журнал, 1963, № 4, с. 71; Командарм крылатых, с. 34, 243; Правда, 17, 24, 30.VIII.1936; Le Temps, 29.VIII.1936.

[49] Поездка Якира во Францию упоминается в повести И. Дубинского «Наперекор ветрам» (М. 1964, с. 253—257).

двух армий без каких-либо агрессивных намерений против кого бы то ни было может явиться крайне важным фактором безопасности и мира» [50]. Советская пресса передала речь Якира в смягченном варианте. Слова о положении в Европе исчезли, а тезис о сотрудничестве двух армий заменен общим пожеланием дружеских отношений [51].

Визит Якира повлиял, по-видимому, на позицию французского генштаба. В сентябре 1936 г. наметились некие сдвиги в вопросе о переговорах генеральных штабов. Французский генштаб был уполномочен провести подготовительные обсуждения. Эта подготовка велась в атмосфере строгой секретности. Глава правительства Народного фронта Л. Блюм собирался поставить переговоры под свой контроль, зная отрицательное отношение к контактам с Советским Союзом в военной сфере со стороны военного министра Даладье и его советников [52].

Изменения произошли и в Советском Союзе. Антифашистская линия Литвинова — Тухачевского — Якира получила в сентябре поддержку в Политбюро. 20 сентября 1936 г. оно одобрило план создания системы коллективной безопасности. Затем последовало предложение Франции и Чехословакии начать переговоры на уровне представителей генеральных штабов [53]. Осенью 1936 г. было принято решение об активном выступлении на стороне республиканцев-антифашистов в гражданской войне в Испании. По возвращении из Франции Якир был назначен членом Военного совета Наркомата обороны СССР, чему с 1934 г. препятствовал Ворошилов. Процесс укрепления антифашистской линии во внешней политике совпал с сопротивлением развертыванию террора в партии, оказанным Сталину некоторыми членами Политбюро при поддержке части членов ЦК.

В начале сентября 1936 г. в Советский Союз прибыла французская военная делегация во главе с генералом В. Швейсгутом, заместителем начальника генштаба. Делегация была приглашена на маневры Белорусского военного округа. Ранее прибыла делегация Чехословакии и впервые приглашенная на маневры Красной Армии английская военная делегация во главе с генералом Уэйвеллом. Руководил маневрами командующий войсками округа Уборевич. Маневры включали проведение воздушно-десантной операции и в целом произвели большое впечатление на иностранных гостей.

По возвращении в Париж Швейсгут представил 4 октября 1936 г. доклад, содержащий впечатления о маневрах и изложение бесед с Ворошиловым и Тухачевским. Швейсгут не принадлежал к сторонникам военного соглашения с Советским Союзом. До поездки он утверждал, что Советский Союз не имеет военной ценности для Франции [54]. Он был, разумеется, осведомлен, что военный министр Даладье занимает отрицательную позицию по отношению к штабным переговорам с Красной Армией. Все это предопределило его позицию. Меньше всего места в отчете он уделил самим маневрам. Красную Армию он оценил как «кажущуюся сильной», но недостаточно подготовленную к войне с крупной европейской державой» [55].

Главное место в докладе занимали соображения Швейсгута о целях советской внешней политики. Общий его вывод сводился к тому, что Советский Союз делает ставку на войну между Францией и Германией, предпочитая, чтобы «гроза разразилась над Францией». Война между

[50] Правда, 21.VIII.1936; Le Temps, 21, 26, 29.VIII, 4.IX.1936.

[51] Правда, 7.IX.1936.

[52] Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War. 1936—1939. Lnd. 1977, p. 48.

[53] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 2. М. 1971, с. 301.

[54] Young R. In Command of France: French Foreign Policy and Military Planning, 1933—1940. Cambridge (Mass.).— Lnd. 1978, p. 145.

[55] Documents Diplomatiques Français. Ser. 2 (далее — DDF). T. III. P. 1966, p. 513.

двумя европейскими державами была бы, по мнению Швейсгута, выгодна СССР и позволила бы ему быть, как США в 1918 г., арбитром в истощенной Европе[56]. Швейсгут не видел никакой пользы в переговорах генеральных штабов, о чем ему снова напомнил Тухачевский. К мнению Швейсгута присоединился и Даладье в сопроводительной записке к докладу. Этот документ — определенный поворотный пункт во франко-советских отношениях. Он стал официальной точкой зрения руководителей французской политики по отношению к Советскому Союзу.

Только страх перед возможным советско-германским сближением заставлял французские военные круги продолжать обсуждение проблемы военной конвенции, не делая при этом, в сущности, ничего практически. Позиция французского генштаба ослабляла усилия тех военачальников Красной Армии, которые стремились к тесному военному сотрудничеству с Францией для совместной антигитлеровской борьбы. Это ослабляло также их внутриполитическую позицию и открывало широкие возможности для различных провокаций как со стороны Сталина и НКВД, так и со стороны германской разведывательной службы. События не замедлили последовать осенью 1936 года.

В ноябре Блюм решил сдвинуть дело с мертвой точки и начать переговоры с советским военным атташе, придав им строгую секретность[57]. Он сразу же столкнулся с оппозицией со стороны генштаба. Когда Блюм попытался получить отчет генерала Луазо о маневрах Красной Армии в 1935 г., чтобы сравнить его с отчетом Швейсгута, он встретил скрытое сопротивление военных. Доклад Луазо был выдан ему неохотно и с большим опозданием. В двух докладах, разделенных периодом в один год, Блюм нашел разительные противоречия в оценках Красной Армии. Блюм сообщил об этом в показаниях, данных в комиссии Национального собрания Франции в 1947 году[58]. Блюм добавил, что французский Генеральный штаб не рассматривал военную помощь со стороны Советского Союза как цель первостепенной важности.

Переговоры с советским военным атташе начались в январе 1937 года. Венцов к тому времени был отозван из Парижа и по прибытии на родину арестован. Советскую сторону представлял новый атташе, Семенов. Вместе с полпредом СССР в Париже Потемкиным он представил 17 февраля 1937 г. ответ генштаба РККА на запрос французского генштаба о формах и размерах помощи, которую Советский Союз мог бы оказать в случае германского нападения на Францию и Чехословакию[59]. Советский план предусматривал два варианта, в зависимости от согласия или отказа Польши или Румынии на проход советских войск через их территорию.

Переговоры с участием советского военного атташе шли вяло. После нескольких встреч они замерли, а в конце марта 1937 г. Семенов тоже был отозван. Частая смена военных атташе, а также вести об арестах в Советском Союзе не создавали атмосферы доверия.

В позиции Блюма, проявлявшего интерес к военным переговорам с Советским Союзом, в конце 1936 г. произошла важная перемена. Он отказался от давления на Министерство обороны и Генеральный штаб, которое оказывал до тех пор, чтобы придать франко-советскому союзу характер военной солидарности[60]. В своих показаниях Блюм объяснил

[56] Ibid., pp. 513—514.

[57] Colton J. Léon Blum: Humanist in Politics. N. Y. 1966, p. 211; Young R. Op. cit., pp. 147—148, 288, n. 50.

[58] Les Evénements survenus en France. T. I. P. 1951, p. 128.

[59] DDF. T. IV. P. 1967, p. 1968; ДВП СССР. Т. XX, с. 703; Сиполс В. Я. Ук. соч., с. 87—88.

[60] Первые признаки в изменении позиции Блюма появились в начале декабря 1936 года. В беседе с послом Англии в Париже Кларком он заметил по поводу франко-советского договора: «Хотел бы видеть его сохраненным, но без зубов» (цит. по: Dreifort J. Op. cit., pp. 222, 233, n. 24).

причину этих перемен, подчеркнув, что рассказывает об этом впервые. По его словам, в конце 1936 г. он получил через сына предупреждение президента Чехословакии Э. Бенеша принять максимальные предосторожности во взаимоотношениях с советским Генеральным штабом, поскольку «руководители советского генштаба поддерживают подозрительные связи с Германией... Именно это предупреждение, переданное в конце 1936 г., меня в каком-то смысле парализовало в тех упорных усилиях, которые я прилагал несколько месяцев подряд, чтобы придать франко-советскому союзу отдачу и в военном плане»[61].

Любопытно, что Бенеш в своих воспоминаниях пишет о предупреждении, сделанном им Сталину в середине января 1937 г., о якобы существующем антисталинском заговоре Тухачевского и других и нигде не упоминает об аналогичном предупреждении, посланном в конце 1936 г. Блюму[62]. Сообщая У. Черчиллю подробности о предупреждении Сталина, Бенеш ни словом не упомянул, что он когда-либо сообщал Блюму сведения о связях так называемых военных заговорщиков с нацистской Германией. Подобная забывчивость Бенеша трудно объяснима. Парализовав усилия Блюма, предупреждение, сделанное Бенешем, привело к срыву франко-советского соглашения, что, в свою очередь, сыграло решающую роль в судьбе Чехословакии, отданной Гитлеру.

Остается упомянуть еще одну весьма существенную деталь. В примечании к рассказу Бенеша, начало которого относится к осени 1936 г., Черчилль упомянул, что «имеются однако некоторые доказательства, что информация Бенеша была предварительно сообщена чешской полиции ОГПУ»[63]. Какие именно имеются доказательства, Черчилль не сообщил. Руководитель чехословацкой военной разведки генерал Ф. Моравец отрицал какую-либо причастность чешской разведывательной службы к получению и передаче сведений, компрометирующих высшее командование Красной Армии[64]. Советские источники пока молчат.

Если утверждение Черчилля справедливо, то сведения, которыми располагал Бенеш по поводу контактов советских военачальников с Германией, были чистейшей дезинформацией. С ее помощью Ежов, действуя, скорее всего с ведома Сталина, торпедировал намечавшееся с таким трудом франко-советское военное соглашение. Одновременно была брошена тень подозрения на высшее командование Красной Армии, против которого Сталин уже длительное время готовил удар.

[61] Les Evénements survenus. T. I, p. 129.

[62] Memoirs of Dr. Eduard Beneš. Cambridge. 1954, pp. 19—20, 47, n. 8.

[63] Churchill W. S. The Second World War. Vol. I. Lnd. 1948, p. 225.

[64] Moravec F. Master of Spies. Lnd. 1981, pp. 89—92.

МОНОПОЛЬНАЯ ПРИБЫЛЬ В РОССИИ

(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

А. К. Сорокин

Российские промышленные монополии — традиционное направление советских исследований в области социально-экономических предпосылок Октября.

Для анализа монополии мало исследовать ее организационные формы и достигнутый уровень концентрации. Количественные оценки степени концентрации производства в отрасли, давая представление о позициях крупного бизнеса, сами по себе недостаточны для суждения о монополистической власти как таковой и тем более о сущности монополии. Точная количественная оценка того уровня концентрации, откуда берет начало собственно монополистическая власть одних предприятий над другими, невозможна[1]. В свое время А. Л. Сидоров подчеркнул, что обоснование монополистического характера выявленных промышленных объединений России еще ждет строгого доказательства. Без этого, считал он, ряд высказанных в работах советских историков положений о монополиях не вышел «за рамки гипотез»[2].

Для периода становления монополии, когда ее существование носит неявный характер (хотя организационно она может быть уже оформлена и концентрирует значительный процент производственных мощностей и продукции отрасли), изучение прибылей приобретает весьма важное значение, поскольку позволяет полнее охарактеризовать процесс становления монополии, оценить степень ее зрелости. О завершившемся переходе к монополии есть основания говорить, когда нарождающаяся монополия оказывается в состоянии на деле использовать преимущества своего положения и организационных форм для извлечения монопольно высоких прибылей.

Проблема монопольной прибыли еще не стала предметом специального исследования применительно к российским монополистическим объединениям. В дореволюционной литературе она вообще не была поставлена, хотя некоторые авторы, пытаясь установить зависимость получаемой предприятием прибыли от его размеров или совокупности комбинативных признаков, вплотную подошли к этому вопросу[3]. В

СОРОКИН Андрей Константинович — старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

[1] См., напр., Рудакова И. Е. Капиталистическая монополия: ее политико-экономическая природа и формы экономической реализации. М. 1976, с. 43—47.

[2] Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1970, с. 175.

[3] См., напр., Афанасьев Г. Положение сахарной промышленности.— Вестник финансов промышленности и торговли. 1908, № 46; его же. Хозяйственные результаты деятельности русских сахарных заводов за 1908/9 г.— Там же, 1911, № 36; Бович Л. Доходность и капиталы нефтедобывающих фирм в Баку в 1907 г.— Там же, 1909, № 40; его же. Доходы и капиталы бакинских нефтедобывающих фирм в 1910 г.— Там же, 1912, № 18; Иоксимович Ч. М. Прибыли и дивиденды ману-

исследованиях советских ученых 20—40-х годов о российской промышленности эта тема не нашла удовлетворительного освещения. Не был исследован и вопрос о динамике показателей прибыльности. Лишь С. Г. Струмилин в ранней своей работе «Проблема промышленного капитала в СССР» (М. 1925) рассмотрел его в самом общем виде.

Первые шаги в разработке вопроса о монопольной прибыли были сделаны в 50-е годы. В работах П. В. Волобуева, М. Я. Гефтера, А. Л. Цукерника были представлены данные, характеризующие высокий уровень прибыли ряда акционерных предприятий — участников монополистических объединений в металлургической, угольной, нефтяной промышленности России за годы предвоенного промышленного подъема[4]. Важный вклад в разработку проблемы внес И. Ф. Гиндин, обратившийся к изучению сущности балансов акционерных предприятий — основного источника об их капиталах и прибылях. Ему принадлежит и ряд экспертных оценок прибылей капиталистических предприятий и монополистических объединений. Он считал, что решение проблемы монопольной прибыли позволило бы сделать выводы, «существенные для характеристики не только промышленных монополий, но и монополистического капитализма в России в целом»[5]. В 80-е годы И. А. Дьяконова привела условно рассчитанные данные о движении нормы прибыли общества «Братьев Нобель» в сравнении с динамикой отраслевого показателя в 1897—1914 гг.; А. М. Соловьева рассмотрела вопрос о прибылях крупных акционерных обществ в обрабатывающей промышленности с середины 80-х годов XIX в. до 1904 года[6].

Предстоит проработка темы монопольной прибыли на материалах важнейших отраслей промышленности за весь период становления и развития российского монополистического капитализма. Требует внимания и вопрос об источниках формирования монопольно высоких прибылей, важный для уточнения представлений об уровне монополизации, степени зрелости монополистических образований. При этом на первый план выступает методическая сторона работы с источниками и расчетов показателей прибыльности, чему до сих пор уделялось недостаточное внимание. Особенно важны такие исследования в отношении отраслей тяжелой промышленности, где процессы монополизации получили наибольшее развитие. Поэтому объектом моего изучения стали металлургическая и угольная промышленность, где действовали крупнейшие монополистические объединения дореволюционной России — синдикаты «Продамет» и «Продуголь».

Основным источником сведений о капиталах и прибылях служат балансы акционерно-паевых предприятий, публиковавшиеся в приложении к журналу Министерства финансов «Вестник финансов, промышленности и торговли» и послужившие основой для ряда изданий балансовой

фактурных предприятий за 1902—1911 г. М. 1912; его же. Забастовки, налоги и доходность мануфактуристов и нефтепромышленников. М. 1915; Лебедь-Юрчик Х. М. Сахарная промышленность в России. Киев. 1909; его же. Распределение дохода и оплата труда в сахарной промышленности. Ямполь. 1912; Расинский Ф. А. Статистика доходности русских акционерных горных, горнозаводских и механических предприятий.— Русское экономическое обозрение, 1904, т. 2; его же. Доходность прядильно-ткацких акционерных предприятий в России за 1906 г.— Вестник А. Л. Синдикат «Продамет». М. 1959.

[4] Гефтер М. Я. Царизм и монополистический капитал в металлургии Юга России до первой мировой войны.— Исторические записки. Т. 43; Волобуев П. В. Политика производства угольных и нефтяных монополий в России накануне первой мировой войны.— Вестник МГУ, серия историко-филологическая, 1956, № 1; Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет». М. 1959.

[5] Гиндин И. Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник. В кн.: Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М. 1964, с. 147.

[6] Дьяконова И. А. Нобелевская корпорация в России. М. 1980; Соловьева А. М. Прибыли крупной промышленной буржуазии в акционерных обществах России в конце XIX— начале XX века.— История СССР, 1984, № 3.

статистики[7]. Эти материалы до сих пор недооцениваются главным образом из-за распространенного среди исследователей мнения об их узкофинансовом значении и из-за общеизвестной зашифрованности балансов, что порождает у многих скептическое отношение к ним как источнику. Гиндин в свое время пришел, однако, к выводу, что, изучая балансовые данные (как и все стоимостные показатели экономической статистики) «ради широких выводов в обобщенном виде и в движении во времени», можно «с достаточной приближенностью улавливать те основные процессы, которые отражают балансовые показатели»[8]. Использование балансов в целом обеспечивает представительность получаемых данных, поскольку акционерная форма предпринимательства в период империализма становится ведущей[9].

Основой проделанной работы явилось исследование динамики нормы прибыли в различных группировках капиталистических предприятий[10]. Проведенный анализ показывает, что в начале XX в. отраслевые показатели нормы прибыли в металлургической и угольной промышленности оставались ниже средних по промышленности России в целом. Лишь в годы предвоенного промышленного подъема картина меняется.

Развитие добывающей и металлургической промышленности подчиняется закономерностям, определяющим более быстрый рост ее доходности сравнительно с обрабатывающей в восходящей фазе цикла капиталистического воспроизводства. Норма прибыли в этих отраслях растет опережающими темпами по сравнению с промышленностью в целом. В металлургии рост нормы прибыли в 1912/13 г. относительно 1909/10 г. составил 227% (с 7,1 до 16,1%), в угольной — 224% (с 3,4 до 7,6%) при росте среднероссийского показателя на 119% (с 11,8 до 14,1%). Выявленный процесс не расходится с теоретическим обобщением Р. Гильфердинга, который писал, что «в период высокой конъюнктуры спрос отраслей, производящих готовые продукты, возрастает быстрее, чем производство добывающих отраслей промышленности. Поэтому цены на сырой материал растут быстрее, чем цены на готовые изделия. Таким образом, в добывающей промышленности норма прибыли повышается за счет обрабатывающей»[11].

Процессы монополизации, происходившие в этой сфере народного хозяйства, оказывали прямое влияние на величину и динамику доходности. Повышенный темп роста нормы прибыли в синдицированных отраслях (в сравнении со средними показателями по промышленности) свидетельствует о происходившем перераспределении национального дохода в пользу монополизируемых сырьевых отраслей. Методы, которыми

---

[7] Характеристику изданий российской балансовой статистики см.: Шепелев Л. Е. Акционерная статистика в России. В кн.: Монополии и иностранный капитал в России. М.— Л. 1962; Голиков А. Г., Наумова Г. Р. Источники по истории акционирования промышленности. В кн.: Массовые источники по социально-экономической истории СССР периода капитализма. М. 1979.

[8] Гиндин И. Ф. Ук. соч., с. 131.

[9] Соответствующие данные применительно к различным отраслям промышленности России приведены в кн.: Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. М. 1984, с. 116, 118.

[10] Показатель прибыли, который может быть исчислен по материалам публичной отчетности, представляет собой следующее. Прежде всего это лишь часть прибавочной стоимости, произведенной в рамках конкретного предприятия или отрасли, за вычетом из нее ренты в виде различного рода арендных платежей, ссудного процента. Таким образом, в основе исчисляемого показателя лежит собственно промышленная прибыль. При этом следует иметь в виду и некоторые его искажения. В этот показатель не входят накладные расходы, жалованье высшей администрации (члены правления и ревизионных комиссий). Зато к прибыли компаний причислены их доходы непромышленного характера. Как составная часть прибыли рассматриваются амортизационные отчисления.

Показатель нормы прибыли исчисляется через отношение рассчитанной вышеуказанным способом массы прибыли к сумме собственных капиталов предприятия, то есть основной (акционерный) капитал плюс все виды запасных (резервных).

[11] Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М. 1959, с. 259.

достигались эти результаты, хорошо освещены в историографии: проводимая монополиями политика ограничения производства давала им возможность повышать цены, а значит, и прибыли. Чем сильнее была монополия, чем большую часть производства данной отрасли она охватывала, тем легче ей давалось установление монопольных цен, тем выше были прибыли данной отрасли по отношению к другим. Таким образом, происходило подчинение интересов народного хозяйства интересам монополистического капитала.

Однако в эту верную в целом картину следует внести коррективы. Представляется, что все-таки роль «Продамета» и «Продугля» в создании металлического и угольного «голода», характерного для последних предвоенных лет, до некоторой степени преувеличивалась. Говорилось об ограничении и даже сокращении производства. Практически не принимались во внимание закономерности цикла капиталистического воспроизводства. Лишь Гефтер более осторожно поставил вопрос об ограничении роста производства[12]. В этой связи уместно напомнить вывод, сделанный в свое время П. А. Хромовым. По его мнению, в отличие от кризисно-депрессивного периода 1900—1908 годов предвоенный промышленный подъем характеризовался более быстрыми темпами роста отраслей промышленности, производивших средства производства: черной металлургии, угольной промышленности, машиностроения, химии и др. Так, по его расчетам, угольная промышленность развивалась быстрее прочих, хотя не это являлось целью «Продугля».

Средний геометрический процент добычи каменного угля в 1885—1913 гг. равнялся 8, а всей промышленности — 5,8. Особенно большой процент роста был в конце XIX в. (1895—1900 гг.) — 12,4 и 13 в предвоенные годы (1910—1913 гг.)[13]. О незначительной регулирующей роли «Продугля» свидетельствует и степень загрузки производственных мощностей в угольной промышленности: в течение всего периода именно крупные фирмы использовали больший процент мощностей. В 1913 г. чисто угольные фирмы — контрагенты «Продугля» использовали свои мощности на 77%, аутсайдерские — лишь на 66,7%[14].

Аналогичных цифр, характеризующих развитие металлургии, Хромов не привел. Такой расчет можно произвести, пользуясь данными Струмилина. Продукция черной металлургии в 1913 г. относительно 1908 г. выросла на 170,1%, в то время как по всей российской промышленности — на 162,4%. При этом происходило замедление темпов роста металлургии по сравнению с последним пятилетием XIX в. (185,4%) и относительно всей промышленности в целом. Это новое соотношение объясняется тем, что последняя увеличивала темпы роста (по сравнению со 138,1%[15] в конце XIX в.).

Поэтому правильнее говорить, видимо, не столько об умышленном создании монополистами чугунного и угольного «голода», сколько об использовании ими в своих интересах закономерностей процесса капиталистического воспроизводства.

Заслуживают внимания весьма значительные различия как в динамике, так и в размерах нормы прибыли между металлургией и угольной промышленностью. В металлургии исходный уровень и темпы увеличе-

---

[12] Гефтер М. Я. Топливно-нефтяной голод а России и экономическая политика третьеиюньской монархии.— Исторические записки. Т. 83, с. 87—88; см. также: Корелин А. П. Социально-экономическая проблематика российского империализма в новейшей советской историографии. В кн.: Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии. М. 1985, с. 54.

[13] Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М. 1960, с. 40.

[14] Рассчитано по: Каменноугольная промышленность в России в 1913 г. Вып. 2. Харьков. 1915, с. XI, табл. 1.

[15] Струмилин С. Г. Промышленные кризисы в России (1873—1907).— Проблемы экономики, 1940, № 2, с. 131, 135 (таблицы).

ния нормы прибыли (вследствие роста цен на металл в условиях повышенной конъюнктуры и установления в конечном счете единой монопольной цены [16]) были настолько высоки, что в предвоенные годы средние показатели по российской промышленности в целом значительно отставали, причем налицо была тенденция и к дальнейшему увеличению разрыва. В 1911/12 г. это превышение составило 1,2% (14,6 против 13,4%), в 1912/13 г.— 2% (16,1 против 14,1%). В еще большей степени эта тенденция свойственна динамике самовозрастания совокупного монополистического капитала — норме прибыли синдиката «Продамет». Превышение среднего показателя нормы прибыли соответственно по годам составило 2,1 и 3,7%. Столь высокий уровень прибыли подтверждает монопольное положение металлургии в системе народного хозяйства России.

В угольной промышленности Донбасса норма прибыли, напоминая динамику в металлургии в последние предвоенные годы, однако, наоборот, не достигала даже средних российских показателей, оставаясь существенно ниже (в 1912/13 г. 7,6% против 14,1%). Точно так же и норма прибыли контрагентов «Продугля» (8,7%), незначительно превышая отраслевой показатель (на 1,1%), существенно отставала от среднероссийского уровня. Одним из важнейших факторов, определивших такое положение, явился низкий уровень производительности труда в угольной промышленности (ниже среднего российского) [17]. Кроме того, наличие конкуренции со стороны других видов топлива, прежде всего нефти, не могло не сдерживать роста цен на уголь.

Таким образом, налицо различия в масштабах перераспределения национального дохода в пользу угледобывающей и металлургической отраслей, разная роль указанного процесса в формировании того или иного уровня доходов. Продолжая исследование факторов, определявших уровень доходности, удалось установить существенные отличия в процессах, протекавших внутри этих отраслей.

Монополизация металлургической промышленности прошла два этапа, совпадающие с фазами цикла. В период кризиса и депрессии происходила концентрация капиталов и прибылей монополизированными предприятиями. К началу предвоенного подъема в этом отношении был достигнут пик (в 1908/9 г. «Продамет» сконцентрировал 85% прибылей, 91% дивиденда отрасли). В годы подъема налицо обратный процесс — происходит деконцентрация, хотя и незначительная, капиталов и прибылей в пользу аутсайдеров (за «Продаметом» остается до 83% прибыли и 85% дивидендов 1912/13 г.), что определенно противоречит представлению о полном господстве «Продамета» в российской металлургии. Следовательно, перераспределение дохода отрасли в пользу монополизированных фирм не играло существенной роли в достижении повышенной доходности отрасли — значительный рост последней совпал по времени с деконцентрацией прибыли и капиталов.

В ряду факторов, обеспечивших монополизированным предприятиям более высокий уровень доходности относительно аутсайдеров, следует назвать более высокое состояние производственно-технической базы южных и польских предприятий, составивших ядро «Продамета», что позволяло им извлекать добавочную прибыль [18].

В период депрессии в угольной промышленности, так же как и в металлургии, наличие синдикатской организации обеспечило ее участникам в целом более высокие темпы концентрации прибыли в сравнении с аутсайдерами, однако далеко не в той степени, которая позволила бы

[16] Цукерник А. Л. Ук. соч., с. 199.
[17] См. Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг. М. 1923, с. 86—87.
[18] Данные по этому вопросу см.: Бакулев Г. Д. Черная металлургия южной России. М. 1953, с. 119—127; Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М. 1967, с. 365—368, 389.

обеспечить полное господство монополизированных фирм. В 1909/10 г. индекс роста продугольских фирм относительно 1906/7 г. (первого года функционирования синдиката) составил: массы прибыли 143,5%, дивиденда 168,8%. Для аутсайдеров эти показатели составили соответственно 125,0 и 116,3%. И все же степень самовозрастания капитала аутсайдеров в 1908/9—1909/10 гг. выше, чем у синдикатских предприятий (4,8 — 3,6% у первых против 4,1 — 3,2% у вторых). Это обеспечило их выживание и подготовило почву для роста в годы предвоенного подъема, когда становится очевидным более быстрое развитие продугольских фирм сравнительно с аутсайдерами.

Масса прибыли участников синдиката в 1912/13 г. относительно 1909/10 г. выросла на 305%, аутсайдеров — лишь на 178%. Норма прибыли у первых составила 8,7% против 5,6% — у вторых. При этом, однако, норма прибыли монополистического капитала лишь незначительно превосходила средний аутсайдерский показатель, а ведущие аутсайдеры развивались темпами, не уступавшими синдикатским. Так, средняя норма прибыли 11 ведущих аутсайдерских фирм в 1913/14 г. составляла 17%. У нескольких обществ этой же группы и масса прибыли мало уступала ведущим продугольским фирмам.

Все это в общем подтверждает, что независимые углепромышленные общества не были разорены синдикатом, постоянно развивали свое производство и, добавим, увеличивали свои доходы и рентабельность [19]. Причина такого положения заключалась в том, что условия производства контрагентов «Продугля» практически не отличались от среднеотраслевых и даже уступали некоторым средне-крупным аутсайдерам. Наиболее производительная группа фирм с добычей 5—10 млн. пуд. в год (участники синдиката входят в основном в группу с добычей свыше 10 млн. пуд.). У этих аутсайдеров норма выработки угля на одного рабочего в 1912 г. составила 9800 пуд. при 9 тыс. в среднем по Донбассу и 9600 на продугольских [20]. Именно первая группа фирм находилась в наиболее благоприятных горнотехнических условиях, что и позволяло им успешно противостоять наступлению «Продугля», обеспечивая более низкую себестоимость топлива по сравнению с предприятиями последнего [21].

Однако и в этих условиях наличие синдикатской организации обеспечивало участникам синдиката более высокий уровень прибыли, чем в среднем по отрасли. Налицо, таким образом, значительная роль, которую играли в формировании совокупной прибыли монополистического объединения отношения по распределению совокупного дохода отрасли, складывавшиеся в отрасли в каждый данный момент.

Процессы, разворачивавшиеся внутри монополистических объединений, протекали аналогично охарактеризованным выше взаимоотношениям монополизированных и аутсайдерских предприятий. В металлургии в период депрессии крупные российские фирмы — участники синдиката (объем производства св. 10 млн. пуд. в год) сосредоточивают значительный процент капиталов и прибылей (79% собственных капиталов, 80% прибыли и 89% дивиденда в 1908/9 г. против соответственно 70, 69, 66 в 1903/4 г.). В период же оживления и подъема происходит деконцентрация. Крупные фирмы теперь располагали лишь 76% всех собственных капиталов, получили 74% всей прибыли и выплатили 73% совокупного дивиденда. При этом доля пяти крупнейших фирм в прибылях и

[19] Шполянский Д. И. Монополии угольно-металлургической промышленности юга России в начале XX века. М. 1953, с. 89, 92—95; Кушнирук С. В. Синдикат «Продуголь» и рынки сбыта донецкого минерального топлива.— История СССР, 1986, № 4, с. 167.
[20] Рассчитано по: Каменноугольная промышленность России в 1912 г. Вып. 2. Харьков. 1914.
[21] Кушнирук С. В. Ук. соч., с. 162, 164.

дивидендах как отрасли, так и синдиката последовательно уменьшался в течение всего периода.

В условиях экономического подъема и расширения спроса крупнейшие общества оказались не в состоянии играть роль монополистов на рынке железа, что могло удаваться им в той или иной мере при пониженной конъюнктуре и ограниченном спросе. В предвоенные годы происходит увеличение производства, рост капиталов и прибылей средних обществ, которые значительно усиливают свои позиции в отрасли в целом и в «Продамете». Эти же годы ознаменованы значительно возросшей устойчивостью иерархии производителей (в отличие от кризисно-депрессивного периода, когда ситуация в отрасли ежегодно менялась): большее число предприятий сохраняет свои позиции в этой иерархии. Все это позволяет сделать вывод о формировании в последние предвоенные годы устойчивой монополистической структуры отрасли. Прочность и продолжительность существования возникшей групповой монополии обусловливалась политикой «Продамета», направленной, как было показано еще П. И. Лященко, на обеспечение всем его участникам значительных прибылей [22].

В угольной промышленности в годы депрессии участие в синдикате приносило выгоды всем его контрагентам, независимо от их размеров, причем доходность средних и мелких обществ росла быстрее. Если в 1906—1909 гг. прибыли 6 крупнейших (по величине функционирующих капиталов) углепромышленных обществ выросли на 113%, то прибыли 5 средних и мелких обществ (вошедших в синдикат в 1906 г.) увеличились за тот же период на 152%. В 1909—1912 гг. соотношение обратное: для тех же 6 крупнейших фирм индекс роста прибылей составил 339%, тогда как у тех же 5 средних и мелких фирм темп сохранился практически прежний — 159%. В условиях промышленного подъема с постоянно увеличивавшимся спросом на уголь и ростом цен на него политика руководителей «Продугля», направленная на приоритетное развитие крупнейших фирм за счет более слабых и призванная компенсировать таким способом сравнительно невысокий уровень прибылей в отрасли, не могла не вызвать у более слабых стремление освободиться от ставших стеснительными условий синдиката и обеспечить себе тем самым бо́льшие прибыли [23]. Политика заправил «Продугля» порождала, таким образом, центробежные тенденции и послужила одной из главных причин развала синдиката.

В обеих отраслях отчетливо проявилась тенденция к распределению прибылей пропорционально затраченным капиталам. В изучении этих процессов сделан только первый шаг. Но и имеющиеся данные неплохо иллюстрируют это положение. В 1900/1901 г. пять крупнейших обществ металлургии (Южно-Русское Днепровское, Новороссийское, Донецко-Юрьевское, Русско-Бельгийское, Брянского завода) сосредоточивали в своих руках 32% собственных капиталов. При этом на их долю приходился значительно больший процент прибылей (53%) и дивиденда (60%). Это рекордный для всего периода показатель — разрыв между индексами концентрации капиталов и прибылей составляет 21 пункт. В 1912/1913 г. эти показатели составили соответственно 35, 40 и 46. Деконцентрация прибыли и дивиденда разворачивалась на фоне все же значительного роста доходов крупнейших предприятий. Масса их прибыли в течение изучаемого периода выросла на 228%, дивиденда — на

---

[22] Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1952, с. 308; см. также: Выгодский С. Л. Современный капитализм (Опыт теоретического анализа). М. 1975, с. 81, 569; Правоторова Л. А. Монопольная прибыль: видимость и сущность. М. 1983, с. 72—74.

[23] Волобуев П. В. Из истории синдиката «Продуголь».— Исторические записки. Т. 58, с. 122.

204%. При этом рост прибыли обгонял рост собственных капиталов — средняя норма прибыли выросла с 15,2 до 18,8%.

Аналогичным образом выглядели и позиции пяти ведущих компаний внутри «Продамета». И в более широком разрезе не обнаруживается сосредоточения в руках крупных компаний непропорционально большого процента совокупного дохода сравнительно с концентрацией капиталов.

Еще сильнее выражена эта тенденция в угольной промышленности Донбасса. Если в 1900/1901 г. концентрация прибыли отрасли крупнейшими фирмами (с собственным капиталом свыше 3 млн. руб.) превышала концентрацию капитала на 17,3 пункта (соответственно 90,9% и 73,6%), то в 1912/1913 г. доля их в прибыли (68%) практически равнялась доле в капиталах (67,4%). Примерное соответствие в конце периода характерно и для двух других фирм.

Подобные процессы свидетельствуют о резервах монополизации: ведь пропорциональное распределение прибыли сообразно затраченному капиталу — это черта, присущая капитализму эпохи свободной конкуренции. Кроме того, известно, что на действительно монопольные сверхприбыли процесс выравнивания прибылей не распространяется.

Таким образом, обнаруживаются некоторые различия в механизмах формирования прибылей и их уровнях в угольной и металлургической отраслях промышленности России в 1900—1913 гг. в синдикатских организациях, действовавших в этой сфере народного хозяйства. В металлургии в конце исследуемого периода прибыль по своим размерам, абсолютным и относительным, может быть охарактеризована как монопольно высокая, а капитал, обеспечивший условия для подобного самовозрастания, как капитал монополистический. При этом основным источником формирования относительно высоких (сравнительно со среднероссийскими) прибылей явилось перераспределение национального дохода в пользу металлургической монополии. Монопольное владение источниками сырья и обладание в силу этого возможностью выкачивать доходы из карманов потребителей продукции ограничивало развитие процесса монополизации внутри отрасли, консервируя достигнутый довольно высокий уровень.

В угольной же промышленности процесс монополизации не привел к установлению господствующего положения «Продугля» и, соответственно, такой нормы прибыли, которая могла бы быть охарактеризована как монопольно высокая. Ограниченные в силу объективных обстоятельств возможности участия монополистического капитала в перераспределении национального дохода компенсировались здесь активизацией перераспределительных процессов внутри как отрасли, так и синдиката. Установлению его господства в отрасли и, соответственно, достижению относительно высокой нормы прибыли препятствовал низкий уровень производительности труда на предприятиях его участников.

Более глубокий анализ и интерпретация этих и некоторых других данных сделают еще более очевидной перспективность разработки проблемы монопольной прибыли. Она должна вестись на материале всех крупнейших монополистических объединений за весь период их существования в России.

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Некоторые последствия убийства Кирова

После гибели Кирова Сталин взвалил Ленинградскую парторганизацию на Жданова. Жданов на XVII съезде ВКП(б) был избран секретарем ЦК, а до этого работал в г. Горьком. С ним я был лучше знаком, чем с Кировым. Помню нашу первую встречу. Мы соревновались раньше с Нижегородским краем. И теперь наша делегация на съезде пригласила в гости Горьковскую делегацию. Не помню, где мы собрались. Жданов был веселым человеком. Тогда он у нас выпил и еще до этого выпил. Одним словом, вышел на подмостки и растянул двухрядную гармонь. Он неплохо играл на гармони и на рояле. Мне это нравилось. Каганович же о нем отзывался презрительно: «Гармонист». Но я не видел в этом ничего предосудительного. Я сам когда-то в молодости пытался учиться такой игре, и у меня была гармонь. Однако я никогда не играл хорошо, а он играл хорошо. Уже после, когда Жданов стал вращаться в среде Политбюро, было видно, что Сталин к нему относится очень внимательно. Тут брюзжание Кагановича в адрес Жданова усилилось; он часто ехидно говорил: «Здесь и не требуется большого умения работать, надо иметь хорошо подвешенный язык, уметь хорошо рассказывать анекдоты, петь частушки, и можно жить на свете».

Признаться, когда я пригляделся к Жданову поближе, в рабочей обстановке, стал соглашаться с Кагановичем. Действительно, когда мы бывали у Сталина (а в это время Сталин уже стал пить и спаивать других, Жданов же страдал такой слабостью), то, бывало, он бренчит на рояле и поет, а Сталин ему подпевает. Эти песенки можно было петь только у Сталина, потому что нигде в другом месте повторить их было нельзя. Их могли лишь крючники в кабаках петь, а больше никто. Свидетелем подобного времяпрепровождения я бывал неоднократно.

Потом вдруг все перевернулось. Сталин резко отвернулся от Жданова и теперь не терпел его. В последние дни жизни Жданова мне просто жалко было его. Он был по-своему человек обаятельный, и я питал к нему определенное уважение. Уже перед смертью, когда он уезжал в отпуск, он позвонил мне: «Жалею, что мы с вами не встретились. Я так хотел вам рассказать кое-что, вот приеду и расскажу». Незадолго до его смерти я зашел к нему, и он много говорил, в частности о РСФСР: «Знаете, Российская Федерация (тут я ему вполне сочувствовал) — такая несчастная, в таком она положении! Вот на Украине вы имели ЦК, собирали совещания, заседания, Пленумы. А здесь, в России, ничего этого нет. Люди в разброде, никто их не собирает, никто не обобщает их опыт. Надо создать Российское бюро ЦК ВКП(б)». Я отвечал: «Оно ведь было когда-то, Андрей Андреевич Андреев (А. А., как мы все его звали) был его председателем». Я поддерживал его тут всею душой. Потом Жданов поднял этот вопрос и перед Сталиным.

А когда Жданов умер, это дело завертелось. Видимо, Жданов дал ему толчок. Но кончилось все расстрелом ленинградцев как «националистов». Однако никакого там национализма не было, была же действительная партийная работа, ставился вопрос о судьбе Российской Федерации, об улучшении деятельности РСФСР. И в результате погибли люди, абсолютно невиновные.

Жданов был умным человеком. У него было некоторое ехидство с хитринкой. Он мог тонко подметить твой промах, подпустить иронию. С другой стороны, чисто внешне, на всех Пленумах он сидел с карандашом и записывал. Люди могли подумать: как внимательно слушает Жданов все на Пленуме, записывает все, чтобы ничего не пропустить. А записывал он чьи-то неудачные обороты речи, потом приходил к Сталину и повторял их. Например, много смеха у всех вызвало выступление Юсупова. Кроме того, Жданов действительно был музыкальным человеком. Оказывается, он когда-то учился музыке у Александрова, отца нынешнего руководителя военного ансамбля. Тот у них в среднем учебном заведении преподавал музыку. Жданов учился в Мариуполе и там окончил среднее учебное заведение.

Много толков вызывает имя Жданова в связи с послевоенными постановлениями ЦК ВКП(б) по поводу журналов «Звезда» и «Ленинград» и оперы Мурадели «Великая дружба». Относительно них я думаю, что Жданов был просто назначенный докладчик: что ему велено было сказать, то он и сказал. Как он сам думал, трудно выяснить. Может быть, именно так, как он выступал, но я сомневаюсь в этом. Скорее всего, нет. В то время Жданов был в абсолютной опале. Отношение к нему изменилось во время войны. А почему он все-таки попал у Сталина в немилость?

«Наверху» сложилось такое впечатление (насколько оно было обосновано, мне сейчас трудно судить), что он вроде бездельника, не рвется к делу. В какой-то степени это все отмечали. На любое заседание в ЦК партии он мог прийти спустя два или три часа, а мог и совсем не прийти. Одним словом, он был не такой, как, например, Каганович. Тот всегда найдет себе дело, ему всегда некогда. А этот спокоен: если ему поручат вопрос, он сделает; а не поручат, так и не надо. Такое впечатление сложилось и у Сталина, и у других, кто знал Жданова. Лично мне трудно высказаться по этому вопросу. Я особенно близко с ним никогда не работал, поэтому мне трудно говорить. А так в остальном он был очень обаятельный человек.

Когда меня на Украину послали, а его раньше — в Ленинград, то с 1935 г. мы порою встречались, иной раз и мнениями обменивались. Однажды он меня спрашивает: «Вам удается ездить по заводам и как часто?» Говорю: «Не так уж часто, но выезжаю». «Да,— продолжает,— я вот тоже выезжаю. Расскажу вам, как это иногда бывает. Както поехал я на один завод. Мне все там показывают, рассказывают. Посмотрел я то, что мог, распрощался со всеми, кто меня сопровождал, и поехал на другой завод. Приехал. Там мне тоже все показывают и рассказывают. Я попрощался, а это — те же самые люди, которые мне на первом заводе рассказывали и показывали. Потом, для «проверки», на третий завод поехал. И там все повторилось». Я говорю: «У меня это тоже бывало. Это «выбрасывают» охрану, и она нас окружает, а мы ее не знаем и жмем руки, как заводским». Жданов рассказывал это с такой, знаете, улыбкой, в своем, ждановском стиле.

Бывало и другое. Как-то, уже после войны (меня в тот раз не было), когда все обедали у Сталина, то дообедались до такой степени,

Продолжение. См.: Вопросы истории, 1990, №№ 2, 3.

что Жданов уже не мог идти. Захотел он, как это раньше случалось, заночевать у Сталина. Не тут-то было. Сталин ему говорит: «У вас есть своя квартира». И буквально выпроводил его. Об этом мне рассказал Маленков. Но Маленков рассказывал в другом свете, считая, что Сталин прав. А мне было жалко человека. Ведь споил его Сталин. Ну, пусть бы поспал человек. А он его выпроводил. В общем-то Жданов не завоевал положения очень крупного государственного деятеля. Так полагали все люди, которые его близко знали.

Через некоторое время после смерти Кирова нас потрясло очередное новое событие: раскрытие заговора, суд и казнь Тухачевского с группой военных. Маршал Егоров (его самого потом судили) был тогда в составе суда. Думаю, что из состава суда сейчас остался в живых только маршал Буденный. Арест Тухачевского я очень переживал. Но лучше всех из осужденных я знал Якира. В гражданскую войну мы не встречались, однако я часто имел с ним дело позднее, когда он стал помощником командующего войсками Украины и Крыма. А когда я работал в 1928 г. в Киеве, там состоялись большие военные маневры. Это были грандиозные маневры: действия войск, затем приемы, беседы, доклады. Всем руководил Ворошилов. Был там и Якир.

О Ворошилове тогда военные были очень невысокого мнения. Они его формально принимали, но все считали себя выше него. Так оно, видимо, и было. Вот и в 1928 г. там была только парадность. Ворошилов, когда он уже потом узнал, что я в то время в Киеве работал заворгом, то рассказывал, как его там цветами забросали. Это, конечно, имеет большое значение для обороноспособности страны, но все же не главное.

Перед своим арестом Якир был у меня на даче. Я жил в Огарево, под Москвой, в бывшей усадьбе московского генерал-губернатора, царского дяди великого князя Сергея. Там жили тогда секретари горкома партии и председатель облисполкома. Мы скромно занимали там (Каганович все меня выгонял в основное здание) свитский дом, где жила прежде княжеская прислуга и размещалась церковь. Я занимал часть второго этажа, а внизу жил Булганин. Во второй половине наверху жил секретарь горкома Кульков, а внизу — председатель облисполкома Филатов. В доме для дворни отдыхали секретари райкомов, там было что-то типа однодневного дома отдыха. Там жил среди других и Корытный. Корытный работал секретарем одного из московских райкомов. Он был у меня заворгом, когда я был секретарем на Красной Пресне, потом он стал секретарем райкома на Красной Пресне, затем секретарем Ленинского райкома партии.

Корытный — еврей, дельный человек, хороший организатор и хороший оратор. Он был женат на сестре Якира. Сестра — тоже хороший, партийный человек. Она прошла с Якиром весь путь в гражданскую войну, была там политработником. Якир приехал в Огарево к сестре, и мы с ним долго ходили по парку, беседовали. Он был приятный человек... Потом его арестовали. Я волновался. Во-первых, мне было его жалко. Во-вторых, тут могли и меня потянуть: мол, всего за несколько часов до ареста Якир был у Хрущева, заходил к нему ночью, и они ходили и все о чем-то говорили.

С Тухачевским я не был близко знаком, но относился к нему всегда с уважением. Как-то незадолго до ареста (я не знаю, почему) он позвонил мне и говорит: «Товарищ Хрущев, разрешите мне прислать к вам скульптора?» Я спрашиваю: «Зачем?» А он очень увлекался ваянием и вообще любил искусство. «Да ведь все равно какой-нибудь скульптор с вас будет делать портрет и черт-те что сделает, а я пришлю вам хорошего». «Я вас очень прошу, товарищ Тухачевский, чтобы вы мне больше об этом не говорили». На этом дело и кончилось. Потом, когда сообщили о судебном процессе, я думал: «Черт его знает, почему он мне это предложил? Не вербовал ли он меня?» И ругал себя: «Как хорошо я к нему относился! Какое же я г.., ничего не видел, а вот Сталин увидел».

После этого стала разматываться вся эта штука. Сначала потянули военных, а когда начали таскать секретарей и членов ЦК, тогда просто жутко стало: что же такое получается, как же это так проросли все эти чужие корни? Они опутали весь организм партии, всю страну. Это что-то такое ракообразное, страшное. А вот Сталин знал этих людей, он арестовывал и наркомов... Арестовали, в частности, Антипова, наркомпочтеля; старый революционер, петербуржец, известный человек. С этим арестом у меня связаны особые воспоминания. Сталин тут пошутил надо мной, а шутка такая была, что побелеть можно. Мне позвонили от Сталина и сказали, чтобы я немедленно ехал в Кремль, там гуляет Сам, и он вызывает вас. Приехал я в Кремль и вижу: гуляет Сталин с Молотовым. Тогда в Кремле только что парк сделали, дорожки проложили. Подошел к Сталину. Он смотрит на меня и говорит: «На вас дает показания Антипов».

Я тогда еще не знал, что Антипов уже арестован, и сказал, что ни Антипов, ни кто-либо другой не могут на меня дать никаких показаний, потому что нечего давать. Сталин тут же перешел к другому вопросу, по которому он меня и вызывал... Таким образом, это была психологическая провокация. Видимо, Сталин придавал ей определенное значение. Для чего же он так спрашивал? Вероятно, следил, как поведет себя человек, и этим способом определял, является тот преступником или нет. Знаете, даже честный человек может быть сбит с толку, как-то дрогнуть, когда отвечает вождю партии, и тем самым создать впечатление у того, кто добивается, будто он тоже замешан. Это — нечестная, неправильная и недопустимая форма узнавания правды, ну, просто нетерпимая. Тем более среди членов Коммунистической партии.

Такая тогда сложилась обстановка. Людей буквально хватали и тащили резать. Люди тонули бесследно, как в океане. Когда начались аресты руководителей партии, профсоюзов, военных товарищей, директоров заводов и фабрик, у меня лично были арестованы два моих помощника. Один из них, Рабинович, занимался общими вопросами, а другой, Финкель,— строительными делами. Оба — исключительно честные и порядочные люди. Я никак не мог допустить даже мысли, что эти двое, Рабинович и Финкель, которых я отлично знал, могут быть действительно «врагами народа». Но на всех, кого арестовывали, давались «фактические материалы», и я не имел возможности их опровергнуть, а только сам себя тогда ругал за то, что дал себя одурачить: близкие мне люди оказались врагами народа!

Потом начались смена и аресты секретарей московских райкомов, городского и областного комитетов партии. Был арестован, как я уже упомянул, Корытный, которого я знал еще по Киеву. Потом он учился в Москве и, окончив курсы марксизма-ленинизма, работал со мной, а после того, как побывал секретарем райкома на Красной Пресне и Ленинского, был избран одним из секретарей городского партийного комитета. Это был человек, проверенный гражданской войной, но и его арестовали. Как его взяли? Он заболел, и его положили в больницу. Я поехал туда навестить его, побыл там, повидал его, а на следующий день узнал, что он арестован. Его арестовали прямо в больнице, и его жену тоже, сестру Якира. В этом случае у меня нашлось еще какое-то объяснение. Хотя я и считал Корытного честнейшим, безупречным человеком, но раз Якир оказался изменником, предателем и агентом фашистов, а тот был его ближайшим другом, то Якир мог оказать на него свое влияние. Значит, возможно, я ошибался и зря доверял этому человеку.

Еще один из секретарей горкома, Кульков, московский пролетарий, член партии с 1916 г., не блиставший особыми качествами, но вполне честный и надежный человек, тоже оказался арестованным. Одним словом, почти все люди, которые работали рядом со мной, были арестованы. Надеюсь, понятно, каким было мое самочувствие. Со мной тогда работал еще Марголин, член партии с 1912 или с 1914 года. Они вместе с Кагановичем были когда-то в революционном подполье. Я его знал тоже по Киеву. Когда я работал заворгом окружного комитета, Марголин являлся одним из секретарей райкомов, после этого работал секретарем Мелитопольского окружкома, потом учился со мною в Промышленной академии. Он остался секретарем Бауманского райкома партии, когда я перешел оттуда на Красную Пресню. Когда же я стал первым секретарем Московского горкома, его избрали вторым, а затем, после арестов в Днепропетровске его выдвинули туда секретарем окружного комитета партии. Там его и арестовали. Марголин тоже был человеком проверенным и хорошо известным, особенно Кагановичу. Он считался его другом, и они неоднократно встречались на квартире у Кагановича. Я просто не мог допустить мысли, что Марголин — враг народа.

Развернувшиеся аресты безупречных людей, известных и пользующихся общим доверием, создавали в партии очень тяжелую обстановку. Сейчас мне трудно вспомнить всех, кого тогда арестовали. Для этого нужно просмотреть архивы, изучить материалы. Наверное, историки займутся этим делом и приведут все в порядок. Считаю, что, видимо, целых три поколения партийных руководителей были арестованы; то есть то, которое было ранее в руководстве, второе, выдвинутое, и третье, тоже выдвинутое. Это огромное количество людей!

Среди других был арестован мой хороший приятель Симочкин. Я с ним учился еще на рабфаке в Донецке. Сам он шахтер Рыковской шахты, участник гражданской войны, комиссар полка, был награжден орденом Красного Знамени, после рабфака учился на курсах марксизма-ленинизма и работал секретарем райкома партии в Москве. Раз Сталин звонит мне и говорит: «Мы Симочкина у вас возьмем (Сталин его знал) и выдвинем на областную работу». И он был выдвинут в Иваново-Вознесенск, но очень скоро, не больше месяца проработав там, был арестован и расстрелян. Это меня потрясло: «Как же так, Симочкин — враг народа? Зачем ему нужно было становиться врагом народа, когда он сам — часть этого народа?» А спустя какое-то время Сталин сказал мне, что Симочкин погиб зря, невинно, и тут же обругал Жукова, начальника областного управления НКВД, сказав, что это тот сделал и что этого Жукова в свою очередь арестовали, осудили и расстреляли. Как это могло произойти? Симочкин занимал такое положение, пользовался доверием, а какой-то малоизвестный Жуков сумел создать на него ложное дело и арестовать его. Где же надзор, прокуратура и прочее? Это свидетельствует о том, какие порядки существовали в партии (если их можно назвать порядками): отсутствие всяких норм защиты личности члена партии.

Возвращусь все же к Якиру. Он работал на Украине, я встречался с ним в 20-е годы на партийных республиканских конференциях и съездах. В 1928—1929 гг., когда я работал в Киеве, наши военные уделяли Киеву большое внимание. Киев фактически являлся пограничным городом. Польские руководители не могли примириться с тем, что Киев не входит в состав Польского государства (не говоря уже о других городах Украины, лежавших западнее). Якир не раз знакомился с партработой в Киеве, проводил окружные военные маневры, ездил по гарнизонам. Я был в то время заместителем секретаря Киевского окружного комитета партии, а помощником командующего войсками Украинского военного округа был замечательный человек — Иван Наумович Дубовой. Он выделялся рыжей красивой бородой. Отец его — старый большевик с подпольным стажем, рабочий Донбасса. Иван Наумович прошел гражданскую войну, был у Щорса заместителем командующего дивизией, а когда Щорса убили, командование, по-моему, принял Дубовой. Это был проверенный и уважаемый нами человек. Сотрудником Политуправления в округе был Векличев. Сам из бывших рабочих, он стал военным профессионалом, комиссаром в Украинском военном округе. Таким образом, я всегда имел возможность общаться с военными. И вдруг Якир — предатель, Якир — враг народа! Раньше Сталин очень уважал Якира. У Якира хранилась записка, где Сталин хвалил личные качества Якира, а ведь Сталин был весьма скуп на письменные похвалы.

Я относился с большим уважением и к Тухачевскому, но близок с ним не был. Иногда в служебном порядке мы с ним встречались или перезванивались. Он приглашал меня посмотреть военную технику. Именно с ним я впервые в жизни увидел ковшовый ленточный экскаватор. Я считал, что Тухачевский является душой Красной Армии. Если кто и занимался Вооруженными Силами со знанием дела, так это Тухачевский и Гамарник, который был тогда первым заместителем наркома и ведал хозяйственными делами и военным строительством. Рассказывали, что выбор места строительства для г. Комсомольска принадлежал Гамарнику. Он, приехав с Дальнего Востока как секретарь Дальневосточного крайкома партии, доложил Сталину, что надо создавать там базу на случай войны с Японией. Япония тогда вела себя нагло в отношении Советского Союза, провоцировала нас на драку. Председателем крайисполкома на Дальнем Востоке был Гуценко (тоже погиб от руки Сталина). К нему пришел на прием японский консул и в беседе заявил: «Что же вы — и сами просто сидите, ничего не делаете на Дальнем Востоке и нам не даете? Пора вам и честь знать». Вот такую, знаете ли, грубость сказал. Так что Сталин с большим вниманием отнесся к предложению Гамарника, и вскоре начали строить Комсомольск, а также большие промышленные предприятия с тем, чтобы укрепить Дальний Восток и отбить охоту у японцев зариться на наши дальневосточные земли.

И вдруг Якир и вся эта группа — враги народа? Тогда еще не было сомнений насчет того, что они могут оказаться жертвами клеветы. Суд был составлен из авторитетных людей, председателем суда был маршал Егоров. Потом и Егоров пал жертвой этого же произвола. Но тогда у нас ничто не вызывало сомнений. Единственным человеком из тех, кого я знал, высказавший сомнение в виновности Якира, был академик архитектуры Щусев. Как мне потом доложили, он, выступив на собрании архитекторов, сказал, что хорошо знал Якира и с большим уважением относился к нему. Щусев был замечательным человеком. Мы же в то время к нему относились настороженно, считали, что это человек прошлого, что он строил только церкви, был принят царем Николаем II. Он был острым на язык, говорил всегда, что думал, а ведь не всегда это импонировало людям того времени и их настроениям. Вот и в данном случае он сказал, что он сам из Кишинева и знавал дядю Якира, врача и очень уважаемого господина. Поэтому не может допустить, чтобы оказался злодеем или каким-то преступником его племянник. И он не подал своего голоса в осуждение Якира.

Все это было доложено Сталину, но Сталин сдержался, и ничего не было предпринято против Щусева. Я не говорю, конечно, что Щусев был прорицателем и видел, что обвинение несостоятельно. Это простое совпадение, но для Щусева — приятное совпадение. Я потом сблизился с Алексеем Викторовичем Щусевым, когда вновь работал на Украине.

Он неоднократно приезжал в Киев, и я беседовал с ним. Помню, както весной, когда еще было холодно, чтобы купаться, бродил он по Киеву, а потом я беседовал с ним: «Ну, как,— говорю,— Алексей Викторович, дела?» «Да, вот, ходил, смотрел Киев. Прекрасный город, прекрасный». «А куда же вы ходили?» «Я поехал на Труханов остров, взял лодочку, разделся там на песочке и грелся. Потом пошел откушать пирожков на базаре».

Тогда я, конечно, негодовал и клеймил всех этих изменников. Сейчас самое выгодное было бы сказать: «В глубине души я им сочувствовал». Нет, наоборот, я и душой им не сочувствовал, а был в глубине души раздражен и негодовал на них, потому что Сталин (тогда мы были убеждены в этом) не может ошибаться! Не помню сейчас точно, как продолжались дальнейшие аресты. Они сопровождались казнями. Это нигде не объяснялось и не объявлялось, и поэтому мы многого даже не знали. Нас информировали, что такие-то люди сосланы или осуждены на такие-то сроки заключения.

Однако Московская партийная организация, областная и городская, продолжала свою деятельность, усиленно работала над сплочением людей для выполнения решений по строительству в Москве и Московской области. Когда аресты велись уже в широком плане, нас информировали иной раз об аресте каких-то крупных людей, что вот такой-то оказался врагом народа. А мы информировали районные партийные организации, первичные парторганизации, комсомол и общественные организации. Все эти данные мы принимали с искренним возмущением, осуждали арестованных. Ведь если те были арестованы, значит они были разоблачены в своей провокаторской и подрывной деятельности? Были пущены в ход все эпитеты, осуждающие и клеймящие позором таких лиц.

У нас в Москве был секретарем обкома комсомола (не помню сейчас его фамилию) очень нравившийся мне парень, молодой, задорный, с энтузиазмом. Человек был, что называется, на своем месте и по образованию, и по подготовке, да и характер был хороший. И вдруг однажды утром, когда я пришел на работу, мне сказали, что этот секретарь обкома комсомола поехал на охоту и там застрелился. Я очень сожалел о событии и сейчас же позвонил Сталину, сообщил, что вот такое у нас случилось несчастье, такой хороший парень, секретарь обкома комсомола, застрелился. Он спокойно мне ответил: «А, застрелился. Это нам понятно. Он застрелился потому, что мы арестовали Косарева (первый секретарь ЦК ВЛКСМ), да и другие его дружки арестованы».

Я был поражен. Во-первых, Косарев был для меня человеком, который не вызывал никаких сомнений. Парень из рабочей семьи, сам рабочий, и вдруг — враг народа? Как же это может быть, как мог он стать врагом народа? И опять не возникало недоверия. Если это сделал ЦК партии, сделал Сталин, следовательно, это уже неопровержимо, это действительно так. Но все это, конечно, ложилось камнем на душу. Ведь мы считали, что корни вражеской разведки глубоко внедрились в наши ряды, проникли в партийную, комсомольскую среду и поразили даже руководящую верхушку.

События развивались очень бурно. Арестовали Рудзутака. Рудзутак был кандидатом в члены Политбюро, уважаемым человеком и очень симпатичным. Он часто выступал на заводах по просьбе Московского комитета партии. Когда его приглашали на городские, районные или заводские собрания, он всегда охотно шел. Кроме того, о Рудзутаке шла хорошая партийная слава: во время дискуссии о профсоюзах в 1921 г. было выдвинуто много различных платформ, дискуссия сотрясала партию, Рудзутак тоже выступил со своей платформой, и Ленин предложил взять эту платформу за основу. На базе этой платформы

смогли объединиться основные силы партии, отвергнуть другие платформы и таким образом найти решение, которое было принято потом всей партией. Это тоже считалось немаловажным фактором в пользу Рудзутака. Потом Рудзутак был наркомом путей сообщения. С ростом хозяйства и перевозок железные дороги стали плохо справляться с задачами, которые предъявлялись к транспорту. Поэтому туда был послан на усиление Андреев. Но работа транспорта не улучшилась, послали Кагановича. С приходом Кагановича считалось, что транспорт начал работать лучше. Видимо, так оно и было, потому что Каганович считался крупным организатором, сильным человеком, не щадящим чужих и своих сил.

Не помню года и тем более месяца, но вот однажды позвонил мне Сталин и говорит: «Приезжайте в Кремль. Прибыли украинцы, поедете с ними по Москве, покажете город». Я тотчас приехал. У Сталина были Косиор, Постышев, Любченко. Любченко был тогда Председателем Совета Народных Комиссаров Украины. Он сменил на этом посту Чубаря, а Чубарь перешел в Москву заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, то есть заместителем Молотова. «Вот они,— говорит Сталин,— хотят посмотреть Москву. Поедемте». Вышли мы, сели в машину Сталина. Поместились все в одной. Ехали и разговаривали. Это были такие, как мне казалось, самые хорошие партийные отношения между членами Политбюро (Постышев тогда еще не был кандидатом в члены Политбюро). Мы ехали по улицам, конечно, нигде не выходя из машины, весь осмотр велся из автомобиля.

Постышев поднял тогда вопрос: «Товарищ Сталин, вот была бы хорошая традиция и народу понравилась, а детям особенно принесла бы радость,— рождественская елка. Мы это сейчас осуждаем. А не вернуть ли детям елку?» Сталин поддержал его: «Возьмите на себя инициативу, выступите в печати с предложением вернуть детям елку, а мы поддержим». Так это и произошло. Постышев выступил в «Правде», другие газеты подхватили идею. Этот эпизод, в частности, показывает, какие хорошие были отношения между Сталиным, Косиором, Постышевым и Любченко. Потом Постышев был переведен на работу в Москву и стал секретарем Центрального Комитета партии. Однажды я участвовал в работе одной из комиссий, где председателем был Постышев. Мы обсуждали выпуск ширпотреба. Кто-то из хозяйственников ссылался при этом на трудности технические, материальные и производственные. Постышев слушал, слушал (а он был человек резкий, порывистый), а потом как стукнет кулаком по столу да и говорит: «Душа из тебя вон! Что мне твои рассуждения? Давай план, и все!» На меня это произвело несколько нехорошее впечатление, потому что докладчик был уважаемым человеком. Ну, с этим мирились, потому что все знали, что Постышев был добрым человеком, хотя действительно иной раз допускал повышение тона, нежелательную и, я бы сказал, недопустимую грубость. У меня с Постышевым были хорошие отношения.

Вообще же в то время я был слабо информирован о положении дел по стране в целом. Подробности до меня не доходили, хотя я был уже кандидатом в члены Политбюро. Тяжелое положение сложилось на Украине. Туда послали Кагановича, он пробыл несколько дней, и в результате этой поездки Постышева вернули на Украину. Каганович говорил, что Косиор — очень хороший политический деятель, но как организатор слаб, поэтому допущены распущенность и ослабление руководства, надо дисциплинировать, подтянуть, а для этого лучше послать туда секретарем ЦК КП(б)У Постышева в подкрепление Косиору.

Аресты тем временем продолжались. Я узнал, что арестован Варейкис. Варейкиса я знал по съездам партии как работника черноземной полосы. Он был тогда секретарем крайкома. И вот Варейкис, ока-

зывается, был агентом царского охранного отделения! Через какое-то время опять пошли крупные аресты. И опять случилась заминка в руководстве Украины: после Пленума ЦК КП(б) Украины застрелился Любченко. Потом мне рассказывали, что Пленум проходил очень бурно, Любченко критиковали. Любченко — крупный украинский работник, но у него были большие политические грехи. Он, собственно, когда-то был петлюровцем. Я сам видел фотоснимок, где он снят с будущим академиком Грушевским, Винниченко и самим Петлюрой. Это там все знали. Поэтому на всех украинских партсъездах Донбасская делегация всегда выступала с отводом кандидатуры Любченко при выборах в Центральный Комитет КП(б)У. Но я считал, что Любченко — очень способный человек, который отошел от петлюровцев и твердо стал на большевистскую почву. Не знаю конкретно, какие обвинения выдвигались против него после стольких лет успешной его работы. На Пленуме был объявлен перерыв. Он поехал домой и не вернулся на Пленум. Решили проверить, почему Любченко не возвратился на заседание Пленума, и обнаружили такую картину: в постели лежали его убитая жена и сам он. Предположили, что по договоренности с женой он застрелил ее и себя. Это был большой удар. Объясняли дело так: бывший петлюровец; видимо, к нему подобрала ключи иностранная разведка, и он работал на нее. Но много не распространялись об этом, потому что и без того было слишком много врагов.

Каганович опять поехал в Киев и привез оттуда информацию не в пользу Косиора и Постышева. Он рассказывал, что когда собрал партактив в Киевском оперном театре, то буквально взывал: «Ну, выходите же, докладывайте, кто что знает о врагах народа?» Организовал вроде такого народного суда. Выходили люди и всякие вещи говорили. Сейчас просто стыдно и позорно слушать, но ведь это было! Я хочу сказать об этих фактах, чтобы можно было сделать на будущее правильные выводы и не допустить повторения таких явлений. Кагановичу сообщили, что есть у них такая женщина, Николаенко, активный работник, трудится она на культурном фронте и борется с врагами народа. Страшная, как говорят, сложилась картина. Каганович рассказал, видимо, Сталину об этом собрании, и в одном из своих выступлений Сталин заметил, что бывают вот небольшие люди, которые оказывают зато большую помощь нашей партии. Такой небольшой человек, как Николаенко, оказала партии на Украине большую помощь в разоблачении врагов.

Николаенко сразу же была поднята на пьедестал борца за революцию, борца с врагами народа. Хочу рассказать подробнее об этой фигуре. Когда я уже уехал из Москвы на Украину, Сталин предупредил меня, что там есть такая женщина — Николаенко и чтобы я обратил внимание: она, мол, может помочь мне в борьбе против врагов народа. Я сказал, что фамилию эту помню из его выступления. А как только приехал на Украину, она сама пришла ко мне. Я ее принял, выслушал. Молодая, здоровая женщина, кончила какой-то институт, была директором вроде бы музея, сейчас точно не помню. Она имела дело с украинским народным искусством и поэтому общалась с интеллигенцией. И начала она говорить мне о врагах народа. Ну, это был просто какой-то бред сумасшедшей: она всех украинцев считала националистами, все в ее глазах были петлюровцами, врагами народа, и всех их надо арестовывать. Я насторожился. Думаю, что же это такое? Начал я ее осторожно поправлять (а здесь требовалась осторожность, потому что с такими людьми, сказал бы я, небезопасно беседовать: они сейчас же оборачивают все обвинения против того, кто с ними не соглашается). Расстались мы с ней. «Я,— говорит,— буду к вам заходить». Отвечаю: «Пожалуйста, заходите, охотно вас послушаю».

Потом она опять пришла ко мне и приходила затем много раз. Я уже видел, что это больной человек и что верить ей совершенно нельзя. Начала она обсуждать со мной и свои личные дела: к ней, дескать, плохо относятся в партактиве. Раньше (она была незамужней) с ней охотно поддерживали знакомство командиры Красной Армии, теперь они избегают ее, просто перебегают через улицу на другой тротуар, если заметят, что она идет им навстречу. Говорит: «Вот травят меня за то, что я веду борьбу с врагами народа». Я ей сказал, что она должна более трезво оценивать отношение к ней: «Люди избегают вас, потому что те, кто с вами знаком, как правило, арестовываются. Поэтому-то они вас боятся и избегают».

Как приехал я в Москву, Сталин сейчас же спросил меня о Николаенко, и я высказал ему свое впечатление, что такому человеку нельзя доверять, что это больной человек, совершенно незаслуженно обвиняет людей в украинском национализме. Сталин вскипел и очень рассердился, напал на меня: «Вот, недоверие у вас к такому человеку, это неправильно». Все повторял свое: «10% правды — это уже правда, это уже требует от нас решительных действий, и мы поплатимся, если не будем так действовать». Одним словом, толкал меня к тому, чтобы я отнесся к Николаенко с доверием. Я рассказал ему также, как обижается она на отношение к ней командиров. Сталин начал шутить: «Что ж, надо подыскать ей мужа». Я говорю: «Такой невесте подыскать мужа — это очень опасно, потому что муж уже будет подготовлен к тому, что ему через какое-то время надо садиться в тюрьму, поскольку она его, безусловно, оговорит».

Вернулся я в Киев. Опять приходит ко мне Николаенко и докладывает, убежденно так докладывает, что возглавляет националистическую контрреволюционную организацию на Украине Коротченко, что он националист и прочее. «Знаете,— отвечаю,— товарищ Николаенко, я много лет знаю Коротченко, и Сталин его знает. Коротченко по национальности украинец, но по-украински он и говорить-то по-настоящему не умеет. Язык у него — суржик (так называют в народе мешанину украинского, русского и белорусского языков). Поэтому никак, никак не могу я с вами согласиться». Она тут стала очень нервничать и уже на меня косится. Вижу, что она уже и ко мне относится с недоверием: дескать, покрываю националистов. Заплакала она. Говорю: «Успокойтесь. Вы получше продумайте дело. Нельзя так о людях говорить, которых вы не знаете. Ведь Коротченко вы, конечно, не знаете, а уж данных у вас вообще нет никаких. Это просто ваше умозаключение, и оно совершенно ни на чем не основано, неправильно». Ушла она. Но я знал, что она напишет Сталину. Через какое-то время звонит из Москвы помощник Сталина Поскребышев насчет того, что Николаенко прислала письмо Сталину, где она разоблачает Коротченко и кого-то еще. Отвечаю, что ожидал этого: «Ждите теперь, что она напишет, будто и я украинский националист».

И действительно, спустя какое-то время она вновь пришла ко мне, опять я не стал соглашаться с ней, и тут она написала заявление, в котором обвиняла меня, что я покрываю врагов народа и украинских националистов. Звонит Поскребышев. «Ну, есть уже следующее заявление, и пишет она о вас». Я ему: «Так и должно было быть. Я этого ожидал». После этого письма Сталин стал с большим доверием относиться ко мне касательно Николаенко. Я убедил его, что она не заслуживает доверия, что Каганович ошибся, а она просто сумасшедшая, ненормальный человек. В конце концов завершилось тем, что Николаенко стала проситься на работу с Украины в Москву. Она договорилась в Москве с начальником Комитета по культуре (как помню, у него была украинская фамилия) и уехала. Мы вздохнули с облегчением,

и я сказал Сталину, что вот наконец-то она уехала. Он пошутил: «Ну, что, выжили?» Говорю: «Выжили». А через какое-то время ее послали, кажется, в Ташкент. Оттуда она стала осаждать меня телеграммами и письмами, чтобы вернули ее на Украину. Но тут я сказал: «Нет! Забирать ее на Украину мы не будем, пускай лучше там устраивается». Я сказал об этом Сталину, и Сталин согласился и даже шутил по этому поводу. Он, видимо, тоже разобрался в ней...

Такой же случай произошел в Москве, когда на пленуме ЦК ВЛКСМ выступила с разоблачением Косарева и его друзей Мишакова. Косарев был арестован, а Мишакова стала одним из секретарей ЦК ВЛКСМ и была поднята на щит как борец, с которого надо брать пример. Сейчас многим уже известно, что это были ненормальные люди. Мишакова, безусловно, человек с психическим дефектом, хотя и честный, а Николаенко просто оказалась сумасшедшей. Это я узнал, уже будучи на пенсии. Между прочим, она прислала мне новогоднее письмо. Из его содержания любому человеку видно, что автор — сумасшедший.

И еще об одном характерном эпизоде хотел бы рассказать. Однажды был я у Сталина в Кремле, в его кабинете. Там находились и другие лица, сейчас не помню уже, кто именно. Раздался звонок. Сталин подошел к телефону, поговорил, но так как расстояние было довольно порядочное, то его ответы слышны были плохо. Он вообще, как правило, тихо говорил. А когда закончил разговор, то повернулся и тоже в спокойном таком тоне говорит: «Звонил Чубарь. Плачет, уверяет, что он не виноват, что он честный человек». И сказал он это с таким сочувствием в голосе... Мне Чубарь нравился. Это был простой и честный человек, старый большевик, сам вышел из рабочих. Я знал его еще по Донбассу. Он был председателем Центрального правления каменноугольной промышленности, в котором сменил Пятакова. Когда он приехал в Москву, я поддерживал с ним хорошие отношения. Теперь я обрадовался, что Сталин разговаривал с ним сочувственно и, следовательно, не верит компрометирующим материалам, которые, видимо, имеются и о которых я совершенно ничего не знал; таким образом, Чубарь не находится в опасности быть арестованным. Но я ошибся: теперь-то я могу сказать, что совершенно не знал тогда Сталина как человека. На следующий день я узнал, что Чубарь арестован, а потом уже, как говорится, о нем ни слуху, ни духу. Чубарь как в воду канул.

После смерти Сталина я поинтересовался этим вопросом и обратился к чекистам с просьбой найти того, кто допрашивал Чубаря, кто вел следствие. Меня интересовало, в чем же именно его обвиняли. Генеральный прокурор СССР Руденко сказал мне, что Чубарь ни в чем не виноват и никаких материалов, которые могли бы служить против него обвинением, не имеется. Тогда нашли следователя, который вел дело Чубаря. Я предложил членам Президиума ЦК КПСС: «Давайте послушаем его на Президиуме, посмотрим, что он за человек? Какими методами он заставил Чубаря сознаться в своих преступлениях? Что послужило основанием для расправы с ним?» И вот на наше заседание пришел человек, еще не старый. Он очень растерялся, когда мы стали задавать ему вопросы. Я спросил его: «Вы вели дело Чубаря?» «Да, я». «Как Вы вели следствие и в чем Чубарь обвинялся? И как он сознался в своих преступлениях?» Тот говорит: «Я не знаю. Меня вызвали и сказали: будешь вести следствие по Чубарю. И дали такую директиву: бить его, пока не сознается. Вот я и бил его, он и сознался». Вот так просто! Когда я услышал, то и возмутился, и огорчился. Я не знал даже, как реагировать. Тогда решили мы провести следствие уже по этому следователю и осудить его за такое следствие. Осудили его, а потом я пришел к выводу, что хотя, может быть, юридически все это правильно, но если рассуждать согласно фактическим обстоятельствам и обстановке, которая была в СССР в те времена, то этот следователь оказался слепым орудием. Ему сказали, что вот враги народа, и он верил партии, верил Сталину. Враги народа не сознаются в преступлениях, поэтому надо выбивать из них признания. Вот он и выбивал, но уже не честным следствием, а палкой. Такие формы следствия применялись в тот период ко всем и к каждому.

Сталин применял иногда иезуитские, провокационные методы и в беседах. Я уже рассказал о случае с Антиповым и со мной. Тогда Сталин отвернулся, опустил голову и перевел разговор на Москву, на дела, по которым он меня реально вызвал. Не помню сейчас, какие это были вопросы. Немного мы походили по кремлевскому парку, Сталин сказал, что у него ко мне больше нет вопросов, и я уехал. Но я был обеспокоен, какие имелись основания у Сталина? Почему он так сделал? Для чего вообще он это делал? Думаю, что его интересовало, когда он задавал мне вопросы, смотря мне в глаза, как буду я вести себя. Случайно, видимо, я вел себя так, что мои глаза не дали ему повода сделать заключение, будто я связан с Антиповым. Если бы у него сложилось впечатление, что я как-то «выдал» себя, то вот вам через какое-то время и новый враг народа. Этот способ выявления «врагов» Сталин применял не раз. Ко мне Сталин относился лучше, чем ко многим другим, с большим доверием, и в результате я не был подвергнут тому, что обрушилось на честнейших и вернейших членов нашей ленинской партии.

Как раз в тяжелом 1937 году должны были состояться перевыборы в партийных организациях — первичных, районных, городских и областных. Начались собрания. Проходили они очень бурно. Партия была деморализована. Я говорю здесь о партруководстве уровнем ниже ЦК, говорю в том смысле, что руководители не чувствовали себя руководителями. Тогда было дано свыше устное указание, что при выборах обязательно все кандидатуры людей, выдвигаемых в руководящие партийные органы, надо проверить: не связаны ли они с арестованными врагами народа? То есть чекисты должны их апробировать. Проверяли всех работников, насколько те заслуживают доверия. А руководящие органы, которые выбирались, зависели уже не от тех, кто их выбирал, а от чекистских органов: какую оттуда дадут характеристику. Кандидатуры были, собственно говоря, с точки зрения внутрипартийной демократии подставные, потому что воля партийных организаций была тем самым ограничена.

Органы безопасности, которые должны быть под контролем партии, стали, наоборот, над партией, над выборными организациями и творили, что хотели. Помню такой печальный эпизод. Шла Московская городская партийная конференция. Я выступал с отчетным докладом. Конференция проходила на высоком уровне активности. Но положение было тяжелое. Все верили, что мы находимся на таком этапе своего развития, когда враги, не сумев сломить нас в прямом бою, направили свои усилия на разложение нашей партии изнутри: вербовка членов партии, засылка агентуры и пр. Сейчас нам видна несостоятельность тех аргументов: ведь были поражены репрессиями наиболее старые парткадры, которые прошли через революционное подполье, первые годы социалистической революции, гражданскую войну, люди, отобранные самой историей борьбы рабочего класса России. Поэтому было странно, почему именно эти люди подверглись прежде всего соблазну и допустили, чтобы их завербовали иностранные разведки. Но это я сейчас так говорю, а тогда я так не думал. Я смотрел тогда глазами Центрального Комитета, то есть Сталина, и пересказывал те аргументы, которые слышал от Сталина.

Партийные конференции в Москве проходили бурно. На выборы одного лишь президиума тратили на районных конференциях по нескольку заседаний, а то и целую неделю. Поэтому я был обеспокоен, как бы нам получше провести городскую партконференцию, и решил спросить совета у Сталина. К тому времени у нас уже имелась инструкция по проведению выборов на партийных конференциях. В ней предлагался довольно демократический способ выбора кандидатов: их обсуждение, закрытое голосование, отводы. Но эта инструкция не выполнялась. Между тем на городской конференции шло обсуждение моего доклада. Выступил комиссар Военной академии им. Фрунзе (не помню его фамилии). Мне запомнилась зато его черная борода. Он прошел через гражданскую войну, имел высокое воинское звание. Выступил он прекрасно, и мы, когда составляли предварительный список кандидатов в городской партком, выдвинули его от академии. Перед самым голосованием вдруг раздался звонок. Просят, чтобы я позвонил Ежову, а Ежов был тогда секретарем Центрального Комитета партии и, кажется, наркомом внутренних дел. У меня были с Ежовым хорошие отношения.

Я позвонил ему. Он говорит: «Сделай все, чтобы не отводить этого комиссара прямо, а «проводить» его, потому что мы его арестуем. Он связан с врагами. Это хорошо замаскировавшийся враг», и прочее, и прочее. Отвечаю: «Что же я могу сделать? Утверждены списки для голосования, осталось только раздать бюллетени и проголосовать. Это уже от меня не зависит». Ежов: «Надо сделать так, чтобы его не выбрали». «Ну, хорошо,— отвечаю,— подумаю и сделаю». Только закончился этот разговор, звонит Маленков. Он был тогда заместителем Ежова, а фактически заведующим отделом кадров ЦК ВКП(б). Маленков говорит: «Надо все сделать так, чтобы провалить Ярославского, но только аккуратно». Отвечаю: «Как же это можно? Ярославский — старый большевик, уважаемый всей партией человек». Он работал тогда в Партийной коллегии. Его называли «советским попом», то есть человеком, который поддерживал и охранял морально-политические устои членов партии. Ярославский занимался разбором различных персональных дел коммунистов, выносимых в ЦК. И вот я должен сделать предлагаемое! Маленков: «Ты должен сделать! У нас есть данные против Емельяна, но надо, чтобы он не знал об этом». Говорю: «Мы уже обсудили кандидатуру Ярославского, и против не было подано ни одного голоса». «Тем не менее, сделай».

Тогда я собрал секретарей партийных комитетов и рассказал им, что имеются указания относительно комиссара и Ярославского и надо все сделать, но осторожно, чтобы их вычеркнули бы при голосовании. Роздали мы списки, началось голосование. Счетная комиссия подсчитала голоса и доложила конференции результаты. Комиссар не получил большинства и не был избран. Он был этим поражен, да и другие были поражены не меньше него. Но так как мы говорили себе, что это ЦК отводит его, то сами на себя и пеняли: как же это мы не разоблачили такого замаскировавшегося врага и как он обвел нас вокруг пальца? Мы его сначала так горячо встретили, а он оказался недостойным человеком. С Ярославским — другое дело. Тут не было информации, что он враг народа. Сообщили только, что он человек, которого не поддерживает Центральный Комитет, который колеблется и недостаточно активно вел борьбу против оппозиции, сочувствовал Троцкому... Дошли мы до Ярославского, подсчитали голоса и видим, что он все-таки прошел в состав партийного городского комитета большинством в один или два голоса. Ну, я доложил, что партийная организация не проявила должного понимания вопроса, а я, выходит, не справился с поручением, данным мне Центральным Комитетом, то есть Сталиным, потому что ни Маленков, ни Ежов в отношении Ярославского не могли сами давать директивы, если бы не было указания Сталина.

Этот эпизод вызвал возмущение у Землячки, человека особого характера. Тогда говорили, что это — мужчина в юбке. Она была резкой, настойчивой, прямой и неумолимой в борьбе против любых антипартийных проявлений. Землячка обратилась с письмом в ЦК партии. Об этом мне сказали Маленков и Ежов. Она писала, что хотела бы указать на ненормальное положение, которое сложилось на городской партийной конференции в Москве: по делегациям велась недопустимая работа против Ем. Ярославского, его порочили как члена партии и призывали не избирать в состав городского партийного комитета, хотя при обсуждении кандидатур для выборов никто ему отвода не давал. Мне же давать объяснения было некому, потому что письмо в ЦК попало именно к тем, кто сам давал мне директиву провалить Ярославского. Но меня упрекали, что я не справился с поручением ЦК. Потом я говорил с Землячкой и объяснил ей, что это было указание ЦК, да и есть ведь право у каждого члена партии, у каждого делегата, который не выступал на пленарном заседании конференции, высказать потом свое мнение среди делегатов. Она была достаточно опытным человеком, сама много лет провела на руководящей партийной работе, в свое время была секретарем Московского партийного комитета и знала всю закулисную кухню подготовки партийных конференций и их проведения.

Однако это, конечно, непартийные методы действий. Использовались возможности лиц, находившихся в руководящих органах, для борьбы с людьми, которые были попросту неугодны. Если бы за Ярославским имелась какая-то вина, то можно было бы выступить на конференции открыто. В свое время его критиковали в печати за недостаточно четкую позицию при борьбе с троцкистами и зиновьевцами. Но Ярославский пользовался в партии уважением, доверием, а такие закулисные махинации преследовали цель провести в руководство «своих людей», которые смотрели бы в рот, восхищались гениальностью руководства, не имели бы своего мнения, а обладали бы только хорошей глоткой для поддакивания.

Московская городская партийная конференция стала как бы примером. Ко мне начали обращаться с вопросом, как это мы сумели в такой сложный момент за 4—5 дней провести конференцию? Вот мы за это время смогли только президиум выбрать, а вы вообще все закончили... Нам это удалось лишь потому, что я советовался со Сталиным, как поступать в тех или других случаях, и это позволило уложиться в срок, ибо мы знали, что он одобряет в данный момент, а что — нет.

Хотелось бы остановиться еще на некоторых личных чертах Сталина. С одной стороны, восточное вероломство. Поговорив любезно с человеком и посочувствовав ему, он мог через несколько минут отдать приказ о его аресте. Так он поступил, например, с членом ЦК партии и ЦИК СССР Яковлевым. С другой — Сталин часто был, действительно, очень внимательным и чутким человеком, чем подкупал многих людей. Могу рассказать о таком случае. Это, видимо, произошло в 1937 году. Шла Московская областная партийная конференция. Она проходила очень бурно. То был страшный период, страшный потому, что мы считали, что окружены врагами, эти враги проникли не только в нашу страну, но главным образом в ряды нашей партии, заняли видное положение в хозяйстве и армии, захватили большинство командных постов. И это очень беспокоило людей, преданных делу строительства социализма, идеям партии.

Когда началась областная конференция, подошел ко мне Брандт. В то время он заведовал отделом сельского хозяйства в обкоме

ВКП(б), а раньше работал секретарем ряда партийных комитетов и считался очень хорошим партийным работником, знавшим сельское хозяйство, особенно производство льна. Я уже получил раньше немало писем, главным образом от военных, о том, что в Московском обкоме ВКП(б) занимает ответственный пост сын врага народа и белогвардейца полковника Брандта, который в 1918 г. поднял антисоветское восстание в Калуге. Мы проверяли эти обвинения и выяснили их несостоятельность. Но вот наступило тяжелое время для любых людей, которые якобы имели какое-нибудь «пятно» на репутации. Во время областной партконференции подходит ко мне этот Брандт и говорит (а был он таким коренастым, спокойным человеком) довольно спокойно: «Товарищ Хрущев, надоело мне давать всякие объяснения и оправдываться. Я думаю кончить жизнь самоубийством». Отвечаю: «В чем дело? Почему вы так мрачно настроены и почему хотите кончить жизнь самоубийством?»

«Да я вам же, кажется, говорил и хочу повторить, что меня зовут Брандт. Мой отец действительно был полковником и жил в Калуге. Но люди, которые считают меня сыном белогвардейца Брандта, имеют в виду другого Брандта, который тоже жил в Калуге, но не моего отца. Они не знают, что хотя я и сын полковника Брандта, но только умершего еще до революции. Поэтому мой отец никак не мог принимать участие в восстании, которое было поднято полковником Брандтом, приехавшим с фронта и поселившимся в Калуге. А было дело так: мой отец, Брандт, полковник царской армии в отставке, имел в Калуге свой домик, и жил он, собственно говоря, тем, что искусно умел вышивать и продавал эти вышивки, пополняя этим пенсию. Мать же моя была кухаркой у Брандта и родила ему трех сыновей. Брандт оформил брак с моей матерью, усыновил нас, и мы официально стали его сыновьями. Потом Брандт умер, а мы остались сиротами, жили буквально, как нищие. Я нанимался пасти скот, братья тоже, кто где и как мог добывали средства на жизнь. Сейчас мои братья командиры Красной Армии, а я вот партийный работник. Сколько раз я об этом говорил и докладывал на каждой партийной конференции. Все время я должен бить себя кулаком в грудь и клясться, что я честный человек. Мне это надоело». Говорю ему: «Вы успокойтесь. Если вы честный человек, мы вас возьмем под защиту».

Но я знал, что моих слов будет здесь недостаточно и что областная партийная конференция может оказаться для него роковой. Достаточно кому-либо выступить на ней и сказать об этом. А тот подтвердит, что отец его действительно полковник Брандт из Калуги, а уж тот ли это Брандт или не тот, не имело тогда значения. И я думаю, что он, конечно, не дожил бы до времени, когда смогли бы разобраться в этом деле, его забрали бы чекисты, и судьба его была бы предрешена. Я решил рассказать об этом Сталину. Тогда это было еще доступно для меня. Позвонил я Сталину, попросил, чтобы он меня принял, и рассказал ему, что вот, товарищ Сталин, хотел бы вам поведать такую историю и попросить у вас поддержки. Рассказал,— что есть у нас такой Брандт и вот так-то сложилась его судьба. Был и другой Брандт, который поднял восстание против Советов в 1918 г., а люди, которые сражались против того Брандта, принимают нашего Брандта за сына того Брандта и требуют расправы с сыном этого Брандта. Но это другой Брандт, который ничего общего не имеет с тем Брандтом. Сталин выслушал меня, посмотрел внимательно и спросил: «А вы уверены, что он честный человек?» Говорю: «Товарищ Сталин, абсолютно уверен, что это — проверенный человек, он много лет работает в Московской области» (Калуга входила тогда в состав Московской области). «Если вы уверены, что это честный человек, защищайте его, не

давайте в обиду». Мне, конечно, было приятно это слышать, я очень обрадовался. А он еще добавил: «Скажите Брандту об этом». В результате при выборах Московского областного комитета партии к Брандту никто не придирался, и он беспрепятственно был избран членом МК.

В этом — весь Сталин. Не поверил в какой-то момент, и нет человека! Удалось его убедить — будет поддерживать. Перед областной партийной конференцией я также беседовал со Сталиным и просил его, чтобы он дал указание, как ее организовать и провести, учитывая сложившиеся условия острой борьбы и широких арестов. Об арестах мы, конечно, не говорили, но это само собой разумелось. Я сказал: «Московская областная конференция будет эталоном для конференций в других областях. Ко мне звонят много людей, даже из Центральных Комитетов союзных республик, и спрашивают, как мы думаем проводить конференцию? От нашей конференции будет зависеть очень многое». Рассказал ему о сложившихся в городе условиях, о том, как по инструкции должна проводиться конференция и какие бывают при этом извращения. Особенно меня беспокоили крикуны, которые привлекали к себе внимание. Тогда мы подозревали, что это, возможно, люди, связанные с врагами и отводящие удар от себя. Сталин, выслушав меня, сказал: «Вы проводите конференцию смело. Мы вас поддержим. Строго придерживайтесь устава партии и инструкции Центрального Комитета, разосланной партийным комитетам».

Конференцию мы провели в очень короткий срок, то есть так, как обычно проводили раньше, до массовых арестов. Когда приступали к выборам, у меня возник некий вопрос. В 1923 г., когда я учился на рабочем факультете, то допускал колебания троцкистского характера. Я ожидал, что это дело может быть поднято на конференции или после конференции, и мне будет очень трудно давать объяснения. Поэтому я решил рассказать обо всем Сталину. Но прежде решил посоветоваться с Кагановичем. Мы с Кагановичем давно знали друг друга, он ко мне хорошо относился, покровительствовал мне. Каганович сразу напустился на меня: «Что вы? Зачем это вы? Что вы? Я знаю, что это было детское недопонимание». А случилось то перед съездом партии, ло ли XIII, то ли XII. Я был избран тогда в окружной партийный комитет. Говорю Кагановичу: «Все-таки это было, и лучше сказать сейчас, чем кто-нибудь потом поднимет этот вопрос, и уже я буду выглядеть как человек, скрывший компрометирующие его факты. А я не хочу этого. Я всегда был честным человеком и перед партией тоже хочу быть честным». «Ну, я вам не советую»,— говорит Каганович. «Нет, я все-таки посоветуюсь с товарищем Сталиным».

Позвонил Сталину. Он сказал: «Приезжайте». Когда я вошел к нему в кабинет, он был вдвоем с Молотовым. Я все рассказал Сталину, как было. Он только спросил: «Когда это было?» Я повторил, что это было перед XIII съездом партии. Меня увлек тогда Харечко, довольно известный троцкист. Еще до революции я слышал, что есть такой Харечко из крестьян села Михайловки, студент. Это село я знал. Там много этих Харечко. Знал, что он революционер, но не знал, что социал-демократ. В течениях социал-демократической партии я тогда совершенно не разбирался, хотя знал, что это был человек, который до революции боролся за народ, боролся за рабочих и за крестьян. Когда он приехал в Юзовку, то я, естественно, симпатизировал Харечко и поддерживал его. Сталин выслушал меня. «Харечко? А, я его знаю. О, это был интересный человек». «Так вот, я хочу вас спросить, как мне быть на областной партийной конференции? Рассказать все, как я вам рассказываю, или ограничиться тем, что я уже рассказал вам об этом?» Сталин: «Пожалуй, не следует говорить. Вы рассказали нам, и достаточно». Молотов возразил: «Нет, пусть лучше расскажет». Тут

Сталин согласился: «Да, лучше расскажите, потому что если вы не расскажете, то кто-нибудь может привязаться, и потом завалят вас вопросами, а нас — заявлениями».

Я ушел. Вернувшись на конференцию, застал такую сцену: обсуждали кандидатуры, выставленные в областной партийный комитет, конкретно же обсуждали Маленкова. Маленков стоя давал объяснения. Мне сказали, что он уже час или больше стоит, и каждый его ответ рождает новый вопрос о его партийности и о его деятельности во время гражданской войны. Рассказывал он нечетко и не очень связно. Складывалась ситуация, при которой Маленкова могли провалить. Как только Маленков закончил и сошел с трибуны, я выступил в его поддержку, сказав, что он нам хорошо известен и что его прошлое не вызывает никаких сомнений. Он честный человек и отдает все, что имеет, партии, народу, революции... Маленков остался в списках.

Дошла очередь до моей фамилии. Алфавит ставил меня в конце всех списков. Я рассказал конференции так, как советовал Сталин. Но на Сталина я не ссылался. Когда кончил, вопросов не было: дружно как-то крикнули — оставить в списке для голосования. Я был избран тогда абсолютным большинством голосов. Все это располагало меня к Сталину. Было приятно, что Сталин внимательно отнесся ко мне, не упрекнул ни в чем, задал только один или два вопроса и даже заикнулся сперва, чтобы я не говорил этого на конференции. Считаю правильным, что он порекомендовал все рассказать. Да я, собственно, за этим и пришел. Хотел, чтобы Сталин знал, что Хрущев пошел на конференцию и рассказал об этих моментах в своей биографии. Я считал нетактичным не предупредить Генерального секретаря ЦК, имея к тому возможность. Все это еще больше укрепляло мое доверие к Сталину, рождало уверенность, что те, кого арестовывали, действительно враги народа, хотя действовали так ловко, что мы не смогли заметить это из-за своей неопытности, политической слепоты и доверчивости. Сталин часто повторял нам, что мы слишком доверчивы. Он же как бы поднимался на еще более высокий пьедестал: все видит, все знает, людские поступки судит справедливо, честных людей защищает и поддерживает, а людей, недостойных доверия, врагов наказывает.

Еще один эпизод. В ту пору главное острие борьбы было направлено против троцкистов, зиновьевцев и правых. В этой связи интересна судьба Андрея Андреевича Андреева. Он довольно активный троцкист и вместе с тем пользовался доверием и покровительством Сталина. Андрей Андреевич занимал высокие посты наркома земледелия, наркома путей сообщения, секретаря ЦК партии. Это тоже был как бы плюс Сталину. Выступая против активных троцкистов, таких, как Андреев, он сам тем не менее брал его под защиту. Андрей Андреевич сделал очень много плохого во время репрессий 1937 года. Возможно, из-за своего прошлого он боялся, чтобы его не заподозрили в мягком отношении к бывшим троцкистам. Куда он ни ездил, везде погибало много людей, и в Белоруссии, и в Сибири. Об этом свидетельствует множество документов и такой, например, факт: старый большевик Кедров, сидя в тюрьме, написал Андрею Андреевичу пространное письмо, где доказывал, что совершенно невиновен. Его письмо осталось без последствий. Он дважды судился («тройкой» и «пятеркой»), но даже кровавая «пятерка» не смогла найти достаточных улик для его осуждения, и он был в конце концов казнен Берией в начале Великой Отечественной войны без приговора. Это все стало потом известно из следственных материалов по делу Берии.

Возвращаюсь к 1937 г., к областной партийной конференции. Ее мы закончили в нормальные сроки, наверное, за пять дней, а может быть, даже меньше. Перед принятием резолюции я просмотрел ее проект. Резолюция была ужасная, столько было там накручено о врагах народа. Она требовала продолжать оттачивать нож и вести расправу (как теперь уже ясно, с мнимыми врагами народа). Не понравилась мне эта резолюция, но я был в большом затруднении; как же быть? Я каюсь здесь потому, что был первым секретарем, а на первого секретаря ложилась главная ответственность за все, да и сейчас она тоже не ослабла. Хотя, по-моему, это является с точки зрения внутрипартийной демократии нашей слабостью, потому что руководитель тем самым подчиняет себе коллектив. Но это уже другой вопрос.

Решил опять посоветоваться со Сталиным. Позвонил ему и сказал: «Товарищ Сталин, наша областная партийная конференция заканчивает свою работу, проект резолюции составлен, но я хотел бы вам доложить и попросить совета. Ведь резолюция Московской областной партийной конференции будет взята образцом для других партийных организаций». «Приезжайте,— говорит,— сейчас». Я приехал в Кремль, Молотов тоже был там. Показал я Сталину резолюцию, он ее прочел, взял красный карандаш и начал вычеркивать: «Это надо выбросить, и это, и это выбросить, и это. А это вот можно так принять». Политическая, оценочная часть резолюции стала неузнаваемой. Все «недобитые враги народа» были Сталиным вычеркнуты. Остались там положения о бдительности, но они по тому времени считались довольно умеренными. Если бы я такую резолюцию сам предложил на конференции, не спросив Сталина, то мне бы не поздоровилось: она не шла в тон нашей партийной печати, как бы смягчала, принижала остроту борьбы, к которой призывала «Правда».

Мы приняли эту резолюцию и опубликовали ее. После этого меня буквально засыпали звонками. Помню, Постышев звонил из Киева: «Как это вы сумели провести конференцию в такие сроки и принять такую резолюцию?» Я ему, конечно, рассказал, что она в проекте была не такой, но что я показал ее Сталину, и Сталин своей рукой вычеркнул положения, обострявшие борьбу с врагами народа. Тогда Постышев говорит: «Мы тоже тогда будем так действовать и возьмем вашу резолюцию за образец». Опасные события опять выставляли Сталина с лучшей стороны: он не хотел ненужного обострения, не хотел лишней крови. Да мы тогда и не знали, что арестованные уничтожаются, а считали, что они просто посажены в тюрьму и отбывают свой срок наказания. Все это вызывало еще большее уважение к Сталину и, я бы сказал, преклонение перед его гениальностью и прозорливостью.

Наша Московская партийная организация была сплоченной и являлась настоящей твердыней и опорой Центрального Комитета в борьбе против врагов народа и за реализацию решений партии о построении социализма в городе и в деревне. Но гадости продолжались, люди исчезали. Я узнал, что арестован Межлаук, которого я очень уважал. Межлаук пользовался заслуженным доверием и уважением Сталина. Помню такой случай. У нас проводилось какое-то совещание, а на это совещание приехал из Англии видный физик Капица. Сталин решил его задержать и не дать вернуться в Англию. Это было поручение Межлауку. Я случайно был у Сталина, когда он объяснял, как убедить Капицу остаться: уговорить его, а в крайнем случае просто отобрать заграничный паспорт. Межлаук говорил с Капицей и докладывал Сталину. Потом я узнал, что договорились о том, что Капица остается у нас (конечно, помимо своей воли), но с тем, что создаются условия для его работы. Хотели построить ему специальный институт, где он мог бы с большей пользой использовать свои знания на благо нашей страны. При этом Сталин довольно плохо характеризовал Капицу, говорил, что он не патриот и т. п. Построили для него такой институт — желтое здание в конце Калужской улицы, неподалеку от Воробьевых (Ленинских) гор.

Возвращаюсь к Межлауку, который прежде работал у Куйбышева в Госплане. Его я знал, так как соприкасался с Госпланом, работал в Московском комитете партии. Городское хозяйство Москвы планировалось не через область и не через Российскую Федерацию, а непосредственно Госпланом. Поэтому мне приходилось иметь дело с Межлауком. Кроме того, он часто делал доклады на московских городских и районных активах. И вдруг Межлаук — тоже враг народа! Стали исчезать и другие работники Госплана, потом Наркомтяжпрома. Петля затягивалась. В нее стали попадать работники лично самого Орджоникидзе.

Орджоникидзе, как у нас называли его — Серго, пользовался очень большой популярностью и заслуженным уважением. Это был человек рыцарского склада характера. Помню, проводилось совещание строителей в зале Оргбюро ЦК партии. Председательствовал на этом совещании Орджоникидзе, присутствовал Сталин. Собрался узкий круг людей. Вообще же там помещалось 200 или 300 человек, не больше. От Москвы был приглашен я и выступил там с довольно острой критикой хода строительства в Москве. Этим строительством тогда занимались Серго и Гинзбург. Гинзбург — хороший строитель, и Серго его заслуженно поддерживал. Но в каждом большом деле есть много недостатков, другой раз даже больших недостатков, и я выступал, защищая интересы городского строительства и критикуя Гинзбурга и Наркомтяжпром. Серго (он глуховат был на ухо) вытянулся ко мне, слушает, умиленно улыбаясь, и подает реплики: «Откуда ты знаешь строительство, откуда, слушай, откуда?» С таким он хорошим чувством это произносил... Мое выступление было опубликовано потом в газете Наркомтяжпрома, не помню, как она называлась. Редактировал эту газету очень хороший человек и хороший коммунист, кажется, Васильковский или Васильков. Погиб, бедняга, как и многие другие.

Помню, Серго не однажды звонил по ряду вопросов мне в Московский комитет. Однажды звонит: «Товарищ Хрущев (он говорил с сильным грузинским акцентом), ну что вы там не даете покоя Ломинадзе, все критикуете его?» Я отвечаю: «Товарищ Серго, ведь вы знаете, что Ломинадзе — это активнейший оппозиционер и, собственно, даже организатор оппозиции. Сейчас от него требуют четких выступлений, а он выступает расплывчато и сам дает повод для критики. Что я могу сделать? Ведь это факт». «Товарищ Хрущев, послушай, ты что-нибудь сделай, чтобы его меньше терзали». Говорю, что это очень трудно мне сделать, а потом я и сам считаю, что его правильно критикуют.

Ломинадзе был близкий к Серго человек, и Серго относился к нему с большим уважением и большой чуткостью. Уже позднее узнал я про такой случай лично от Сталина. После того, как умер Орджоникидзе, Сталин рассказывал, что вот, мол, Серго — что это за человек был! Я (Сталин) лично узнал от него, что к нему пришел Ломинадзе и высказывал свое несогласие с проводимой партией линией, но взял с Серго честное слово, что все, что он скажет, не будет передано Сталину и, следовательно, не будет обращено против Ломинадзе. Серго дал такое слово. Сталин возмущался: как это так, как можно давать такое слово? Вот какой этот Серго беспринципный! В конце концов, при каких-то обстоятельствах Серго сам рассказал Сталину, что он дал слово Ломинадзе и поэтому говорит сейчас Сталину при условии, что Сталин не сделает каких-нибудь организационных выводов на основе сказанного Ломинадзе. Но Сталин никаких честных слов не признавал, и в конце концов Ломинадзе был послан в Челябинск, где его довели до такого состояния, что он застрелился. До этого он был в Москве секретарем парткома на заводе авиационных двигателей.

Однажды в выходный день я был на даче. Мне звонят и говорят, чтобы я позвонил в ЦК. Там мне сказали: «Товарищ Хрущев, умер Серго. Политбюро создает комиссию по похоронам, вас включают в эту комиссию. Прошу к такому-то часу приехать к председателю комиссии, будем обсуждать вопросы, связанные с похоронами Серго». Утром Серго похоронили. Прошло много времени. Я всегда отзывался о Серго с большой теплотой. Однажды (это уже, по-моему, было после войны) я приехал с Украины. Мы были у Сталина, вели какие-то разговоры, иной раз довольно беспредметные, «убивали время». Я сказал: «Серго — вот был человек! Умер безвременно, еще молодым, жалко такой потери». Тут Берия подал какую-то недружественную реплику в адрес Серго, и больше никто ничего не сказал. Я почувствовал, что я что-то сказал не то, что следовало в этой компании. Кончился обед, мы вышли. Тогда Маленков говорит мне: «Слушай, ты что так неосторожно сказал о Серго?» «А что ж тут неосторожного? Серго — уважаемый политический деятель». «Да ведь он застрелился. Ты знаешь об этом?» Говорю: «Нет. Я его хоронил, и тогда нам сказали, что Серго (у него, кажется, болели почки) скоропостижно умер в выходной день». «Нет, он застрелился. Ты заметил, какая была неловкость после того, как ты назвал его имя?» Я сказал, что это я заметил и был удивлен.

Но что Берия подал враждебную реплику, не было неожиданностью, потому что я знал, что Берия плохо относился к Серго, а Серго не уважал Берию. Серго был теснее связан с грузинской общественностью и, следовательно, знал о Берии больше, чем Сталин. Если сопоставить Серго и Сталина: оба — грузины, старые большевики, но совершенно разные люди, Серго внимательный, с большой душевной теплотой, хотя и очень вспыльчивый. Как-то на заседании Политбюро он вспылил, не знаю, по какому поводу, против наркома внешней торговли Розенгольца, замахнулся на него и не знаю, как сдержался. Мне известен случай, когда раньше, в Грузии, он ударил кого-то еще при Ленине. Дело разбирал партийный комитет. Вот как уживаются иной раз в одном лице противоположные качества. Но главное, за что уважали его,— это человечность, доступность и справедливость.

О смерти Орджоникидзе мне подробно рассказал Анастас Иванович Микоян, но значительно позже, после смерти Сталина. Он говорил, что перед его смертью (тот покончил с собой не в воскресенье, а в субботу или раньше) они очень долго ходили с Серго по Кремлю. Серго сказал, что дальше не может так жить; Сталин ему не верит; кадры, которые он подбирал, почти все уничтожены; бороться же со Сталиным он не может и жить так тоже больше не может.

Что касается его недруга Берии, то я познакомился с ним, видимо, в 1932 году. В то время я работал вторым секретарем Московского городского комитета партии. Горком размещался на Большой Дмитровке. К нам приехал Берия как секретарь Закавказского бюро ВКП(б). Как Берия стал там руководителем, не знаю, ничего не могу об этом сказать. Я же встретился с Берией по вопросу кадров. Не знаю, почему Берия обратился ко мне. Ведь первым секретарем Московского горкома и обкома был Каганович. Но обратился он именно ко мне. Может быть, его просто послал Каганович? Пришел он ко мне с Багировым. Багиров — это бакинский партийный деятель. Он учился тогда на курсах марксизма-ленинизма, которые размещались на Красной Пресне. Я познакомился с Багировым, когда был секретарем Краснопресненского райкома партии. Я знал, что вот это Багиров, но истории его деятельности в Закавказье не знал.

А у нас речь шла о секретаре Фрунзенского райкома партии армянине товарище Рубене. На какую роль брали тогда Рубена, я сейчас уже не помню. Рубена я знал мало. Я познакомился с ним, когда стал секретарем Бауманского райкома, а он был секретарем Фрунзенского.

Я сталкивался с ним на совещаниях секретарей райкомов партии, а тогда секретарей в Москве было, наверное, не больше чем девять человек. Рубен как человек резко выделялся среди нас и очень нравился мне. И когда Каганович вызвал меня и сказал, что моя кандидатура будет выдвигаться на пост второго секретаря городского партийного комитета, то я смутился и отвечал, что не следовало бы это делать, потому что я не москвич и знаю, как тяжело мне будет в Москве. Москва избалована авторитетами больших людей с большим дореволюционным стажем. Кроме того, более достойным явился бы Рубен. И если бы меня спросили, я бы порекомендовал Рубена. Но Каганович заметил, что он лучшего обо мне мнения, чем я сам, и решено именно меня выдвинуть. Он добавил, что Рубен неплохой работник; но надо иметь в виду, что Рубен был офицером в царской армии. Этого я, конечно, не знал.

Когда я первый раз встретился с Берией, разговор у нас был формальным, не я ведь решал вопрос о Рубене, вопрос решал ЦК. Позже я узнал, что кандидатуру Рубена выдвигал Серго. Через некоторое время я Рубена снова встретил. Видимо, ему нравилась военная форма. Он приехал в Москву в гимнастерке с тремя или четырьмя ромбами в петлицах. Его ввели тогда членом Военного совета в приграничную армию, и он получил воинское звание. Другие партийцы тоже были членами Военных советов, и я потом был членом Военного совета. Но мы военную форму не носили, а Рубен носил. Мы надевали военную форму без знаков отличия, и то только если выезжали на военные учения. В 1937 г. Рубен был арестован и уничтожен.

После первой встречи с Берией я сблизился с ним. Мне Берия понравился: простой и остроумный человек. Поэтому на Пленумах Центрального Комитета мы чаще всего сидели рядом, обмениваясь мнениями, а другой раз и зубоскалили в адрес ораторов. Берия так мне понравился, что в 1934 г., впервые отдыхая во время отпуска в Сочи, я поехал к нему в Грузию. Приехал в Батум на пароходе (железной дороги тогда там не было), из Батума в Тифлис — поездом. Воскресенье провел у Берии на даче. Там у него было все грузинское руководство. На горе стояли дачи Совнаркома и ЦК партии. Оттуда, возвращаясь, я проехал по Военно-Грузинской дороге и сел на поезд на станции Беслан. Как видно отсюда, начало моего знакомства с этим коварным человеком носило мирный характер. В то время я смотрел на вещи идеалистически: если человек с партийным билетом и настоящий коммунист, а не жулик, то это мой брат и даже больше, чем брат. Я считал, что нас всех связывают невидимые нити идейной борьбы, идей строительства коммунизма, нечто возвышенное и святое. Каждый участник нашего движения был для меня, если говорить языком верующих, вроде апостола, который во имя идеи готов пойти на любые жертвы. Ведь тогда, действительно, чтобы быть настоящим коммунистом, больше приходилось приносить жертв, чем получать благ. Это не то, что сейчас среди коммунистов, когда есть идейные люди и много неидейных, чиновников, подхалимов и карьеристов. Сейчас членство в партии, партийный билет — это надежда на лучшее приспособление к нашему обществу. Ловким людям удается получать больше других, не имея к тому данных ни по качеству, ни по количеству вложенного ими труда. Это факт и большой бич в наше время. А в то время всего этого было меньше, хотя уже начиналось.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Роберт КОНКВЕСТ. ЖАТВА СКОРБИ

Реестр смерти

Не предпринималось никакого официального изучения террора в селах в 1930—1933 гг., не было сделано ни одного заявления о людских потерях, не были открыты архивы для независимых исследователей этого вопроса. Тем не менее мы располагаем возможностями для достаточно убедительных подсчетов числа умерших в этот период террора. Прежде всего рассмотрим вопрос об общих потерях для всего цикла событий, связанных с коллективизацией,— и в период раскулачивания, и в период голода. Сделать это в принципе нетрудно, нужно только обратиться к численности населения по советской переписи 1926 г., учесть коэффициент естественного прироста за последующие годы и сравнить полученные результаты с цифрами первой переписи после 1933 года.

Здесь надо сделать несколько оговорок. Перепись 1926 г., как и все остальные, проводившиеся в сравнительно благоприятных условиях, все же не может быть абсолютно точной. И по советским, и по западным подсчетам, она была занижена на 1,2—1,5 млн. человек (примерно на 800 тыс. применительно к Украине) [1]. Это означало, что число умерших должно бы быть увеличено почти на полмиллиона. Но преимущества, связанные с использованием официально установленной базовой цифры, полученной в результате переписи, так велики, что в наших вычислениях можно пренебречь этим миллионом. Опять-таки «коэффициент естественного прироста» вычисляется по-разному, хотя и в достаточно узком пределе. Затрудняет подсчеты, как может показаться на первый взгляд, тот факт, что итоги первой после 1933 г. переписи, в январе 1937 г., к сожалению, нам не известны. Властям, видимо, были сообщены предварительные результаты на 10 февраля 1937 г., затем перепись была приостановлена, данные объявлены секретными. Начальник Управления по делам переписи О. А. Квиткин был арестован 25 марта [2]. Оказалось, что «прославленная советская разведка, возглавляемая сталинским народным комиссаром Н. И. Ежовым, уничтожила змеиное гнездо предателей в аппарате советской статистики» [3]. Предатели «поставили себе задачу извратить реальные цифры населения» или (как писала потом «Правда») «стремились сократить численность населения СССР» [4]— упрек тем более несправедливый, что отнюдь не статистики осуществляли это сокращение.

Окончание. Начало см.: Вопросы истории, 1990, № 1.

[1] Корчак-Чепурковский Ю. А. Таблицы доживания н сподиваного життя людности СССР. Харькiв. 1929, с. 33, 72—79; его же. Избранные демографические исследования. М. 1970, с. 301—302; Kattner J. F., Kulchyka L. W. The USSR Population Census of 1926; A Partial Evaluation. U. S. Bureau of Census. Internatilnal Population Report, Series P. 95, №50, October 1957, pp. 100—117.

[2] Пирожков С. И. Жизнь и творческая деятельность О. А. Квиткина. Киев. 1974.

[3] Большевик, 1938, № 23—24.

[4] Правда, 17.I.1939.

Цели тех, кто запрещал проведение переписи и стремился заставить замолчать осуществлявших ее, достаточно ясны. Цифра в 170 млн. советских граждан, которая в течение нескольких лет фигурировала в официальных речах и отчетах, олицетворяла хвастливое заявление, сделанное в январе 1935 г. Молотовым: «Гигантский рост населения свидетельствует о жизнеспособности советского строительства»[5]. Следующая перепись была проведена в январе 1939 года. Это единственная за данный период перепись, результаты которой были опубликованы, но в силу условий, в которых она была проведена, никогда не вызывала большого доверия. Все-таки следует отметить, что даже если принять всерьез официальные цифры 1939 г., то и они свидетельствуют об огромных потерях в составе населения, хотя, конечно, не показывают реальной картины.

При исчислении общей цифры смертей, происшедших не по естественным причинам между 1926 и 1937 г., решающими являются итоги переписи 1937 г., и именно на них (без упоминания деталей) имелось несколько ссылок в послесталинских демографических публикациях. Наиболее точная из этих публикаций определяет численность населения в СССР 163 772 тыс.[6], остальные — 164 миллиона человек[7]. Полная же численность, принимая самые нижние оценки, сделанные в прежние годы советскими статистиками, а также подсчеты современных демографов, должна была составить примерно 177,3 млн. человек.

Другой, более грубый подход к нашему исчислению сводится к тому, чтобы к приблизительно подсчитанному населению на 1 января 1930 г. (157,6 млн.)[8] присовокупить те приписки годового прироста, о которых говорил Сталин[9]. В результате получается цифра 178,6 млн., очень близкая к первой проекции. Второй пятилетний план тоже определяет численность населения на начало 1938 г. в 180,7 млн. человек[10]; это означает, что в 1937 г. она равнялась 177 или 178 миллионам. Странно, правда, что начальник Центрального статистического управления во времена Н. С. Хрущева В. Н. Старовский, используя применительно к 1937 г. цифру Госплана 180,7 млн., сравнивает ее с данными переписи — 164 млн. и при этом замечает: «даже после корректировки»[11]. Эта оговорка свидетельствует о значительной, ползущей вверх инфляции чисел: «корректировка» на 5% означала бы в качестве базовой цифры уже 156 млн., то есть число, которое назвал А. Антонову-Овсеенко чиновник невысокого ранга[12].

Следуя, однако, принятой нами методике исчисления потерь только по минимуму, пренебрежем этой возможной «корректировкой», без которой Старовский определяет потери в 16,7 млн. человек. Можно, конечно, посчитать эту цифру Госплана столь же убедительной, как и все остальные его показатели, относящиеся к началу октября 1937 г., но если ее принять, то в этом случае потери за предыдущие годы составят около 14,3 млн. человек. Мы же предпочитаем снова взять более низкие оценки, пренебречь более высокими прикидками советских демографов, исследующих этот период, и будем считать убыль населения равной 13,5 млн. человек. Поскольку к началу 1937 г. не было массового уничтожения других социальных категорий, исключая малые величины в десятки тысяч убитых, то в действительности почти все эти потери населения приходятся на крестьянство.

---

[5] Правда, 26.I.1935.
[6] Население СССР. Численность, состав и движение населения. М. 1975, с. 7.
[7] Вестник статистики, 1964, № 11, с. 11.
[8] Karcz J. The Economics of Communist Agriculture. Bloomington. 1975, p. 475.
[9] Правда, 5.XII.1935.
[10] The Second Five Year Plan. N. Y. 1937, p. 458.
[11] Вестник статистики, 1964, № 11, с. 11.
[12] Antonov-Ovseenko A. The Time of Stalin. N. Y. 1981, p. 207.

Число 13,5 млн. включает в себя не только убитых. В него включены и неродившиеся — те, кто не появился на свет в результате смерти родителей, их разлуки и т. п. Эти потери неродившихся в сельских местностях можно вычислить. За год террора голодом и за два года депортации кулаков они составляют примерно 2,5 млн. душ, и это число вряд ли завышено. Тогда получается, что погибших к 1937 г. в ходе раскулачивания и голода было 11 млн., без учета тех, кто позднее погиб в лагерях.

Другой метод подсчета сводится к следующему: в 1938 г. насчитывалось примерно 19,9 млн. крестьянских хозяйств. В 1929 г. их было примерно 25,9 миллиона. Если на каждую крестьянскую семью приходится 4,2 человека, то в 1929 г. крестьян было 108,7 млн., а в 1938 г.— 83,6 миллиона. Естественный прирост за эти годы должен был довести эту цифру до 119 млн.— дефицит с реальной цифрой доходит до 36 миллионов. Из них мы должны вычесть 24,3 млн. либо переселившихся в города, либо оставшихся жить в тех деревнях, которые были названы поселками городского типа. Остается убыль в населении, в целом равная 11,7 млн. человек. К ним мы должны добавить крестьян, уже осужденных и умиравших в лагерях после января 1937 г., то есть тех, кто был арестован в ходе наступления на мужика в 1930—1933 гг. и не пережил сроков заключения (но исключим из наших подсчетов тех крестьян, которых арестовали во время еще более тотального террора 1937—1938 гг.). Как будет показано далее, это составит еще не менее 3,5 млн. человек, и общее число крестьян, погибших в результате раскулачивания и террора голодом, достигнет, таким образом, 14,5 миллиона.

Далее мы должны рассмотреть, как этот страшный итог делится по показателям — жертвы раскулачивания и убитые голодом. Здесь почва оказывается более зыбкой. Демографы считают, что более 7 млн. приходится на раскулачивание и более 7 млн. на голод. Мы беремся проверить это предположение. Из 14,5 млн. свыше 3,5 млн. составляют заключенные, умершие в лагерях в период после 1937 г., но в большинстве своем осужденные до майского указа 1933 г.; это, конечно, значительная часть тех, кого уничтожили в доведенных до отчаяния селах Украины и Кубани во время голода, но эти люди все же не погибли непосредственно от кампании террора голодом, и чтобы вычислить жертвы последнего, вернемся к 11 млн. умерших до 1937 года.

Мы можем начать с жертв голода — и опять-таки начнем с потерь украинского населения. (Уже говорилось, что это неполная цифра общероссийских потерь; неофициальные подсчеты показывают, что около 80% смертей приходится либо на Украину, либо на преимущественно украинские районы Северного Кавказа.) Чтобы определить потери украинцев, обратимся снова к фальсифицированной переписи 1939 г., поскольку, как выше упоминалось, не было опубликовано никаких иных цифр по национальностям; даже сейчас, когда течет тоненькая струйка сведений из подлинной переписи 1937 г., которыми мы воспользовались выше, вообще нет никаких цифр, кроме общего количества населения.

Официальная цифра численности советского населения в переписи января 1939 г.—170 467 186. Западное демографическое исследование указывает, что реальная цифра — примерно 167,2 миллиона. Но даже эта последняя цифра говорит о резком улучшении в сравнении с 1937 г., несмотря на те 2—3 млн., которые, как мы подсчитали, погибли в лагерях или были расстреляны в 1937—1938 годах. Улучшение объяснялось частично естественным, а частично и юридическим факторами: рост рождаемости после бедствий, катастроф или голода — явление общеизвестное: и частота половых сношений и способность к воспроизводству, которые резко пошли на убыль в голодные годы, потом восстанавливаются. Что касается второго фактора, то в 1936 г. были официально за-

прещены аборты, а противозачаточные средства перестали продавать. Были предприняты и другие подобные меры.

Из официальной цифры переписи на долю Украины приходится 28 070 404 (против 31 194 976 по переписи 1926 г.). Невозможно определить, как располагаются эти добавочные по сравнению с западными показателями 3,4 млн. в общей цифре 170,5 млн. по национальным группам. Поэтому обычно предполагают, что численность каждой национальной группы завышали пропорционально (хотя в интересах сокрытия фактов надо было бы указывать по Украине — из-за ее особенно низких показателей — более высокую цифру, чем по остальным республикам).

Если на долю Украины не выпало бы добавочного завышения, то подлинная численность ее населения в 1939 г. была 27,54 млн., тогда 31,2 млн. в 1929 г. выросли бы до 38 млн. в 1939-м. И в этом случае потери равнялись бы 10,5 млн.; если на долю нерожденных детей отвести 1,5 млн., то потери на Украине вплоть до 1939 г. составили бы 9 млн. человек. Но эти 9 млн. являются показателем не только смертности. К 1939 г. на украинцев, живущих вне пределов Украины, оказывалось очень сильное давление с целью, чтобы они записывались русскими, и значительное число украинцев осуществило этот переход в другую национальную группу. Советский демограф признает, что за период между двумя переписями, 1926 и 1939 г., «низкий коэффициент роста (!) в численности украинцев объясняется снижением естественного прироста, которое явилось результатом плохого урожая на Украине в 1932 году», но добавляет при этом, что люди, «которые прежде считали себя украинцами, в 1939 году записались русскими»[13]. Нам, например, говорили, что люди с поддельными документами часто изменяли свою национальность, поскольку украинцы были всегда на подозрении у милиции[14].

Все сказанное относится не столько к Украине, сколько к украинцам, проживающим в других местах СССР. Таких было 8,536 млн. в 1926 г., из них 1,412 млн.— на Кубани. Оставшиеся кубанские казаки, безусловно, были зарегистрированы теперь как русские, но численность их оказалась намного ниже, чем в 1926 году. В других местах это было результатом давления на каждого отдельного человека и представляло, несомненно, затяжной процесс — даже по переписи 1959 г. числилось еще более 5 млн. украинцев, проживавших в СССР не на территории Украины. Если предположить, что количество украинцев, записавшихся русскими, составляет 2,5 млн., то мы получим 6,5 млн. умерших. Если из этой цифры вычесть 0,5 млн. украинцев, погибших в период раскулачивания в 1929—1932 гг., то умерших от голода — 6 миллионов. Эту цифру надо разделить на две составляющих: 5 млн. умерло на самой Украине и 1 млн.— на Северном Кавказе. Цифра погибших в этот период неукраинцев, возможно, не превышает 1 миллиона. Таким образом, общее число умерших от голода составляет приблизительно 7 млн., из которых 3 млн.— дети. И эти цифры минимальны.

Еще один способ определить число умерших от голода, или, вернее, в самый страшный его период, можно найти в разнице между подсчетами Управления по делам переписи, осуществленными незадолго до переписи 1937 г., и действительными цифрами, полученными в ее результате. Цифра предварительных вычислений равна 168,9 млн.[15]; реальная — 163 772 тыс. человек — разница как раз составляет немногим более 5 миллионов. Считается, что данная цифра — это количество незарегистрированных смертей на Украине, начиная с конца октября 1932 г., хотя таких цифр не имелось в распоряжении составителей переписи;

[13] История СССР, 1983, № 4, с. 21.
[14] The Black Deeds of the Kremlin. Vol. 2. Toronto. 1953, p. 294.
[15] Плановое хозяйство, 1936, № 12, с. 23.

и эта цифра согласуется с другими цифрами, которые мы получили для умерших от голода в целом.

Можно произвести и ряд не столь прямых вычислений количества умерших от голода, основываясь на утечке официальной информации. Так, американский гражданин, родившийся в России, который до революции был знаком со Скрыпником, посетил его в 1933 г. и встретился также с другими украинскими лидерами. Скрыпник назвал ему «минимум» 8 млн. умерших на Украине и Северном Кавказе[16]. Начальник ОГПУ Украины Балицкий тоже сказал ему, что погибло 8—9 млн., добавив, что цифра эта, как приблизительная, была доложена Сталину[17]. Другой офицер госбезопасности писал, что, возможно, на более раннем этапе ОГПУ представляло Сталину цифру в 3,3—3,5 млн. умерших от голода[18]. Иностранному коммунисту называли цифру в 10 млн. умерших в целом по СССР[19]. Иностранный рабочий на Харьковском заводе, где еще хорошо помнили голод, слышал от местных властей, что Г. И. Петровский допускает число в 5 млн. умерших от голода «на сегодняшний день»[20].

У. Дюранти сказал в британском посольстве в сентябре 1933 г., что «население Северного Кавказа и Нижней Волги сократилось за прошлый год на 3 млн., а население Украины — на 4 или 5 млн.» и что ему представляется «весьма вероятной» общая цифра смертности в 10 миллионов. Разумно предположить, что цифры Дюранти добыты из тех источников, которые никогда не публиковались, но были известны кому-то из его коллег от некоего высокого чиновника или почерпнуты им из тех официальных данных, которые имелись в то время в распоряжении властей. Американский коммунист, работавший в Харькове, определяет потери в 4,5 млн. умерших только от голода, и еще несколько миллионов — от болезней, связанных с плохим питанием[21]. Другому американцу высокий украинский чиновник сказал, что в 1933 г. умерло 6 млн. человек[22]. Канадский коммунист, украинец, который учился в Высшей партийной школе при ЦК Украины, узнал, что секретный отчет для ЦК Украины содержал цифру в 10 млн. умерших[23].

Что касается других областей, то на Центральной и Нижней Волге, а также на Дону, по имеющимся данным, потери пропорционально были так же велики, как и на Украине. Директор Челябинского тракторного завода Ловин сказал иностранному корреспонденту, что на Урале, в Восточной Сибири и Заволжье погибло более миллиона человек[24].

Следует оговориться, что все эти подсчеты не обязательно совпадают друг с другом, поскольку не всегда ясно, когда цифры относятся к показателям числа смертей только на Украине, какие годы охватывают, включены ли в них также показатели смертей от болезней, связанных с голоданием... Во всех случаях, даже в официальных секретных отчетах, приводятся цифры с разницей в несколько миллионов жертв. Надо полагать, что невозможно получить точные или хотя бы приблизительные цифры. Как говорит Л. Плющ, «члены партии приводят цифры, равные пяти или шести миллионам, а другие говорят о десяти миллионах жертв. Истинная цифра, видимо, лежит посередине»[25].

Если в полученной нами цифре приблизительно в 11 млн. преждевременных смертей в 1926—1937 гг. можно быть уверенным, то прибли-

[16] New York American, 18.VIII.1935.
[17] Ibid.
[18] Orlov A. The Secret History of Stalin's Crimes. Lnd. 1954, p. 23.
[19] New York American, 19.VIII.1935.
[20] Beal F. Word from Nowhere. Lnd. 1938, p. 255.
[21] Los Angeles Evening Herald, 29.IV.1935.
[22] Lang L. R. Tomorrow is Beautiful. N. Y. 1948, p. 260.
[23] Kolasky J. Two Years in Soviet Ukraine. Toronto. 1970, p. 111.
[24] New York American, 19.VIII.1935.
[25] Plyushch L. History's Carnival. N. Y. 1977, p. 42.

зительная цифра в 7 млн. умерших от голода из 11 млн. должна быть названа лишь вероятной или предполагаемой. Если она верна, то, значит, приблизительно 4 млн. приходится на смерти в процессе раскулачивания или коллективизации (или на все, что имело место до 1937 г.).

Эти 4 млн. включают и умерших в период казахстанской трагедии. Среди казахов потери населения между переписями 1926 и 1939 г. (даже если принять цифры последней) составляли 867 400 (3 968 300 минус 3 100 900). Корректировка цифр переписи 1939 г. по усредненной цифре национального состава (как мы это сделали для украинцев) дает итог в 948 тысяч. Но в 1939 г. численность казахского населения по сравнению с 1926 г. должна была возрасти до 4,598 млн. (при весьма минимальном допущении, что республиканский прирост равен в среднем приросту населения в СССР, составлявшему 15,7%. На самом деле в мусульманских советских республиках, исключая Казахстан, численность населения росла куда быстрее среднего уровня). Это означает, что численность населения должна была оказаться в Казахстане более чем на 1,5 млн. выше реально известного нам числа. Если допустить, что число нерожденных детей составляет 300 тыс., а на долю сумевших эмигрировать из районов, близлежащих к Синьцзяну (в Китай), приходится еще 200 тыс., то цифра смертности казахов окажется равной 1 миллиону[26].

Таким образом, мы получили 3 млн. потерь населения с 1926 по 1937 г., понесенных в процессе депортации кулаков. Это число согласуется с нашими подсчетами (если предположить, что умерло 30%, то высланных окажется 9 млн., а если умерло 25%, то 12 миллионов). К 1935 г., согласно источнику[27], приводящему лишь примерную цифру, третья часть из 11 млн. высланных умерла; треть находилась в «специальных поселениях» и треть — в лагерях принудительного труда. По имеющимся данным, общая цифра обитателей лагерей принудительного труда в 1935 г. достигала примерно 5 млн. человек, и до массовых арестов служащих и партийных чиновников в 1936—1938 гг. 70—80% этих 5 млн. в соответствии со всеми источниками преимущественно приходилось на крестьян[28].

Из примерно 4 млн. крестьян, вероятно, сидевших в лагерях принудительного труда в 1935 г., большая часть, видимо, дожила до 1937 или 1938 г., но до освобождения дожило из них скорее всего не более 10%. Таким образом, как уже отмечалось, мы должны прибавить еще минимум 3,5 млн. умерших к цифре погибших крестьян.

Все наши расчеты основаны либо на точных и твердых цифрах, либо на убедительных минимальных прикидках. Так что и цифра более 14 млн. крестьян может оказаться заниженной. Во всех случаях цифра более 11 млн. умерших, по показаниям переписи 1937 г., вряд ли может быть предметом серьезных поправок. Цифры смертности от голода одинаково правдоподобны и сами по себе, и в сопоставлении с данными переписи — так же, как и цифры смертности от раскулачивания. Почему мы не в состоянии привести более точные цифры, читателю ясно. В своих мемуарах Хрущев говорит: «Я не могу привести точной цифры, потому что никто не вел учета. Единственное, что мы знали,— люди умирали в огромных количествах»[29].

Показательно, что статистика падежа крупного рогатого скота, при всей сомнительности ее данных, все-таки была опубликована, а вот статистика человеческой смертности так никогда и не была обнародована. Поэтому у нас есть какие-то данные о том, что происходило за эти 50 лет со скотом, но нет никаких сведений о том, что же случилось с людьми. В речи, произнесенной Сталиным спустя несколько лет и часто переиздававшейся, вождь сказал, что людям надо уделять больше внимания, и привел в пример случай с ним самим в сибирской ссылке: переходя реку вброд вместе с крестьянами, он увидел, что те всеми силами стараются сохранить лошадей, но даже и не думают, что может утонуть кто-то из людей. Сталин резко порицал подобное поведение. Надо сказать, что даже в его устах, устах человека, чьи слова вообще редко выражали его истинное отношение к тому или иному предмету, такое рассуждение — особенно в то время — выглядело максимальным извращением правды. Потому что для него и его сторонников именно человеческая жизнь по их, сталинской, шкале ценностей занимала последнее место.

Теперь мы можем без помех вычислить (в грубом приближении) показатели потерь населения: крестьян, погибших в 1930—1937 гг.,— 11 млн., арестованных в этот период и скончавшихся в зонах позднее — 3,5 млн., всего — 14,5 млн.; из них погибших в результате раскулачивания — 6,5 млн., погибших в казахстанской катастрофе — 1 млн., погибших от голода в 1932—1933 г. на Украине — 5 млн., на Северном Кавказе — 1 млн., в других местах — 1 млн., всего погибших от голода — 7 миллионов.

Как уже говорилось, эти огромные цифры сопоставимы с потерями в основных войнах нашего времени. Если говорить об элементах геноцида в отношении только украинцев, то следует напомнить, что эти 5 млн. жертв составляли 18,8% всего населения Украины и около четверти ее крестьянства. В первую мировую войну погибло менее 1% населения стран, в ней участвовавших. В украинском селе (Писаревка на Подолии), где жило 800 человек, умерло во время голода 150 человек; местный крестьянин для сравнения отметил, что в первую мировую войну было убито семь здешних жителей[30].

Катастрофа охватила все без исключения население. Мы старались отразить лишь один аспект — реальную смертность населения — и сделать это как можно точнее и ближе к истине. Но ни на секунду нельзя забывать, что чудовищные последствия безмерных страданий сказались не только в тот период — они повлияли на отдаленное будущее, на будущее и отдельных людей и целых народов.

Цифры, которые я здесь привожу, конечно, представляют собой оценки, сделанные на основании свидетельств, имеющих различную степень достоверности. (Некоторые из этих цифр, в частности такие, как численность депортированных «кулаков», фактически меньше, чем те, что называют советские историки.) Дефицит населения до 1937 г. оценивается всеми сторонами примерно в 15—16 млн. человек, и таким образом остается единственный вопрос: какая его часть связана со смертностью, а какая с сокращением рождаемости. По-видимому, на этот вопрос ответить трудно, почти невозможно. Может быть, я недооценил значения второго фактора, но в любом случае лучше корректировать названную мной цифру — около 11 млн. действительно умерших в 1930—1937 гг., впечатляющую своей точностью,— в сторону более округленной и более общей — 10 млн. человек.

Отклики на Западе

Основным элементом в сталинских операциях против крестьянства была, как ее называет Б. Пастернак, «нечеловеческая сила лжи». Обман использовался в огромных масштабах. В частности, было сделано

[26] Ср. Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия.— Вопросы истории, 1989, № 7 (прим. редакции).
[27] Swianiewicz S. Forced Labor and Economic Development. Lnd. 1965, p. 123.
[28] Dallin D., Nicolaevsky B. Forced Labor in the Soviet Union. Lnd. 1948, p. 54; Swianiewicz S. Op. cit., p. 59; Commission International contre les Camps de concentration sovetiques. P. 1951, pp. 31—36, etc.
[29] Khrushchev Remembers: The Last Testament. N. Y. 1976, p. 120.
[30] Le Matin, 30.VIII.1933.

все возможное, чтобы убедить Запад в том, что никто не голодает, а позднее — что никакого голода не было в действительности вообще. На первый взгляд может показаться, что это вообще невозможно было сделать. Достаточно большое число правдивых отзывов дошло до Западной Европы и Америки, некоторые из них представляют собой безупречные свидетельства западных очевидцев...

Но Сталин хорошо знал возможности того феномена, который Гитлер одобрительно называл Большой Ложью. Он знал, что если правда даже и лежит на поверхности, обманщик не должен сдаваться. Он понимал, что категорическое отрицание фактов, с одной стороны, и добавление к имеющейся информации основательной порции несомненной лжи — с другой, окажется достаточным для того, чтобы представить происходящее пассивной и неосведомленной западной аудитории так, как ему было нужно, и навязать сталинскую версию событий тем, кто сам хочет быть обманутым. Голод был первым значительным поводом для использования этой техники воздействия на общественное мнение; затем последовал ряд других — московские процессы 1936—1938 гг., создание системы лагерей принудительного труда и т. д.

Прежде чем приступить к рассказу о том, как работали подобные схемы, необходимо признать непреложный факт: в действительности на Западе правда была достаточно широко известна. Несмотря ни на что, обстоятельные или вполне удовлетворительные статьи, освещающие происходящее, появлялись в «Manchester Guardian» и «Daily Telegraph», «Le Matin» и «Le Figaro», «Neue Züriecher Zeitung» и «Gasette de Lausanne», «La Stampa» в Италии, «Reichpost» в Австрии и множестве других западных газет. В США популярные газеты печатали подробные впечатления очевидцев, скажем, украинца, ставшего американцем и других (хотя такие рассказы вызывали часто недоверие, поскольку публиковались в журналах «правого крыла»). И «Christian Science Monitor», и «The New York Herald Tribune», и нью-йоркская еврейская газета «Fofwaerts» широко освещали описываемые события.

Однако надо учитывать и то, что большинство журналистов, аккредитованных в СССР, не могли бы сохранить свои визы, если бы писали правду. Часто они были вынуждены или соблазнялись пойти на компромисс. Только покинув навсегда Россию, такие люди, как Чемберлин и Лайонс, смогли обо всем рассказать. Кроме того, их сообщения подвергались советской цензуре, хотя Маггеридж сумел переслать несколько статей тайком, используя английские дипломатические каналы.

Обычно правдивая информация непосредственно с места событий заключалась в депешах, которые переправлялись так, как это делал Маггеридж, в коротеньких статьях, проходивших цензуру, а также в свидетельствах тех, кто посетил СССР, знал русский или украинский язык и сумел проникнуть в районы, охваченные голодом,— это были иностранные коммунисты, работавшие в России, или иностранные граждане, имевшие родственников в селах, либо же случайные эксцентричные иностранцы-правдоискатели, как, например, Гарет Джонс, бывший секретарь Ллойд-Джорджа и специалист по России и русской истории. Он поехал на Украину из Москвы, как и Маггеридж, тайком. Он прошел пешком по селам Харьковской области и, вернувшись на Запад, рассказал там о вопле, который все время преследовал его повсюду на Украине: «Нет хлеба, мы умираем!» Он, как и Маггеридж, написал в «Manchester Guardian» (30 марта 1933 г.), что никогда не забудет «вздутых животов детей в хатах, где ночевал». Кроме того, он добавил: «Четыре пятых крупного рогатого скота и лошадей погибло». Эта достойная и честная информация стала объектом грубых клеветнических заявлений не только со стороны советских официальных лиц, но также Уолтера Дюранти и других корреспондентов, желавших остаться в стране, чтобы писать о

главной тогдашней новости — предстоявшем сфабрикованном процессе «Метрополитен-Виккерс».

И все-таки некоторые из встревоженных западных журналистов старались всячески в депешах, случайно пропущенных цензурой, протащить полезную информацию. Один из корреспондентов Ассошиэйтед Пресс, Стенли Ричардсон, в сообщении от 22 сентября 1933 г. процитировал слова начальника политического отдела МТС Украины, старого большевика Александра Асаткина, в прошлом первого секретаря белорусской компартии, о голоде. Асаткин дал ему цифры, которые были изъяты цензором, но ссылка на «случаи смерти от недоедания, имевшие место прошлой весной в районе» в статье сохранились. (Такое подтверждение фактов со стороны советского партийного деятеля не было опубликовано большинством американских газет: Марко Царинник пишет, что сумел найти его только в «New York American», «Toronto Star» и «Toronto Evening Telegram».)

Так или иначе, но в 1933 г. были введены новые правила, запрещающие иностранным корреспондентам въезд на Украину и Северный Кавказ [31]. Уже 5 марта 1933 г. британское посольство докладывало в Лондон: «Всем иностранным корреспондентам в отделе прессы при наркомате иностранных дел «посоветовали» не выезжать из Москвы». Но только в августе У. Х. Чемберлин счел возможным известить свою редакцию, что ему и его коллегам запретили выезжать из Москвы без объявления предполагаемого маршрута и специального разрешения на поездку и что ему отказали в поездке на Украину и Северный Кавказ, где он прежде бывал. Он добавил, что такой отказ получили еще два американских корреспондента и некоторые другие [32]. Корреспондент «The New York Herald Tribune» П.-Б. Барнес заявил, что «новые правила цензуры исключают для аккредитованных в СССР иностранных корреспондентов возможность посещать районы, где условия складываются неблагоприятно» [33].

Честным журналистам можно было надеть намордник, но их нельзя было заставить молчать. Когда в 1934 г. вышла книга Чемберлина [34], не возникало больше сомнений в реальности голода и в тех муках, которые и прежде выпадали на долю крестьянства. Даже западные писатели-коммунисты и некоммунисты, но друзья режима, уже позволяли себе «оговорки» и писали правду. Морис Хиндус, когда писал о коллективизации (ее-то он в принципе и оценил положительно), говорил о «человеческой трагедии» депортированных кулаков, «о черствости и бесчувствии» партии; описывал реакцию крестьян на гибель скота и последующую их «апатию»; указывал на некомпетентность колхозных руководителей, что привело к падежу свиней и цыплят из-за плохого ухода, коров и лошадей от бескормицы [35].

Имелось уже достаточно информации, чтобы наличие голода больше не вызывало сомнений, и западное общество было осведомлено о происходящем. Некоторые действовали: конгрессмен Гамильтон Фиш-младший 28 мая 1934 г. предложил в палате представителей США резолюцию (73-е заседание Конгресса, 2-я сессия, резолюция 39-я), которая констатировала факты голода, напоминая об американской традиции «обращать внимание» на подобные посягательства на права человека, выражая сочувствие жертвам голода и надежду, что СССР изменит свою политику и одновременно разрешит американскую помощь. Эта резолюция была передана в комиссию конгресса по иностранным делам и опубликована.

[31] The New York Herald Tribune, 21.VIII.1933; Chamberlin W. H. The Ukraine: A Submerged Nation. N. Y. 1944, p. 60.
[32] Manchester Guardian, 21.VIII.1933.
[33] The New York Herald Tribune, 21.VIII.1933.
[34] Chamberlin W. H. Russia's Iron Age. Boston. 1934.
[35] Hindus M. The Great Offensive. N. Y., 1933, pp. 146—148, 153—155.

Как и в 1921 г., хотя и в меньших масштабах, поскольку факты были не так широко известны, был предпринят международный гуманистический акт. На этот раз, однако, он оказался безрезультатным. Был создан Международный комитет помощи под председательством кардинала Инницера, архиепископа Вены. Но Красный Крест вынужден был так отвечать на все призывы о помощи: он не может действовать, не получив согласия правительства заинтересованной страны. А последнее продолжало отрицать факты голода, сообщения о нем называло ложью и помещало в печати опровержение от имени своих преуспевающих крестьян, отказывающихся принимать наглые предложения помощи. Колхозы Республики немцев Поволжья, по словам газеты «Известия»[36], отвергали помощь организаций, созданных в Германии «для оказания помощи тем немцам, которые, как полагают, голодают в России».

В Западной Украине, входившей в состав Польши, факты голода были хорошо известны, и в июле 1933 г. во Львове образовался Украинский центральный комитет помощи, который сумел оказать голодающим неофициальную поддержку посылками. Украинские эмигрантские организации на Западе проявили максимум активности, стремясь привлечь к голоду внимание правительств и общественного мнения разных стран. В Вашингтоне, в делах госдепартамента хранится множество обращений к американскому правительству с просьбами о вмешательстве, на что Вашингтон отвечал, что, поскольку это дело никак не связано с американскими интересами, данное вмешательство бесцельно. В госдепартамент поступали также письма от издателей, профессоров, священников и др., в которых эти люди спрашивали официальные инстанции, можно ли верить, например, Чемберлину, который сообщает о 4 или даже 10 млн. умерших от голода, и почти в каждом письме выражается сомнение, что такие масштабы вообще возможны. Госдепартамент либо отвечал, что он принципиально не комментирует событий, либо предлагал обратиться в другие учреждения, где авторы писем могли получить ответы на интересующие их вопросы. В то время (до ноября 1933 г.) у США не было дипломатических отношений с СССР, и госдепартамент получил задание подготовить их установление; в этой ситуации сообщения о терроре голодом рассматривались американским правительством как вредящие делу. Но дипслужбы в самой Москве обмануты не были, и в частности британское посольство докладывало в Лондон, что ситуация на Украине и на Кубани «ужасающая».

Следовательно, так или иначе, но правда была Западу доступна и в какой-то мере известна. Поэтому задача Советского правительства заключалась в том, чтобы исказить правду, либо не дать ей распространиться или же просто замять поднимаемый вопрос. Вначале наличие голода игнорировали или полностью отрицали. В советской прессе вообще не появилось никаких откликов. Даже украинские газеты ни о чем подобном не упоминали. Налицо было совершенно исключительное расхождение между реальностью и информацией о ней.

Писатель Артур Кестлер, побывавший в 1932—1933 гг. в Харькове, писал, что чтение местных газет создавало у него чувство иллюзорности окружающего: улыбающаяся молодежь со знаменами в руках, гигантские комбинаты на Урале, статьи о наградах бригадирам ударников, но ни «единого слова о голоде в республике, об эпидемиях, о вымирании целых деревень; даже тот факт, что в Харькове не было электричества, ни разу не был упомянут в газетах. Огромная страна лежала под покровом молчания»[37].

В более ранний период, во время коллективизации, вообще трудно было понять, что происходит. Американский корреспондент писал: «Живя в Москве, русский или иностранец в большинстве случаев узнавал только стороной либо вообще не знал о таких эпизодах «классовой борьбы», как смерть от голода многих высланных крестьянских детей в далекой Лузе, на севере России, летом 1931 г., или, например, о повальной цинге от недостатка питания среди сосланных на принудительные работы в карагандинские угольные шахты в Казахстане, или о гибели от холода семей кулаков, которых зимой выгнали из их домов и отправили в Акмолинск, в Казахстан, или о массовых заболеваниях половых органов у женщин, сосланных в холодный Хибиногорск за Северным Полярным кругом, из-за полного отсутствия гигиенического обеспечения в холодную зиму»[38].

Когда начался голод, о нем открыто говорили русские даже в Москве, и не только у себя дома, но и в общественных местах и в гостиницах. Но очень скоро упоминание слова «голод» стало расцениваться как уголовное преступление, которое каралось тремя — пятью годами тюрьмы. Однако о нем уже достаточно широко стало известно даже иностранным корреспондентам, и этот факт заставил предпринять более действенные меры, чем просто отрицание.

Тем не менее отрицали горячо и решительно. В газетах критиковали «клеветников», которые вдруг появились в иностранной прессе. «Правда» обвинила (20 июля 1933 г.) австрийскую «Reichpost» в том, что «заявление о голодной смерти миллионов советских граждан на Волге, Украине и Северном Кавказе является вульгарной клеветой, грязным наветом, который сфабриковали в редакции «Reichpost», чтобы переключить внимание своих рабочих с их собственного тяжелого и безнадежного положения на проблемы голода в СССР». Председатель ВЦИК Калинин говорил о «политических мошенниках, предлагающих помощь голодающей Украине», добавив, что «только самые загнивающие классы способны создавать такие циничные измышления»[39].

Когда о голоде широко заговорили в США, и конгрессмен из Коннектикута Г. Копельман официально обратился с запросом к советским властям, то получил следующий ответ от наркома иностранных дел М. М. Литвинова: «Я только что получил Ваше письмо от 14 числа и благодарю Вас за присланный мне очерк об Украине. Немало таких лживых статей циркулирует в зарубежной прессе. Их стряпают контрреволюционные организации за границей, натренированные в такого рода работе. Им уже ничего не осталось, как распространение ложной информации и поддельных документов»[40]. Советское посольство в Вашингтоне тоже заявило, что в годы пятилетки население Украины возрастало на 2% в год и что коэффициент смертности здесь самый низкий из всех советских республик![41]

С этого времени стали прибегать к прямому и грубому извращению фактов. 26 февраля 1935 г. «Известия» опубликовали интервью с американским корреспондентом Линдсеем М. Пэрротом из «International News Service». С его слов сообщалось, что он видел хорошо организованные хозяйства и изобилие хлеба на Украине и в Поволжье. Пэррот объяснил своему издателю, а также в американском посольстве, что его умело исказили: он просто сказал корреспонденту «Известий», что не видел в своей поездке, происходившей в 1934 году, «голодной ситуации» и что положение в сельском хозяйстве, как ему показалось, стало улучшаться. Все остальное изобрели «Известия»[42].

Основные методы фальсификации носили более широкий и более традиционный характер. Американский журналист, работавший в Моск-

[36] Известия, 26.11.1933.
[37] Koestler A. The Yogi and the Commissar. N. Y. 1946, pp. 137—138.

[38] Chamberlin W. H. Russia's Iron Age, pp. 155—156.
[39] Правда, 19.XII.1933.
[40] Цит. по: Congressional Record, vol. 80, p. 2100 (письмо датировано 3.I.1934).
[41] См. Famine in the Ukraine. N. Y. 1934, p. 7.
[42] US Embassy Despatch, № 902, 26.IX.1935.

ве, рассказывает об одной из таких фальшивок периода раскулачивания: «Чтобы успокоить американское общественное мнение, специальная комиссия из Америки была послана в район лесоповала. Она, конечно, правдиво установила, что не видела там никакого принудительного труда. Никого это так не позабавило, как самих членов этой комиссии. Ими были: торговец американским оборудованием, давно живущий в Москве и зависящий от хорошего расположения властей к его бизнесу, молодой американский репортер без постоянного места работы и потому посланный в СССР с согласия Советского правительства, и постоянный секретарь Русско-американской торговой палаты, платный служащий этой организации, функции которого состояли в поддержании добросердечных отношений с советскими властями. Я знал всех троих очень близко и не выдам никакого секрета, если скажу, что каждый из них был так же глубоко уверен, что принудительный труд широко использовался в лесной промышленности, как Гамильтон Фиш и д-р Детердинг. Они поехали на Север прогуляться или же потому, что им трудно было отказаться от поездки, и они успокоили свою совесть, заявив, что лично не видели никаких признаков принудительного труда. Они только не указали, что не приложили настоящих усилий для того, чтобы обнаружить его, и что расследование вели официально сопровождавшие их лица. Результаты этой поездки были торжественно опубликованы и послушно переданы американскими корреспондентами в США. Они точно совпали с тем, что позднее было заявлено комиссией по расследованию принудительного труда в районе угольного бассейна на Дону. Один из членов этой «комиссии», известный американский фотограф Джимми Эббе, сказал об этой поездке так: «Разумеется, мы не видели никакого принудительного труда. Когда мы приближались к чему-то похожему на него, мы все крепко зажмуривались и не открывали глаз. Мы не собирались говорить неправду» [43].

Эдуард Эррио, лидер радикальной партии Франции, дважды премьер своей страны, посетил Советский Союз в августе — сентябре 1933 года. Он пробыл на Украине пять дней: половину времени он провел на официальных приемах и банкетах, а половину — в поездках туда, куда его возили. В результате он мог только заявить, что голода, мол, не существует, и отрицательно отозваться о статьях на эту тему, которые «преследуют антисоветские цели». «Правда» получила возможность заявить (13 сентября 1933 г.), что «он категорически отверг ложь буржуазной прессы о голоде в Советском Союзе». Такие заявления всемирно известного государственного деятеля имели огромное воздействие на общественное мнение Европы. Эта проявленная Эррио безответственность очень поощрила Сталина и укрепила его мнение о доверчивости Запада, на которой он так успешно играл в последующие годы.

Человек, находившийся в Киеве во время визита Эррио, так описывает подготовку к визиту: за день до его приезда население призвали начать работу в два часа ночи. Нужно было убрать улицы и покрасить дома. Центры раздачи пищи были закрыты. Очереди запрещены. Бездомные дети, нищие и голодные исчезли [44]. Местный житель добавляет к этому, что витрины были полны продуктов, но милиция разгоняла и даже арестовывала местных жителей, если они подходили слишком близко к ним (продажа продуктов тоже была запрещена) [45]. Улицы были вымыты, отель, где он должен был остановиться, переоборудован, привезены новые ковры, мебель, новая униформа для сотрудников [46]. То же самое было проделано в Харькове [47]. Круг визитов Эррио весьма

[43] Lyons E. Assignement in Utopia. N. Y., 1937, pp. 366—367.
[44] Ammende E. Human Life in Russia. Lnd. 1936, pp. 230—231.
[45] The Black Deeds. Vol. 1, p. 270.
[46] Lang L. R. Op. cit., p. 262.
[47] Вербіцькій М. Найбільший злочін Кремля. Лондон. 1952, с. 97.

показателен. В Харькове его повезли в образцовый детдом, в музей Шевченко и на тракторный завод, а потом на встречи и банкеты с лидерами украинской компартии [48].

Несколько деревень были специально отведены для визитов иностранцев [49]. Это были «образцовые» колхозы, например, «Красная звезда» в Харьковской области, где собрали только коммунистов и комсомольцев. Они имели хорошие дома и хорошо питались. Скот тоже был в хорошем состоянии. И трактора были всегда под рукой. Иногда, в случае необходимости, и обычное село реорганизовывалось таким же образом.

Один из очевидцев рассказывает о приготовлении для приема Эррио в колхозе «Октябрьской революции» в Броварах около Киева. «Было созвано специальное заседание парткома в Киеве, чтобы решить, как превратить колхоз в «потемкинскую деревню». Старого коммуниста, инспектора из наркомата сельского хозяйства, временно назначили председателем, а опытных агрономов сделали членами бригад колхозов. Колхоз был тщательно вычищен и выскоблен коммунистами и комсомольцами, специально мобилизованными на эту работу. Из районного театра в Броварах привезли мебель и обставили ею клуб. Из Киева привезли занавески, портьеры и скатерти. В одном крыле устроили столовую, столы накрыли новыми скатертями и на каждый поставили цветы. Сменили в райкоме телефон, и телефонистку коммутатора перевели в колхоз. Забили несколько быков и боровов, чтобы было впечатление мясного изобилия. Привезли также запасы пива. С окрестных дорог были убраны все трупы и удалены голодные крестьяне. Остальным запретили выходить из дома. Собрали всех колхозников и сказали им, что будут снимать фильм о колхозной жизни, и Одесская киностудия выбрала для этой цели именно их колхоз. Только те, кого выбирали сниматься в фильме, будут ходить на работу, все остальные должны оставаться дома и не мешать. Отобранным специальной комиссией раздали форму, привезенную из Киева: ботинки, носки, костюмы, носовые платки. Женщины получили новые платья. Весь этот маскарад был организован специально присланным из Киева работником райкома Шараповым. А человек по фамилии Денисенко был его заместителем. Людям сказали, что это режиссер и его ассистент. Организаторы решили, что лучше всего будет, если господин Эррио встретится с колхозниками, сидящими за столами за хорошим обедом. На следующий день, к тому времени, когда Эррио вот-вот должен был прибыть, колхозники, хорошо одетые, уже сидели за столами, обильно уставленными блюдами с мясом. Они ели большими кусками, запивали пивом и лимонадом, поглощая все с невероятной скоростью. «Режиссер» нервничал и призывал их есть помедленней, чтобы почетный гость Эррио увидел их сидящими за столами. В это время зазвонил телефон, и из Киева передали: «Визит отменяется, все ликвидировать». Собрали всех снова, и Шарапов поблагодарил рабочих за хорошую работу, а Денисенко велел всем снять и сдать одежду, кроме носков и носовых платков. Люди просили оставить им одежду и обувь, обещая отработать или заплатить за них, но безрезультатно. Все надо было сдать и вернуть в Киев в магазины, где их взяли взаймы» [50].

По всей вероятности, Василий Гроссман имеет в виду Эррио, когда пишет о французе, знаменитом министре, посетившем колхозный детсад и спросившем у детей, что они ели на обед. Дети ответили: «Куриный суп с пирожком и рисовые котлеты». «Куриный суп, пишет! Котлеты! А тут червей всех съели»,— восклицает героиня В. Гроссмана. И возму-

[48] Ammende E. Op. cit., p. 232.
[49] Figaro, 16.X.1933; Beal F. Op. cit., p. 245.
[50] The Black Deeds. Vol. 2, pp. 93—94.

щенно говорит о том «театре», который устроили власти [51]. Переводчик, выделенный для Эррио, профессор Сиберг из института иностранных языков в Киеве, как стало известно позднее, был арестован и приговорен к пяти годам заключения в карельском лагере за «тесные связи» с французом [52].

В другой раз в Харьков приехала делегация американцев, англичан и немцев. Этому предшествовала широкая облава на нищих крестьян. Их погрузили в машины и просто выбросили в пустом поле далеко за городом [53]. Турецкая миссия, возвращавшаяся домой, должна была обедать на узловой станции Лозовая. Власти стали готовиться к этому обеду: трупы и умирающие были погружены в машины и вывезены неизвестно куда, всех остальных увели за 18 миль от города и запретили возвращаться. Станцию вычистили и привезли хорошеньких «официанток» и «публику» [54].

Потемкинский метод оказался чрезвычайно пригоден для обмана людей с международной известностью, хотя мало кто из них достиг таких вершин, как Бернард Шоу, заявивший: «Я не видел в России ни одного голодного человека, молодого или старого. Или их просто набили, как чучела? Или их упитанные щеки набили каучуком изнутри?» [55] (Бернард Шоу умудрился даже сказать, так по крайней мере писала советская пресса, что «в СССР, в отличие от Англии, существует свобода вероисповедания») [56].

Один из сочувствующих советскому строю приводит поразительную историю как интересный вариант обмана (она подробно излагается супругами Веббами как свидетельство отсутствия голода). Группа иностранных посетителей услышала разговоры о том, что в деревне Гавриловка все мужчины, кроме одного, умерли от голода. Они тут же направились туда «для расследования», побывали в отделе регистраций, у священника, в местном совете, у судьи, у учителя и «у всех крестьян, которые им встретились». Они обнаружили, что трое из 1100 жителей деревни умерли от тифа, после чего были приняты срочные меры, чтобы предотвратить эпидемию, и ни один человек не умер от голода [57]. Проницательный читатель видит здесь по крайней мере три способа прямого надувательства. Но даже если бы это оказалось правдой, как быть с свидетельствами очевидцев, таких, как Маггеридж и другие?

Но, возможно, куда более предосудительно то, что такие методы прямо или косвенно сработали, и с помощью известных ученых удавалось в соответствующем духе обрабатывать интеллектуальный Запад. Сэр Джон Мейнард, в то время ведущий специалист по советскому сельскому хозяйству, так высказывает свое мнение о человеческих потерях в период коллективизации: «Картины эти ужасающи, но мы сумеем составить себе правильное представление о вещах, только если будем помнить, что большевики задались целью вести войну,— войну против классового врага, как войну против вражеской страны, и потому прибегли к методам ведения войны» [58]. Когда дело доходит до 1933 г., то он как очевидец, посетивший описываемые области, прямо заявляет: «Всякое утверждение о бедствии, сравнимом с голодом 1921—1922 гг., является с точки зрения настоящего писателя, посетившего Украину и Северный Кавказ в июне — июле 1933 г., необоснованным» [59].

Еще более поразительным было «исследование» старейшин западной общественной науки Сиднея и Беатрисы Вебб, обобщающее события и процессы, происходящие в Советском Союзе [60]. Они посетили страну в 1932 и 1933 гг. и проделали огромную работу, чтобы создать полную, здравую и научно документированную книгу о том, что в ней происходит. Начнем с того, что они относятся к крестьянству с той же враждебностью, какую мы отмечали у большевиков. Веббы говорят о таких «характерных для крестьян пороках, как алчность, хитрость, о вспышках запоя с последующими периодами праздности». Они одобряют намерение превратить этих отсталых людей в «общественно полезных соратников в работе над намеченным планом справедливого распределения между ними общественного продукта». Они говорят даже о «частично насильственной» коллективизации, являющейся «конечной стадией» крестьянских восстаний 1917 года [61]. Целью коллективизации было «искоренение десятков и даже сотен тысяч семей ненавистных всем кулаков и непокорных донских казаков» (какой-то отрывок официальной пропаганды о раскулачивании они называют «немудреным рассказом крестьянки») [62].

Веббы считают, что последняя фаза раскулачивания была необходима потому, что кулаки не желали работать и до такой степени разложили деревню, что их надо было выслать в отдаленные районы, чтобы заставить трудиться или участвовать в чем-то полезном, и это было «прямым, спешным и целесообразным способом избавления от голода». Они делают вывод, что «искренний исследователь обстоятельств и условий может прийти к не столь уж безответственному заключению, что «Советское правительство едва ли могло действовать иначе» [63]. Их энтузиазм вызывает омерзение, когда, например, они делают заключение, что раскулачивание с самого начала предполагало вышвырнуть из домов «примерно около миллиона семей», и позволяют себе заявлять, что «велика должна была быть вера и сила воли у людей, которые в интересах того, что они считали общественным благом, смогли принять такое важное решение» [64]. При желании можно то же самое сказать о Гитлере и его «окончательном решении».

Однако все, что было сказано до сих пор Веббами, лежит в сфере истолкования, интерпретации. Когда же дело доходит до самих фактов, то Веббы задаются вопросом, «был или не было голода в СССР в 1931—1932 годах?». И тут они цитируют «вышедшего в отставку чиновника высокого ранга в правительстве Индии» (видимо, Мейнарда), который сам занимался районами голода и сам посещал те места, где условия были наиболее тяжелыми, и не обнаружил там ничего, что он мог бы назвать голодом. Их выводы основываются на официальных отчетах или на беседах с журналистами, английскими или американскими, имен которых они не называют, и сводятся к следующему: «Частичная неудача с урожаем сама по себе не была настолько серьезной, чтобы вызвать настоящий голод, кроме, может быть, отдельных районов, где эти неудачи были особенно велики, но таких было относительно немного». И они приписывают (совершенно ложно) сообщения о голоде «людям, которые редко имели возможность проникать в районы, охваченные голодом!» [65].

Но даже признаваемые ими незначительные нехватки продовольствия Веббы объясняют «нежеланием сельских тружеников сеять... или собирать пшеницу после жатвы». Они говорят о «населении, явно виноватом в саботаже»; на Кубани целыми деревнями и упрямо уклонялись

---

[51] Гроссман В. Все течет.— Октябрь, 1989, № 6, с. 80.
[52] Kalynyk O. Communism the Enemy of Mankind. Lnd. 1955, pp. 80—85.
[53] Beal F. Op. cit., p. 259.
[54] The Black Deeds. Vol. 1, p. 281.
[55] London General Press, 1932.
[56] Антирелигиозник, 1930, № 5.
[57] Eddy Sh. Russia Today: What We Can Learn from It. N. Y. 1934, p. XIV.
[58] Maynard J. Collective Farms in the USSR, p. 6.
[59] Maynard J. The Russian Peasant and other Studies. Lnd. 1943, p. 296.

[60] Webb S., Webb B. Soviet Communism: A New Civilization? Lnd. 1937.
[61] Ibid., pp. 235, 245.
[62] Ibid., pp. 245, 267.
[63] Ibid., p. 268.
[64] Ibid., p. 563.
[65] Ibid., pp. 259, 266.

от сева или жатвы. Они изображают «крестьян-единоличников», которые «назло выбирали зерно из колоса или просто срезали целый колос и уносили его к себе в тайники; такая бесстыдная кража общественной собственности»[66]. Они приводят без всякого комментария признание одного из придуманных украинских националистов, которое цитировал Постышев, что именно эти националисты своей агитацией и пропагандой добивались саботажа урожая в деревнях[67]. Заявление Сталина на январском пленуме ЦК ВКП(б) 1933 г. о дальнейших мерах по изъятию несуществующего зерна на Украине Веббы рассматривают как «кампанию, которая по смелости мысли и силе исполнения и по размаху ее операций не имеет, с нашей точки зрения, аналогии в анналах мирного периода истории какого-нибудь правительства»[68].

В качестве источников Веббы часто ссылаются, например, на «компетентных исследователей». Они приводят высказывание одного из них, который заявляет, что теперь крестьяне хотят иметь собственный дом или плуг не больше, чем рабочий хотел бы иметь свою собственную турбину, а предпочитают они вместо дома и плуга получать деньги, чтобы жить лучше — у них «духовная революция»[69]. Веббы одобрительно цитируют коммунистку Анну-Луизу Стронг, которая в противовес существующему на Западе предположению, что высылка кулаков была делом рук «мистически вездесущего ГПУ», пишет, что решалась она на «деревенских собраниях» бедняков и сельскохозяйственных рабочих, которые составляли списки кулаков, препятствовавших коллективизации с помощью силы и жестокости, и «просили правительство выслать их... Я лично посещала такие собрания, и они были юридически более серьезными, а обсуждения, проходившие на них, были более уравновешенными, чем судебный процесс, на котором я присутствовала в Америке»[70].

Излюбленным источником Веббов в их анализе периода голода является корреспондент «New York Times» Дюранти, деятельность и влияние которого заслуживают специального рассмотрения. Как ближайший западный сотрудник в изготовлении советских фальсификаций, Дюранти достиг всех возможных привилегий, вплоть до похвал самого Сталина и интервью с ним. И одновременно он пользовался безмерным поклонением в значительных кругах Запада. В ноябре 1932 г. Дюранти объявил, что «нет ни голода, ни смертности от него, и не похоже, чтобы это произошло в будущем». Когда же о голоде стало широко известно на Западе и о нем писали в его же газете и его же коллеги, он перешел от отрицания к преуменьшению. Все еще не желая признать голод, он теперь говорил о «плохом питании», о «нехватке продовольствия», о «пониженной сопротивляемости».

23 августа 1933 г. он писал: «Всякое сообщение о голоде в России является сегодня либо преувеличением, либо злостной пропагандой»; и дальше: «Нехватка продовольствия, которую в последний год испытывает почти все население, и в особенности хлебородные области — Украина, Северный Кавказ, район Нижней Волги, привела к тяжелым последствиям — большой потере жизней». Он прикидывает, что число смертей почти в четыре раза превышает нормальное: в перечисленных им областях обычная цифра «составляла 1 млн.», а вот теперь она, вероятно, «по меньшей мере утроилась». Такое признание 2 млн. экстраординарных смертей вызывало у него сожаление, но не истолковывалось как факт чрезвычайной важности и не приписывалось голоду (более того, он объяснил это явление частично «бегством одних крестьян и пассивным сопротивлением других»).

[66] Ibid., pp. 262, 263, 282.
[67] Ibid., p. 261.
[68] Ibid., p. 248.
[69] Ibid., p. 276.
[70] Ibid., pp. 266—267.

В сентябре 1933 г. он был первым корреспондентом, которого пустили в районы голода, и, посетив их, писал: «Пользоваться словом «голод», говоря о Северном Кавказе, является чистейшим абсурдом», добавив, что теперь он понимает, насколько «преувеличенными» оказались его первоначальные подсчеты коэффициента избыточной смертности по крайней мере для этого района. Он также рассказывал об «упитанных младенцах» и «жирных телятах», типичных для Кубани[71]. (Литвинов счел полезным процитировать эти депеши конгрессмену Копельману в ответ на его письмо.) Дюранти обвинял в распространении слухов эмигрантов. Они якобы делали это, вдохновленные взлетом Гитлера, и упомянул про «Берлин, Ригу, Вену и другие города, где циркулируют сейчас слухи о голоде, распространяемые элементами, враждебными СССР. Они предпринимают последнюю попытку помешать американскому признанию СССР».

О репутации Дюранти (англичанина по подданству) к осени 1933 г. говорит депеша британского посольства о поездке корреспондента в хлебные районы Украины: «У меня нет сомнения, что он не встретит трудностей и в получении достаточного количества материала в часы своих поездок, и это даст ему возможность утверждать все, что вздумается, по возвращении». В депеше говорится о нем как о «мистере Дюранти, корреспонденте «Нью-Йорк таймс», дружбу которого Советский Союз заинтересован завоевать больше, чем дружбу кого-либо другого»[72].

Малькольм Маггеридж, Джозеф Олсоп и другие опытные журналисты считали Дюранти просто лгуном. Как позднее сказал Маггеридж, он «самый большой лгун из всех журналистов, которых я встречал за мои пятьдесят лет в журналистике». Дюранти говорил Юджину Лайонсу и другим, что, по его подсчетам, жертв голода было не менее семи миллионов. Но еще более четкое доказательство разрыва между тем, что он знал и что он писал, можно найти в депеше от 30 сентября 1933 г., посланной британским поверенным в делах в Москве: «По сведениям м-ра Дюранти, население Северного Кавказа и Нижней Волги сократилось за последний год на 3 млн., а население Украины на 4—5 миллионов. Украина обескровлена... М-р Дюранти считает вполне вероятным, что 10 млн. человек прямо или косвенно умерли от нехватки продовольствия в Советском Союзе за последний год».

Но американской общественности поставляли не это фактическое изложение событий, а фальшивые отчеты. Влияние этой извращенной информации было огромным и продолжительным. В 1983 г. компания «New York Times» в ежегодном отчете опубликовала список всех лиц, получивших высшую награду журналистов в США — премию Пулитцера, не преминув отметить, что в 1932 г. Дюранти получил ее за «беспристрастный аналитический отчет о событиях в России». В объявлении о присуждении премии также сказано, что сообщения Дюранти были «отмечены за научную обоснованность, глубину, непредвзятость, разумность суждений и исключительную четкость», являясь тем самым «отличным примером образцовой иностранной корреспонденции».

«The Nation» в ежегодном «почетном списке», цитируя «New York Times», говорит о корреспонденциях Дюранти, как о «самых информативных, непредвзятых и читаемых очерках об огромной стране в процессе ее становления из всех, какие публиковались во всех газетах мира». На банкете в «Уолдорф-Астории» по случаю признания СССР Соединенными Штатами был зачитан список лиц, причастных к этому. Гости вежливо аплодировали каждому, пока очередь не дошла до име-

[71] New York Times, 13.IX.1933.
[72] British Embassy Despatch, 16.IX.1933.

ни Дюранти. И тогда, писал Александр Волкотт в «New Yorker», «поднялся долгий неумолкаемый шквал... Воистину создавалось впечатление, что Америка в некоем экстазе проницательности праздновала признание как России, так и Уолтера Дюранти». Похвалы в адрес Дюранти, без сомнения, проистекали не от желания знать правду, а скорее, из желания многих людей, чтобы им говорили то, что им хотелось бы слышать. Мотивы же самого Дюранти не требуют объяснений[73].

Это лобби слепых и любителей ослепления не смогло помешать вообще проникновению на Запад правдивых сообщений тех, кто не оказался ни простаком, ни лжецом. Но лобби смогло и действительно преуспело в том, чтобы вызвать поток инсинуаций в адрес «врагов Советского правительства», якобы виновных во всех сообщениях о голодных смертях, которые в силу этой «враждебности» являются сомнительными и ненадежными. Такие репортеры, как Маггеридж и Чемберлин, говорившие правду, подвергались постоянным и жестоким нападкам прокоммунистических кругов на Западе даже в следующем поколении.

Фальсификацию не ограничили во времени. С Веббами и другими она вторгалась в сферу «науки». Она имела более отдаленные последствия, когда уже в 40-х годах в Голливуде выпустили энергично способствующую, а не просто попустительствующую лжи кинофальшивку под названием «Северная звезда», где колхоз изображался чистенькой и благоустроенной деревней, населенной упитанными и счастливыми крестьянами — такую пародию, пожалуй, постеснялись бы выпустить даже на советские экраны, ибо тамошний зритель хоть и привык ко лжи, но все же был достаточно опытен, чтобы в обращении к нему можно было перейти границы неправдоподобного обмана.

Некий коммунист считал причиной (или одной из причин) утаивания правды о голоде то, что Советский Союз мог бы получить поддержку рабочих в капиталистических странах, лишь скрыв от них, ценой скольких жизней он расплачивается за свою политику[74]. На деле вышло, что для успеха потребовалось заполучить поддержку не столько рабочих, сколько интеллигенции и тех деятелей, которые формируют общественное мнение. Как справедливо жаловался в Англии Джордж Оруэлл, «чрезвычайные события, вроде голода 1933 г. на Украине, повлекшего смерть миллионов людей, оказались практически вне поля зрения английских русофилов». Увы, дело было не только в группах русофилов — эти события не обратили на себя внимания очень значительных, очень влиятельных западных кругов. Скандальность такого явления заключена вовсе не в оправдании интеллектуалами действий советских властей, но в том, что они вообще отказывались слушать что-либо противоречащее их предубеждениям, оказались не готовы честно встретить очевидную реальность. Глупость и наивность этих безответственных представителей Запада была до такой степени использована Сталиным, что их можно назвать его союзниками.

---

[73] См. Commentary, November 1983; The Idler, № 1 (January 1985), № 2 (February 1985).
[74] Wessberg A. The Accused. N. Y. 1951, p. 194.

ГЕСС. РАССКАЗ О ДВУХ УБИЙСТВАХ

Х. Томас

Я хирург, специализируюсь в печеночно-желчной хирургии, но несколько лет был хирургом-консультантом британских вооруженных сил в Белфасте (Северная Ирландия), в самый разгар происходящих там волнеиий. Выполняя обязанности старшего военного хирурга в госпитале Масгрейв-Парк, я имел дело с более чем двумя тысячами огнестрельных ран и осколочных ранеиий, большей частью «официальных» случаев, но иногда и «неофициальных». Четыре года мне приходилось выслушивать официальную версию происходящих там событий и, опасаясь нарушить Закон о государственной тайне, я не мог дать правдивую оценку этим событиям.

Ни на секунду я не мог предположить, что когда-нибудь еще столкнусь с мошенничеством такого рода, которое творилось в Северной Ирландии: находящаяся там S. A. S.— наша знаменитая парашютно-десантная диверсионная часть — официально в Ирландии отсутствовала (и это чрезвычайно затрудняло лечение ранений, полученных ее военнослужащими!). Я привык к тому, что огнестрельные раны регистрировались как несчастный случай, а осколочные ранения объяснялись последствием автомобильной катастрофы. В то время стало моей потребностью вести основанный на фактах дневник происходящих событий. Привык я и к тому, что мои записи порой исчезали, и даже к тому, что командование то и дело отзывало меня в Лондон, чтобы попытаться меня убедить, апеллируя к верноподданическим чувствам, что проявлять упорство и изображать события такими, как они есть, не в интересах общества. Я ни разу не подчинился их требованиям и не поддался нажиму с их стороны.

В 1972 г. меня направили старшим военным хирургом в британский военный госпиталь в Берлине. В мои обязанности входило, в частности, лечение заключенного № 7, известного под именем Рудольф Гесс. Военные сделали не лучший выбор, послав меня в Берлин, если у них было что скрывать. Но, разумеется, они знали о подлинности Рудольфа Гесса не больше, чем я. Большинство хирургов, направленных в Берлин, недостаточно хорошо говорили по-немецки, чтобы свободно общаться с немцами. Я же всегда интересовался языками, и в этом состояло мое преимущество. И вот получилось так, что хирургу, привыкшему к политическому давлению, довольно хорошо владеющему немецким языком и прекрасно разбирающемуся в легких и тяжелых огнестрельных и осколочных ранениях, вдруг поручили обследовать заключенного № 7.

Я знал, что у него в 1969 г. было прободение язвы двенадцатиперстной кишки и что язва сама собой зарубцевалась. Кроме того, мне было известно, что в то время я там оказался единственным консультантом, имевшим какой-то опыт в гастроскопии — использовании гибкого инструмента для исследования желудка пациента без наркоза. Я не удивился, узнав, что глава британской миссии готов воспользоваться моим опытом и согласился с необходимостью перевода пациента в британский военный госпиталь на обследование. История болезни за-

---

ТОМАС Хью — профессор, хирург (Великобритания).

ключенного № 7 составляла целых три тома, очевидно, имевших отношение к одному и тому же пациенту. Вопрос заключался лишь в том, что они не имели никакого отношения к тому пациенту, о котором идет речь,— мнимому Рудольфу Гессу. Удивленный обнаруженными несообразностями, я попросил заключенного объяснить, что случилось с ранениями, которые он якобы получил в первую мировую войну. Ведь, как значилось в его истории болезни, он получил шрапнельное ранение в левую руку и огнестрельное — в левую половину грудной клетки, после чего был прооперирован знаменитым немецким хирургом периода первой мировой войны профессором Зауэрбрухом.

Желая увидеть, сделал ли Зауэрбрух свой обычный разрез 20 × 30 см с удалением восьмого ребра, я специально обследовал заключенного с целью найти следы хирургической операции — и обнаружил лишь два неоднократно упоминавшихся в истории болезни небольших шрама, оставшихся от ножевых ран в области сердца, которые заключенный нанес себе кухонным ножом, имитируя самоубийство. Я не выявил никаких других шрамов, следов повреждения ребра и каких-либо отметин на спине заключенного — короче говоря, никаких огнестрельных ран или следов шрапнели на его левой руке. Реакция пациента на мои вопросы была странной: он пробормотал: «Zu spät, zu spät». («Слишком поздно, слишком поздно».— *Ред.*), удалился в палату и больше не выходил.

Первым делом я просмотрел рентгеновские снимки грудной клетки пациента, которые совершенно ясно показали отсутствие следов огнестрельного ранения, и единственными видимыми рубцами были крохотные следы давно зажившего очага туберкулеза. Легочная ткань была целой, без следов предшествующего легочного коллапса или компенсаторной эмфиземы, легочные поля были чистыми, а ребра совсем не были задеты.

Несмотря на странную реакцию пациента, я сначала подумал, что сведения о ранении Гесса во время первой мировой войны — всего-навсего фальшивка, цель которой — сделать Гесса героем войны. Тогда я обратился к документам военного времени, в которых речь шла о его ранениях, а также изучил все подробности его необъяснимого поступка — полета в Британию в мае 1941 года. Подлинные материалы военного времени находились в Американском центре документации в Берлине. Там, в частности, хранилось резюме его истории болезни, сведенное воедино из архивов многих военных частей.

Эти бумаги были составлены в 1937 г., много лет спустя после первой мировой войны. Однако из них следовало, что в румынской кампании на Восточном фронте у Гесса действительно было прострелено левое легкое выстрелом из винтовки с близкого расстояния. Имелась запись о ранениях шрапнелью в левую руку и о его увольнении из армии после многолетнего лечения. Из других записей следует, что он был награжден «Медалью за храбрость», которой обычно отмечают раненых, комиссуемых из армии по ранению. Из более поздних архивов СС следует, что Гесс получил Железный крест второй степени за то, что повел своих солдат в атаку на позиции противника и был ранен.

Интересно, что все эти документы появились до вступления Гесса в нацистскую партию, то есть до того, как могла бы возникнуть какая-то необходимость фальсифицировать их, подтверждать какие бы то ни было ранения, якобы полученные во время войны. Количество и разнообразие этих материалов не позволяют считать их подделкой. Кроме того, существуют письма Гесса семье, в частности отцу и матери, относящиеся к периоду его ранения в 1918 г., из которых узнаем дополнительные подробности.

Гесс был ранен выстрелом с расстояния 30 шагов в левую сторону грудной клетки, когда бежал, согнувшись, вниз по склону холма. Пуля

вошла на два дюйма ниже левого плеча и вышла под левой лопаткой, едва не задев кость. Он упал навзничь и почувствовал, как «воздух с шипением выходит из него, как из лопнувшего свиного пузыря». Как следует из записей, он потерял около трех литров крови, пока хирурги смогли остановить кровотечение, а после операции провел месяц в госпитале, лежа на спине. Он был настолько слаб, что не мог уверенно писать. Об операции известно немногое, однако мы знаем, что пуля прошла сквозь верхнюю и нижнюю доли левого легкого и их пришлось сшивать по отдельности.

Жена Гесса Ильза также сообщила о его ранении, подтвердив, что на груди и на спине ее мужа были следы ранения в результате «Durchschuss» (сквозного ранения.— *Ред.*), то есть после того, как у него было прострелено легкое. Его секретари, друзья и соратники довоенного периода, в том числе Шпеер, единодушно утверждали, что знали о ранении Гесса. Ярче всех последствия ранения описала его жена, утверждавшая, что Гесс не мог пройти и нескольких метров в гору не задыхаясь. Для врача это — обычное состояние человека с нарушениями дыхательной системы средней тяжести, способного переносить лишь умеренные нагрузки в результате полученного им ранения. До открытия антибиотиков входное и особенно выходное отверстия раны после операции должны были, очевидно, оставить длинный глубокий шрам, идущий от груди к спине. Края раны должны были плохо заживать из-за неизбежного в то время заражения.

Итак, по-видимому, не приходится сомневаться в том, что Гесс был ранен в грудь. Что касается осколочных ранений в левую руку, то по крайней мере одно из них было настолько серьезным, что он потерял сознание из-за потери крови на пути в госпиталь—на этот раз на Западном фронте, так как получил это ранение в первые годы войны. Последнее осколочное ранение было легким и в соответствии с историей болезни находилось чуть ниже другого поверхностного ранения в левую руку. Его надо было лишь зашить.

На основании этих медицинских данных напрашивался вывод, что если я прав и у заключенного № 7 не было ни одного из этих ранений, то это, несомненно, не был Гесс.

Когда я стал впервые изучать другие стороны известного поведения Гесса, я сразу столкнулся с проблемой, что за прошедшие более чем 30 лет сложилась устойчивая версия миссии Гесса, и все поверили, что настоящий Гесс был сумасшедшим. Исторические исследования писали люди, составившие представление о Гессе после случившегося на основании свидетельств очевидцев. Так возник совершенно искаженный образ. Гесс был слабым, тенью прежнего Гесса, он был уже не тот, он был чудак, наконец, сумасшедший. Нечего сказать, подходящая кандидатура для Stellvertreter (заместитель Гитлера по НСДАП.— *Ред.*).

Однако совершенно иной образ Гесса складывается, если просмотреть «Ingolschtadter Beobachter» и другие немецкие газеты того времени, циничный печатный орган СС «Meldungen aus dem Reich», а также свидетельства таких историков, как Гизевиус, опять-таки того времени, или мнения столь проницательных тогдашних наблюдателей, как Уильям Ширер, или секретные донесения таких агентов британской разведки, как Уинтерботтам и Роджер Ченс. Они писали о человеке, который отнюдь не был тенью былого — более того, был сильным и энергичным, чрезвычайно активным на политической арене до той ночи, когда вылетел из Аугсбурга. В его истории болезни не было ни слова о шизофрении. Если не считать вегетарианства, его причуды не выходили за рамки поведения обычного немца среднего класса. В той же мере, как и тысячи немцев того времени, его постигла моральная атрофия. Тогдашние взгляды Гесса на евреев и на немцев были, в общем, обычными.

Нам предлагают поверить в то, что бывший наставник Гесса, Хаусхофер, начал тайную переписку с герцогом Гамильтоном, своим довоенным гомосексуальным партнером, и, не получая от него ответа, тем не менее расхваливал его Гессу; со своей стороны, Гесс, якобы встречавшийся ранее с этим человеком, вылетел в замок герцога в Шотландии для завершения мирных переговоров! И это с человеком, который даже не отвечал на письма! Это произошло накануне операции «Барбаросса» — вторжения в Советскую Россию и сразу после того, как Гесс выразил готовность встретиться с каким-либо полномочным представителем британской стороны на нейтральной территории (!), более того, в ту самую ночь, когда Хаусхофер должен был получить телеграмму от Сэмюеля Хора, еще одного из своих корреспондентов, что тот готов встретиться с Гессом в Мадриде. Если бы это произошло, Гесса можно было бы считать сумасшедшим! Однако были ли какие-либо причины предположить, что настоящий Гесс действительно вылетел в Шотландию? Ведь в конце концов он привык составлять подробные карты Балтики и получать сводки о погоде в регионе и даже заказал билет на рейс в Ставангер в ту же ночь, когда отправился в Шотландию.

Самолет, на борту которого был Гесс, носил номер NJ + C11. Это известно из архивов Мессершмидта, из дневниковых записей Хельмута Кадена и записей, сделанных госпожой Пинч, вдовой Карла Хейнца Пинча, адъютанта Гесса. Это был самолет типа BF110 D. Самолет же, приземлившийся в Шотландии, носил номер VJ + OQ и был совершенно новой машиной типа BF110 E. Он имел иной серийный производственный номер, номер обтекателя и двигателя. Имеющихся в Великобритании остатков самолета достаточно, чтобы подтвердить этот факт. Самое удивительное, что никто не проверил это, точно так же, как ни один хирург не счел нужным прочесть историю болезни!

Никто не проконтролировал летные качества BF110. Если бы это сделали, выяснилось бы, что с дополнительными баками горючего и в оптимальных условиях дальность полета этого самолета была 870—1200 миль в зависимости от подтипа. После того, как я написал об этом в своей книге, вышедшей в 1979 г., Эберт, директор музея фирмы «Мессершмидт», сообщил ряду историков, занимающихся вопросами авиации, что «при полных баках горючего, включая два сбрасываемых бака, и при оптимальных условиях дальность полета Me110D/E — 1400 км, или 870 миль», а «расстояние Аугсбург — Кёльн — Гаага — Глазго составляет 1335 км, или 830 миль». Если бы Эберт потрудился прочесть мою книгу, он знал бы, что я поместил в ней настоящую, выполненную пилотом карту полета, дальность которого составила более 1260 миль.

Но Гесс не взлетел на NJ + C11 с дополнительными баками горючего в ночь предполагаемого полета. Его сфотографировали во время вылета из Аугсбурга в вечерних сумерках, и на сделанной фотографии видно, что самолет взлетел без дополнительных баков. Эта фотография красовалась на письменном столе Эберта до тех пор, пока я не издал свою книгу, после чего фотография исчезла. Оригинал ее хранился у г-жи Пинч, его и сейчас можно представить. Самолет VJ + OQ, направляющийся в Шотландию, сбросил баки с горючим, как только пересек ее границу, и один из этих баков был обнаружен в р. Клайд шотландским траулером.

Кроме того, пилот самолета NJ + C11 летел не на той высоте, которую следовало выбрать, если бы он хотел сэкономить топливо, ведь ему пришлось менять высоту зоны Мюнхена на высоту зоны Кёльна, а затем зоны Амстердама в соответствии с германскими правилами воздухоплавания. Несомненно, VJ + OQ должен был иметь большой запас горючего, чтобы на очень высокой скорости пересечь Шотландию. Это подтвердилось, когда самолет совершил вынужденную посадку: по свидетельству экспертов, на его борту оставалась еще $^1/_4$ горючего. Но тогда с самого начала ему не нужны были дополнительные баки, так как он совершил перелет только из Аалборга в Дании.

Сегодня известно из перечня поставок готовой продукции с авиазаводов, благодаря работе Андраде и Мак-Робертса, что VJ + OQ был доставлен в Аалборг прямо с конвейера и был облетан второпях. На один бок фюзеляжа не была даже нанесена камуфляжная раскраска, и заводской номер VJ + OQ еще не был снят, а бортовые пулеметы были в машинном масле. Машина NJ + C11, на которой настоящий Гесс вылетел из Аугсбурга, много раз использовалась, как это было видно по окраске обтекателя и заплатам. В свое время она летала на Средиземноморье, кроме того, Гесс совершил на ней за год 20 тренировочных полетов над Северным и Балтийским морями еще задолго до появления первого намека на связь Хаусхофера с герцогом Гамильтоном.

Но что же случилось с настоящим Гессом? Чтобы знать это, самый простой выход — обратиться к журналам регистрации полетов германского корпуса воздушного наблюдения, относящимся к той ночи, и, конечно, к записям немецкой радиолокационной службы того времени. Как явствует из записей последней, самолет NJ + C11 вылетел с побережья Голландии и пропал с экрана в 40 милях от ее берега, или в 28 милях от ближайших радиолокационных станций на острове Фрейа и в Вюрцбурге, вполне в зоне их досягаемости. Это послужило основанием для преждевременного сообщения, что самолет исчез над морем. Однако, взглянув на летную карту, составленную пилотом самолета VJ + OQ, приземлившегося в Шотландии, видим, что самолет пересек побережье Голландии в точке, расположенной западнее Амстердама, затем совершил полет вдоль северного побережья Германии и только потом вновь повернул на север. На этом этапе он должен был пересечь всю систему радиолокационной обороны Германии и был бы засечен. Но этого не случилось! Значит, подобного полета вообще не было. Записи наблюдательной службы полностью подтверждают сообщения радиолокационной. Маршрут полета является фальсификацией.

Британские радиолокационные станции засекли самолет, летящий с востока, направление полета которого, если бы его проложить назад, привело бы в Аалборг. Министерство военно-воздушных сил Англии и британские пилоты, зная максимальную дальность по топливу BF 110, ни на секунду не поверили, что этот самолет мог так далеко пролететь в северном направлении из самой Германии, но никто не прислушался к их мнению.

Как стало известно из дальнейшего исследования маршрута полета, составленного заключенным № 7, он утверждал, что летел по сложной траектории — прямоугольнику, то возвращаясь, то продвигаясь вперед, якобы ожидая тайного радиолуча, который вывел бы его из Северного моря в Дангавел в Шотландии. Этот радиолуч, по его словам, был направлен из Берлина в Дангавел. Яркий пример технической изобретательности немцев! Аппарат X Gerät, установленный на борту VJ + OQ (как и всех новых машин серии E), мог принимать сигналы азбуки Морзе; но все станции X Gerät были настроены на Лондон и Бирмингем — предел их радиуса действия. Расположенные вдали от берега Северного моря, они никак не могли поймать одиночный самолет на таком расстоянии. В любом случае в Берлине не было X Gerät станций, они имелись только на северном побережье Германии. Так что история с секретным радиолучом была вымышленной.

Пилоты ударного командования НАТО, изучая маршрут полета без каких-либо предварительных сведений, пришли к заключению, что он от начала и до конца вымышлен. По всей вероятности, это было сделано, чтобы оттянуть время и создать видимость соответствия деталям полета, предпринятого настоящим Гессом. Известно, что в самом Аалборге

можно ясно видеть компасный румб, и это наводит на мысль, что вымышленный маршрут полета был составлен на основе полета из этого аэропорта.

Даже летный костюм пилота, долгое время находившийся в Шпандау, мог бы рассказать о многом. Ведь настоящий Гесс, обнаружив, что его летный костюм украден, одолжил костюм у Хельмута Кадена, и был сфотографирован в этом большем по размеру для него костюме перед посадкой в самолет. На внутреннем кармане этого костюма было написано имя Кадена. Однако на костюме из Шпандау, который считали настоящим летным костюмом Гесса, этой приметы не было.

В любом случае сомнениям ВВС Великобритании не дали хода, когда «Гесс» приземлился в Шотландии и была подготовлена его встреча с Уинстоном Черчиллем, который якобы нисколько не был в ней заинтересован. В истории его приема Черчиллем есть ряд деталей, неизвестных общественности, но свидетельствующих о многом. Согласно официальной версии опознания Гесса, заключенный узнал Ивон Киркпатрик. Однако существует и неофициальная, совершенно противоположная версия.

Когда Гесс впервые был обследован полковником Джибсоном Грэмом, консультантом по заболеваниям грудной клетки, Черчилль получил его заключение и зачем-то направил Грэму телеграмму с просьбой подтвердить, что на груди пациента нет шрамов! Значит, уже 13 мая Черчилль знал, что, вероятно, имеет дело с двойником. 19 мая в 11 час. 30 мин. Фрэнк Фоли из службы специальных расследований Великобритании — человек, говорящий и думающий по-немецки и лично знавший Гесса, вышел из Тауэра в Лондоне после встречи с заключенным и подал свой первый написанный от руки отчет. Его секретарь еще жива! Она не знает точного содержания отчета, но ей известно, что он оказался неприемлемым для Черчилля, который приказал Фоли быть у заключенного сиделкой в течение многих недель. В дальнейшем секретарю пришлось записывать с пленки «совершенно несвязаные и банальные речи», говорящий не мог связать двух слов и был «явно безумен».

Фоли поделился своими опасениями с Роджером Ченсом, который лично провел две недели с настоящим Гессом, и теперь предложил решить этот вопрос — ведь Фоли сказал, что это не Гесс. Ченсу было отказано в посещении Гесса, несмотря на то что он был советником службы специальных расследований. Он, в свою очередь, сказал об этом Уинтерботтаму, интервьюировавшему настоящего Гесса, которому тоже запретили посетить заключенного. Человек, о котором шла речь, с жадностью ел все, даже традиционный британский кэрри (!), несмотря на то что Гесс был вегетарианцем. Этот человек был тощ, как скелет, и в момент первого медицинского осмотра весил 62 кг при росте 182 см, а Гесс был несколько ниже и тяжелее. Очевидно, полет чрезвычайно преобразил его! Кроме того, он не умел держать в руках теннисную ракетку, тогда как Гесс был заядлым игроком. Манеры его были настолько грубы, что окружавшие его офицеры гвардии, выходцы из верхних слоев среднего класса, с изумлением отметили их в своих записях, а самым странным было то, что заключенный отказался менять даже очень грязное нижнее белье. Напротив, настоящий Гесс дважды в день менял рубашку! Заключенный неправильно назвал дату рождения, не знал, сколько у него сестер и придумывал несуществующих. Он не имел никакого понятия о событиях, которые происходят в нацистской Германии и в мировой политике, ссылаясь на вымышленную потерю памяти. Единственная официально существующая в настоящее время запись его интервью — его «переговоры» с Саймоном и Бивербруком. Оригинал записи этих переговоров и другие письма с пометкой «чрезвычайно секретно», направленные Черчиллем и лордом Вигрэмом

премьер-министру Канады Маккензи Кингу, каким-то образом были «утеряны» Форин оффис и «найдены» мною. Я неоднократно просил разрешения опубликовать документы, не подвергаясь судебному преследованию в соответствии с Законом о государственной тайне, однако до сих пор не получил ответа. Из этих оригиналов записей «перегозоров» с Саймоном и Бивербруком, якобы имевших место, ясно лишь, что заключенный зачитал ряд мест из 32 машинописных страниц, привезенных им в Шотландию,— что-то вроде его инструкции. Но и этот документ был очень неполон. Заключенный был только курьером, которому позволили лишь зачитать переданное с ним послание, и без бумаги он не мог связать двух слов.

Наиболее показательны письма Вигрэма лорду Виллингдену и Маккензи Кингу. Не имея возможности привести здесь их содержание, можно, однако, утверждать, что по каким-то причинам лорд Вигрэм, вероятно, полагал, что Черчилль имел дело с подставным лицом, а не с подлинным Гессом. Далее упоминается арест не менее шести членов британских правящих кругов в ночь на 11 мая 1941 г. и предупреждение, вынесенное по крайней мере 14 другим, в том числе герцогу Вестминстеру. Герцог Баклью, в сущности, находился под домашним арестом из-за своих «взглядов». Безусловно, самым замечательным из них оказался управляющий Английского банка Монтэгю Норман, который отказался уйти в отставку. Показательно то, что Черчилль не смог заставить его уйти в отставку, хотя и пытался заменить его управляющим Канадского банка!

Известно, что Вильгельм Янке вел переговоры от имени Гесса через его посланца Пфайффера. Есть доказательства, что переговоры велись в компании «Маунт Стюарт» в Ирландии и в Стокгольме под эгидой шведской королевской семьи, родственников Маунтбеттенов по браку, а также в Сан-Франциско, где состоялась встреча представителей Дрезденского и Немецкого банков с Тайарксом и Монтэгю Норманом — руководителем Английского банка. (Мы ожидали рассекречивания документов ЦРУ, касающихся этих специфических переговоров в Сан-Франциско.) В этих переговорах участвовала группа лорда Галифакса — лорды Лотиан и Лондондерри и вышеупомянутые лица; активное участие принимал и Маунтбеттен. Дело дошло до заключения договоренности по финансовым вопросам с Германией, в том числе о репарациях (Германии) и о торговых соглашениях, имеющих целью открыть британские колонии для совместных англо-германских капиталовложений, а также возвращение Германии ее бывших колониальных владений. Германия должна была «легализовать» свой захват Чехословакии и Польши, а также, по словам лорда Вигрэма, получить свободу «европеизировать Россию и добиться стабильности на Балканах, вызывавших особое беспокойство Британии».

В британскую группу, намеревавшуюся обратиться к королю с просьбой об отставке Черчилля после вынесения ему вотума недоверия в Палате общин, входили два Гамильтона — Рев Гамильтон, посетивший Гитлера до войны, и генерал Ян Гамильтон, который тоже встретился с Гитлером до начала боевых действий. Возможно, полет к герцогу Гамильтону произошел потому, что его спутали с генералом, у которого также были поместья в Шотландии. Со стороны Германии все хлопоты по организации встреч в Стокгольме, связанных с транспортом, взяло на себя СС, а это значит, что в них не участвовали никакие группы Сопротивления, а переговоры носили гораздо более официальный характер, чем признается в настоящее время. Известно также, что Янке работал на Канариса и одновременно на Гиммлера и Гейдриха, а также передавал сведения англичанам через Уильяма Три — богача, вмешивавшегося в британскую политику, и через своего собствен-

ного секретаря Маркуса, который в конце войны стал платным агентом Британии.

Итак, сложилась невероятно сложная ситуация, когда были возможны любые перестановки, способные привести к каким угодно результатам. Мы можем сказать лишь, что, очевидно, Гиммлер, как и Гитлер, знал о подробностях хода переговоров. Кроме того, показателен вопрос, заданный представителем Гиммлера Карлом Лангбеном президенту Международного Красного Креста Буркхардту и записанный фон Хасселем: «Думаете ли вы, что мир с Англией был бы возможен, если бы Гитлера сместил Гиммлер?» Представляется, что последний, во всяком случае, не исключал такой возможности.

От Янке Гиммлер мог получить о ходе переговоров полную информацию, включая последнее заседание для подписания соглашения, на котором Маунтбеттен должен был встретиться, предположительно, с Гессом в Стокгольме в королевском дворце Тульгарн в конце мая 1941 года. Если бы Гессу удалось удачно завершить подготовку к переговорам и справиться с этой проблемой (Гитлеру пришлось держаться в тени, чтобы мирные предложения стали приемлемыми для общественного мнения Британии), он и Гитлер оказались бы неуязвимыми. Необходимо помнить, что на всем протяжении войны Гиммлер активно, хотя и не очень решительно, пытался воспользоваться любым промахом Гитлера, чтобы взять высшее командование в свои руки. Новая расстановка сил ни в какой мере не отвечала его целям. Послал ли он двойника ко второму Гамильтону, пытаясь предотвратить официальные мирные переговоры, которые, возможно, пробуксовали из-за того, что Гитлер продолжал играть свою роль? Сделал ли он попытку послать подставное лицо с приманкой для англичан? Если да, то кто еще участвовал в этом? Очевидно, есть основания утверждать, что Геринг знал об этом в ночь, когда должен был состояться полет, как следует из существующей записи телефонных разговоров в ту ночь между Герингом и Вилли Мессершмидтом, а также с Адольфом Галландом, командующим эскадрильей Ме-109 на северном побережье Германии. Однако, узнав на другой день об исчезновении Гесса, Геринг выразил изумление. Галланд сообщил историку Френкелю, что он был послан Герингом, чтобы сбить Гесса, задолго до 7 час. 30 мин. вечера. Однако в первом издании книги «Die Ersten und Letzten» («Первые и последние».— *Ред.*), выпущенной им ранее, он отклонился от истины, утверждая, что на два часа опоздал и не смог выполнить задачу. Он отказался поведать всю историю от начала до конца, а когда вышла моя книга, пытался совершить самоубийство. После этих событий адъютант Гесса Пинч, до того времени служивший в СА, и, как я думаю, также в СС, как и Янке, которому грозило обвинение в измене, получил защиту у Гиммлера. Вряд ли мы сможем когда-либо узнать правду о предательских действиях обеих сторон, тем более что к этому делу были в значительной мере причастны правящие круги Британии. Только одно представляется несомненным: англичане привезли в Нюрнберг двойника. По какой-то причине он в основном молчал, возможно, ему угрожали, хотя он сказал адвокату Эйри Ниве и еще одному юристу, что он не Гесс, но никто не обратил на это внимания, считая его сумасшедшим! Известна записанная реплика Геринга: «Расскажите нам о своей тайне» и его постоянные издевки, а также реплика Розенберга: «Кто этот...?» и ответ: «Гесс»; «Вы имеете в виду нашего Гесса?» Какого другого «Гесса» он мог иметь в виду? Знаменательно, что после сделанных мной разоблачений Альберт Шпеер, знавший заключенного по тюрьме в Шпандау, спорил со мной, выступая по австралийскому радио, и вдруг повернул на 180°, когда вспомнил, что за эти годы заключенный № 7 ни разу не сказал ничего такого, что могло исходить только от Гесса. «Но это, безусловно, был Гесс»,— сказал он. «Балдур фон Ширах сказал мне, что это безусловно был он!» Почему? Кто его об этом спрашивал? До Нюрнбергского процесса и в его начале англичане сосредоточили в своих руках все, касающееся личности Гесса, и отказались даже позволить взять его отпечатки пальцев, считая, что в этом не было никакой необходимости. Насколько мне известно, Гесс был единственным заключенным, избежавшим этой процедуры. Интересный эпизод произошел накануне процесса, когда заключенного осмотрел канадский психиатр доктор Кэмерон, услугами которого в качестве консультанта по применению подавляющих волю медикаментов и методов лечения широко пользовалось ЦРУ. Он был вызван к Аллену Даллесу, который попросил его дать заключение об умственном состоянии заключенного, а также установить его личность!

Как следует из книги Гордона Томаса, посвященной жизни доктора Кэмерона, Аллен Даллес попросил его попытаться обследовать грудь пациента, так как было известно, что Гесс получил огнестрельное ранение в область грудной клетки во время первой мировой войны. Даллес был убежден, что Черчилль убил настоящего Гесса (версия, пригодная для романа). Психиатр не мог осмотреть заключенного, так как тот был прикован наручниками к стулу. Это не удалось сделать и международной группе из 12 врачей, заявивших, что пациент может предстать перед судом. Однако Даллесу все-таки удалось организовать тщательное обследование заключенного с помощью американского хирурга Гуревича, который зарегистрировал даже небольшое пятно экземы. Он подробно описал результаты обследования, в том числе отметил, что у заключенного не было следов огнестрельных ранений. Но Даллес не поведал ему о своих подозрениях относительно того, что заключенный — не настоящий Гесс; ведь Гуревич был всего лишь тюремным хирургом, а не сотрудником ЦРУ. Он так никогда и не узнал, насколько важны были тщательно зарегистрированные им сведения (полностью совпадающие с моими!). Когда заключенного вызвали дать показания и назвать себя, он, пошатываясь, встал на ноги, явно больной, схватился за живот и сдавленно пробормотал: «Нет». Переводчик неточно перевел фразу как «невиновен». Был ли он виновен? В течение всего Нюрнбергского процесса заключенный № 7 симулировал потерю памяти, что он неоднократно делал во время пребывания в Британии. Он не узнал ни Геринга, ни его секретарей даже после того, как их представили ему против его воли. Он закончил свою путаную, бессвязную речь в трибунале, заявив, что совершил подлог и будет нести ответственность за то, что пошел за Гитлером. Он отказывался от посещений и впервые встретился с фрау Гесс, когда был при смерти от прободения язвы двенадцатиперстной кишки в британском военном госпитале в августе 1969 года! В течение многих лет заключенный отказывался также разговаривать с другими узниками, мотивируя это тем, что подобные разговоры и воспоминания запрещены. Как заявила в марте 1987 г. семья Гесса, им намекнули, что Горбачев готов освободить заключенного. Когда тот узнал об этом, он сказал французскому тюремщику: «Мне не выжить». 17 августа 1987 г. появилась информация о его смерти. Как явствует из первоначальных сведений, его нашли повесившимся в садовом сарае. Затем было сообщено, что он повесился на электрическом шнуре удлинителя, используемого обычно для настольной лампы.

К маю 1988 г. я не только завершил начальное расследование, но и выпустил вторую, дополненную книгу. Ее я назвал «Гесс. Повесть о двух убийствах», потому что с помощью моих контактов в военной разведке M.I.6 я получил заключение патологоанатомической экспертизы, произведенной Кэмероном, единственным судебным патологоанатомом, которому разрешили провести вскрытие, а также три доклада отдела специальных исследований, составленных британской военной по-

лицией. В них были свидетельские показания тюремщиков. Я также смог получить второе заключение о вскрытии, подготовленное для семьи Гесса Вольфгангом Шпанном, мюнхенским патологоанатомом, составившим второе заключение о вскрытии трупа после того, как тело было возвращено семье (?) покойного. Из всего этого я заключил, что это было чистой воды убийство.

Я направил свои материалы председателю государственного обвинения Великобритании, который, в свою очередь, поставил в известность Скотланд-Ярд относительно серьезности моих обвинений и доказательств. Главному суперинтенданту Говарду Джонсу было поручено изучить доказательства, и через несколько месяцев он пришел к заключению, что будет начато расследование убийства, включающее вопрос об установлении личности жертвы. Воздействие этого решения на Форин оффис невообразимо. И раньше меня считали этаким Макиавелли, а после этого на меня мгновенно вылились потоки брани во всех британских дипломатических миссиях за границей.

Подавляющее большинство улик было получено в результате вскрытия и осмотра трупа. Сюда входила горизонтальная полоса на задней стороне шеи заключенного, которая продолжалась и спереди и не имела «точки подвеса»; это значило, что петля не была затянута под действием силы тяжести, а следовательно, заключенный вряд ли повесился. Имелось множество подобных технических деталей. Англичане забыли упомянуть огромный кровоподтек на затылке заключенного, говорящий о том, что ему был нанесен очень сильный удар, а также тот факт, что расстояние от пола до оконного шпингалета, на котором якобы повесился заключенный, составляло 145 см, а рост его был 182 см!

Началась игра в кошки-мышки, Форин оффис ответило на вопросы членов парламента — Дэвида Оуэна и Дэйла Кэмбелла Сэйворса. Ответы были чрезвычайно забавны — вероятно, непреднамеренно! На вопрос о происхождении кровоподтека на затылке Пэрдон из Министерства иностранных дел заявил: «Пациент нашел петлю, уже привязанную к оконному шпингалету, надел ее на шею и откинулся навзничь, одновременно повесившись и ударившись затылком» (!!!). Когда обнаружилось, что окно садового сарая, где был найден заключенный № 7, сфотографировано саперами после его смерти, но до того, как отдел специальных расследований сообщил о находке гибкого шнура, привязанного к оконному шпингалету (на фотографии шнура не было), Линда Чокер в отчаянии сделала заявление: «Нетипичное повешение». Доктор Шпанн также сказал, что он не может исключить очень нетипичное повешение как причину смерти. В послании члену парламента от лейбористской партии Родри Морган г-жа Чокер писала: «Мы пришли к мнению, что заключенный обмотал шнур вокруг шеи и соскользнул на пол; мы полагаем, что имеем дело с очень нетипичным случаем повешения».

Но были ли улики, указывающие на убийцу? Я не хочу предвосхищать событий и опережать Скотланд-Ярд, если им когда-либо позволят продолжить расследование; хочу сказать, однако, что из двух людей, действия которых расследует Скотланд-Ярд, один является британским охранником, действовавшим совместно с американским, дежурившим в тот день. В общем, это грязное дело — еще более грязное из-за действий британского военного губернатора, который не только запретил делать анализ крови и фотографировать место происшествия, но и, по словам суперинтенданта полиции Говарда Джонса, «отдал очень подозрительный приказ о полном и бессмысленном уничтожении орудий, при помощи которых якобы было совершено самоубийство, и приказал сжечь дотла сарай до того, как его смог осмотреть судебный патологоанатом».

На вопрос о личности заключенного британское правительство, не зная, что я располагаю результатами вскрытия трупа и фотографиями, представленными доктором Шпанном, продолжает отвечать ложью, и вранье это становится все более смехотворным. Сначала Линда Чокер заявила, что, несмотря на слухи, в заключении о вскрытии, произведенном Кэмероном, имеется упоминание о шраме от огнестрельной раны. Затем Джеффри Хау сказал, что речь идет о единственном, не вызывающем сомнений шраме от огнестрельного ранения на груди пациента. Ему направили заключение, в котором не было отмечено следов огнестрельного ранения, и он тут же пошел на попятный, заявив, что патологоанатом не обратил внимания на огнестрельное ранение, так как оно не имело отношения к причине смерти.

После этого журналист Дафф Харт Дэйвис указал, что, если имелись следы только одного ранения на груди, это значило, что пуля должна была остаться внутри и быть обнаружена при вскрытии. Тогда Джеффри Хау поспешно нашел анонимного эксперта, посетившего заключенного в 1979 г. после выхода в свет моей книги, и обнаружил полные доказательства существования выходного отверстия пули. Я назвал это первым в истории спасательным выходом пули. Итак, теперь у властей был анонимный эксперт, готовый даже поклясться под присягой (и кто на это не готов?), что следы от огнестрельного ранения были и на груди, и на спине заключенного. А патологоанатомы просто забыли упомянуть об этом!

Тогда в спор вмешался проф. Шпанн, заявив, что не обнаружил следов огнестрельного ранения. Специалист в области пластической хирургии проф. Хэссекер из Утрехта, эксперт с мировым именем в области лечения ранений первой мировой войны, полностью подтвердил мои выводы, что заключенный мог быть кем угодно, только не Гессом. Тогда я разослал доктору Дэвиду Оуэну и прессе копии вскрытия, из которых следует, что на теле заключенного не обнаружены следы ни огнестрельных, ни осколочных ранений, зато имелись точные доказательства убийства.

Реакция Джеффри Хау и Форин оффис была знаменательной. «Мы по-прежнему продолжаем утверждать, что наш анонимный эксперт, несомненно, обнаружил выходное отверстие пули на спине. Если существует выходное отверстие, совершенно ясно, что когда-то должно было существовать и входное» (!!!). Как жаль, что я об этом не подумал.

Хочу привести слова сэра Фрэнка Робертса, который в 1941 г. полагал, что отвечает за документацию Гесса. «Когда в 70-е годы я увидел Гесса в Берлине, я был потрясен. Я почувствовал, что произошло что-то ужасное, и ушел с тяжелым предчувствием». Барон фон Массенбах, еще недавно работавший в разведке, написал в газеты «Independent Newspaper», что Питер Паркер, который в прошлом работал в подвале клуба «Реформ», пытая заключенных, однажды вынужден был выполнить тяжелую задачу — застрелить своего тестя барона фон Готлиба, выдачи которого требовала Россия за преступления, совершенные во второй мировой войне. Мы сообщили Советам, что он умер за некоторое время до этого, так как по-прежнему собирали сведения о немецких агентах, работавших в России. Высказывание Паркера в разговоре с фон Массенбахом на вечеринке в доме Хадфилда в 1971 г. несколько удивило Массенбаха. Паркер сказал: «Всегда важно обманывать противника; столь же важно, чтобы они верили в то, что Готлиб мертв, как и в то, что Гесс жив».

Я полагаю, что если бы СССР не предложил освободить заключенного № 7, угрожая таким образом обнаружить, что все эти годы британские власти скрывались за советским вето, он умирал бы теперь от обычного сердечного приступа.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ИИСУС КАК ЧЕЛОВЕК И ПРОПОВЕДНИК

А. И. Немировский

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

Так начинает М. Булгаков одну из сюжетных линий в романе «Мастер и Маргарита» об Иешуа (Иисусе) [1]. Она композиционно является противопоставлением другой, современной: молодой поэт Иван Бездродный пишет сатирическую поэму об Иисусе, и редактору кажется совершенно неприемлемым, что Иисус выведен историческим лицом: «Ты, Иван, очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов божьих, как, скажем, фригийский Аттис, коротко же говоря, ни один из них не рождался и никого не было, в том числе и Иисуса». Это — квинтэссенция господствовавшей у нас на протяжении многих десятилетий догмы, отдающей пылью взрываемых храмов, тленом выставленных на обозрение мощей, гомоном первых публичных диспутов, вскоре заглушенным перестуком колес теплушек, увозящих священнослужителей на Соловки,—«Бога не-е-ет!».

Это было время воинствующего вульгарного атеизма, глумливой, шутовской «Библии для верующих и иеверующих» Ем. Ярославского. Вульгарный атеизм, лишенный самых элементарных познаний в сложнейшей области истории идей, вторгался в их сферу с полной уверенностью в том, что обладает магическими возможностями материалистического истолкования истории религии. Присвоив себе звание «научный», он был далек от науки и оснащен самыми примитивными методологией и аргументацией. Не обладая собственной, вульгарный атеизм воспользовался концепцией одного из направлений буржуазной критики христианства — мифологической школы, возникшего в результате колоссального расширения сравнительно-исторического материала по истории религии и мифологии восточных народов в XIX — начале XX в. (дешифровка древнеегипетской, вавилонской, шумерской письменностей, хеттских и финикийских текстов), а также вследствие научной несостоятельности другого направления в изучении христианства — исторической школы [2].

НЕМИРОВСКИЙ Александр Иосифович — доктор исторических иаук.

[1] Булгаков М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. М. 1988, с. 435. Роман Булгакова интересен воссозданием социальной и политической обстановки 30-х годов, когда происходили «разоблачеиия» христиаиства наряду с множеством других разоблачений. Разоблачители разоблачителей — Воланд, Азазелло, Бегемот имеют библейские и языческие прототипы.

[2] Изучение мифологической школы в историографическом плане у иас представлеио, как правило, лишь ее адептами: Ковалев С. И. Из истории критики христианства (Мифологическая школа).— Ежегодник музея истории религии и атеизма, 1959, № 3; Лившиц Г. М. Очерки историографии Библии и раинего христианства. Минск. 1970. Впрочем, работа Лившица содержит достаточно объективиое изложеиие взглядов противников мифологической школы. Краткий обзор иаучиой литературы об Иисусе см.: Токарев С. А. Иисус Христос. В кн.: Мифы народов мира. Т. I. М. 1980, с. 499—501.

Наиболее яркими представителями исторической школы в XIX в. были Д. Штраус и Э. Ренан [3]. Штраус, впервые употребивший применительно к евангелиям термин «миф», поставил своей целью восстановить исторического Иисуса, отбросив все мифологические наслоения. Ренан же фактически написал психологический роман об Иисусе, создав образ бунтаря, карбонария древности, религиозного анархиста, воодушевленного любовью к угнетенным и униженным. С критикой Д. Штрауса выступил Б. Бауэр, решительно отвергнувший историческую достоверность евангелий и соответственно самое возможность воссоздания образа Иисуса [4].

Ф. Энгельс в целом положительно отнесся к критической направленности труда немецкого теолога [5], но был далек от ее безоговорочного принятия и писал, что Бауэр, «как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, во многом далеко хватил через край» и что в его интерпретации «исчезает и всякая историческая почва для новозаветных сказаний об Иисусе и его учениках»[6]. У Энгельса имеется и собственный опыт критического изучения Нового завета: он пришел к выводу, что одно из произведений Нового завета, «Апокалипсис», написано в год правления императора Гальбы (62 г.) и в нем предсказывается близкое возвращение Нерона [7]. Как видим, один из основоположников марксизма был далек от мысли, что произведения Нового завета лишены какого-либо исторического содержаиия и рассматривал их в тесной связи с эпохой, которая их породила.

В XX в. историческую школу представляют преимущественно протестантские теологи, поставившие своей целью «демифологизацию» Иисуса. Э. Штауфер изобразил его как бунтаря-одиночку, сражавшегося с религией Торы и закончившего эту борьбу совершенно одиноким, без союза с какой-либо духовной или политической силой своего времени. В его книге попросту изложены евангелия со всеми их подробностями жизни Иисуса, которые автор принял иа веру [8]. Р. Бультман критически отнесся к простому отбрасыванию чудес Иисуса, полагая, что тем самым размывается одна из составных частей христианства как религии. Подлинной демифологизацией евангелий, по его мнению, является их экзистенциальная интерпретация, согласно которой «человек» во всей полноте этого понятия не может быть истолкован, пока он является объектом стороннего наблюдения, а только путем вживания в источники, рассказывающие о человеке [9]. Целью Бультмана было дать такую интерпретацию Нового завета, которая подняла бы его авторитет среди людей, вооруженных достижениями современной науки. Совершенно

[3] Штраус Д. Ф. Жизнь Иисусв. Кн. 1—2. СПб. 1907; Ренан Э. Жизнь Иисуса. СПб. 1906. В этом же плане рационалистического домысливания биографии Иисуса иаписана книга З. Косидовского «Сказаиия еваигелистов» (М. 1977).

[4] Bauer B. Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker und des Johannes. Bd. I—II. Leipzig. 1841; Bd. III. Braunschweig. 1842.

[5] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19.

[6] Там же. Т. 22, с. 474.

[7] Там же. Т. 21, с. 7—13.

[8] Stauffer E. Jesus. Gestalt und Geschichte. Bern. 1957; см. также иаписаиные им главы: «История Иисуса» и «Первоначальная церковь» в IV томе: «Historia mundi» (Bern. 1957). Критику коицепции Штауфера см. в рецензии С. И. Ковалева и А. И. Немировского (Вестиик древней истории, 1957, № 1).

[9] Bulltmann R. Glauben und Verstehen. Tübingen. 1930, 1960; ejusd. Jesus. Tübingen, 1964.

справедливо работа Бультмана рассматривается у нас как пример неисторического подхода к источнику [10].

Возобновившееся в начале XX в. мифологическое направление в изучении христианства направило острие своей критики прежде всего против Ренана. Польский ученый А. Немоевский, многие произведения которого были в первые послереволюционные годы переведены на русский язык, писал: «Ренан создавал Иисуса по своему образу и подобию, но он не умел еще пересоздать его на основании критически исследованных документов. Эти документы были для него зеркалом, в котором он видел отражение своего собственного духовного облика. Его прекрасно составленная «Жизнь Иисуса» была, собственно, каким-то пятым евангелием, написанным для утонченных скептиков XIX столетия» [11]. Что же противопоставил Немоевский Ренану? Бауэровскую уверенность в отсутствии каких-либо исторических данных о реальности Иисуса, дополненную попыткой воссоздания того пути, тех приемов философов древности, при помощи которых они слепили психологический образ Иисуса, принятого за историческую личность. Неисторичность евангелий Немоевский пытался доказать выявлением в них противоречий, не учитывая самого характера этих произведений. К тому же Немоевский был привержен астрально-мифологической концепции, последователи которой давали солнечное и звездное толкование едва ли не каждому евангельскому повествованию.

Предисловие к книге Немоевского написал бывший народоволец Н. А. Морозов, автор «Откровения в грозе и буре» (М. 1907), «Пророков» (М. 1914) и семитомного труда «Христос» (М.-Л. 1924—1932, кн. 1—7). В этих работах, пользуясь неверными астрономическими наблюдениями, Морозов вообще вырвал Иисуса из времени правления Августа и Тиберия и отнес к середине IV века.

Такой же разрушительной критике подверг произведения Нового завета А. Древс [12]. Для него Иисус — древнеизраильское божество солнечного света и плодородия; боги и все другие персонажи Нового завета (Иосиф, Мария, Петр). «Апокалипсис Иоанна» он считал нехристианским произведением, сомневался в подлинности посланий Павла.

В советской науке и публицистике вплоть до середины 60-х годов безраздельно господствовали взгляды мифологической школы. Лишь в 1918 и 1919 гг. еще могли появляться книги старых исследователей, в которых Иисус трактовался как историческая личность [13]. Подобный подход классифицировался как «вылазки буржуазной пропаганды» и «проповедь поповщины». В отрицании историчности Иисуса объединились в 30—50-е годы ординарные пропагандисты и знатоки древних языков и текстов. А. Б. Ранович, прекрасно издавший первоисточники по истории христианства и фрагменты из произведений античных его критиков [14], утверждал, что вначале Иисус выступал как мифическое существо и лишь впоследствии был наделен человеческими чертами, что

---

[10] Трофимова М. К. Философия экзистенциализма и проблемы истории раннего христианства.— Вестник древней истории, 1967, № 2.

[11] Немоевский А. Бог Иисус. Пг. 1920, с. 3.

[12] Древс А. Миф о Христе. Т. 1. М.— Л. 1925; т. II. М. 1924. На эту работу Древса еще до ее русского перевода (по немецкому изданию 1910 г.) ссылался В. И. Ленин, отмечая, что «это — реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками. Это не значит, чтобы не надо было переводить Древса... ибо «союз» с Древсами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 27—28).

[13] Никольский Н. М. Иисус и первые христианские общины. М. 1918; Жебелев С. А. Евангелия канонические и апокрифические. Пг. 1919.

[14] Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства (Материалы и документы). М. 1933; его же. Античные критики христианства. М. 1935.

евангельские рассказы об Иисусе имеют своими источниками ветхозаветные книги и мифы об умирающих и воскресающих богах. Более того, по его мнению, колыбелью христианства был не Иерусалим, не Палестина, а диаспора [15]. Другой знаток древней истории, С. И. Ковалев, в предисловии к книге английского марксиста А. Робертсона подверг его критике за признание исторического зерна в легенде об Иисусе [16].

Только в годы первой «оттепели» у нас робко прозвучали отдельные голоса ученых, увидевших в евангелиях исторический источник и осмелившихся рассмотреть историческую основу преданий об Иисусе [17]. Чрезвычайно знаменательно, что следующее выступление сторонника этой концепции случилось лишь в 1985 году [18]. Впрочем, приверженцы мифологической школы еще не думают сдавать своих позиций и пребывают в уверенности, что признание историчности Иисуса противоречит марксизму [19].

Но обратимся к Иисусу. Иисус был, как это явствует из евангелий и греко-римской литературы, современником императора Августа (30 г. до н. э.—14 г. н. э.) и его преемника Тиберия (14—37 гг.). Во времена Иисуса Иудея представляла собой настоящий бурлящий котел. Из трудов еврейского историка Иосифа Флавия (37 — ок. 110 г.) мы узнаем об острой социально-политической борьбе в этой римской провинции. В ходе ее проявились различные политические группировки, которые Флавий именует «философскими школами». Консервативная позиция была характерна для саддукеев — выходцев из иудейской аристократии,— часто занимавших государственные должности. Они противодействовали попыткам римских наместников вмешиваться в религиозную жизнь Иудеи и оскорблять религиозные обычаи, апеллируя к императору.

Фарисеи составляли сплоченную группу лиц, называвших друг друга «хоберим» (товарищи). Само же слово «фарисеи» не имело значения «лицемеры», «ханжи», которое ему придали евангелия, и на арамейском языке, на котором во времена Иисуса говорило негреческое население Палестины, означало «отделившиеся». Их целью было внесение в обыденную жизнь иудеев, остававшуюся вне ведения храма и его жрецов, религиозного порядка. Они стремились актуализировать законы Ветхого завета, приспособить их к требованиям времени. Веря в загробное существование и в посмертное возмездие, они проповедовали добродетельную жизнь, хотя сами не всегда могли служить ее примером. Нередко фарисеи занимали враждебную позицию по отношению к высшему духовенству и саддукеям, подвергаясь за это гонениям. Фарисеи искали поддержку в народных низах Иудеи, но не выражали их социальных нужд.

Обрисовывая в своих трудах идейную борьбу в Иудее перед всенародным восстанием против Рима, Иосиф Флавий рассказывает с симпатией об эссенах (ессеях) [20]. Этим именем он, а также другие еврейские и греко-римские авторы обозначали иудейских сектантов, ушедших к пустынным берегам Мертвого моря и ведших праведную жизнь, не имея ни жен, ни рабов, пользуясь общим имуществом, помогая друг

---

[15] Ранович А. Б. О раннем христианстве. М. 1959, с. 236—243.

[16] Робертсон А. Происхождение христианства. М. 1958.

[17] Каждан А. П. Историческое зерно предания об Иисусе Христе.— Наука и религия, 1966, № 2; Кубланов М. М. Новый завет (Поиски и находки). М. 1968.

[18] Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М. 1985.

[19] И. А. Крывелев, заявивший о себе в 1938 г. брошюрой «Правда о евангелиях», 40 лет спустя отстаивает те же позиции в двухтомнике (Крывелев И. А. Правда о евангелиях. М. 1938; его же. История религий. Тт. 1—2. М. 1975—1976).

[20] Иосиф Флавий. Иудейская война. СПб. 1900. II, 119—161; Иудейские древности. СПб. 1900, XIII, 171 сл.; XV, 371 сл.; XVIII, 11.

другу. Сохраняя иудейскую веру и даже доставляя в Иерусалим предписанные священными книгами жертвы Иегове, они сами жертвоприношений не совершали, «признавая иные способы очищения». Образ жизни ессеев настолько был непохож на жизнь остального населения Иудеи, что чужеземные наблюдатели видели в них особую этническую группу.

В иудейском обществе тех лет действовала и радикальная группа, которую, по сведениям Иосифа Флавия, возглавлял выходец из Галилеи Иуда (не путать с евангельским Иудой). В своем отношении к Ветхому завету он и его приверженцы не отличались от фарисеев, но придерживались насильственных методов борьбы и не скрывали своего презрения к примиренцам. «У них замечается,— пишет Флавий,— ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкой своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собою власть человека»[21]. Совершая набеги на царские арсеналы, Иуда и его приверженцы захватывали оружие и вооружали бедный люд на борьбу с римлянами и их иудейскими приспешниками. Действовали и другие повстанческие отряды, возглавляемые рабом Ирода Симоном и пастухом Афронгом. Они вели на территории Иудеи настоящую партизанскую войну[22].

Краткий обзор сведений об Иудее периода, предшествующего «рассеянию», показывает, что население этой области, завоеванной Римом, не было какой-то однородной массой, связанной одной религией, одним «законом». События развивались, следуя логике классовой борьбы, выделяя тех, кто, желая сохранить свое положение и богатства, искал компромисс с римскими захватчиками, и тех, кто не видел иного пути, кроме вооруженной борьбы. Пользовавшиеся наибольшим влиянием в массах толкователи св. Писания фарисеи не могли овладеть мятущимися умами, ищущими решения не столько религиозных, сколько социальных проблем, ожидающими ответа на роковые вопросы о месте Иудеи во враждебной ей империи, могущество которой превышало мощь всех прежних недругов, вместе взятых.

Источником осложнений политической и социальной ситуации было также то, что население Палестины не было в этническом отношении однородным. Там были города, заселенные греческими колонистами еще со времени захвата Иудеи диадохами (наследниками Александра Македонского). Число таких городов увеличилось во время правления Ирода Великого (40—4 гг. до н. э.), активного проводника римской политики. Он превратил древнюю Самарию, в прошлом столицу Израиля, в греческий город, дав ему имя Себаста. При нем на побережье Палестины появилась Цезарея с великолепной гаванью, принимавшей больше кораблей, чем знаменитый Пирей[23]. В интересах возросшего греческого и италийского населения он в Иерусалиме соорудил ипподром, а за городскими стенами — греческий театр и амфитеатр для травли зверей и гладиаторских боев. Как сам Ирод Великий, так и управлявшие Иудеей после превращения ее в римскую провинцию наместники искали в греках и других пришельцах опору против иудеев. Из греков, по преимуществу, состояли вспомогательные войска, находившиеся под командованием префектов.

Употребляя применительно к евангельским рассказам об Иисусе слово «миф», наши недавние критики христианства уверяли, что это миф такого же рода, как мифы о Зевсе, Афродите, Аполлоне и других

[21] Иосиф Флавий. Иудейские древности, XVIII, 1.
[22] Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстании против Рима. Минск. 1957, с. 203—205.
[23] Иосиф Флавий. Иудейская война, I, 21, 5—8.

греческих богах[24]. В мифах о богах действительно трудно найти какую-либо историческую основу и бессмысленно искать их прототипы среди реальных людей. Но мифическими подробностями обрастает жизнь и исторических личностей. Например, отцом Александра Македонского считался египетский бог Амон, а о Цезаре рассказывали, что после смерти он превратился в звезду. Вымыслы, преувеличения, несообразности не могут служить доводом в отрицании историчности лица, жившего в эпоху, удостоверенную множеством свидетельств, современника императоров Августа и Тиберия.

Деятельность Иисуса вписывается, хотя и не идеально, в политическую и идейную ситуацию, которая существовала в Иудее до всенародного восстания и разрушения Иерусалима. После 70 г. саддукеи и ессеи как политические группировки перестали существовать. Остались фарисеи, поскольку утрата Иерусалимского храма и суверенитета Иудеи не имела для них решающего значения — ведь для них главным было св. Писание. Евангелисты показали знание народных и религиозных обычаев Палестины, иерархии в Иерусалимском храме. Все это говорит о политической тенденциозности и необоснованности современного псевдонаучного мифа о неисторичности Иисуса[25].

Евангелистов упрекали в незнании географии Палестины, исторической ситуации, в которой действовал вымышленный ими Иисус[26]. В действительности это не так. Евангелисты называют многие города Палестины, и если у иных авторов не указан город Назарет, в котором родился Иисус, то это еще не значит, что такого города (или небольшого поселения) не было. Иудеи не ели свинины, и критики уличали авторов в неправде, когда те рассказывали о свиньях, в которых вселились изгнанные Иисусом злые духи, по логике: «свиней не было, следовательно, не было и Иисуса». Но значительную часть Галилеи, страны Иисуса, населяли греки, и никто не мог им воспрепятствовать разводить свиней.

Общим доводом мифологистов против историчности Иисуса является утверждение, будто в нехристианской литературе отсутствуют сведения об Иисусе. Разумеется, никто не отрицал самого факта упоминания Иисуса авторами I—II вв.— Иосифом Флавием, Тацитом, Плинием Младшим, Светонием. Но все их свидетельства объявлялись поздними интерполяциями, осуществленными церковниками с целью доказать реальность никогда не существовавшего проповедника.

Между тем ни один из античных противников христианства никогда не высказывал сомнений в существовании Иисуса. Напротив, все они признавали его реальным человеком и, полемизируя с христианами, говорили об Иисусе как о бездомном бродяге, шарлатане, погибшем рабской смертью на кресте. Поэтому ясно, что у христиан не было оснований для фальсификации с целью доказать, что Иисус не является их выдумкой.

Сообщая о преследовании христиан Нероном в 64 г., Тацит писал: «Нерон, чтобы побороть слухи (о его причастности к поджогу Рима.—

[24] «Древние греки называли мифами сказания о богах: об их рождениях, подвигах, любовных приключениях» (Ковалев С. И. Миф об Иисусе Христе. Л. 1954, с. 4).
[25] О заданности неисторического подхода к преданиям об Иисусе лучше всего свидетельствует тезис: «Этот миф является идеологической основой христианской религии, которая в капиталистических странах поддерживает власть буржуазии и помогает ей угнетать трудящихся. Защитники этой религии утверждают, что Христос — историческая личность, что он действительно существовал. Так поступают и современные буржуазные лжеученые» (Ковалев С. И. Миф об Иисусе Христе, с. 4).
[26] Так, Ковалев пишет: «Авторы Евангелий — люди, не знавшие языка, на котором говорили в Палестине, ни истории, ни условий жизни в Палестине» (Ковалев С. И. Миф об Иисусе Христе, с. 10). Итальянский марксист А. Донини также называет Палестину в описании евангелистов «страною за пределами реальности» (Донини А. У истоков христианства. М. 1979, с. 19).

А. Н.), приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла хрестианами[27]. Христа, от имени которого происходит это прозвище, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду человеческому»[28].

Сам характер этого рассказа, преисполненного злобой к христианам, достойным любого наказания, хотя и не причастным к поджогу Рима, исключает возможность фальсификации. Благочестивый христианин не мог вставить в рукопись Тацита такой пасквиль ради того, чтобы доказать существование Иисуса-человека. Да и весь тон и характер этого отрывка в полной мере соответствует имперской идеологии Тацита с ее особой ненавистью к обитателям восточных провинций — грекам, евреям, египтянам, армянам.

Свидетельство Тацита, хронологически совпадающее с рассказами евангелистов, дополняется другим античным историком, Светонием Транквиллом (ок. 70 — ок. 140 гг.), автором широко читавшегося в древности произведения «Жизнеописание двенадцати цезарей». В биографиях императоров Клавдия и Нерона Светоний сообщает: «Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, он изгнал из Рима» и «наказаны были христиане, приверженцы нового и зловредного суеверия»[29]. Написание греческого слова Christus как Chrestus вызвало утверждение приверженцев мифологической школы, что Хрестус не имеет никакого отношения к Иисусу, что это какой-то греческий раб, живший в Риме при Клавдии и носивший имя, которое в переводе с греческого означает «добрый».

Эта трактовка могла показаться логичной, поскольку ко времени Клавдия евангельский Иисус был уже мертв, кроме того, нет сведений о его пребывании в Риме. Первый из доводов был убедительно опровергнут видным советским лингвистом И. М. Тронским, показавшим, что Chrestus (вместо Christus) — обычное искажение, присущее простонародной латыни[30]. Что касается отнесения Иисуса ко времени Клавдия и к Риму, то это либо неточное выражение (имелось в виду, что иудеев волновало учение Хреста), либо ошибка, лишний раз свидетельствующая, что перед нами не интерполяция — так ошибиться мог только человек, ничего не знающий об Иисусе и незнакомый с евангелиями.

Примечательно, что ни Тацит, ни Светоний не знают личного имени возмутителя спокойствия среди иудеев. Для них это не играло никакой роли. Рассказывая о секте «врагов рода человеческого», важно было знать имя, которое присвоил себе зачинатель, а не его личное имя. Христианин, если бы ему представилась возможность фальсифицировать рукописи, обязательно бы указал имя Иисус.

Наибольшие споры вызвало сообщение об Иисусе Иосифа Флавия.

[27] Написание этого слова в рукописи Тацита свидетельствует о том, что римский историк знал правильную (Christus) и простонародную, употребляемую толпой (Chrestus) его форму.

[28] Тацит. Анналы. Л. 1969, XV, 44.

[29] Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М. 1964, Клавдий, 25, 4, Нерон, 16, 2.

[30] Тронский И. М. Chrestiani и Chrestus. В кн.: Античность и современность. М. 1972, с. 34—43. Форма Chrestus засвидетельствована и в греческих надписях. Тертуллиан жалуется, что язычники постоянно искажают наименование христиан (Tertul. Ad. nat. I, 3).

Молчание писателя, поставившего своей целью воссоздать историю времени, предшествующего Иудейской войне, действительно было бы странным. Но не менее странным оказалось то, что Иосиф сказал о своем соотечественнике: «Около этого времени появился Иисус, мудрый человек, если только его можно назвать человеком. Он стал совершать удивительные деяния и стал учителем людей, которые охотно воспринимали истину, и он привлек к себе многих иудеев, но также и многих эллинов. Он был Христом. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил его к распятию на кресте. Но те, кто раньше его любили, не отступили. Он появился перед ними на третий день живым, как об этом и тысячах других вещей возвестили божественные пророки. И поныне существует род [людей], носящих его имя»[31].

Мог ли сказать правоверный еврей, принадлежавший к фарисеям, что Иисус имел божественное происхождение, являлся мессией и воскрес? Отвечая на эти вопросы отрицательно, большая часть исследователей признала это место целиком интерполяцией христиан, некоторые же сочли его частичной фальсификацией, возникшей не на пустом месте. Одна из находок подтвердила последнее предположение. Еще в 1911 г. в монастыре на Синае была обнаружена арабская рукопись «Всемирной хроники от Адама» византийского историка Агапия. Но только в 1971 г. было впервые обращено внимание на имеющуюся в этом труде цитату из Иосифа Флавия об Иисусе в несколько иной редакции: «В это время был мудрый человек, которого звали Иисус. Весь его образ жизни был безупречным, и он был известен своей добродетельностью, и многие люди среди евреев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть. Но те, кто стали его учениками, не отказались от его учения. Они рассказывали, что он явился им через три дня после распятия и что он был тогда живым; таким образом, он, может быть, был мессией, о чудесных деяниях которого возвестили пророки»[32].

Сравнив оба текста, мы обнаруживаем, что именно вставили христианские интерполяторы в широко читаемый христианами труд[33]: мысль о божественном происхождении Иисуса («если только его можно назвать человеком»), сообщение, что казнь осуществлена по настоянию иудейской верхушки. Если в первом тексте — уверенность в том, что Иисус воскрес, то во втором — рассказ учеников о воскресении. Иосиф Флавий допускал возможность того, что Иисус был мессией, но на этом не настаивал.

Таким образом, свидетельство Иосифа Флавия об историчности Иисуса становится исключительно важным. Оно исходит не от римлянина, пользовавшегося сведениями из вторых рук или просто слухами, а от знатока еврейской истории, старавшегося подражать самому точному историку древности — Фукидиду. Несомненно, что Иосиф встречался с приверженцами учения Иисуса еще до «рассеяния», в Иудее, возможно, в пустыне у берегов Мертвого моря, где он пребывал три года, выполняя обет. Вставки в его труд характерны для христианства более позднего времени с его враждебностью к иудаизму, с его уверенностью, что Иисус был не только мессией, но и сыном божиим.

Разобранное место — не единственное упоминание Иосифом Флавием Иисуса. В рассказе о событиях в Иудее во времена наместниче-

[31] Иосиф Флавий. Иудейские древности, XVIII, 63 сл.

[32] Цит. по: Pines S. An Arabic Version of the Testimonium Flavianum and its Implications. Lnd. 1971.

[33] Примечательно, что Иосиф Флавий был первым нехристианским автором, произведение которого было переведено на русский язык. Русский переводчик середины XI в. относился к тексту Иосифа с такой же вольностью, как западные христианские переписчики (Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л. 1958).

ства Лукцея Альбина (62—64 гг.) сообщается о казни Иакова, бывшего братом Иисуса, «которого именовали Христом»[34]. Несмотря на краткость этой информации, ею не следует пренебрегать. Свидетельство о брате Иисуса, относящееся ко времени до «рассеяния», говорит о том, что Иисус уже в тот период был фигурой известной и значительной.

Следующее по времени упоминание о христианах содержится в переписке наместника малоазийской провинции Вифиния Плиния Младшего с императором Траяном. В письме 96 книги X речь идет о привлечении лиц, подозреваемых в принадлежности к христианской общине, к суду и попутно раскрывается фанатическая вера первохристиан, которую Плиний Младший называет «непреклонной закоренелостью и упрямством», сообщаются детали христианского богослужения (ночные молитвенные бдения, совместные трапезы). И хотя стиль письма Плиния и ответа Траяна полностью соответствует стилю этих исторических лиц и написаны они в духе их политических взглядов[35], что исключает какую-либо возможность фальсификации, и этот документ признавался рядом современных критиков христианства злонамеренной подделкой[36].

Некоторые сведения об Иисусе-человеке содержат направленные против христианства полемические труды II века. Античный разоблачитель христианства Цельс приводит следующие биографические сведения об Иисусе: «Иисус выдумал свое происхождение от девы. Он родился в иудейской деревне от местной женщины, нищей пряхи. Уличенная в прелюбодеянии, она была выгнана своим мужем, плотником по ремеслу. Отвергнутая мужем, она, позорно скитаясь, родила втайне Иисуса. Этот, нанявшись по бедности поденщиком в Египте и искусившись там в некоторых способностях, которыми египтяне славятся, вернулся гордый своими способностями и на этом основании объявил себя богом»[37]. В своем труде Цельс в отличие от Тацита и Светония явным образом обнаруживает знание евангелий, которые он опровергает. Таким образом, значение рассказа Цельса для решения вопроса об историчности Иисуса невелико.

Существует еще один пласт сведений об Иисусе, восходящий к противникам христианства из лагеря ортодоксальной иудейской религии. В Талмуде, собрании сочинений раввинов II—III вв., Иисус в отличие от других носителей этого имени именуется «Иисус из Назарета» и «Иисус бен-Пантера» («сын Пантеры»). Н. М. Никольский на основании примеров использования слова «сын» в талмудической литературе пришел к выводу, что некий Пантера был законным отцом Иисуса[38]. Но нам представляется, что применительно к Иисусу действует исключение из указанного правила. Поскольку ко времени составления Талмуда евангелия имели широкое хождение, его читатели, иудаисты, знали, что Иисус был провозглашен «божьим сыном», а не сыном Иосифа. Бен-Пантера звучит как издевательство над новоявленным мессией и его приверженцами. В то же время эта «родословная» служит насмешкой над евангелистами, возводившими родословную Иисуса к Давиду.

Талмуд дает иное (сравнительно с евангелиями) толкование обстоятельств гибели Иисуса: «Накануне Пасхи повесили Иисуса. И за 40 дней был объявлен клич, что он занимался колдовством: кто может сказать что-либо в его защиту, пусть придет и скажет. Но не нашли

[34] Иосиф Флавий. Иудейские древности, XX, 9, 1.

[35] Кубланов М. М. Иисус Христос — бог, человек, миф? М. 1964. Признавая подлинность письма в целом, автор, однако, полагает, что некоторые его выражения, «вероятно, следует считать творчеством позднейшего христианского переписчика» (там же, с. 98).

[36] Виппер Р. Ю. Рим и раннее христианство. М. 1954, с. 179 сл.

[37] Цит. по: Ранович А. Б. Античные критики христианства, с. 37—38.

[38] Никольский Н. М. Ук. соч., с. 152.

ничего в его защиту». Здесь присутствует явная тенденция унизить Иисуса, показать, что он был всего лишь мелким преступником, а возможно, и опровергнуть христианскую религиозную символику. Несмотря на все недостатки, обусловленные полемическим характером, нельзя сбрасывать со счетов талмудическую традицию, поскольку она подтверждает реальность существования Иисуса.

Посмотрим теперь, что же говорят об Иисусе-человеке произведения раннехристианской литературы. Как уже отмечалось выше, главным источником сведений о жизни Иисуса и его учении являются четыре евангелия, вошедшие в Новый завет — Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна. Первые три, близкие по содержанию, общей последовательности изложения, наличию буквальных заимствований друг у друга или из какого-то общего источника, называются синоптическими, то есть дающими совместный обзор[39]. Четвертое евангелие стоит особняком.

Для решения вопроса о характере и достоверности сведений евангелий об Иисусе необходимо коснуться времени их написания (абсолютной хронологии) и месте среди других произведений Нового завета (относительно хронологии). Приверженцы мифологической теории в решении хронологических вопросов исходили из двух посылок 1. В источниках I в. нет упоминаний о личности и деятельности Иисуса; 2. У авторов евангелий и других произведений Нового завета не было и не могло быть каких-либо воспоминаний о человеке, казненном Понтием Пилатом около 30 года. Изначально Иисус был богом, а его человеческие черты формировались под давлением врагов христианства, требовавших доказательства, что мессия уже приходил[40]. В соответствии с этой схемой порядок произведений в Новом завете был перевернут и евангелия оказывались самыми последними в христианском каноне[41]. Таким образом, время написания евангелий определялось концом II и даже III веком.

Анализ евангелий, осуществленный А. Гарнаком, В. Вреде, Э. Мейером[42] и другими виднейшими представителями исторической школы, привел к совершенно иным выводам. Евангелия являются самыми ранними произведениями Нового завета. Они написаны людьми, жившими в I в., во времена первых гонений на христиан. При этом первым было Евангелие от Марка, относящееся ко времени пожара Рима при Нероне (середина 60-х годов I в.). Оно было источником для двух других синоптических евангелий, созданных уже после разрушения Иерусалима, но тоже в I веке. Решило спор о времени написания евангелий (для тех, кто имеет уши и хочет слышать) открытие так называемого папируса Райланда. Он содержит отрывок из XVIII главы Евангелия от Иоанна и диалог Иисуса с Пилатом. Датируется папирус первой четвертью II века. Следовательно, написание самих евангелий должно быть отнесено к концу I в. или к самому началу II века. Разумеется, эта находка не могла дать точного ответа на вопрос, какое из евангелий является самым древним, но в ряд с Марком и Матфеем становится и Иоанн.

Что же рассказывают евангелия о Иисусе? Два евангелиста, Матфей (1:2—17) и Лука (2:25—38), приводят родословную Иисуса, ведя его происхождение от Давида и от Адама. Какого-либо значения для решения вопроса об историчности Иисуса эти родословные не имеют, но дают аргументы в пользу датировки евангелий исторической

[39] Ленцман Я. А. Сравнивая Евангелия. М. 1967, с. 30.

[40] Крывелев И. А. История религий. Т. 1, с. 148—150.

[41] Ковалев С. И. Основные вопросы происхождения христианства. М.—Л. 1964, с. 57.

[42] Гарнак А. Сущность христианства. М. 1907; Вреде В. Происхождение книг Нового завета. М. 1908; Мейер Э. Иисус из Назарета. Пг. 1923.

школой с теми поправками, какие внес папирус Райланда. Источник этих родословных восходит к тому времени, когда еще христианство не оторвало своих корней от иудаизма. Ведь смысл родословных был в том, чтобы показать законность появления Иисуса, его связь с царским родом Давида.

Местом рождения Иисуса назван Вифлеем (Матфей, 2 : 1; Лука, 2 : 4), матерью — Мария, супруга Иосифа, родившая кроме Иисуса еще четырех сыновей (Иакова, Иосию, Иуду и Симона), а также нескольких дочерей (Лука, 6 : 3). При этом Мария зачала не от Иосифа, а от Духа святого, но Иосиф, извещенный ангелом, не отослал Марию, как он это должен был сделать согласно закону, а оставил ее у себя, но более не вступал с нею в связь (Матфей, 1 : 18—25).

Точная дата рождения Иисуса евангелистам не известна. Согласно Матфею, Иисус родился «во дни царя Ирода» (Матфей, 2 : 1). Лука, желая внести уточнение, указывает, что «в те дни вышло кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сирией» (Лука, 2 : 1—2). Квириний — историческое лицо. Его полное имя Публий Сульпиций Квириний [43]. Перепись в Иудее, входившей в провинцию Сирия, также исторический факт, многократно удостоверенный Иосифом Флавием [44]. Но проконсулом Сирии Квириний был в 6—7 гг. и тогда же осуществлял перепись в Иудее. Таким образом, точная дата самого образованного евангелиста, судя по имени, грека, оказалась ошибочной. Дата рождения «при царе Ироде», как мы видим, вообще не претендует на точность. Ведь Ирод Великий, царь зависимой от Рима Иудеи, правил в 37—4 гг. до н. э. Видимо, Матфей имел в виду не царя Ирода, а его наследника, тетрарха Ирода Антипу, правителя Галилеи и Переи. Разумеется, отсутствие в евангелиях точной даты рождения Иисуса не может служить доказательством того, что Иисус вообще не рождался и не жил. Исходя из этой логики мы должны были бы объявить никогда не существовавшими многих деятелей России XVIII—XIX вв., поскольку точная дата их рождения неизвестна.

О детстве Иисуса у евангелистов наиболее противоречивые сведения. У Марка детство вообще опущено. Лука сообщает об обрезании Иисуса в храме Иерусалима, о возвращении в Галилею, в Назарет, «где младенец возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости» (Лука, 2: 22—39). Матфей же говорит о бегстве Марии с Иисусом в Египет, так как ему угрожал Ирод, искавший младенца, чтобы его погубить, и его возвращении в землю Израилеву после воцарения в Иерусалиме Архелая (Матфей, 2 : 13—22).

Важнейший эпизод в жизни Иисуса, согласно сведениям всех четырех евангелий,— его встреча с Иоанном Предтечей. Лука начинает свое повествование, после обращения к «достопочтенному Феофилу», с рассказа о священнике Захарии и его жене Елисавете, родивших сына Иоанна, и о поддержке, оказанной Елисаветой Марии, которая уже носила в чреве младенца Иисуса (Лука, 1 : 5—39) [45]. Марк, опуская детские годы Иисуса, рассказывает сначала об Иоанне, проповедовавшем в пустыне и крестившем Иисуса (Марк, 1 : 4—9). Матфей сообщает, что Иоанн крестил Иисуса вскоре после его возвращения в Галилею из Египта (Матфей, 3 : 13). Евангелист Иоанн сообщает о своем тезке

---

[43] См. сведения о нем: Тацит, Анналы, II, 23; III, 48; Светоний. Ук. соч., Тиберий, 49.

[44] Иосиф Флавий. Иудейские древности, XVII, 3, 5; XVIII, 1, 1; 2, 1; Иудейская война, II, 17, 8; VII, 8, 1.

[45] Евангелие от Луки более всего содержит сведений об отношениях Иисуса и Иоанна. В тексте Луки в ряде манускриптов имеются слова бога: «Тебя я сегодня породил», вычеркнутые из официального текста.

Иоанне еще до того, как в повествовании появляется Иисус (Иоанн, 1 : 6—19).

Характеризуя отношения, возникшие между учителем и учеником, крестителем и крестником, евангелисты говорят о пиетете старшего к младшему, о понимании Иоанном того, что Иисус значительнее его. И это могло вызвать сомнение в реальности фигуры Иоанна, введенной для того, чтобы подчеркнуть божественное происхождение Иисуса. Между тем Иоанн Креститель — реальная историческая личность, известная Иосифу Флавию: «Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к богу и собираться для омовения» [46].

После этого рассказа Матфей, Марк и Лука сообщают об искушении Иисуса диаволом в пустыне (Матфей, 4 : 1—11; Марк, 1 : 12; Лука, 4 : 1—13). В этом эпизоде у евангелистов нет расхождений. С возвращения Иисуса из пустыни в Галилею начинается его проповедническая деятельность в Галилее и Иудее, сопровождавшаяся исцелениями больных и прочими чудесами (превращение воды в вино, хождение по водам и пр.). Меру в изложении этих чудес соблюдает лишь Иоанн, остальные евангелисты заполняют рассказами о чудесах Иисуса большую часть своих повествований.

Следующий патетический эпизод — последнее путешествие Иисуса в Иерусалим. Марк, Иоанн и Матфей сообщают о торжественной встрече жителями Иерусалима, иудеями и эллинами, знаменитого проповедника (Марк, 11 : 8—9; Иоанн, 12 : 12—22; Матфей, 21 : 8). Все они сообщают, что Иисус въехал в Иерусалим на вьючной ослице, которую сопровождал осленок. Затем Иисус изгнал из храма в Иерусалиме «всех продающих и покупающих в храме, опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей» (Матфей, 21 : 12, сравн. Марк, 11 : 15—16; Лука, 19 : 45—46). Эти поступки, а также исцеление в храме слепых и хромых, вызывают ненависть иудейских первосвященников и старейшин, которые пытаются сбить с толку Иисуса вопросами, а он отвечает притчами (Матфей, 21 : 18—22, 46; Марк, 12; Лука, 20; Иоанн, 14—16).

После этого первосвященники, книжники и старейшины, поняв, что они бессильны одолеть Иисуса в честном споре, решают взять его хитростью и убить тайком, чтобы не вызвать возмущения в народе (Матфей, 26 : 3—5; Марк, 14 : 1—2; Лука, 22 : 1—2). На помощь заговорщикам приходит один из учеников Иисуса, Иуда Искариот, в которого «вошел сатана» (Лука, 22 : 3, сравн. Матфей, 26 : 15; Марк, 14 : 10—11; Иоанн, 13 : 2). Далее следует рассказ о последнем в земной жизни Иисуса пасхальном празднике. Матфей, Марк и Лука описывают трапезу с учениками за праздничным столом; Иисус предсказывает, что один из присутствующих его предаст. Этот же рассказ содержится у Иоанна с той лишь разницей, что Иисус моет ноги своим ученикам и обтирает их полотенцем, которым был подпоясан (Иоанн, 13 : 1—24). После окончания трапезы Иисус с учениками — в Гефсиманском саду (или в селении Гефсимании). Ученики спят, кроме Петра, Иакова и Иоанна, они-то и становятся свидетелями человеческой слабости Иисуса. Упав на землю, он обращается с молитвой к богу: «Авва Отче! все возможно Тебе, пронеси чашу сию мимо Меня» (Марк, 14 : 32—36, сравн. Матфей, 26 : 36—42; Лука, 22,39).

Далее говорится о взятии Иисуса под стражу, при этом Петр оказал сопротивление и отсек мечом ухо у раба первосвященника; Иоанн называет этого раба Малхом (Матфей, 26 : 47—51; Марк, 14 : 43—47; Лука, 22 : 47—51; Иоанн, 18 : 3—10). Следующая сцена — дом перво-

---

[46] Иосиф Флавий. Иудейские древности, XVIII, 5, 2.

священника Каиафы, куда привели Иисуса и где спрашивали об его учениках и его учении, а затем били и издевались над ним (Матфей, 26 : 57—68; Марк, 14 : 53—65; Лука, 22 : 54—65; Иоанн, 18 : 13—23). Иисуса, приговоренного к смерти, ведут в преторий Понтия Пилата, ибо священнослужители не имели права казнить (Матфей, 27 : 1—2; Марк, 15 : 1; Лука, 23 : 1; Иоанн, 18 : 28—31). Далее лишь Матфей сообщает о раскаянии Иуды, о возвращении им первосвященнику и старейшинам 30 сребреников и самоубийстве (Матфей, 27 : 3—5).

О допросе Иисуса Пилатом рассказывают все евангелисты, но подробнее всего Лука (Лука, 23 : 5—10) и Иоанн (Иоанн, 18 : 33—39). Оба утверждают, что, узнав о галилейском происхождении Иисуса, римлянин отослал его к Ироду, но Ирод его вернул. У Луки Иисус не отвечает на вопросы Пилата, у Иоанна приводятся вопросы Пилата и ответы Иисуса. У Иоанна Пилат долго колеблется, пока принимает решение о казни Иисуса. Матфей, Марк и Лука сообщают, что крест нес к месту казни, Голгофе, киринеянин Симон, шедший с поля. У Иоанна сам Иисус несет свой крест. Инициатором снятия тела Иисуса с креста и ходатаем перед Пилатом выступает богатый человек из Аримафеи Иосиф, тайный последователь Иисуса (Матфей, 27 : 57—58; Марк, 15 : 42—43; Лука, 23 : 50—52; Иоанн, 19 : 38—39). В погребении Иисуса по иудейскому обряду вместе с Иосифом участвуют женщины, пришедшие за Иисусом из Иудеи. Согласно Иоанну, с ними был и Никодим, приходивший к Иисусу еще ночью и принесший около 100 сосудов благовоний. Через три дня после захоронения Иисуса его тела не находят. Воскресший, он предстает Марии Магдалине и ученикам, благословляет апостолов на всемирную проповедь и возносится на небо с горы Елеонской близ Вифании на 40-й день после Пасхи.

Отцы и апологеты воинствующего атеизма приучали нас к тому, что евангелия полны противоречий. Однако при внимательном их чтении можно убедиться, что общего в евангелиях неизмеримо больше, чем расхождений. Некоторые «противоречия» — результат буквального восприятия евангелий, которые на это не рассчитаны. Например, Иисус призывает возненавидеть родных: «Если кто придет ко мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лука, 14 : 26). Есть ли здесь противоречие с проповедью Иисуса любви к ближним и даже врагам? Или в слово «возненавидевший» вкладывается смысл самоотречения, чтобы не причинять ни себе, ни близким неизбежной боли утраты? Становясь воином любви в высшем смысле этого слова, сторонник Иисуса жертвовал родственными привязанностями.

Нельзя считать противоречием и то, что один из евангелистов опускает подробности, излагаемые другими. Разночтений в евангелиях много, но они создают единый образ Иисуса и окружают его одними персонажами. Абсолютизация противоречий с целью опровержения реальности Иисуса, человека и проповедника, проистекает из непонимания того, что это — произведения художественно-пропагандистского характера со свойственными этому жанру особенностями.

Важно и другое. Матфей, Марк, Лука не были первыми в изложении жизни и учения Иисуса. Лука в предисловии к своему труду пишет: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам это бывшие с самого начала очевидцы и служители Слова, то рассудилось и мне, по тщательном расследовании всего сначала, по порядку описать тебе, Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лука, 1 : 1—4). Действительно, античным авторам II—III вв. известны христианские сочинения, отсутствующие в Новом завете, в том числе евангелия Петра, Андрея, Варфоломея, Якова, Филиппа, два евангелия Фомы, евангелия евреев, Евангелие Эбионитов, Евангелие Назареев, Евангелие Истины [47].

Еще в конце прошлого века в Египте были найдены восемь папирусов, начинающиеся словами: «Говорит Иисус». Еще шесть изречений Иисуса были найдены в Египте в 1904 году. Однако самые значительные открытия были сделаны в Южном Египте в 1946 году. Во время земляных работ открыли более 40 текстов, принадлежавших группе христиан-коптов, среди них три полных текста евангелий — от Фомы, от Филиппа и Евангелие Истины.

Информация, содержащаяся в этих христианских сочинениях, не дает ничего принципиально нового по сравнению с четырьмя каноническими евангелиями и другими произведениями Нового завета. Но она конкретизирует некоторые моменты и раскрывает идейную борьбу среди первохристиан. Так, в Евангелии от Матфея Иисус в субботу, то есть в день, когда иудейская религия запрещала всякую деятельность, излечивает человека с сухой рукой: «Вошел он в синагогу их. И вот там был человек, имеющий сухую руку. И спросили Иисуса, чтобы обвинить его: можно ли исцелять в субботу? Он же сказал им: кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы! Итак, можно в субботы делать добро. Тогда говорит человеку тому: протяни руку твою. И он протянул, и стала она здорова, как другая» (Матфей, 12 : 9—13). В Евангелии Назареев сам сухорукий обращается к Иисусу: «Я был каменщиком и зарабатывал на жизнь своими руками, я прошу тебя, Иисус, возврати мне здоровье, чтобы я не просил с позором милостыни»— то есть тот же факт, но толкование иное: авторам канонических евангелий нищенство не казалось позорным.

Как уже говорилось выше, канонические евангелия сообщают очень мало о детстве Иисуса. Этот пробел решил заполнить «израильский философ Фома», рассказавший о чудесах, явленных Иисусом в возрасте от 5 до 12 лет: однажды в субботу маленький Иисус, играя с детьми на берегу реки, выкопал в песке ямки, заполнившиеся водою, и стал лепить из мокрой глины птичек. Тогда его правоверный сверстник возмутился: «Зачем ты делаешь в субботу то, что не полагается!» В ответ на это Иисус хлопнул в ладоши и крикнул: «Летите!» Глиняные птички полетели, как настоящие. Но это чудо не убедило другого малыша, который стал разбрызгивать прутиком воду из ямок. Тогда маленький Иисус реагировал немедленно криком: «Ты высохнешь, как дерево, и не принесешь ни листьев, ни корня, ни плодов!» И мальчик высох!

Нетрудно понять, почему это Евангелие попало в число запрещенных. Его автор воссоздал образ малолетнего Иисуса по Иисусу взрослому. Проявлять свое могущество по отношению к неразумным детям жестоко. У Фомы не было никаких сведений о детстве Иисуса, как их не было у Марка, Матфея, Луки и Иоанна. Но их молчание высвечивает очень существенный факт: значение проповеди Иоанна в жизни Иисуса.

Несмотря на наличие параллельных свидетельств Иосифа Флавия, характер учения Иоанна Предтечи оставался слишком абстрактным, пока после второй мировой войны в распоряжении науки не оказались материалы, рисующие деятельность и учение Иоанна и других предтеч Иисуса с такой обстоятельностью, о которой ранее нельзя было и мечтать. В пещерах близ Мертвого моря, в местности Кумран, были обнаружены религиозные книги иудейской секты, рассказывающие о вероучении и образе жизни тех, кто к ней принадлежал. За 40 лет, прошед-

[47] См. подробнее: Свенцицкая И. С. Тайные писания первых христиан. М. 1980, с. 8 сл.

ших после открытия этих документов, исследователи во многом прояснили идеологическую и социальную обстановку в Иудее II в. до н. э.— середины I в. н. э. и способствовали лучшему пониманию причин и обстоятельств возникновения христианства [48].

Среди свитков, содержащих тексты библейских книг, комментариев к ним и религиозных гимнов оказался устав общины, называвшей себя «Новым союзом». Как известно, священные книги рассматривались древними евреями как особого рода соглашение между богом и «избранным народом», каким себя считали древние иудеи и израильтяне. Этот союз был заключен в древнейшие времена, потом неоднократно нарушался людьми и затем снова возобновлялся, пока бог не дал через пророка Моисея свой «закон». Отсюда название — «Ветхий завет», обозначающее ряд священных книг, принятых верующими, как евреями, так и христианами. Кумранская община, назвав себя «Новым союзом», подчеркивала свою независимость от официального иудейства, признававшего лишь «закон» Моисея. Такое противопоставление характерно и для христианства, назвавшего свои священные книги Новым заветом, но признававшего, как и сектанты Мертвого моря, и Ветхий завет.

Этим далеко не исчерпывается сходство между кумранскими и раннехристианскими общинами. Главным, что их объединяло, было почитание основателя нового религиозного движения, который в кумранских рукописях выступает как посредник между богом и людьми, Учитель праведности (или справедливости), подвергшийся преследованию «Нечестивого жреца» и погибший мученической смертью, однако одержавший над своими недругами моральную победу, поскольку бог обещал именно ему суд над всеми народами.

Сходство представлений об Иисусе и об Учителе праведности настолько велико, что первые исследователи кумранских текстов пришли к убеждению, что речь идет об евангельском Иисусе [49]. Это вызвало ужас среди теологов, всегда исходивших из идеи исключительности и беспрецедентности христианства и вдруг осознавших, что эту идею могут опровергнуть документы, найденные на родине Иисуса и предшествующие возникновению евангелий [50].

А между тем работа над вновь найденными текстами продолжалась, и уже нельзя было остановить потока сравнений кумранских документов с евангелиями и другими произведениями Нового завета [51]. Было обращено внимание на сходство проповеди Иисуса против богатства и собственности с соответствующими требованиями кумранитов, совпадающими не только по существу, но и по словесному выражению. Иисус наставлял своих последователей: «Не можете служить богу и мамоне» (Матфей, 6 : 24). Кумраниты не только имели общее имущество, но в агитации против обогащения и имущественного неравенства употребляли то же арамейское слово «мамона» (имущество, богатство, деньги).

Иоанн непосредственно перед рассказом о том, как Иисус с учениками «пришел в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил», сообщает о беседе Иисуса с Никодимом, одним из иудейских начальников: «Суть же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлю-

[48] В изучение этих проблем значительный вклад внесли советские ученые: Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. М. 1960; его же. Кумранская община. М. 1983; Старкова К. Б. Устав для всего общества Израиля в конечные дни.— Палестинский сборник, 1959, № 4.

[49] Dupont-Sommer A. Le «Commentaire d'Habacuc» découvert près de la Mer Morte.— Revue de l'histoire de religions, 1950, t. 137, № 2.

[50] Амусин И. Д. Кумранская община, с. 202 сл.

[51] Кроме глав, посвященных этой проблеме в книгах И. Д. Амусина, есть и другие работы: Каждан А. П. Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря.— Вопросы истории религии и атеизма, 1956, № 4; Лившиц Г. М. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря. Минск. 1967; и др.

били тьму, нежели свет, потому, что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его» (Иоанн, 3 : 19—20). Объяснение этим словам дал найденный в пещерах Кумрана свиток, озаглавленный «Война сынов света против сынов тьмы», в котором дуалистское учение «свет — тьма» изложено исчерпывающе и в тех же выражениях.

Много сходных моментов отмечается и в организации кумранской и раннехристианских общин. В «Новый союз» мог вступить каждый желающий, но стать полноправным членом общины можно было после прохождения двухгодичного испытательного срока и принесения клятвы перед лицом общего собрания верующих, которое допускало испытуемого в свою среду и принимало его имущество. Кумраниты не участвовали в кровавых жертвоприношениях храма в Иерусалиме, считая эти жертвы осквернением этого храма. Формальным жертвам в кумранских документах противопоставляется вера в непорочную жизнь, молитва и справедливость. Существенным элементом жизни кумранитов было ритуальное омовение, сопровождаемое предварительным раскаянием и очищением души. Кроме свидетельств в текстах, мы знаем об этом обряде по археологическим данным. В местах проживания кумранитов обнаружены резервуары для омовения. Значительную роль в жизни кумранитов играли общие трапезы, обусловленные отсутствием частной собственности и коллективным трудом общинников. На трапезах жрецы благословляли хлеб и вино.

Даже то, что сообщается об Иисусе и его учениках в евангелиях, свидетельствует об общности культовых принципов раннего христианства и кумранства. Вспомним хотя бы поведение Иисуса в Иерусалимском храме, изгнание из него торговцев, в том числе торговцев голубями, приносимыми в жертву Иегове. Вспомним тайную вечерю с преломлением хлеба и освящением вина. И разве крещение Иоанном Крестителем иудеев, в том числе и Иисуса, не явление того же порядка, что ритуальные омовения кумранитов?

В первом послании коринфянам апостола Павла содержится следующее наставление участникам коллективных трапез: «Далее, вы собираетесь так, что это не значит вкушать вечерю господню; ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить» (11; 20—22). Здесь Павел укоряет участников христианских трапез за то, что они наедаются хлебом и вином, тогда как сама трапеза — это священный обряд вкушения тела и крови Христовой. Далее идет ссылка на тайную вечерю, во время которой Иисус, преломив хлеб, сказал ученикам, что они будут есть его тело (11 : 25). Но ведь описание тайной вечери дано в евангелиях, написанных уже после разрушения Иерусалима. Евангельская тайная вечеря — явный анахронизм, трапезы же Иисуса с учениками могли проходить именно так, как это изложено в кумранских документах, когда члены религиозной общины не имели своих домов и использовали встречи не только для молитв, но и для насыщения после тяжелого труда.

Этот пример показывает, что сравнение евангелий и других произведений Нового завета с кумранскими текстами для выявления сходств и различий между ранними христианами и кумранитами должно в большей мере учитывать изменения, происшедшие в христианстве за полвека после гибели Иисуса. Если бы нам были доступны произведения спутников Иисуса, апостолов, сходство между христианами и кумранитами было бы значительно большим. Тогда бы не вызывало ни у кого сомнений, что Иоанн Предтеча, которому евангелия приписывают столь значительную роль в жизни и судьбе Иисуса, принадлежал к секте, подобной той, чьи документы открыты в пещерах близ Кумрана.

В евангелиях он представлен как проповедник-одиночка, и мы можем только гадать, с чем это связано — с отсутствием у евангелистов точных знаний о кумранитах, которыми обладаем мы, или с определенной тенденцией возвысить Иисуса над Иоанном.

Новые документы необычайно углубили наши представления о раннем христианстве, со всей очевидностью показав ошибочность поисков почвы первоначального христианства за пределами Палестины, в Малой Азии, Риме или Египте. Более того, они точно указали район, в котором галилеянин Иисус из Назарета выработал свое вероучение — район Мертвого моря, где он встретился с Иоанном и вместе с учениками принял омовение в Иордане. Здесь он стал на путь разрыва с иудейским духовенством и объявил ему войну, которая предрешила его судьбу. Иисус пришел в Иерусалим, как во враждебный лагерь, и не мог ожидать взаимопонимания с саддукеями и фарисеями. Он апеллировал к народу, и не только к иудеям, но и к их врагам эллинам, что в глазах высшего духовенства, цеплявшегося за догму богоизбранности, было не только ересью, но и прямым предательством. К тому же проповеди Иисуса имели определенную социальную направленность. И хотя он в тех же словах, что и кумраниты, провозглашал блаженство «нищих духом», к нему тянулись все нищие и обездоленные, привлеченные обличением богатства и чудесами исцеления. Одним словом, Иисус был революционер и, может быть, более опасный, чем его земляк Иуда-галилеянин, хотя не брался за оружие и не вооружал рабов. Это был идеологический противник, и ненависть к нему высшего духовенства была неизмеримо большей, чем к разбойникам, приговоренным к распятию на кресте.

Если обрисованный евангелиями характер отношений Иисуса и высшего иудейского духовенства в целом не вызывал у современных критиков серьезных сомнений, то отношения Иисуса со светской властью в лице Понтия Пилата считались противоречащими действительности, вплоть до того, что вообще отрицалось существование Понтия Пилата. Один из первых представителей мифологической школы, А. Кальтгоф, полагал, что Понтий Пилат — это наместник Вифинии Плиний Младший. Однако Понтия Пилата упоминали нехристианские авторы — Филон Александрийский и Иосиф Флавий [52]. Поэтому большая часть критиков евангелий, признавая реальность Понтия Пилата как жестокого римского наместника, злейшего врага иудеев, описанные евангелистами колебания Понтия Пилата при решении судьбы Иисуса считали свидетельством их полной неосведомленности в иудейских делах или тенденциозной антииудейской выдумкой.

Всякие сомнения в реальности Понтия Пилата исчезли после находки в 1961 г. в Кесарии Иудейской обломка каменной плиты с латинской надписью, в которой Понтий Пилат назван префектом [53]. Можно вспомнить, что евангелисты, равно как и Тацит в рассказе о преследовании христиан Нероном [54], называют Понтия Пилата не префектом, а прокуратором. Но расхождение не может служить основанием для сомнений в тождестве Понтия Пилата-префекта с Понтием Пилатом-прокуратором, ибо это обозначение разных функций одного лица: префект — военачальник, а в ведении прокуратора находился сбор налогов в Иудее как части провинции Сирии.

Что касается несоответствия образа евангельского Понтия Пилата

[52] Иосиф Флавий. Иудейские древности, XVIII, 3, 1—2; Иудейская война, II, 9, 2—4. Phil. Alexandr. Leg. ad Gaium, 38.

[53] L'Année epigraphique, 1963, p. 104. Анализ этой надписи: Ельницкий Л. А. Кесарийская надпись Понтия Пилата и ее историческое значение.— Вестник древней истории. 1965, № 3. Автор на основании расхождения в титулатуре Понтия Пилата считает свидетельство Тацита интерполяцией.

[54] Тацит. Анналы, XV, 44.

Понтию Пилату Филона и Иосифа Флавия, то здесь необходимо учитывать как особую ситуацию, связанную с характером обвинений в адрес Иисуса, так и особенности римской провинциальной политики. Иудейские духовные власти, приведя Иисуса в преторий Понтия Пилата, не могли указать фактов его антиримской деятельности. Пытаясь эти факты добыть еще до ареста Иисуса, фарисеи обратились к нему с провокационным вопросом: позволительно ли тому, кто учит божьему пути и не заботящемуся об угождении кому-либо, платить подать императору. Догадавшись, к чему клонят его враги, Иисус попросил принести динарий и спросил, что там изображено и написано. Когда ему ответили, что изображен кесарь, а надпись содержит его имя, Иисус ответил: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матфей, 22 : 16—21). Таким образом, у иудейских священников, выступавших перед Пилатом с обвинениями против Иисуса, не было формальных доказательств его преступления, подпадавшего под римские законы. А Понтий Пилат должен был судить его по римским законам, распространявшимся и на римскую провинцию, какой являлась Иудея.

Действия Иисуса могли быть караемы, если они подпадали под обвинение в seditio (мятеже, восстании), когда особенно строго карались зачинщики. Именно поэтому Пилат, выйдя к обвинителям, не вступившим в преторий из боязни оскверниться, спросил у них: «В чем вы обвиняете человека сего?» (Иоанн, 18 : 29). Согласно Луке, обвинители ответили: «Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя себя Христом царем» (Лука, 23 : 2). Обвинение в том, что Иисус называет себя царем и тем самым посягает на прерогативы власти императора, было самым серьезным, поэтому прокуратор, согласно всем четырем евангелистам, спросил у обвиняемого: «Ты царь Иудейский?» Иисус ответил вопросом на вопрос: «От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе обо мне?» (Иоанн, 18 : 34).

Так начался судебный процесс над Иисусом. Исследователи глав евангелий, посвященных этому процессу, указывают на отсутствие точных данных о правовой стороне дела как с иудейской, так и с римской стороны [55]. В частности, вызывает сомнение мотив привода Иисуса к Понтию Пилату: житель Иудеи не мог быть предан смерти по решению синедриона [56]. Полагают, что синедрион мог осудить иудея, не советуясь со светской властью, лишь к побитию камнями. Однако имелось обстоятельство, которое заставляло синедрион прибегнуть к суду светской власти: Иисус был галилеянином и подлежал юрисдикции правителя Галилеи Ирода Антипы.

Выяснив это обстоятельство, Понтий Пилат выдал обвиняемого Ироду, но и тот не хотел принимать решения по столь запутанному делу: ведь Иисус не был участником мятежа, а лишь выступал с религиозными проповедями. Таким образом, Ирод вернул обвиняемого высшей инстанции, тем самым признав ее авторитет. По словам Луки, Пилат оценил этот шаг «и сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собой, ибо прежде были во вражде друг с другом» (Лука, 23 : 12). Судебная волокита продолжалась. Пилат снова созвал членов синедриона и объявил им, что не находит Иисуса виновным в преступлении, заслуживающим смертной казни, и считает необходимым лишь подвергнуть его бичеванию и отпустить.

«Мягкость» решения Понтия Пилата может быть объяснена психологически. Из других источников известно, что между Понтием Пила-

[55] Blinzler J. Der Prozess Jesus. Brl. 1960; Schwerin-White A. N. Roman Society and Roman Law in the New Testament. N. Y. 1963.

[56] Впрочем, Донини, ссылаясь на Талмуд, говорит, что синедрион утратил право выносить смертные приговоры за 40 лет до разрушения Иерусалима (Донини А. Ук. соч., с. 80—81).

том и синедрионом сложились крайне враждебные отношения. И чем настойчивей синедрион добивался казни Иисуса, тем с большим упрямством прокуратор противодействовал этому решению. Но возможно и другое предположение. Узнав о том, что Иисус выступал против синедриона, Пилат увидел в нем своего рода союзника, способствовавшего ослаблению ненавистного ему иудаизма. Во всяком случае, сам факт особой позиции римской власти в деле Иисуса вряд ли можно отрицать. Однако те объяснения, которые дают евангелисты, принадлежат им самим и как будто навеяны логикой борьбы христианских раскольников против иудейской церкви: вот видите, даже язычник и римлянин понял величие Иисуса и «умыл руки», уступив настояниям иудеев, единоверцев Иисуса. Эта линия, открытая евангелиями, привела к тому, что уже во II в. христианские писатели видели в Понтии Пилате христианина.

Местом распятия Иисуса была Голгофа, расположенная вне города (Матфей, 27 : 33; Иоанн, 19 : 17). Судя по значению этого еврейского слова (череп), Голгофа — открытый холм, скала, Лысая гора. После подавления иудейского восстания под предводительством Бар-Кохбы на Голгофе по приказу императора Адриана (117—138 гг.) был воздвигнут храм Венеры. Но о месте Голгофы христиане помнили, и после победы христианства при императоре Константине Великом (306—337 гг.) храм Венеры был снесен и на его месте построена христианская базилика. Здесь в 1960 г. производились раскопки [57]. Было установлено, что архитекторы Адриана срезали верхушку Голгофы, возможно, чтобы сделать местность неузнаваемой и воспрепятствовать паломничествам. Ныне Голгофа — холмик, поднимающийся на 4,5 м, тогда как в I в. она была высотою не менее 10 метров. Поэтому упомянутая евангелистами надпись на еврейском, греческом и латинском языках «Иисус Назарей, царь иудейский», чтобы быть прочитанной всеми, кто находился у подножия холма, должна была быть очень крупной.

Описание казни Иисуса в евангелиях изобилует подробностями, видимо, имеющими цель вызвать наибольшее сочувствие к страдальцу Иисусу и ненависть к его гонителям. Так, сообщение всех четырех канонических евангелий, что Иисус был пригвожден к кресту, противоречит применяемому в этом виде казни привязыванию к кресту рук и ног. В «Деяниях апостолов» говорится о том, что Иисуса «повесили на древе» (5 : 30). Под «древом» может подразумеваться и деревянный крест, но повешение — это не распятие с пригвождением рук и ног. Апокрифическое Евангелие от Петра сообщает, что к кресту были пригвождены лишь руки Иисуса. Наличие противоречий в рассказах о казни Иисуса, разумеется, не дает оснований для сомнений в историчности Иисуса и в реальности расправы над ним.

В высшей степени сложным и запутанным является вопрос о роли в трагической судьбе Иисуса одного из 12 его последователей — Иуды по прозвищу Искариот. Согласно Луке, он предал Иисуса синедриону за 30 сребреников и привел за собою толпу тех, кто хотел арестовать Иисуса (Лука, 22 : 3—6; 47—48). Однако, узнав об осуждении Иисуса синедрионом и его выдаче Понтию Пилату, раскаялся, возвратил вознаграждение и покончил с собой (Матфей, 27 : 4).

Весь этот рассказ в евангелиях имеет явный характер мифа [58]. И все-таки он имеет реальную основу, какого-то человека, достаточно близкого Иисусу, так что денежное вознаграждение за предательство представляется выдумкой того времени, когда возникла борьба между иудеями, принявшими христианство, и христианами, бывшими язычниками.

[57] Bardtke H. Bibel, Spaten und Geschichte. Leipzig. 1969, S. 271—273.
[58] Аверинцев С. С. Иуда Искариот. В кн.: Мифы народов мира. Т. 1, с. 580—581.

Из-за отсутствия каких-либо упоминаний об Иуде, кроме новозаветных, исследователям пришлось обратиться к анализу прозвища «Искариот». В ряде манускриптов евангелий вместо одного слова «Искариот» появляются два: is qerijjot, что означает «Из Кериота». Но поскольку такого города в Иудее никогда не существовало, предлагается замена «Кериот» на «Кериаф». Такой город в Иудее известен. Существует еще одно толкование слова «Искариот» в греческом тексте евангелий. В нем видят искаженное латинское sicarius (кинжальщик, убийца), слово, которым обозначали иудейских повстанцев [59]. Исходя из этой трактовки, некоторые писатели превратили Иуду из банального предателя в предводителя радикального крыла в раннем христианстве [60].

В евангелиях Иисус произносит речи, обращаясь к народу, ученикам и противникам. Было бы наивным думать, что это — подлинные его речи, тщательно записанные им самим или учениками и сохранившие отпечаток неординарной личности. Но вымышленные речи — не какая-либо особенность евангелий, а характернейший признак всей греческой исторической и биографической литературы. Речи вводились историками и биографами для оживления повествования и придания ему диалогической формы. Никто ни в древности, ни в новое время не считал древних полководцев или политиков вымышленными лицами на том основании, что их речи сочинены биографами и историками. Равным образом наличие выдуманных и доработанных речей не дает оснований для сомнения ни в существовании Иисуса, ни в самом факте произнесения им речей.

Некоторые арамейские слова, вкрапленные в евангельские речения Иисуса, свидетельствуют о том, что в распоряжении евангелистов имелись воспоминания непосредственных учеников Иисуса или записи его речей, сделанные по памяти. В то время на всем Ближнем Востоке этот литературный жанр был широко распространен, но пока записи речей на арамейском языке еще не найдены. Сам же Иисус ничего не писал, как ничего не писал и Сократ, речи которого по-разному переданы его учениками Платоном и Ксенофонтом, и эти расхождения никогда не были основанием для сомнений в историчности знаменитого философа.

Жизнь Иисуса, в реальности существования которого не может быть сомнений, стала в евангелиях предметом мифологизации — мифы же складываются не только вокруг личности религиозных, но и государственных деятелей даже в наше время. Иисус совершает невероятные чудеса, приписываемые также и античным героям. Рождество Иисуса обставлено деталями, задолго до того описанными в Ветхом завете. В оформлении образа Иисуса используются не только ветхозаветные, но и египетские фольклорные мотивы. Так, рассказ Евангелия от Матфея об уничтожении Иродом всех младенцев мужского пола в возрасте до двух лет (Матфей, 2 : 1—16) перекликается с древнеегипетской сказкой о фараоне Хуфу, который также намеревался погубить детей женщины, которые, по предсказанию, должны стать царями, сменив его династию [61]. Во время распятия Иисуса на целых три часа на всю землю спустилась тьма, а завеса в храме раздирается надвое, сверху донизу (Марк, 15 : 33, 38). Кажется, евангелисты сделали все возможное, что-

[59] За сикария, согласно «Деяниям апостолов» (XXI, 38), был принят и апостол Павел, которого обвинили в том, что он вывел в пустыню 4 тыс. сикариев. Здесь употреблено латинское слово, а не как обычно — его греческий синоним.
[60] В повести Леонида Андреева «Иуда Искариот и другие» Иуда — горячо любящий Иисуса ученик, предающий учителя, чтобы спровоцировать народ на решительные действия. Греческий писатель Н. Казандзакис вывел Иуду революционером, а Иисуса соглашателем (см. Казандзакис. Последнее искушение. Афины. 1955 (на греч. яз.). По этому роману создана известная голливудская кинокартина, демонстрация которой на Западе вызывает шумные протесты верующих.
[61] Коростовцев М. А. Литература Древнего Египта. В кн.: История всемирной литературы. Т. 1. М. 1983, с. 66.

бы такими деталями возвеличить Иисуса, показав, что за его судьбой следило само небо и что его смертью нанесен непоправимый урон иудейской религии. В их описании Иисус теряет человеческие черты, которые у противников христианства не вызывали никакого уважения. В такой ситуации наличие в евангелиях противоречий еще более подчеркивает реальность Иисуса — человека и проповедника.

В XIX в. сформировалась главная из вспомогательных исторических дисциплин — источниковедение,— выработавшая понятие источника, сформулировавшая принципы его анализа и критики. Каждый историк знает, что историческими источниками являются не только свидетельства очевидцев, но и произведения, написанные много десятилетий и столетий спустя, но основанные на предшествующей, дошедшей или не дошедшей до нас информации. Нельзя отрицать труд Тита Ливия как источник по истории Пунических войн, хотя он написан два века спустя после 1-й Пунической войны. Однако в трудах представителей мифологической школы произведения Нового завета вообще выведены из категории источников. Такой тонкий исследователь, как Р. Ю. Виппер, категорически отрицал послания апостола Павла в качестве источника и даже пришел к выводу, что евангелия написаны на основе биографий Плутарха и философских сочинений Сенеки [62]. Евангелия не считали источниками буквально все, кто их критиковал у нас в 20—50-х годах. Впрочем, в то время, когда еще не были открыты ни свитки Мертвого моря, ни апокрифические евангелия, могло создаться впечатление, что произведения Нового завета как бы находятся вне пространства и времени. Однако и после этих открытий позиция гиперкритиков существенно не изменилась. Так, Донини пишет об апокрифических евангелиях следующее: «Это, естественно, не исторические источники, как, впрочем, те четыре Евангелия, которые вошли в канон» [63].

В подобных оценках евангелий ярчайшим образом проявился догматический антиисторизм господствовавшего у нас официального научного атеизма. Естественно, критика христианства с нигилистических позиций не могла принести науке и обществу ничего, кроме вреда,— ее можно сравнить с взрывами храмов. Вместо строго научного анализа — фантазии, а то и прямые подтасовки, рассчитанные на то, что никто не заметит и не остановит. Знатоки евангелий из лагеря духовенства, разумеется, не принимались во внимание. Попытка ликвидировать христианство, не вписывающееся в господствующую идеологию, оказалась пирровой победой, как множество других завоеваний тех лет, историческое значение которых мы ныне пересматриваем.

«Что есть истина?» — спросил Понтий Пилат Иисуса во время допроса 14 нисана, за день до Пасхи. Этот вопрос и сегодня является дискуссионным, как и все, что касается истории раннего христианства. Разумеется, позитивных итогов в этих дискуссиях можно ожидать лишь в том случае, если в них примут участие объективные исследователи, видящие в евангелиях исторический источник и готовые отстаивать свою точку зрения средствами науки.

---

[62] Виппер Р. Ю. Возникновение христианской литературы. М.—Л. 1946, с. 170 сл.
[63] Донини А. Ук. соч., с. 55.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Генерал А. И. Деникин

Глава VI. *Революция и армия.— Приказ № 1*

События застали меня далеко от столицы, в Румынии, где я командовал 8-м армейским корпусом. Оторванные от родины, мы если и чувствовали известную напряженность политической атмосферы, то не были подготовлены вовсе ни к такой неожиданно скорой развязке, ни к тем формам, которые она приняла.

Фронт был поглощен своими частными интересами и заботами. Готовились к зимнему наступлению, которое вызывало совершенно отрицательное отношение к себе у всего командного состава нашей 4-й армии; употребляли все усилия, чтобы ослабить до некоторой хотя бы степени ту ужасную хозяйственную разруху, которую создали нам румынские пути сообщения. Где-то, в Новороссии, на нашей базе всего было достаточно, но до нас ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболевали тысячами; из нетопленных румынских вагонов, неприспособленных под больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах. Молва катилась, преувеличивая отдельные эпизоды, волновала, искала виновных...

Местами, в особенности на фронте 9-й армии, на высоких горах, в жестокую стужу, в холодных землянках по неделям жили на позиции люди — замерзавшие, полуголодные; с огромным трудом по козьим тропам доставляли им хлеб и консервы.

Потом с большим трудом жизнь как будто немного наладилась. Во всяком случае, едва ли когда-нибудь в течение отечественной войны войскам приходилось жить в таких тяжких условиях, как на Румынском фронте зимою 1916—17 года. Я подчеркиваю это обстоятельство, принимая во внимание, что войска Румынского фронта сохранили большую боеспособность и развалились впоследствии позже всех. Этот факт свидетельствует, что со времен Суворовского швейцарского похода и Севастополя не изменилась необыкновенная выносливость русской армии, что тяжесть боевой жизни не имела значения в вопросе о моральном ее состоянии и что растление шло в строгой последовательности от центра (Петрограда) к периферии.

Утром 3 марта мне подали телеграмму из штаба армии «для личного сведения» о том, что в Петрограде вспыхнуло восстание, что власть перешла к Государственной Думе и что ожидается опубликование важных государственных актов. Через несколько часов телеграф передал и манифесты императора Николая II и великого князя Михаила Александровича. Сначала было приказано распространить их, потом, к немалому моему смущению (телефоны разнесли уже весть), задержать,

---

Продолжение. См.: Вопросы истории, 1990, № 3.

потом, наконец, снова — распространить. Эти колебания, по-видимому, были вызваны переговорами Временного комитета Государственной Думы и штаба Северного фронта о задержке опубликования актов, ввиду неожиданного изменения государем основной их идеи: наследование престола не Алексеем Николаевичем, а Михаилом Александровичем. Задержать, однако, уже не удалось.

Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы...

Спустя некоторое время, когда улеглось первое впечатление, я два раза собирал старших начальников обеих дивизий с целью выяснить настроение войск и беседовал с частями. Эти доклады, личные впечатления, донесения соседних корпусов, которые я читал потом в штабе армии, дают мне возможность оценить объективно это настроение. Главным образом, конечно, офицерской среды, ибо солдатская масса — слишком темная, чтобы разобраться в событиях и слишком инертная, чтобы тотчас реагировать на них — тогда не вполне еще определилась.

Чтобы передать точно тогдашнее настроение, не преломленное сквозь призму времени, я приведу выдержки из своего письма к близким от 8 марта: «Перевернулась страница истории. Первое впечатление ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но, в общем, войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения: 1) Возврат к прежнему немыслим. 2) Страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию. 3) Конец немецкому засилию, и победное продолжение войны».

Отречение государя сочли неизбежным следствием всей нашей внутренней политики последних лет. Но никакого озлобления лично против него и против царской семьи не было. Все было прощено и забыто. Наоборот, все интересовались их судьбой и опасались за нее.

Назначение Верховным главнокомандующим Николая Николаевича и его начальником штаба генерала Алексеева было встречено и в офицерской и в солдатской среде вполне благоприятно. Интересовались, будет ли армия представлена в Учредительном Собрании. К составу Временного правительства отнеслись довольно безучастно, к назначению военным министром штатского человека отрицательно, и только участие его в работах по государственной обороне и близость к офицерским кругам сглаживали впечатление.

Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи... Мне известны только три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова[1] на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командирами 3-го конного и гвардейского конного корпусов, графом Келлером * и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для подавления «мятежа»...

Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной «демократической республики», что

* Убит в Киеве в 1918 году петлюровцами.

в ней не было «верных частей» и «верных начальников», которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно были. Но сдерживающим началом для всех их являлись два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все главнокомандующие — признали новую власть. Вновь назначенный Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, в первом приказе своем говорил: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу».

* * *

Время шло. От частей корпуса стало поступать ко мне множество крупных и мелких недоуменных вопросов: Кто же у нас представляет верховную власть: Временный комитет, создавший Временное правительство, или это последнее? Запросил, не получил ответа. Само Временное правительство, по-видимому, не отдавало себе ясного отчета о существе своей власти. Кого поминать на богослужении? Петь ли народный гимн и «спаси Господи люди Твоя»?.. Эти кажущиеся мелочи вносили, однако, некоторое смущение в умы и нарушали установившийся военный обиход. Начальники просили скорее установить присягу. Был и такой вопрос: имел ли право император Николай Александрович отказаться от прав престолонаследия за своего несовершеннолетнего сына?..

Скоро, однако, другие вопросы стали занимать войска: получен был первый приказ военного министра Гучкова с изменениями устава внутренней службы в пользу «демократизации армии» *. Этим приказом, на первый взгляд довольно безобидным, отменялось титулование офицеров, обращение к солдатам на «ты» и целый ряд мелких ограничений, установленных для солдат уставом — воспрещение курения на улицах и в других общественных местах, посещения клубов и собраний, игры в карты и т. д. Последствия были совершенно неожиданные для лиц, не знавших солдатской психологии. Строевые же начальники понимали, что, если необходимо устранить некоторые отжившие формы, то делать это надо исподволь, осторожно, а главное, отнюдь не придавая этому характера «завоеваний революции»...

Солдатская масса, не вдумавшись нисколько в смысл этих мелких изменений устава, приняла их просто как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чинопочитания.— Свобода, и кончено!

Впоследствии военному министру, в приказе 24 марта, пришлось разъяснять такие, например, положения: «воинским чинам предоставлено право свободного посещения, наравне со всеми гражданами, всех общественных мест, театров, собраний, концертов и проч., а также и право проезда по железным дорогам в вагонах всех классов. Однако право свободы посещения этих мест отнюдь не означает права бесплатного пользования ими, как то, по-видимому, понято некоторыми солдатами...»

Нарушение дисциплины и неуважительное отношение к начальникам усилились. В частях, и особенно в тыловых, начала сильно развиваться карточная игра с дурными последствиями для солдат, имевших

* От 5 марта.

на руках казенные деньги или причастных к хозяйству. Командовавший 4-й армией для прекращения этого явления принял весьма демократическую меру, запретив на время войны карточную игру всем — генералам, офицерам и солдатам. Временное правительство только 22 августа 1917 г., обеспокоенное последствиями этого, казалось, мелкого изменения устава в пользу демократизации, сочло себя вынужденным особым постановлением «воспретить военнослужащим на театре военных действий, а также в казармах, дворах, военных помещениях и вне театра войны — всякую игру в карты».

Но если все эти мелкие изменения устава, распространительно толкуемые солдатами, отражались только в большей или меньшей степени на воинской дисциплине, то разрешение военным лицам во время войны и революции «участвовать в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью»,.. представляло уже угрозу самому существованию армии.

Ставка, обеспокоенная этим обстоятельством, прибегнула тогда к небывалому еще в армии способу плебисцита: всем начальникам, до командира полка включительно, предложено было высказаться по поводу новых приказов в телеграммах, адресованных непосредственно военному министру. Я не знаю, справился ли телеграф со своей задачей, достигла ли назначения эта огромная масса телеграмм, но все те, которые стали мне известны, были полны осуждения, во всех сквозил страх за будущее армии.

А в то же время Военный совет, состоявший из старших генералов — якобы хранителей опыта и традиции армии — в Петрограде, в заседании своем 10 марта постановил доложить Временному правительству: «...Военный совет считает своим долгом засвидетельствовать полную свою солидарность с теми энергичными мерами, которые Временное правительство принимает в отношении реформ наших вооруженных сил, соответственно новому укладу жизни в государстве и армии, в убеждении, что эти реформы наилучшим образом будут способствовать скорейшей победе нашего оружия и освобождению Европы от гнета прусского милитаризма».

Я не могу после этого не войти в положение штатского военного министра. Нам трудно было понять, какими мотивами руководствовалось военное министерство, издавая свои приказы. Мы не знали тогда о безудержном оппортунизме лиц, окружавших военного министра, о том, что Временное правительство находится в плену у Совета рабочих и солдатских депутатов и вступило с ним на путь соглашательства, являясь всегда страдательной стороной *.

* * *

1-го марта Советом рабочих и солдатских депутатов был отдан приказ № 1, приведший к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников,— приказ, имеющий такую широкую и печальную известность и давший первый и главный толчок к развалу армии.

Приказ № 1. 1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

* На съезде советов (30 марта) Церетели[2] признал, что в контактной комиссии не было случая, чтобы в важных вопросах Временное правительство не шло на соглашение.

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра, 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Генерал Монкевиц уверяет, что приказ такого же содержания он читал в 1905 году в Красноярске, изданный Советом депутатов 3-го железнодорожного батальона *. Несомненно приказ этот — штамп социалистической мысли, не поднявшейся до понимания законов бытия армии или, вернее, наоборот — сознательно ниспровергавшей их. Редактирование приказа приписывают присяжному поверенному Н. Д. Соколову, который извлек якобы образец его из своего архива как бывший защитник по делу Совета 1905 года. Генерал Потапов[3] называет имена составителей приказа № 2, дополнявшего первый, в предположении, что та же комиссия редактировала и № 1 **.

Милюков упоминает о том, будто 4 марта решено было расклеить заявление Керенского и Чхеидзе, что приказ № 1 не исходит от Совета рабочих и солдатских депутатов. Такое заявление не попало ни в печать, ни на фронт и совершенно не соответствовало бы истине, ибо выпуск приказа Советом не подлежит никакому сомнению и подтверждается его руководителями.

Результаты приказа № 1 отлично были поняты вождями революционной демократии. Говорят, что Керенский впоследствии патетически заявлял, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан... Произведенное военными властями расследование «не обнаружило» авторов его. Чхеидзе и прочие столпы Совета рабочих и солдатских

* Монкевиц. La décomposition de l'armée russe.

** Соколов, Доброницкий, Борисов, Кудрявцев, Филипповский, Падергин, Заас, Чекалин, Кремков.

депутатов впоследствии отвергали участие свое личное и членов комитета в редактировании приказа. Пилаты! Они умывали руки, отвергая начертание своего же символа веры. Ибо в отчете о секретном заседании правительства, главнокомандующих и исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов 4 марта 1917 года записаны их слова *:

Церетели: «Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать»...

Скобелев: «Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были».

Еще более искренним был Иосиф Гольденберг, член Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор «Новой Жизни». Он говорил французскому писателю Claude Anet **: «Приказ № 1 — не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы «сделали революцию», мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство».

5 марта Совет рабочих и солдатских депутатов отдал приказ № 2 «в разъяснение и дополнение № 1». Приказ этот, оставляя в силе все основные положения, установленные № 1-м, добавлял: приказ № 1 установил комитеты, но не выборное начальство; тем не менее, все произведенные уже выборы офицеров должны остаться в силе; комитеты имеют право возражать против назначения начальников; все петроградские солдаты должны подчиняться политическому руководству исключительно Совета рабочих и солдатских депутатов, а в вопросах, относящихся до военной службы — военным властям. Этот приказ, весьма несущественно отличавшийся от № 1-го, был уже скреплен председателем военной комиссии Временного правительства...

Генерал Потапов, именовавшийся «председателем военной комиссии Государственной Думы», так говорит о создавшихся взаимоотношениях между Советом рабочих и солдатских депутатов и военным министром: «6 марта вечером на квартиру Гучкова пришла делегация Совдепа в составе Соколова, Нахамкеса и Филипповского (ст. лейтенант), Скобелева, Гвоздева, солдат Падергина и Кудрявцева (инженеры) по вопросу о реформах в армии... Происходившее заседание было очень бурным. Требования делегации Гучков признал для себя невозможными и несколько раз выходил, заявляя о сложении с себя звания министра. С его уходом я принимал председательствование, вырабатывались соглашения, снова приглашался Гучков, и заседание закончилось воззванием, которое было подписано от совдепа Скобелевым, от комитета Государственной Думы мною и от правительства — Гучковым. Воззвание аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министр дал обещание проведения в армии более реальных, чем он предполагал, реформ по введению новых правил взаимоотношений командного состава и солдат». Эти реформы должна была провести комиссия генерала Поливанова. Единственным компетентным военным человеком в этом своеобразном «военном совете» являлся генерал Потапов, который

* См. главу XXII.
** La révolution russe.

и должен нести свою долю нравственной ответственности за «более реальные реформы»...

В действительности же, воззвание, опубликованное в газетах 8 марта, вовсе не аннулировало приказов № 1 и № 2, а лишь разъяснило, что они относятся только к войскам Петроградского военного округа. «Что же касается армий фронта, то военный министр обещал незамедлительно выработать, в согласии с Исполнительным комитетом совета рабочих и солдатских депутатов, новые правила отношений солдат и командного состава». Как приказ № 2, так и это воззвание не получили никакого распространения в войсках и ни в малейшей степени не повлияли на ход событий, вызванных к жизни приказом № 1.

Быстрое и повсеместное, по всему фронту и тылу, распространение приказа № 1 обусловливалось тем обстоятельством, что идеи, проведенные в нем, зрели и культивировались много лет — одинаково в подпольях Петрограда и Владивостока, как заученные прописи проповедовались всеми местными армейскими демагогами, всеми наводнившими фронт делегатами, снабженными печатью неприкосновенности от Совета рабочих и солдатских депутатов.

Были и такие факты: в самом начале революции, когда еще никакие советские приказы не проникли на Румынский фронт, командующий 6-ой армией, генерал Цуриков по требованию местных демагогов ввел у себя комитеты и даже пространной телеграммой, заключавшей доказательства пользы нововведения, сообщил об этом и нам — командирам корпусов чужой армии.

С другой стороны, некоторые солдатские организации отнеслись отрицательно к приказу, считая его провокацией. Так, нижегородский совет солдатских депутатов 4 марта постановил не принимать к исполнению полученную «прокламацию» и призвать войска «повиноваться Временному правительству, его органам и командному составу».

* * *

Мало-помалу солдатская масса зашевелилась. Началось с тылов, всегда более развращенных, чем строевые части; среди военной полуинтеллигенции — писарей, фельдшеров, в технических командах. Ко второй половине марта, когда в наших частях только усилились несколько дисциплинарные проступки, командующий 4-ой армией в своей главной квартире ожидал с часу на час, что его арестуют распущенные нестроевые банды...

Прислали, наконец, текст присяги «на верность службы Российскому государству». Идея верховной власти была выражена словами: «...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему российское государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания».

Приведение войск к присяге повсюду прошло спокойно, но идиллических ожиданий начальников не оправдало: ни подъема, ни успокоения в смятенные умы не внесло. Могу отметить лишь два характерных эпизода. Командир одного из корпусов на Румынском фронте во время церемонии присяги умер от разрыва сердца. Граф Келлер заявил, что приводить к присяге свой корпус не станет, так как не понимает существа и юридического обоснования * верховной власти Временного правительства; не понимает, как можно присягать повиноваться Львову, Керенскому и прочим определенным лицам, которые могут ведь быть

* На вопрос толпы, кто выбрал Временное правительство, Милюков ответил: «Нас выбрала русская революция».

удалены или оставить свои посты... Князь Репнин 20 века после судебной волокиты ушел на покой и до самой смерти своей не одел машкеры...[4]

Было ли действительно принесение присяги машкерой? Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью — далеко не одних монархистов — это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжелая жертва, приносимая во спасение Родины и для сохранения армии...

В половине марта я был вызван на совещание к командующему 4-й армией, генералу Рагозе. Участвовали генералы Гаврилов, Сычевский и начальник штаба Юнаков *. Отсутствовал граф Келлер, не признавший новой власти.

Нам прочли длинную телеграмму генерала Алексеева, полную беспросветного пессимизма, о начинающейся дезорганизации правительственного аппарата и развале армии: демагогическая деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов, тяготевшего над волей и совестью Временного правительства; полное бессилие последнего; вмешательство обоих органов в управление армией. В качестве противодействующего средства против развала армии намечалась... посылка государственно мыслящих делегатов из состава Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов на фронт для убеждения...

На всех телеграмма произвела одинаковое впечатление: Ставка выпустила из своих рук управление армией. Между тем грозный окрик верховного командования, поддержанный сохранившей в первые две недели дисциплину и повиновение армией, быть может, мог поставить на место переоценивавший свое значение Совет, не допустить «демократизации» армии и оказать соответственное давление на весь ход политических событий, не нося характера ни контрреволюции, ни военной диктатуры. Лояльность командного состава и полное отсутствие с его стороны активного противодействия разрушительной политике Петрограда превзошли все ожидания революционной демократии. Корниловское выступление запоздало...

Мы составили сообща ответную телеграмму, предлагая решительные меры против чужого вмешательства в военное управление. В штабе я ознакомился с телеграммами Родзянко и Алексеева главнокомандующим и от них государю. Как известно, все главнокомандующие ** присоединились к просьбе Родзянко. Но Западный фронт долго задерживал ответ; Румынский также долго уклонялся от прямого ответа и все добивался по аппарату у соседних штабов, какой ответ дали другие. Наконец, от Румынского фронта послана была телеграмма, в первой части которой высказывалось глубокое возмущение «дерзким предложением председателя Государственной Думы», а во второй, принимая во внимание сложившуюся обстановку, как единственный выход указывалось принятие предложения...

18 марта я получил приказание немедленно отправиться в Петроград к военному министру. Быстро собравшись, я выехал в ту же ночь, и, пользуясь сложной комбинацией повозок, автомобилей и железных дорог, на 6-ой день прибыл в столицу. По пути, проезжая через штабы Лечицкого [5], Каледина [6], Брусилова, встречая много лиц военных и причастных к армии, я слышал все одни и те же горькие жалобы, все одну и ту же просьбу: «Скажите им, что они губят армию...»

Телеграмма не давала никакого намека на цель моего вызова. Полная, волнующая неизвестность, всевозможные догадки и предположения. Только в Киеве слова пробегавшего мимо газетчика поразили

* Впоследствии — начальник штаба Петлюры.

** Вел. кн. Николай Николаевич, Рузский [7], Эверт [8], Брусилов, Сахаров [9].

меня своей полной неожиданностью: «Последние новости... Назначение генерала Деникина начальником штаба Верховного главнокомандующего».

Глава VII. *Впечатления от Петрограда в конце марта 1917 года*

Перед своим отречением император подписал два указа — о назначении председателем Совета министров кн. Львова и Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. «В связи с общим отношением к династии Романовых», как говорили петроградские официозы, а в действительности из опасения Совета рабочих и солдатских депутатов попыток военного переворота, великому князю Николаю Николаевичу 9 марта было сообщено Временным правительством о нежелательности его оставления в должности Верховного главнокомандующего.

Министр-председатель, князь Львов писал: «Создавшееся положение делает неизбежным оставление Вами этого поста. Народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей. Временное правительство не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым могло бы привести к самым серьезным осложнениям. Временное правительство убеждено, что Вы, во имя блага родины, пойдете навстречу требованиям положения и сложите с себя еще до приезда Вашего в Ставку звание Верховного главнокомандующего». Письмо это застало великого князя уже в Ставке, и он, глубоко обиженный, немедленно сдал командование генералу Алексееву, ответив правительству: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась»...

Возник огромной важности вопрос о заместителе... Ставка волновалась, ходили всевозможные слухи, но ко дню моего проезда через Могилев ничего определенного не было еще известно. 23-го я явился к военному министру Гучкову, с которым раньше никогда не приходилось встречаться. От него я узнал, что правительство решило назначить Верховным главнокомандующим генерала М. В. Алексеева. Вначале вышло разногласие: Родзянко и другие были против него. Родзянко предлагал Брусилова... Теперь окончательно решили вопрос в пользу Алексеева. Но, считая его человеком мягкого характера, правительство сочло необходимым подпереть Верховного главнокомандующего боевым генералом в роли начальника штаба. Остановились на мне, с тем чтобы, пока я не войду в курс работы, временно оставался в должности начальника штаба генерал Клембовский, бывший тогда помощником Алексеева *.

Несколько подготовленный к такому предложению отделом «вести и слухи» киевской газетки, я все же был и взволнован, и несколько даже подавлен теми широчайшими перспективами работы, которые открылись так неожиданно, и той огромной нравственной ответственностью, которая была сопряжена с назначением. Долго и искренно я отказывался от него, приводя достаточно серьезные мотивы: вся служба моя прошла в строю и в строевых штабах; всю войну я командовал дивизией и корпусом и к этой боевой и строевой деятельности чувствовал призвание и большое влечение; с вопросами политики, государственной обороны и администрации — в таком огромном, государственном масштабе — не сталкивался никогда... Назначение имело еще одну не совсем приятную сторону: как оказывается, Гучков объяснил генералу Алексееву откровенно мотивы моего назначения и от имени Временно-

* Генерал Клембовский был назначен на эту должность генералом Гурко во время исправления им должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, когда Алексеев был болен.

го правительства поставил вопрос об этом назначении до некоторой степени ультимативно.

Создалось большое осложнение: навязанный начальник штаба, да еще с такой не слишком приятной мотивировкой... Но возражения мои не подействовали. Я выговорил себе, однако, право, прежде чем принять окончательное решение, переговорить откровенно с генералом Алексеевым.

Между прочим, военный министр во время моего посещения вручил мне длинные списки командующего генералитета до начальников дивизий включительно, предложив сделать отметки против фамилии каждого известного мне генерала об его годности или негодности к командованию. Таких листов с пометками, сделанными неизвестными мне лицами, пользовавшимися, очевидно, доверием министра, было у него несколько экземпляров. А позднее, после объезда Гучковым фронта, я видел эти списки, превратившиеся в широкие простыни с 10—12 графами.

В служебном кабинете министра встретил своего товарища генерала Крымова * и вместе с ним присутствовал при докладе помощников военного министра **. Вопросы текущие, не интересные. Ушли с Крымовым в соседнюю пустую комнату. Разговорились откровенно. «Ради Бога, Антон Иванович, не отказывайся от должности — это совершенно необходимо». Он поделился со мною впечатлениями, рассказывая своими отрывочными фразами, оригинальным, несколько грубоватым языком и всегда искренним тоном. Приехал он 14 марта, вызванный Гучковым, с которым раньше еще был в хороших отношениях и работал вместе. Предложили ему ряд высоких должностей, просил осмотреться, потом от всех отказался. «Вижу — нечего мне тут делать в Петрограде, не по душе все». Не понравилось ему очень окружение Гучкова. «Оставляю ему полковника генерального штаба Самарина для связи — пусть хоть один живой человек будет». Ирония судьбы: этот, пользовавшийся таким доверием Крымова офицер впоследствии сыграл роковую роль, послужив косвенно причиной его самоубийства...

К политическому положению Крымов отнесся крайне пессимистически: «Ничего ровно из этого не выйдет. Разве можно при таких условиях вести дело, когда правительству шагу не дают ступить совдеп и разнузданная солдатня. Я предлагал им в два дня расчистить Петроград одной дивизией — конечно, не без кровопролития... Ни за что: Гучков не согласен, Львов за голову хватается: «Помилуйте, это вызвало бы такие потрясения!». Будет хуже. На днях уезжаю к своему корпусу: не стоит терять связи с войсками, только на них и надежда — до сих пор корпус сохранился в полном порядке; может быть, удастся поддержать это настроение».

* * *

Четыре года я не видел Петрограда. Но теперь странное и тягостное чувство вызывала столица... начиная с разгромленной гостиницы «Астория», где я остановился и где в вестибюле дежурил караул грубых и распущенных гвардейских матросов; улицы — такие же суетливые, но грязные и переполненные новыми господами положения в защитных шинелях — далекими от боевой страды, углубляющими и спасающими революцию. От кого?.. Я много читал раньше о том восторженном настроении, которое якобы царило в Петрограде, и не нашел его. Нигде. Министры и правители, с бледными лицами, вялыми движениями, измученные бессонными ночами и бесконечными речами в заседаниях, советах, комитетах, делегациях, представителям, толпе... Искусственный подъем, бодрящая, взвинчивающая настроение, опостылевшая, вероятно, самому себе фраза и... тревога, глубокая тревога в сердце. И никакой практической работы: министры, по существу, не имели ни времени, ни возможности хоть несколько сосредоточиться и заняться текущими делами своих ведомств; и заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...

Рядовое офицерство, несколько растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынками революции и никак не могло взять надлежащий тон с солдатской массой. А на верхах, в особенности среди генерального штаба, появился уже новый тип оппортуниста, слегка демагога, игравший на слабых струнках Совета и нового правящего рабоче-солдатского класса, старавшийся угождением инстинктам толпы стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья открыть себе неограниченные возможности военно-общественной карьеры.

Следует, одако, признать, что в то время еще военная среда оказалась достаточно здоровой, ибо, невзирая на все разрушающие эксперименты, которые над ней производили, не дала пищи этим росткам. Все лица подобного типа, как, например, молодые помощники военного министра Керенского, а также генералы Брусилов, Черемисов, Бонч-Бруевич [10], Верховский [11], адмирал Максимов и др., не смогли укрепить своего влияния и положения среди офицерства.

Наконец, петроградский гражданин — в самом широком смысле этого слова — отнюдь не ликовал. Первый пыл остыл, и на смену явилась некоторая озабоченность и неуверенность. Не могу не отметить одного общего явления тогдашней петроградской жизни. Люди перестали быть сами собой. Многие как будто играли заученную роль на сцене жизни, обновленной дыханием революции. Начиная с заседания Временного правительства, где, как мне говорили, присутствие «заложника демократии» — Керенского придавало не совсем искренний характер обмену мнений... Побуждения тактические, партийные, карьерные, осторожность, чувство самосохранения, психоз и не знаю еще какие дурные и хорошие чувства, заставляли людей надеть шоры и ходить в них в роли апологетов или, по крайней мере, бесстрастных зрителей «завоеваний революции» — таких завоеваний, от которых явно пахло смертью и тлением. Отсюда — лживый пафос бесконечных митинговых речей. Отсюда — эти странные на вид противоречия: князь Львов, говоривший с трибуны: «Процесс великой революции еще не закончен, но каждый прожитый день укрепляет веру в неиссякаемые творческие силы русского народа, в его государственный разум, в величие его души»... И тот же Львов, в беседе с Алексеевым горько жалующийся на невозможные условия работы Временного правительства, создаваемые все более растущей в Совете и в стране демагогией.

Керенский — идеолог солдатских комитетов с трибуны, и Керенский — в своем вагоне нервно бросающий адъютанту: «Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!..» Чхеидзе и Скобелев — в заседании с правительством и главнокомандующими горячо отстаивающие полную демократизацию армии, и они же — в перерыве заседания в частном разговоре за стаканом чая признающие необходимость суровой военной дисциплины и свое бессилие провести ее идею через Совет...

Повторяю, что и тогда уже, в конце марта, в Петрограде чувствовалось, что слишком долго идет пасхальный перезвон, вместо того, чтобы сразу ударить в набат. Только два человека из всех, с которыми мне пришлось беседовать, не делали себе никаких иллюзий: Крымов [12] и Корнилов [13].

* Генерал Крымов — начальник Уссурийской дивизии, потом командир 3 конного корпуса, сыгравший такую видную роль в корниловском выступлении. До революции — один из инициаторов предполагавшегося дворцового переворота.

** Филатьев, Новицкий, Маниковский и сенатор Гарин.

* * *

С Корниловым я встретился первый раз на полях Галиции, возле Галича, в конце августа 1914 г., когда он принял 48 пех. дивизию, а я — 4 стрелковую (железную) бригаду. С тех пор, в течение 4 месяцев непрерывных, славных и тяжких боев, наши части шли рядом в составе XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты *, вторгаясь в Венгрию. В силу крайне растянутых фронтов, мы редко виделись, но это не препятствовало хорошо знать друг друга. Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова — военачальника: большое умение воспитывать войска; из второсортной части Казанского округа он в несколько недель сделал отличнейшую боевую дивизию; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжелой, казалось, обреченной, операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец,— высокое соблюдение военной этики, в отношении соседних частей и соратников — свойство, против которого часто грешили и начальники и войсковые части. После изумившего всех бегства из австрийского плена, в который Корнилов попал тяжело раненым, прикрывая отступление Брусилова из-за Карпат, к началу революции он командовал XXV корпусом. Все, знавшие хоть немного Корнилова, чувствовали, что он должен сыграть большую роль на фоне русской революции.

2 марта Родзянко телеграфировал непосредственно Корнилову: «Временный комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть, ввиду того, что под давлением войск и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана временным комитетом Государственной Думы — Временному правительству, образованному под председательством князя Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии назначение на должность главнокомандующего петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом ваше превосходительство как известного всей России героя. Временный комитет просит вас, во имя спасения родины, не отказать принять на себя должность главнокомандующего в Петрограде и прибыть незамедлительно в Петроград. Ни минуты не сомневаемся, что вы не откажетесь вступить в эту должность и тем оказать неоценимую услугу родине. № 159. Родзянко».

Все построение этой телеграммы и такой «революционный» путь назначения, минуя военное командование, очевидно, не понравились Ставке: на телеграмме, проходившей через Ставку, имеется пометка «не отправлена», но в тот же день генерал Алексеев отдал свой приказ (№ 334): «Допускаю ко временному главнокомандованию войсками петроградского военного округа... генерал-лейтенанта Корнилова».

Я подчеркнул этот маленький эпизод для уяснения, как путем целого ряда мелких личных трений возникли впоследствии не совсем нормальные отношения между двумя крупными историческими деятелями...

С Корниловым я беседовал в доме военного министра, за обедом — единственное время его отдыха в течение дня. Корнилов — усталый, угрюмый и довольно пессимистически настроенный, рассказывал много о состоянии Петроградского гарнизона и своих взаимоотношениях с Советом. То обаяние, которым он пользовался в армии, здесь — в нездоровой атмосфере столицы, среди деморализованных войск — поблекло. Они митинговали, дезертировали, торговали за прилавком и на улице, нанимались дворниками, телохранителями, участвовали в налетах и самочинных обысках, но не несли службы. Подойти к их психологии боевому генералу было трудно. И если часто ему удавалось личным презрением опасности, смелостью, метким, образным словом овладеть толпой во образе воинской части, то бывали случаи и другие, когда войска не выходили из казарм для встречи своего главнокомандующего, подымали свист, срывали георгиевский флажок с его автомобиля (финляндский гвардейский полк).

Общее политическое положение Корнилов определял так же, как и Крымов: отсутствие власти у правительства и неизбежность жестокой расчистки Петрограда. В одном они расходились: Корнилов упрямо надеялся еще, что ему удастся подчинить своему влиянию большую часть петроградского гарнизона — надежда, как известно, не сбывшаяся.

Глава VIII. *Ставка: ее роль и положение*

25 марта я приехал в Ставку и тотчас был принят Алексеевым. Алексеев, конечно, обиделся. «Ну что же, раз приказано...» Я снова, как и в министерстве, указал ряд мотивов против своего назначения, и в том числе отсутствие всякого влечения к штабной работе. Просил генерала Алексеева совершенно откровенно, не стесняясь никакими условностями, как своего старого профессора, высказать свой взгляд, ибо без его желания я ни в каком случае этой должности не приму.

Алексеев говорил вежливо, сухо, обиженно и уклончиво: масштаб широкий, дело трудное, нужна подготовка, «ну что же, будем вместе работать»... Я, за всю свою долгую службу не привыкший к подобной роли, не мог, конечно, помириться с такой постановкой вопроса. «При таких условиях я категорически отказываюсь от должности. И чтобы не создавать ни малейших трений между вами и правительством, заявляю, что это исключительно мое личное решение». Алексеев вдруг переменил тон. «Нет, я прошу вас не отказываться. Будем работать вместе, я помогу вам; наконец, ничто не мешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится — уйти на первую откроющуюся армию. Надо вот только поговорить с Клембовским: он, конечно, помощником не останется...». Простились уже не так холодно. Но прошел день, два — результатов никаких. Я жил в вагоне-гостинице, не ходил ни в Ставку, ни в собрание * и, не желая долее переносить такое нелепое и незаслуженное положение, собрался уже вернуться в Петроград. Но 28 марта приехал в Ставку военный министр и разрубил узел: Клембовскому было предложено назначение командующим армией или членом Военного совета; он выбрал последнее. Я 5-го апреля вступил в должность начальника штаба. Тем не менее, такой полупринудительный способ назначения Верховному главнокомандующему ближайшего помощника не прошел бесследно: между генералом Алексеевым и мною легла некоторая тень, и только к концу его командования она рассеялась.— Генерал Алексеев в моем назначении увидел опеку правительства... Вынужденный с первых же шагов вступить в оппозицию Петрограду, служа исключительно делу, оберегая Верховного — часто без его ведома — от многих трений и столкновений своим личным участием в них, я со временем установил с генералом Алексеевым отношения, полные внутренней теплоты и доверия, которые не порывались до самой его

* Корнилов — у Гуменного, я — у Мезоляборча.

* «Сел в бест», как острили в Ставке, которую очень волновал ход переговоров.

смерти. 2-го апреля генералом Алексеевым получена была телеграмма: «Временное правительство назначает Вас Верховным главнокомандующим. Оно верит, что армия и флот под Вашим твердым руководством исполнят свой долг перед родиной до конца». Числа 10-го состоялся приказ и о моем назначении. Итак, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Множество поздравительных телеграмм и писем — и искренних и... с расчетом. Действительно огромный масштаб и такой навал работы, которого ранее никогда в жизни я не испытывал и который вначале буквально придавил меня физически и духовно. Установился невозможный режим: два раза в день в собрание и обратно — завтракать и обедать, вот и вся прогулка; прочее время — текущая переписка, изучение истории возникавших вопросов, доклады, приемы — и так до глубокой ночи. Запас здоровья, приобретенный за три года полевой боевой жизни, оказался весьма кстати. Без него было бы худо. Постепенно, однако, создавалась некоторая преемственность в работе и почва под ногами в смысле определенности решений и осведомленности.

Оба ближайшие помощника начальника штаба ушли: генерал-квартирмейстер Лукомский, не ладивший с Алексеевым и, может быть, не хотевший подчиниться младшему, был назначен командиром первого армейского корпуса; дежурный генерал Кондзеровский обиделся на Гучкова, сказавшего ему, что дежурство * Ставки вызывает всеобщую ненависть в армии, и также ушел, получив назначение членом Военного совета, сохранив со мной прекрасные отношения. Здесь крылось глубокое недоразумение и личные счеты каких-то осведомителей, ибо в Кондзеровском я встретил редкую доброту и отзывчивость к интересам самых маленьких чинов армии. Их уход также осложнил несколько положение. Первого заменил приглашенный ранее Алексеевым генерал Юзефович, второго — Минут. Ушел еще со своего поста по политическим мотивам генерал-инспектор артиллерии, великий князь Сергей Михайлович. Его заменил генерал Ханжин, впоследствии командовавший армией в войсках адмирала Колчака[14]. Два доклада Сергея Михайловича нарисовали мне такую отчетливую картину состояния русской артиллерии, подчеркнули такое изумительное знание им личного состава, что я искренно пожалел об уходе такого сотрудника.

* * *

Ставка вообще не пользовалась расположением. В кругах революционной демократии ее считали гнездом контрреволюции, хотя она решительно ничем не оправдывала это название: при Алексееве — высоко лояльная борьба против развала армии, без всякого вмешательства в общую политику; при Брусилове — оппортунизм с уклоном даже в сторону искательства перед революционной демократией. Что касается корниловского движения, то оно, не будучи в своей основе контрреволюционным, как увидим ниже, действительно имело целью борьбу против полубольшевистских советов. Но и тогда лояльность чинов Ставки определилась достаточно наглядно: в корниловском выступлении активно участвовало из них лишь несколько человек; после ликвидации института верховных главнокомандующих и введения нового института — «главковерхов» почти вся Ставка (при Керенском) или довольно большая часть ее (при Крыленко) продолжали текущую работу.

Армия также не любила Ставку — и за дело, и по недоразумению, так как там плохо разбирались в определении служебных функций, и многие недочеты снабжения, быта, прохождения службы, наград и т. д. относили к Ставке, тогда как эти вопросы составляли всецело

* «Дежурство» — административно-организационный отдел Ставки.

компетенцию военного министерства и подчиненных ему органов. Ставка всегда стояла несколько вдали от армии. И если при сравнительно нормальных, налаженных взаимоотношениях дореволюционного периода это обстоятельство не отражалось слишком резко на действиях правящего механизма, то теперь, когда жизнь армии не шла, а кипела в водовороте событий, Ставка поневоле отставала от жизни.

Правительство также относилось к Ставке отрицательно. Министры, посетившие ее 18—19 марта, вынесли впечатление о «громоздкости Ставки, невозможности определения ответственности, смешении прав и обязанностей, особенно в отношении великих князей, занявших созданные для них посты инспекторов кавалерии, авиации, казачьих войск, гвардии и т. д. ...Назначения начальников делались по связям. Система учета живых и материальных сил неудовлетворительна: ошибка в оценке боевых сил допускалась до трех миллионов (!), оценка снабжения делалась с огромными допусками *» и т. д. Не оспаривая известные недочеты Ставки, о которых говорится ниже, считаю преувеличенным обвинение в «назначениях по связям», возводимых в общее правило. Несомненно эта слабость человеческая имела место в старой Ставке, но никогда не доходила до той вакханалии, какая проявилась в революционный период, когда были опрокинуты всякие стажи знания, опыта, заслуг — под пленительным лозунгом: «Дорогу талантам!». Но беда в том, что таланты зачастую определялись под большим давлением столь компетентных учреждений, как войсковые комитеты.

Помню, как самому мне приходилось выдержать большую борьбу с генеральным штабом по поводу требования моего, не считаясь со старшинством чинов, предоставлять все же высшие командные должности только офицерам, прошедшим практическую школу полкового командира. В частности, я навлек на себя большое неудовольствие будущего военного министра, полковника Верховского, не допустив его назначения с должности начальника штаба дивизии — начальником дивизии.

Наконец, в отношениях правительства к Ставке не могли не возникнуть некоторые трения, вследствие постоянного протеста против целого ряда правительственных мероприятий, разрушавших армию. Никаких других серьезных причин к разногласию не существовало, так как вопросы внутренней политики ни в малейшей степени ни генералом Алексеевым, ни мною, ни отделами Ставки не затрагивались. Ставка была, в полном смысле этого слова, аполитична, и Временное правительство в первые месяцы революции имело в ней совершенно надежный технический аппарат. Ставка оберегала лишь высшие интересы армии и, в пределах ведения войны и армии, добивалась полной мощи Верховному главнокомандующему. Я скажу более: личный состав Ставки казался мне бюрократическим, слишком погруженным в сферу чисто специальных интересов и — плохо ли, хорошо ли — мало интересующимся общими политическими и социальными вопросами, выдвигаемыми жизнью.

Штаты Ставки были поистине велики. Они росли и непрестанно развивались, обусловливаясь иногда «устройством» определенного лица или приданием ему определенного антуража. Особенно отличались «военные сообщения» и «пути сообщения», функции которых, зачастую одноименные, переплетались и перемешивались. В течение войны дважды изменялась система управления сообщениями и, сообразно с этим, функционировала еще ликвидационная комиссия с полными штатами и складами главных управлений. Это учреждение каждые три месяца (при мне, кажется, в пятый раз) возобновляло ходатайство о продлении своей деятельности.

* В передаче генерала Потапова.

Но едва ли не в самых худших условиях, и уже по причинам, от него не зависящим, находился Главный полевой интендант. Представляя только орган надзора, статистики и высшего распределения, он оперировал цифрами, заведомо ложными, доставляемыми с фронтов, особенно ввиду полного отсутствия общего учета людского и конского составов. Затруднения в снабжении, боязнь перемещения запасов с более обеспеченного фронта на менее обеспеченный и общее отсутствие превалирования государственных интересов над местными создали грандиозную ложь, сокрытие от учета и преуменьшение цифр всюду — начиная полковым обозом и кончая фронтом.

Характерной чертой Ставки, для меня очень тягостной, была легкость обращения с миллионами, безотказно извлекаемыми из военного фонда. Не хищение, отнюдь, а именно легкость. Сомнительной пользы предприятия, проведение новых железных и шоссейных дорог, стратегическая необходимость которых была весьма условна, и т. д. Управление путей, например, было настолько предусмотрительно, что представило мне раз на утверждение заказ в несколько десятков миллионов рублей на возобновление в будущем оборудования... Варшавско-Венской железной дороги, находившейся на польской территории, оккупированной немцами! И когда я мучительно изучал вопрос военной целесообразности представленного мне однажды проекта какой-то новой ветки, начальник управления, генерал Кисляков * — человек большого ума и таланта — положительно недоумевал: «Ведь всего на 8 миллионов. Неужели вам жалко их...» Со времени революции эта легкость обращения с народными деньгами нашла и другое применение: многие начальники и на фронте и в Ставке, уступая напору всяких комитетов и делегаций, отчасти желая снискать известную популярность, возбуждали неосновательные ходатайства о значительной прибавке содержания, преимущественно тыловым, нестроевым элементам. Иногда напор помимо меня велся на доброго и стеснявшегося отказать Михаила Васильевича. И мне больших усилий стоило поставить вопрос этот в общегосударственные рамки, указывая, что нельзя благодетельствовать некоторым разрядам служилых людей, а необходимо планомерно улучшать материальное положение всех чинов армии, и прежде всего находящегося в худших и более тяжелых условиях боевого элемента.

Как известно, к маю правительство довело солдатские оклады по разным званиям в армии до 7 руб. 50—17 руб., во флоте 15—50 рублей. Что касается офицерского состава, то все наши усилия остались тщетными: ему даже сбавили содержание путем упразднения добавочных выдач, существовавших под архаическими названиями: «на представительство» и «фуражные».

К моему вступлению в должность все «великокняжеские инспектуры» были упразднены, артиллерийская сокращена при мне. Но упрощения и сокращения всей системы мы не достигли. Ибо тотчас же снизу, в стремлении самоорганизации и верховного возглавления, начался жесточайший напор на правительство, военное министерство и командование. Постепенно возрождались инспектуры — санитарная, инженерная, авиационная, задержано расформирование казачьей. Общественные организации — красного креста, земства и городов также выбивались всеми силами из фронтового военного управления и требовали для себя верховного возглавления в Ставке. Приходилось вести борьбу против этих индивидуальных стремлений, грозивших затопить полевой штаб волною не боевых интересов. Помню, как какой-то фронтовой или всероссийский ветеринарный съезд на этой почве выразил мне «недоверие» за недостаток культурности и непонимание высокого научно-общественного значения ветеринарии...

* Растерзан большевиками на улицах Полтавы в 1919 году.

Но едва ли не наибольшее нетерпение и бурное стремление к абсолютной самостоятельности проявил военно-медицинский мир. Состоявшийся в начале апреля съезд врачей армии и флота требовал полной автономии, изъятия полевого санитарного инспектора из власти военного начальства и реорганизации ведомства снизу доверху на выборных коллективных началах *. Фактически, захватным правом эта автономность начала осуществляться на фронтах в чрезвычайно разнообразных, иногда уродливых формах, далеко выходя за пределы компетенции и специальности. Как одно из ее проявлений во многих армиях к числу прочих коллективов, расхищавших власть командира полка, прибавился еще один — санитарно-гигиенический, в составе командира полка, врача и выборного солдата — с большим кругом ведения и прав.

Все это грозило большим расстройством организации. Новый главный полевой санитарный инспектор, профессор Вельяминов, был совершенно терроризирован съездом, выразившим ему «недоверие ввиду несоответствия требованиям момента», и своими подчиненными, отказывавшими ему в послушании. Он то слал покаянные телеграммы на фронт, обещаясь «освободить русское врачебное сословие от вмешательства в его деятельность некомпетентных лиц, раскрепостить русского врача», то приходил ко мне просить защиты от своеволия низших инстанций, требовавших его самоупразднения и нарушавших общие директивы и планы военно-медицинской и санитарной работы. Характерно, что проект реорганизации ведомства, представленный Вельяминовым, наряду с мерами действительно необходимыми и своевременными, предоставлявшими врачам полную свободу по специальности, заключал в себе все самые вредные и чуждые армии положения, вложенные в основание «демократизации армии»: выборное начало, комитеты, коллегиальную безответственную власть, вмешательство и расхищение власти начальника. Болезнь, очевидно, имела весьма распространенный характер. Как бы то ни было, технический аппарат Ставки, как в отношении служебного элемента, так и конструкции своей, все-таки был достаточно приспособлен для управления и командования.

* * *

Наконец, стратегия... Когда говорят о русской стратегии в отечественную войну с августа 1915 года, надлежит помнить, что это стратегия — исключительно личная Мих[аила] Вас[ильевича] Алексеева. Он один несет историческую ответственность за ее направление, успехи и неудачи. Необыкновенно трудолюбивый, добросовестный, самоотверженный работник, он обладал в этом отношении одним крупным недостатком: всю жизнь делал работу за других. Так было в должности генерал-квартирмейстера генерального штаба, начальника штаба Киевского округа, потом Юго-западного фронта, и, наконец, начальника штаба Верховного главнокомандующего. Никто не имел влияния на стратегические решения **, и зачастую готовые директивы, написанные мелким бисерным почерком Алексеева, появлялись совершенно неожиданно на столе генерал-квартирмейстера, на которого законом возложена была и обязанность, и огромная ответственность в этой области. И если такой порядок мог иметь до некоторой степени оправдание при безличном или обезличенном условиями службы генерале Пустовойтенко, то являлся совершенно ненормальным в отношении позднейших генерал-

* Вместе с тем съездом был послан привет «русской демократии в лице Советов как оплоту решительной и полной демократизации страны против попыток контрреволюции».

** Некоторые придают преувеличенное значение сотрудничеству в этом отношении состоявшего при генерале Алексееве генерала Борисова. Борисов впоследствии поступил на службу к большевикам.

квартирмейстеров — Лукомского и Юзефовича. Примириться с этим они не могли.

Генерал Лукомский выражал обыкновенно свой протест путем подачи записок с изложением своего мнения, не согласного с планом операции. Конечно, этот протест имел чисто академическое значение, но гарантировал, во всяком случае, от суда истории. Генерал Клембовский, исполнявший должность начальника штаба Верховного главнокомандующего до меня, вынужден был поставить условием своего пребывания в должности — невмешательство в законный круг его ведения...

Ранее Михаил Васильевич держал в своих руках все отрасли управления. Со значительным расширением их объема это оказалось физически невыполнимым, и мне уже предоставлена была вся полнота обязанностей во всем, кроме... стратегии. Опять пошли собственноручные телеграммы стратегического характера, распоряжения, директивы, обоснование которых иногда не было понятно мне и генерал-квартирмейстеру (Юзефович). Много раз втроем (я, Юзефович, Марков *) мы обсуждали этот вопрос; экспансивный Юзефович волновался и нервно просил назначения на дивизию: «Не могу я быть писарем. Зачем Ставке квартирмейстер, когда любой писарь может перепечатывать директивы»... И я, и он стали поговаривать об уходе. Марков заявил, что без нас не останется ни одного дня. Наконец, я решил поговорить откровенно с Михаилом Васильевичем. Оба взволновались, расстались друзьями, но вопроса не разрешили. «Разве я не предоставляю вам самого широкого участия в работе; что вы, Антон Иванович»,— совершенно искренно удивился Алексеев, в течение всей войны привыкший к определенному служебному режиму, казавшемуся ему совершенно нормальным. Опять «конференция» втроем. После долгих дебатов решили, что общий план кампании 17-го года разработан давно и подготовка ее находится уже в такой стадии, что существенные перемены невозможны, что детали сосредоточивания и развертывания войск при современном состоянии их — вопрос спорный и трудно учитываемый; что некоторые изменения плана нам удастся провести; наконец, что наш уход in corpore (в полном составе.— *Ред.*) мог бы повредить делу и пошатнуть и без того непрочное положение Верховного. И поэтому решили потерпеть. Терпеть пришлось недолго, так как в конце мая ген[ерал] Алексеев, а за ним вскоре и мы трое оставили Ставку.

* * *

Что же представляла из себя Ставка в ряду военно-политических факторов революционного периода. Значение Ставки пало. Ставка императорских времен занимала положение главенствующее, по крайней мере, в отношении военном. Ни одно лицо и учреждение в государстве не имело права давать указаний или требовать отчета от Верховного главнокомандующего, каким фактически являлся не царь, а Алексеев. Ни одно мероприятие военного министерства, хоть несколько затрагивающее интересы армии, не могло быть проведено без санкции Ставки. Ставка давала императивные указания военному министру и подчиненным ему органам по вопросам, касавшимся удовлетворения потребностей армии. Голос ее, вне общего направления внутренней политики, имел известный вес и значение и в практической области управления на театре военных действий. Такая власть если и не осуществлялась в надлежащей мере, то давала принципиальную возможность вести дело защиты страны при широком полуподчиненном сотрудничестве других органов ее управления. С началом революции обстановка резко изменилась. Ставка, вопреки историческим примерам и велению военной

* 2-й генерал-квартирмейстер.

науки, стала органом фактически подчиненным военному министру. Эти взаимоотношения не основывались на каком-либо правительственном акте *, а вытекали из смешения в коллективном лице Временного правительства — верховной и исполнительной власти и из сочетания характеров более сильного Гучкова и уступчивого Алексеева. Ставка не могла уже предъявлять законных требований довольствующим органам министерства; она вела длительную переписку и просила. Военный министр, подписывавший прежние высочайшие приказы, оказывал сильное давление на назначение и смещение высшего командного состава; иногда назначения проходили его приказом, по соглашению с фронтами, минуя Ставку. Важнейшие военные законы, в корне изменявшие условия комплектования, жизни и службы войск, издавались министерством без всякого участия верховного командования, которое узнавало о выходе их только из газет. Впрочем, это участие было бы действительно бесполезным. Два произведения поливановской комиссии — о новом суде и о комитетах — данные мне случайно на просмотр Гучковым, были мною возвращены с целым рядом существенных возражений, и Гучков тщательно отстаивал их перед советскими представителями. Приняты были только... редакционные поправки.

Гражданское управление прифронтового района частью захватным правом местных комитетов, частью санкцией правительства вышло из рук военного управления. Все права в этом отношении военных начальников, основанные на положении о полевом управлении войск, остались не отмененными, не практикуемыми и никому не переданными.

Все эти обстоятельства, несомненно, подорвали авторитет Ставки в глазах армий, а среди высшего командующего генералитета вызвали стремление к непосредственным сношениям, минуя Ставку, с более властными центральными правительственными органами, с одной стороны, и проявление чрезмерной частной инициативы в принципиальных военно-государственных вопросах — с другой. Так, в мае Северный фронт вместо определенного процента старослужащих уволил всех, создав огромные затруднения соседям; Юго-западный начал формирование украинских частей; командующий Балтийским флотом снял погоны с офицеров и т. д.

Ставка потеряла силу и власть и не могла уже играть довлеющей роли — объединяющего командного и морального центра. И это произошло в самый грозный период мировой войны, на фоне разлагающейся армии, когда требовалось не только страшное напряжение всех народных сил, но и проявление исключительной по силе и объему власти. Между тем вопрос был ясен: если Алексеев и Деникин не пользовались доверием и не удовлетворяли условиям, требуемым от верховного командования и управления, их следовало сменить, назначить новых людей и дать им и доверие, и полноту власти. Фактически дважды эта смена была произведена. Но смена только людей, а не принципов командования. Ибо при создавшихся взаимоотношениях и безвластии центра военной власти в своих руках не имел никто: ни вожди, пользовавшиеся репутацией исключительно бескорыстного и лояльного служения родине, как Алексеев, ни впоследствии «железные полководцы», каким был Корнилов и считался Брусилов, ни все те хамелеоны, которые шли в поводу у социалистических реформаторов армии. На фронте высший командный состав был более или менее однороден и приблизительно с одинаковой, если не политической, то военной идеологией. Быть может, это обстоятельство препятствовало сохранению власти и авторитета? Но ведь кроме армий фронта у нас были едва ли не более много-

* По смыслу «положения о полевом управлении войск» Верховный Главнокомандующий подчинялся Временному правительству как верховной власти, но отнюдь не военному министру.

численные армии тыловые, находившиеся в подчинении командующих военными округами. На эти должности правительство зачастую назначало и людей совершенно другой среды — весьма мало или никакого отношения не имевших к строю, но зато с революционным формуляром. Во главе этих тыловых армий стояли такие разнородного характера люди: Петроградского округа ген[ерал] Корнилов — полководец; Московского — подполковник Грузинов — председатель московской губернской управы, октябрист; Киевского — полковник Оберучев — социал-революционер, бывший политический ссыльный; Казанского — подполковник Коровиченко, присяжный поверенный, социалист. Как известно, войска всех этих округов не особенно отличались друг от друга быстротой темпа, которым шли к развалу, и глубиной этого развала.

Вся военная иерархия была потрясена до основания, наружно сохраняя атрибуты власти и привычный порядок сношений: директивы, которые не могли сдвинуть армии с места, приказы, которые не исполнялись, судебные приговоры, над которыми смеялись. Пресс принуждения всей своей тяжестью лег по линии наименьшего сопротивления — исключительно на лояльный командный состав, который безропотно подчинялся гонению и сверху и снизу. А правительство и военное министерство, отбросив репрессии, прибегло к новому способу воздействия на массы: воззваниям. Воззвания к народу, к армии, казакам, ко всем, всем, всем — наводняли страну, приглашая к исполнению долга; к несчастью, успех имели только те воззвания, которые, потворствуя низким инстинктам толпы, приглашали ее к нарушению долга.

В результате не контрреволюция, не авантюризм, не бонапартизм, а стихийное стремление государственных элементов восстановить нарушенные законы ведения войны выдвинули впоследствии новое течение: «Взять военную власть!». Эта задача была не по характеру ни Алексееву, ни Брусилову. Попытку ее разрешения принял на себя впоследствии Корнилов, начав проводить самостоятельно ряд важных военных мероприятий и обращаясь к правительству с ультимативными требованиями по военным вопросам *.

Крайне интересно сопоставить это положение с тем, в котором находилось командование армиями нашего могущественного тогда врага. Людендорф [15] — 1-й генерал-квартирмейстер германской армии, говорит **: «В мирное время имперское правительство обладало полною властью над своими ведомствами... С началом войны министрам трудно было привыкнуть видеть в главной квартире власть, которую грандиозность дела заставляла действовать с тем большей силой, чем ее меньше было в Берлине. Я бы хотел, чтобы правительство отдало себе отчет в этом, настолько простом положении... Правительство шло своим собственным путем и для удовлетворения пожеланий главной квартиры не поступилось никогда ни одним своим намерением. Наоборот, оно пренебрегало многим, что мы считали необходимым в интересах ведения войны»... Если к этому прибавить, что в марте 1918 года с трибуны рейхстага Гаазе [16] с большим основанием говорил: «Канцлер — это не более как вывеска, прикрывающая военную партию. Фактически правит страной Людендорф»,— то станет понятным, какою огромною властью считало необходимым обладать немецкое командование для выигрыша мировой войны.

Я нарисовал общую картину Ставки ко времени вступления моего в должность начальника штаба. Учтя всю создавшуюся обстановку, я поставил себе главными целями: для сохранения в русской армии способности хотя бы к удержанию Восточного фронта мировой борьбы,

* Первоначально вопрос ставился только о «полной мощи» верховного командования в пределах его компетенции.

** «Souvenirs de guerre».

препятствовать всемерно разрушающим ее течениям и поддержать права, власть и авторитет Верховного главнокомандующего. Предстояла лояльная борьба. В этой борьбе, продолжавшейся всего два месяца, вместе со мною приняли участие почти все отделы Ставки.

Глава IX. *Мелочи жизни в Ставке*

Я приведу несколько мелких, но характерных штрихов из жизни и быта Ставки, чтобы более к ним не возвращаться.

Губернский город Могилев — небольшой, тихий, наполовину еврейский — стал сосредоточием военной жизни страны. И в Ставке, и в обществе с первых же дней полушутя, полусерьезно говорили о провиденциальном наименовании города: Могилев — могила... Императорский двор, поместившийся в небольшом губернаторском доме, был обставлен чрезвычайно скромно, и присутствие его выдавали разве только усиленная охрана и паспортные затруднения. Со времени вступления на пост Верховного генерала Алексеева эта патриархальная простота достигла еще больших размеров: всякий церемониал отменен, наружная тайная охрана была снята; у входа в губернаторский дом стояли парные часовые, в вестибюле — дежурный жандарм и далее... зачастую до самой спальни Верховного Главнокомандующего можно было пройти, не встретив ни одной живой души.

Вообще, в связи с общим тревожным положением, солдатскими бунтами в Орше, Брянске и на ближайших железнодорожных станциях, беспорядками в проходивших через Могилев эшелонах и аграрными волнениями в уездах положение Ставки было по меньшей мере оригинальным. В Могилеве не было решительно никакой вооруженной силы для защиты Ставки. Единственная строевая часть — Георгиевский батальон, в силу своего особенного прошлого *, старался подчеркнуть свою «революционность» будированием, иногда неповиновением. Генерал Алексеев имел возможность вызвать в Ставку какую-либо сохранившуюся часть, но не хотел этого делать, ввиду подозрительности Петрограда. Все прочие команды, главным образом технические, были недисциплинированы, распущенны и представляли прямые очаги брожения.

В Могилеве еще до моего приезда образовались два комитета: солдатский комитет Могилевского гарнизона из представителей мелких частей, не причисленных к Ставке, и всякого рода дезертиров, и солдатско-офицерский комитет Ставки. Первый, к которому потом примкнули самозванные рабочие и крестьянские представители, при главном участии еврея-дезертира, именовавшего себя прапорщиком Гольманом, терроризовал губернские, уездные власти и городское самоуправление, которое покорно подчинялось его нелепым демагогическим требованиям, предоставляя даже в его распоряжение городские суммы. Губернский комиссар и прокурор не решались противодействовать комитету. Ставка выслала Гольмана, но скоро он вернулся с мандатом Петроградского Совета и при молчаливом одобрении министерства внутренних дел продолжал свою деятельность — сравнительно скромно при нас, с большой наглостью при оказывавшем ему всякие знаки внимания Брусилове, пока, наконец, перед корниловским выступлением не был посажен в тюрьму.

Солдатский комитет Ставки возник вскоре после переворота, и с согласия Алексеева к нему примкнули офицеры, чтобы своим участием дать надлежащий тон и сдерживать в определенных рамках солдатские настроения. Вначале это как будто удавалось. И стоявшие во главе комитета полковники Значко-Яворский и Сергиевский, с кото-

* Участие в карательном отряде ген[ерала] Иванова.

рыми я беседовал еще по пути в Ставку, были полны иллюзий о возможности «плодотворной работы комитета». Скоро надежды рухнули, оба полковника вышли из состава президиума, а комитет стал трибуной для агитации против начальства, вмешиваясь в вопросы местных ставочных назначений, службы, быта, вынося и опубликовывая свои постановления — подчас вызывающие, оскорбительные, деморализующие. Даже прислуга офицерского собрания Ставки, поддержанная комитетом, сместила эконома и ввела некоторые ограничения во времени, распорядке и меню без того неважного офицерского стола. Правда, разгон части будирующей прислуги, вызвавший протесты и осложнения, несколько исправил дело.

Это солдатское засилье не встречало сколько-нибудь сильного противодействия. Комитет вынес, например, постановление, чтобы шоферы не смели возить начальствующих лиц на прогулку, а возили только по службе. Алексеев говорил мне как-то: «Хорошо бы поехать за город, отдохнуть, погулять в лесу — там есть чудная аллея. Да противно с этими господами...». Он мог, конечно, ехать куда угодно, но ему действительно было противно, и Верховный Главнокомандующий лишал себя столь заслуженного и столь необходимого отдыха, под влиянием комитетского постановления.

Комитет постановил удалить с должности коменданта главной квартиры генерала С. Я категорически отказал, и комитет решил применить в отношении его вооруженную силу. Ген[ерал] Алексеев, узнав об этом, пришел в негодование, в каком мне редко приходилось его видеть. «Пусть попробуют. Я сам пойду туда. Возьму взвод полевых жандармов и перестреляю этих...». Произвести испытание верности полевой жандармерии не пришлось. С. сам умолял не оставлять его в должности и отпустить: «Бог знает, чем это все кончится»...

К сожалению, в комитетской практике были, хотя и редко, случаи, когда офицеры Ставки не оказывались на высоте своего положения, и постановления комитета, не допустимые юридически, были по существу правильны. Это обстоятельство осложняло мою позицию: кара виновных истолковывалась не как признание факта преступления, а как признание авторитета комитета.

Непротивление было всеобщее. Тяжело было видеть офицерские делегации Ставки во главе с несколькими генералами, плетущиеся в колонне манифестантов, праздновавших 1-ое мая,— в колонне, среди которой реяли и большевистские знамена, и из которой временами раздавались звуки Интернационала... Зачем? Во спасение Родины или живота своего?

Не лучше обстояло дело сношений с центром. На целый ряд обращений — министерства, особенно внутренних дел и юстиции, не давали вовсе ответа. Военное министерство оказало такое, например, удивительное невнимание: я трижды просил об установлении содержания Верховному главнокомандующему, так как в законе оно определялось лишь формулой «по особому Высочайшему повелению». Так и не ответили; и генералу Алексееву мы выдавали содержание по прежней должности — начальника штаба, до самого его ухода... И только через два месяца после ухода, уже в конце июля, правительство соблаговолило назначить ему содержание в размере... 17 тысяч рублей в год. Быть может, все это многим покажется неинтересным, все это мелочи... Но мне необходимо было коснуться этих мелочей, чтобы выяснить, какая тягостная, пошлая, принижающая атмосфера царила в повседневной жизни Ставки — этого центра мозга, воли и работы великой армии.

В более или менее одинаковом со Ставкой положении были штабы фронтов и армий. Я ни на одну минуту не верил в чудодейственную силу солдатских коллективов и потому принял систему полного их игнорирования. Думаю, что это было правильно, ибо оба могилевские комитета начали понемногу хиреть и терять интерес в среде, вызвавшей их к жизни.

Так шли дни за днями. К часу мы с Михаилом Васильевичем ходили в собрание завтракать, к 7-ми обедать. В собрании вечная толчея. Благодаря гучковским проскрипционным спискам, деятельности комитетов и «голосу народа», в Ставку хлынула масса генералов — уволенных, смещенных, получивших «недоверие». Много таких, которые при старом режиме были отставлены или оставались в тени и теперь надеялись пробить себе дорогу. У всех наболело в душе, все требовали исключительного внимания к своим переживаниям, быть может, заслуженного, но безбожно отнимавшего время у Верховного и у меня и парализовавшего нашу работу.

Петроградский совет получал, очевидно, сведения об этом «контрреволюционном съезде» и волновался. Мне было и смешно и грустно: в том огромном калейдоскопе «бывших», который прошел тогда перед моими глазами, я видел самые разнородные чувства и желания, но очень мало стремления к действенному протесту и борьбе.

Приезжало много прожектеров с планами спасения России. Был у меня, между прочим, и нынешний большевистский «главком», тогда генерал, Павел Сытин [17]. Предложил для укрепления фронта такую меру: объявить, что земля — помещичья, государственная, церковная — отдается бесплатно в собственность крестьянам, но исключительно тем, которые сражаются на фронте. «Я обратился,— говорил Сытин,— со своим проектом к Каледину, но он за голову схватился: «Что вы проповедуете, ведь это чистая демагогия!..» Уехал Сытин без земли и без... дивизии. Легко примирился впоследствии с большевистской теорией коммунистического землепользования.

Начало съезжаться также множество рядового офицерства, изгоняемого товарищами-солдатами из частей. Они приносили с собой подлинное горе, беспросветную и жуткую картину страданий, на которые народ обрек своих детей, безумно расточая кровь и распыляя силы тех, кто охранял его благополучие.

Глава X. *Генерал Марков*

Обязанности генерал-квартирмейстера Ставки были настолько разносторонни и сложны, что пришлось создать по примеру иностранных армий должность второго генерал-квартирмейстера, выделив первому лишь ту область, которая непосредственно касалась ведения операций. На новую должность я пригласил генерала С. Л. Маркова, который связал свою судьбу неразрывно с моею до самой своей славной смерти во главе добровольческой дивизии: дивизия эта с честью носила потом его имя, ставшее в Добровольческой армии легендарным. Война застала его преподавателем академии Генерального штаба; на войну он пошел в составе штаба генерала Алексеева, потом был в 19-ой дивизии, и наконец, попал ко мне в декабре 1914-го года в качестве начальника штаба 4-ой стрелковой бригады, которой я тогда командовал. Приехал он к нам тогда в бригаду никому неизвестный и нежданный: я просил штаб армии о назначении другого. Приехал и с места заявил, что только что перенес небольшую операцию, пока нездоров, ездить верхом не может и поэтому на позицию не поедет. Я поморщился, штабные переглянулись. К нашей «запорожской сечи», очевидно, не подойдет — «профессор»...*

Выехал я со штабом к стрелкам, которые вели горячий бой впереди города Фриштака. Сближение с противником большое, сильный

* Так мы часто потом звали его дружески — шутливо.

огонь. Вдруг нас покрыло несколько очередей шрапнели. Что такое? К цепи совершенно открыто подъезжает в огромной колымаге, запряженной парой лошадей, Марков — веселый, задорно смеющийся. «Скучно стало дома. Приехал посмотреть что тут делается...» С этого дня лед растаял, и Марков занял настоящее место в семье «железной» дивизии. Мне редко приходилось встречать человека, с таким увлечением и любовью относившегося к военному делу. Молодой *, увлекающийся, общительный, обладавший даром слова, он умел подойти близко ко всякой среде — офицерской, солдатской, к толпе — иногда далеко не расположенной — и внушать им свой воинский символ веры — прямой, ясный и неоспоримый. Он прекрасно разбирался в боевой обстановке и облегчал мне очень работу. У Маркова была одна особенность — прямота, откровенность и резкость в обращении, с которыми он обрушивался на тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточно знания, энергии или мужества. Отсюда — двойственность отношений: пока он был в штабе, войска относились к нему или сдержанно (в бригаде) или даже нетерпимо (в ростовский период Добровольческой армии). Но стоило Маркову уйти в строй, и отношение к нему становилось любовным (стрелки) и даже восторженным (добровольцы). Войска обладали своей особенной психологией: они не допускали резкости и осуждения со стороны Маркова — штабного офицера; но свой Марков — в обычной короткой меховой куртке, с закинутой на затылок фуражкой, помахивающий неизменной нагайкой, в стрелковой цепи, под жарким огнем противника — мог быть сколько угодно резок, мог кричать, ругать, его слова возбуждали в одних радость, в других горечь, но всегда искреннее желание быть достойными признания своего начальника.

Вспоминаю тяжелое для бригады время — февраль 1915 г. в Карпатах **... Бригада, выдвинутая далеко вперед, полукольцом окружена командующими высотами противника, с которых ведут огонь даже по одиночным людям. Положение невыносимое, тяжкие потери, нет никаких выгод в оставлении нас на этих позициях, но... соседняя 14 пехотная дивизия доносит в высший штаб: «Кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что мы оставим позицию и впоследствии придется брать вновь те высоты, которые стоили нам потоков крови»... И я остаюсь. Положение, однако, настолько серьезное, что требует большой близости к войскам; полевой штаб переношу на позицию — в деревню Творильню. Приезжает, потратив одиннадцать часов на дорогу по непролазной грязи и горным тропам, граф Келлер — начальник нашего отряда. Отдохнул у нас. «Ну теперь поедем смотреть позицию». Мы засмеялись. «Как «поедем»? Пожалуйте на крыльцо, если только неприятельские пулеметы позволят...» Келлер уехал с твердым намерением убрать бригаду из западни. Бригада тает. А в тылу — один плохонький мостик через Сан. Все в руках судьбы: вздуется бурный Сан или нет. Если вздуется — снесет мост, и нет выхода.

В такую трудную минуту тяжело ранен ружейной пулей командир 13-го стрелкового полка, полковник Гамбурцев, входя на крыльцо штабного дома. Все штаб-офицеры выбиты, некому заменить. Я хожу мрачный из угла в угол маленькой хаты. Поднялся Марков. «Ваше Превосходительство, дайте мне 13-й полк».— «Голубчик, пожалуйста, очень рад!». У меня самого мелькала эта мысль. Но стеснялся предложить Маркову, чтобы он не подумал, что я хочу устранить его от штаба. С тех пор со своим славным полком Марков шел от одной победы к другой. Заслужил уже и георгиевский крест и георгиевское оружие, а Ставка 9 месяцев не утверждала его в должности — не подошла мертвая линия старшинства.

* Убит в бою летом 1918 г. 39 лет от роду.
** Позиция у горы Одрниль.

Помню дни тяжкого отступления из Галиции, когда за войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом и скарбом... Марков шел в арьергарде и должен был немедленно взорвать мост, кажется через Стырь, у которого столпилось живое человеческое море. Но горе людское его тронуло, и он шесть часов еще вел бой за переправу, рискуя быть отрезанным, пока не прошла последняя повозка беженцев. Он не жил, а горел в сплошном порыве. Однажды я потерял совсем надежду увидеться с ним... В начале сентября 1915 г., во время славной для дивизии первой Луцкой операции, между Олыкой и Клеванью, левая колонна, которой командовал Марков, прорвала фронт австрийцев и исчезла. Австрийцы замкнули линию. Целый день не было никаких известий. Наступил вечер. Встревоженный участью 13-го полка я выехал к высокому обрыву, наблюдая цепи противника и безмолвную даль. Вдруг издалека, из густого леса, в глубоком тылу австрийцев раздались бравурные звуки полкового марша 13-го стрелкового полка. Отлегло от сердца. «В такую кашу попал,— говорил потом Марков,— что сам черт не разберет — где мои стрелки, где австрийцы; а тут еще ночь подходит. Решил подбодрить и собрать стрелков музыкой». Колонна его разбила тогда противника, взяла тысячи две пленных и орудие и гнала австрийцев, в беспорядке бегущих к Луцку. Человек порыва, он в своем настроении иногда переходил из одной крайности в другую. Но когда обстановка слагалась действительно отчаянно, он немедленно овладевал собою. В октябре 1915 г. 4-ая стрелковая дивизия вела известную свою Чарторийскую операцию, прорвав фронт противника на протяжении 18 верст и на 20 с лишним верст вглубь. Брусилов, не имевший резервов, не решался снять войска с другого фронта, чтобы использовать этот прорыв. Время шло. Немцы бросили против меня свои резервы со всех сторон. Приходилось тяжко. Марков, бывший в авангарде, докладывает по телефону: «Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны света. Так трудно, что даже весело стало». Только один раз я видел его совершенно подавленным, когда весною 1915 г. под Перемышлем он выводил из боя остатки своих рот, весь залитый кровью, хлынувшей из тела стоявшего рядом командира 14-го полка, которому осколком снаряда оторвало голову. Никогда не берег себя. В сентябре 1915 г. дивизия вела бой в Ковельском направлении. Правее работала наша конница, подвигавшаяся нерешительно и сбивавшая всех нас с толку маловероятными сведениями о появлении значительных сил противника против ее фронта на нашем берегу Стыри. Маркову надоела эта неопределенность. Получаю донесение: «Съездил вдвоем с ординарцем попоить лошадей в Стыри; вплоть до Стыри нет никого — ни нашей конницы, ни противника». Представил его за ряд боев в чин генерала — не пропустили: «молодой». Какой большой порок молодость!

Весною 1916 г. дивизия лихорадочно готовилась к Луцкому прорыву. Сергей Леонидович не скрывал своего заветного желания: «Одно из двух: деревянный крест или Георгий 3 степени». Но Ставка после многократных отказов заставила его принять «повышение» — повторную должность начальника штаба дивизии *. Я простился с Марковым следующими словами приказа: «В тяжелые дни Творильни полковник Марков принял 13-й стрелковый полк. С тех пор, сроднившись с ним, в течение более года с высокой доблестью, самоотверженно и славно провел его через Журавин, Зубовецкий лес, Мыслятычи, по крестному пути отхода армий, через Дюксин, Олешву, Новоселки, Должицу и Будки. Нам всем и памятны, и дороги эти имена. С чувством искреннего

* Эта общая мера вызвана была огромным недостатком офицеров генерального штаба ввиду прекращения нормальной деятельности академии. Полковников и генералов перед получением дивизии заставляли нести повторно, на особых основаниях, должность начальника дивизионного штаба.

сожаления расставаясь со своим сотрудником (по штабу), соратником и другом, желаю ему на новом фронте признания, счастья и удачи». Пробыв несколько месяцев на Кавказском фронте, где Марков томился от безделья, и затем лектором в открывшейся тогда Академии, он вновь вернулся в армию, и революция застала его в должности генерала для поручений при командующем 10-ой армией.

* * *

Интересны отрывочные заметки, сделанные им в это время в дневнике. В них отражаются те внутренние переживания и то постепенное изменение настроения, которое во многом переживало одинаково с ним русское офицерство.

«1 марта. Был у Горбатовского*. Говорили о событиях в Питере. Дай Бог успеха тем, кто действительно любит Россию. Любопытна миссия Иванова**...

2, 3, 4 марта. Все отодвинулось на второй план, даже война замерла. Телеграмма за телеграммой рисуют ход событий. Сначала все передавалось под сурдинку, затем громче и громче. Эверт*** проявил свою обычную нерешительность, задержав ответ Родзянке. Мое настроение выжидательное, я боюсь за армию, меня злит заигрывание с солдатами, ведь это разврат, и в этом поражение. Будущее трудно угадать, оно трезво может разрешиться (если лишь) когда умолкнут страсти. Я счастлив буду, если Россия получит конституционно-монархический строй, и пока не представляю себе Россию республикой.

5 марта. Написал статью для «Армейского вестника», а ее приняли как приказ по армии. Все думы, разговоры и интересы свелись к современным событиям. Наша поездка на вокзал; говорил с толпой на дебаркадере; все мирно, хорошо...

6 марта... Все ходят с одной лишь думой — что-то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит над пропастью, и вопрос еще очень большой — хватит ли сил достигнуть противоположного берега.

7, 9 марта. Все то же. Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много накипи. Уже в № 8 от 7-го марта «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» появились постановления за немедленное окончание войны. Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию.

10 марта... Получено приказание выехать в Минск для поездки в Брянск. Мое первое выступление перед толпой.

11 марта. В Брянске волнуется гарнизон, требуют от меня привести его в порядок...

12 марта. Еду вместе с Большаковым, он член петербургского совета р. и с. депутатов».

В Брянске вспыхнул военный бунт среди многочисленного гарнизона, сопровождавшийся погромами и арестами офицеров. Настроение в городе было крайне возбужденное. Марков многократно выступал в многочисленном совете военных депутатов и после бурных, страстных и иногда крайне острых прений ему удалось достигнуть постановления о восстановлении дисциплины и освобождении 20 арестованных. Однако после полуночи несколько вооруженных рот двинулись на вокзал для расправы с Марковым, Большаковым и арестованными. Толпа бесновалась. Положение грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла

* Командующий 10-й армией.
** Карательный отряд генерала Иванова, направленный на Петроград.
*** Главнокомандующий Западным фронтом.

всех. Он, стараясь перекричать гул толпы, обратился к ней с горячим словом. Сорвалась такая фраза: «Если бы тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!..». «Я служил в 13-м полку»,— отозвался какой-то солдат из толпы. «Ты?..» — Марков с силою оттолкнул нескольких окружавших его людей, быстро подошел к солдату и схватил его за ворот шинели. «Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадила в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка...» Толпа заволновалась еще больше, но уже от восторга. И Марков с арестованными при бурных криках «ура» и аплодисментах толпы уехал в Минск.

Возвращаюсь к дневнику.

«18 марта. Приняли все радушно*, я, оказывается, уже избран почти единогласно в наш офицерский комитет...

19 марта. Организуем офицерско-солдатский комитет штаба X-й армии и местного гарнизона. После обеда первое собрание совета, в который я попал в числе шести единогласно...».

Далее говорится о непрестанной работе во всяких советах и комитетах. «24 марта. Приезд полковника Кабалова, которому вместе с князем Кропоткиным [18] было выражено недоверие 133 дивизией... Возвращение членов Думы с позиций к нам. Отказ двух эшелонов 445-го полка ехать на позицию: «воевать хотим, а на позицию не желаем: дайте отдых месяц, два». До двух часов ночи уговаривал и разговаривал...

26 марта. События во 2-ом Кавказском корпусе, отказ 2-ой кавказской гренадерской дивизии стать на позицию, смещение Мехмандарова, начальника дивизии и его наштадива**.

30 марта. Спокойное, плодотворное заседание армейского съезда до глубокой ночи. В перерыве до обеда я собрал лишь председателей всех наших комитетов, и мы выслушали доклад офицеров, приехавших или бежавших из частей 2-ой кавказской гренадерской дивизии. Возмутительная история, вера колеблется, это начало разложения армии.

31 марта. Вместо Минска, куда меня приглашали на митинг в качестве оратора, поехал по приказанию Командарма во 2-ой кавказский корпус. Видел Бенескула, принявшего управление корпусом из рук прапорщика Ремнева***. Затем отправился в Залесье, где был собран корпусный комитет 2 кавк. к[орпу]са... Получил от него полное осуждение роли Ремнева и 2-ой кавк. грен[адерской] дивизии... Ушел при криках овации по моему адресу...

2 апреля. Утром узнал о самоубийстве ген[ерала] Бенескула. Днем Головинский сказал мне, что офицеры штаба 2-го кавк. корпуса обвиняют меня в этом и что они решили написать три письма одинакового содержания генералу Мехмандарову, мне и г-же Бенескул, давая последней право напечатать письмо в газетах. Мне первый раз в жизни сказали, что я убийца. Не выдержал, сделалось дурно, самосознание говорит, что и я виновен. Не надо мне было говорить Бенескулу о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнева. Я должен был знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечером собрались все наши комитеты и многочисленная публика; я пришел и, заявив, что я убийца, просил судить меня. Через несколько времени за мной прибежали офицеры и солдаты с просьбой выслушать их постановление. Мое появление, чтение постановления, в котором говорилось, что я поступил как честный солдат и генерал, и мой уход — сплошная овация всего собрания. И все же это великий урок на будущее.

* По возвращении в свой штаб.
** Начальник штаба дивизии.
*** Известный демагог прапорщик Ремнев с толпой солдат арестовал и сместил командира корпуса ген[ерала] Мехмандарова и вручил командование ген[ералу] Бенескулу. Марков очень горячо обрушился по этому поводу на ген[ерала] Бенескула.

3 апреля. Продолжаю чувствовать физическую слабость и моральную подавленность...

10 апреля. Утром подал заявления в оба комитета о своем отказе. Устал я, да, вероятно, скоро получу наконец назначение.

13 апреля. Я верю, что все будет хорошо, но боюсь — какой ценой. Мало говорить — война до победы, но надо и хотеть этого...».

Как знакомы русскому офицерству эти переходы от радостного настроения до подавленного, от надежды до отчаяния, от лихорадочной работы в комитетах, советах, съездах до сознания, что они «погубят армию и Россию». Сколько драм, подобных смерти Бенескула, разыгралось на темном фоне великой русской драмы... Маркова захватила волна нараставших событий, и он ушел с головой в борьбу, не думая о себе и семье, то веря, то отчаиваясь, любя Родину, жалея армию, которая в его сердце и мысли никогда не переставала занимать большое место. Не раз еще на протяжении своих очерков я буду останавливаться на личности Сергея Леонидовича Маркова. Но я не мог отказать сёбе в душевной потребности теперь же вплести еще несколько скромных листков в его венок. Венок, который в июле 1918 г. два верных друга положили на его могилу. И написали: «И жизнь, и смерть за счастье Родины».

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. И. Иванов (1851—1919) — генерал от артиллерии. В первую мировую войну — командующий Юго-Западным фронтом (до 1916 г.). По приказу царя был направлен в Петроград для подавления Февральской революции 1917 г., но потерпел неудачу. В 1918 г. командовал армией у атамана П. Н. Краснова.

[2] И. Г. Церетели (1881—1959) — один из лидеров меньшевизма, министр Временного правительства, с 1918 г.— член меньшевистского правительства Грузии. С 1921 г. эмигрант.

[3] Н. М. Потапов (1871—1946) — генерал-квартирмейстер Главного управления Генштаба. Одним из первых военных специалистов перешел на сторону Советской власти. До 1921 г.— на различных должностях в Красной Армии, затем на военно-научной и преподавательской работе.

[4] «Князь Репнин 20 века» — граф Келлер, отказавшийся принять присягу («не одел машкеры») Временному правительству.

[5] П. А. Лечицкий (1856—1923) — генерал от инфантерии. В первую мировую войну командовал 9-й армией, в марте — мае 1917 г.— Западным фронтом. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти.

[6] А. М. Каледин (1861—1918) — генерал, руководитель казачьей контрреволюции на Дону. С 1917 г.— атаман Войска Донского и глава войскового правительства. В октябре 1917 — январе 1918 г. возглавлял антисоветский мятеж. После его провала застрелился.

[7] Н. В. Рузский (1854—1918) — генерал от инфантерии. В первую мировую войну командовал рядом армий, Северо-Западным и Северным фронтами.

[8] А. Е. Эверт (1857—1926) — генерал от инфантерии. В первую мировую войну командовал армией и Западным фронтом, неудачно руководил его наступлением в 1916 году.

[9] К. В. Сахаров (1881—19?). В годы первой мировой войны полковник, затем генерал-лейтенант, командующий Румынским фронтом. Служил у Корнилова, Деникина, Колчака, атамана Семенова. После поражения белых сил эмигрировал в Германию.

[10] М. Д. Бонч-Бруевич (1870—1956). В первую мировую войну — начальник штаба и главнокомандующий Северным фронтом. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти, начальник штаба Верховного главнокомандующего (1917—1918 гг.), председатель Высшего военного совета, работник Всероглавштаба и Полевого штаба РВСР.

[11] А. И. Верховский (1886—1938). До Октябрьской революции генерал-майор, в августе — октябре 1917 г.— военный министр Временного правительства. С 1919 г. служил в Красной Армии, с 1921 г. на преподавательской работе. Незаконно репрессирован.

[12] А. М. Крымов (1871—1917) — генерал-лейтенант, один из организаторов контрреволюции. Во время корниловщины командующий конного корпуса. После провала похода на Петроград застрелился.

[13] Л. Г. Корнилов (1870—1918) — генерал, один из руководителей российской контрреволюции. В июле — августе 1917 г. Верховный главнокомандующий. В конце августа поднял антисоветский мятеж. Один из организаторов Добровольческой армии. Убит в бою.

[14] А. В. Колчак (1874—1920) — адмирал, один из организаторов контрреволюции в гражданскую войну. В 1917 г. командовал Черноморским флотом, в 1918—1919 гг.— «верховный правитель Российского государства». Расстрелян по постановлению Иркутского военно-революционного комитета.

[15] Э. Людендорф (1865—1937) — немецкий генерал. В первую мировую войну помощник командующего войсками Восточного фронта П. Гинденбурга (начальник штаба этого фронта, затем квартирмейстер штаба верховного командования). По существу, руководил военными действиями на Восточном фронте в 1914—1916 гг., с 1916 г.— начальник Генштаба и фактический главнокомандующий вооруженными силами Германии.

[16] Г. Гаазе (1863—1919) — один из деятелей германской социал-демократии в 1911—1917 гг., центрист. Во время Ноябрьской революции 1918 г. председатель (вместе с Ф. Эбертом) Совета народных уполномоченных. Содействовал подавлению революции.

[17] П. П. Сытин (1870—1938) — участник русско-японской и первой мировой войн. В декабре 1917 г. избран командиром корпуса. В январе 1918 г. вступил в Красную Армию. С 1934 г. в отставке. Незаконно репрессирован.

[18] П. А. Кропоткин (1842—1921) — князь, русский революционер, теоретик анархизма.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ КОМЕНДАНТЫ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Е. А. Ягодинский

Сразу же после взятия Зимнего дворца 26 октября (8 ноября) 1917 г. была организована его охрана. Кто же ее организовал и кто стал первым советским комендантом (комиссаром) дворца? На этот вопрос в литературе нет однозначного ответа. Одни считают, что им был Г. И. Чудновский [1], другие — что матрос Н. И. Второв [2]. Оба они — участники взятия Зимнего. Кто же из авторов прав?

На мои запросы по этому поводу поступили следующие ответы: ЦГАОР Ленинграда 10 ноября 1986 г. сообщил, что «сведениями о первом коменданте Зимнего дворца в 1917 году не располагает»; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 22 апреля 1987 г. подтвердил, что он не имеет документов о назначении первого коменданта Зимнего дворца, а 9 июня 1987 г. сообщил, что Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС также не располагает такими документами; Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР 2 сентября 1988 г. известил, «что документов, подтверждающих назначение Чудновского Г. И. и Второва Н. И. комиссарами Зимнего дворца, архив на хранении не имеет».

Однако Центральный государственный архив Военно-Морского флота (ЦГАВМФ) СССР 23 января 1987 г. выслал мне ксерокопии документов, подтверждающих, что матрос Машинной школы Балтийского флота Н. И. Второв был комендантом Зимнего дворца после его взятия. Но ведь в литературе называется также фамилия Чудновского как первого советского коменданта Зимнего дворца. Наконец, выяснилось, что 26 октября 1917 г. комендантами Зимнего дворца могли быть сразу три лица, на двоих из которых имеются документальные подтверждения.

7 ноября 1920 г. в Москве на заседании участников Октябрьского переворота в Петрограде, которое было застенографировано, Н. И. Подвойский вспоминал: «В Зимнем дворце... во главе охраны становится матрос Приходько. Слышится его твердая команда. Он быстро очищает дворец, устанавливает посты. Зимний — в надежных и твердых руках. Через несколько часов комендантом и комиссаром Зимнего назначается т. Дзевялтовский» [3]. О матросе Приходько никаких сведений в доступных мне архивных документах и в литературе нет. На мой запрос ЦГАВМФ СССР 3 августа 1988 г. сообщил: «Отсутствие подробных сведений о матросе Приходько (имя, отчество, год и место рождения, наименование кораблей или частей, в которых он служил) не дает возможности проверить его службу во флоте. В общеучетных документах архива он не значится. Что касается охраны Зимнего дворца, то первым комендантом дворца после победы Октябрьского вооруженного восстания был матрос Второв Николай Иванович, комиссар отряда моряков, назначенных для охраны дворца».

ЯГОДИНСКИЙ Евгений Александрович — член Союза журналистов СССР.

[1] Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. М. 1978, с. 951; Октябрьская революция. Вопросы и ответы. М. 1987, с. 268; и др.

[2] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л. 1957, с. 283, 383; Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л. 1966, с. 261—262; Сивков П. З. Кронштадт. Л. 1972, с. 335; Дважды Краснознаменный Балтийский Флот. М. 1978, с. 130; и др.

[3] Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 83.

В ЦГАОР СССР хранится удостоверение за № 1688 от 26 октября 1917 г.: «Товарищ Дзевялтовский делегируется комиссаром от Военно-революционного Комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Зимнем Дворце, что подписью с приложением печати удостоверяется» [4]. Об этом свидетельствуют также донесение начальника Дворцового управления генерал-лейтенанта Комарова от 26 октября 1917 г., адресованное комиссару Зимнего дворца И. Л. Дзевялтовскому, о необходимости охраны находящегося во дворце винного погреба [5], и донесение комиссаров по защите музеев и государственных помещений Б. Д. Мандельбаума и Г. С. Ятманова от 4 ноября 1917 г. на имя наркома просвещения А. В. Луначарского, где указывается, что 26 октября комендантом Зимнего дворца был Дзевялтовский [6].

Игнатий Людвигович Дзевялтовский (правильно: Игнаций Людвигович-Марианович Дзевялтовский-Гинтовт; он же — Дзевалтовский, Юрин-Дзевялтовский, Юрин, Игнацы Гинтовт-Дзевялтовский, Игнатий Львович Юрин, Игнатий Львович Дзевялтовский) родился 14 июля 1888 г. в Виленской губ. в дворянской семье. Окончил реальное училище, два курса Политехнического института, четыре курса естественного факультета Психоневрологического института, занимался педагогической деятельностью. С 1903 г. участвовал в революционном движении в Литве, Латвии, Польше, Петербурге. С 1907 г.— член Польской социалистической партии. 29 сентября 1914 г. был зачислен в Павловское военное училище юнкером на правах вольноопределяющегося 1-го разряда, по окончании ускоренного четырехмесячного курса военного времени произведен 1 февраля 1915 г. в прапорщики лейб-гвардии Гренадерского полка. Служил там в запасном батальоне, с августа 1915 г.— в Действующей армии, командуя 14-й ротой, проявил себя храбрым офицером.

В марте 1917 г. Дзевялтовский был избран председателем полкового комитета и членом армейского комитета XI армии. В апреле 1917 г. вступил в РСДРП(б). Принимал активное участие во взятии Зимнего дворца, 26 октября 1917 г. назначен туда комиссаром, а на следующий день послан в штаб Петроградского военного округа. С 16(29) ноября 1917 г.— главный комиссар военно-учебных заведений Республики. В 1919 г.— военный комиссар Всероссийского главного штаба, председатель Центральной временной комиссии по борьбе с дезертирством, член РВС 12-й армии, замнаркома по военным делам Украины, с октября 1919 г.— помощник командующего Восточным фронтом. После ликвидации фронта приказом РВСР № 98 от 21 февраля 1920 г. направлен в распоряжение Сибревкома, был его уполномоченным по организации Советской власти в Забайкальской области и на Дальнем Востоке, являлся секретарем Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), кандидатом в члены ВЦИК 5-го созыва и членом ВЦИК 5-го созыва. С образованием Дальневосточной республики (ДВР) временно исполнял должность военного министра, с июня 1920 г. по ноябрь 1921 г.— глава дипломатической миссии ДВР в Пекине, министр иностранных дел республики и на других должностях. В 1922—1923 гг.— уполномоченный Народного Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) в Ростове, затем до января 1924 г.— заместитель председателя Общества «Добролет» («Российское общество добровольного воздушного флота»). Сведениями о его дальнейшей судьбе я не располагаю.

В. А. Антонов-Овсеенко в своих воспоминаниях о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства сообщал: «Министры переписаны. Отобраны документы. Оставляю Чудновского комендантом дворца... Выводим министров» [7]. 8(21) ноября 1917 г. в газете «Правда» (№ 188) был опубликован материал за подписью Чудновского под названием «В Зимнем дворце перед сдачей». Он заканчивался словами: «А еще два часа спустя Зимний дворец был в наших руках». Автор не упомянул, что после взятия Зимнего был назначен его комендантом.

Обычно в подтверждение того, что Чудновский стал комендантом Зимнего, приводят текст телефонограммы: «3. 2 часа 4 мин. был взят Зимний дворец 6 — чел. убито павловцев Комендантом Зимнего дворца Чудновский» [8]. Но в таком виде текст

[4] ЦГАОР СССР, ф. 9577, оп. 1, д. 29, л. 19.

[5] Петроградский Военно-революционный комитет (ПВРК). Док. и м-лы. Т. 1. М. 1966, с. 152.

[6] Там же. Т. 2. М. 1966, с. 94—95.

[7] Антонов-Овсеенко В. А. В революции. М. 1957, с. 172.

[8] ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 101, оп. 1, д. 4, л. 20.

можно толковать по-разному. 3 июня 1988 г. в газете «Правда» был помещен материал «Октябрьское вооруженное восстание», в котором приводился текст этой телефонограммы. На мой вопрос, можно ли ее считать документом о назначении Чудновского, отдел пропаганды редакции газеты 15 августа 1988 г. ответил: «Текст этого документа, разумеется, не претендует на подлинный приказ о назначении Чудновского комендантом Зимнего дворца». А вот как трактуют эту телефонограмму некоторые авторы. В книге «В дни Октября» Х. М. Астрахан пишет: «В Смольный и в районы была передана краткая телефонограмма: «[В] 2 часа 4 мин. был взят Зимний дворец. 6 человек убито — павловцев. Комендантом Зимнего назначен Чудновский». В книге В. И. Старцева «Штурм Зимнего» (Л. 1987) на с. 120 сказано, что Чудновский передал по районам города и в Смольный следующую телефонограмму: «В 2 часа 4 минуты был взят Зимний дворец, 6 человек убито павловцев. Комендант Зимнего дворца Чудновский» [9].

Обратимся к воспоминаниям еще одного непосредственного участника взятия Зимнего дворца, матроса Н. И. Второва (оригинал воспоминаний хранится в фондах Горьковского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ГОМ, 12190): «Штабом отряда дается мне приказ немедленно вести свою команду к Зимнему дворцу и занять позицию от Адмиралтейства по набережной Невы. Тут же на ходу команда: «Стройся! Бегом, марш!» ...Наш отряд еще не успел занять позиции и замкнуть кольцо окружения дворца, как послышался выстрел с Петропавловской крепости... Почти одновременно грохнул выстрел «Авроры». Далее автор рассказывает о взятии Зимнего и вспоминает: «Я явился на минный заградитель «Амур». Не дожидаясь моего рапорта, комиссар Кронштадтского отряда говорит мне: «Из штаба революции — Смольного только что сообщили, что Зимний подвергается разгрому. Товарища Ленина это очень беспокоит. Нужно все это прекратить! Принимай команду на себя!» И вручает мне удостоверение о назначении комиссаром сводного отряда с судна «Зарница». Затем пишет на листке из блокнота записку, запечатывает ее в конверт и, вручая мне, говорит: «Вскроешь по прибытии в Зимний дворец. Действуй!»

Меня на мотоцикле быстро доставили к «Зарнице». Оттуда с отрядом матросов из Гельсингфорса отправились в Зимний дворец... Войдя на ступеньки «Детского подъезда» дворца с набережной, где была наша позиция, я вскрыл конверт и прочитал записку. В ней говорилось: «Дислокация. Предлагается немедленно вернуть в Зимний дворец сводный Гельсингфорсский отряд для несения караульной службы и поступить в распоряжение т. Второва, временного коменданта Зимнего дворца»; на обороте: «Дислокация т. Второву. Строго охранять дворец и к нему никого не подпускать, выставив соответствующие караулы» (подлинник документа — в ЦГАВМФ СССР, ф. Р-402, оп. 2, д. 68, л. 1). Так я удостоился чести быть первым советским комендантом Зимнего дворца в первые часы существования Советской власти.

Выставив наружные караулы у подъездов, ворот и по фасаду, мы вошли во дворец. Выделив один взвод во дворе дворца для наведения порядка и один взвод по внутренним помещениям, с оставшейся частью матросов разыскали офицера, назвавшегося комендантом дворца, обезоружили его, сорвали с него ненавистные нам царские погоны-эполеты с аксельбантами, отобрали ключи и план дворца и выдворили его на улицу, а сами начали наводить порядок... Тем временем другой взвод отряда устанавливал порядок в помещениях дворца... 26 октября мною было доложено штабу Кронштадтского отряда об установлении во дворце нового, революционного порядка... Спустя некоторое время, я получил распоряжение с частью отряда явиться для усиления охраны Смольного».

Николай Иванович Второв родился 19 ноября 1895 г. в Кинешме, окончил церковноприходскую школу, два класса реального училища в Нижнем Новгороде, потом учился в нижегородском Кулибинском ремесленном училище. 1 июля 1915 г. был призван на военно-морскую службу и зачислен в кронштадтскую Машинную школу, по окончании получил в 1917 г. диплом машинного унтер-офицера 1-й статьи самостоятельного управления, во время Февральской революции избран командиром 1-й Машинной школы, позднее — председателем комитета команды Машинной школы Балтийского флота. Состоял делегатом Исполкома Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. По завершении Октябрьских дней и выздоровлении после ранения участвовал в боях на Восточном фронте в составе 191-го Балашовского стрелкового полка, затем служил в Волжской военной флотилии. В 1928 г. поселился в Нижнем Новгороде, занимался пожарно-техническим надзором за электросетями Горэнерго, умер в 1966 г. (по материалам его пенсионного дела).

Когда контрреволюционные силы во главе с Керенским и генералом Красновым подняли мятеж, для организации отпора 27 октября в Петроградском военном округе был создан штаб, в который вошли Дзевялтовский и Чудновский [10]. В боях под Петроградом Второв и получил ранение: осколком гранаты ему оторвало половину кисти руки. Таким образом, никто из перечисленных выше трех лиц уже 27 октября не являлся комендантом Зимнего дворца. Отсюда вытекает, что 26 октября 1917 г. комендантами Зимнего дворца были Второв и Дзевялтовский. Первым же комендантом (временным) дворца после его взятия стал именно Второв. Что касается Чудновского, то пока нет документальных данных о его назначении на этот пост.

---

[9] В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л. 1982, с. 29.

[10] ПВРК. Т. 1, с. 180.

ЦЕНЗУРОЙ ЗАПРЕЩЕНО

А. Ю. Друговская

Царизм, опасаясь воздействия идей великого русского революционного демократа на формирование общественного сознания, вел беспощадную борьбу с Н. Г. Чернышевским. Особенно преуспевали в этом органы цензуры, вынудившие его выработать и довести до совершенства «эзоповский» стиль изложения. Произведения Чернышевского подвергались цензурным мытарствам и находились под запретом и спустя многие годы после его смерти [1].

Издание произведений Чернышевского в России было запрещено по 1904 г., то есть фактически в течение 40 лет с момента его гражданской казни. Особую ненависть у правительственных кругов вызывали такие книги, как «Что делать?» и «Пролог пролога», в которых они не без оснований усматривали «развитие коммунистических взглядов Чернышевского». Справедливо в связи с этим сделанное в газете «Русь» замечание: «Для того, чтобы познакомиться с романом Чернышевского «Что делать?», русский человек должен или очутиться за границей (его издавали там эмигранты.— А. Д.), или иметь связь с книжною контрабандою». О цензурном произволе писала в 1906 г. и газета «Биржевые ведомости»: «Цензурный произвол» угасил многое в сочинениях Чернышевского раньше времени... От Чернышевского в литературе долгое время оставались не только не книги, но даже не фамилии, а всего одна буква!» [2].

ДРУГОВСКАЯ Александра Юрьевна — кандидат исторических наук, Курский медицинский институт.

[1] Евгеньев-Максимов В. Цензурные мытарства Н. Г. Чернышевского.— Звезда, 1939, № 12; Рыскин Е. И. Основные издания сочинений русских писателей XIX в. М. 1948; Бушканец Е. Царская цензура и «Что делать?» Чернышевского.— Огонек, 1951, № 39; Гаркави А. М. Н. Г. Чернышевский и царская цензура.— Ученые записки Калининградского педагогического института, 1956. вып. 2; Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904 гг. М. 1962; Левина С. Вопреки цензуре (к истории издания книги Н. Г. Чернышевского «Статьи об общинном владении землею»).— Вопросы литературы, 1967; Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М. 1978; Мартынов А. Ф. Чернышевский в восьмидесятые годы: политические воззрения и научная деятельность. Саратов. 1983; Кравцов Д. Е. Чернышевский и цензура (1884—1903 гг.). В сб.: Пропагандист великого наследия. Саратов. 1984.

[2] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 777, оп. 5, д. 195, 1902 г., л. 65; Государственный Дом-музей Н. Г. Чернышевского (ГДМЧ), научно-вспомогательный фонд (НВФ), № 3842/118; № 3842/83.

Запрещалась в этот период и публикация очерков и статей о Чернышевском. Так, в 1900 г. Главное управление по делам печати сделало секретное предписание цензурным комитетам и отдельным цензорам о запрещении публиковать сборник, посвященный памяти Чернышевского (под редакцией П. Ф. Николаева). Цензурному преследованию подверглась и статья В. П. Батуринского «Н. Г. Чернышевский». Изъята была из журнала «Русская старина» (1904 г.) статья Н. В. Рейнгарда о Чернышевском [3].

Под запретом находилось как издание сочинений Чернышевского и литературы о нем, так и знакомство с ними в учебных заведениях. На Пречистенских рабочих курсах в Москве не разрешалось чтение произведений В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова. Аналогичная картина наблюдалась и в Смоленских воскресно-вечерних классах в Петербурге. По воспоминаниям современницы, «о Н. Г. Чернышевском и его произведениях нельзя было говорить открыто, но на переменах мы рекомендовали учащимся прочесть роман Чернышевского «Что делать?» [4]. В прокламации московских студентов (1900 г.) отмечалось: «Для чтения и изучения допускают у нас только тех из русских писателей, которые жили и работали во времена полного господства крепостного права, на все накладывавшего свой отпечаток, и благонамеренность которых вне всякого сомнения. Все же корифеи великой русской литературы второй половины XIX в. изгнаны из нашей школы. Даниилы Заточники и монахи Сильвестры занимают место Чернышевского и Толстого» [5]. Министерством народного просвещения были разработаны для библиотек реакционные правила и изданы специальные каталоги «книг и повременных изданий, допускаемых к употреблению». Вредными для учителей, судя по этому каталогу, считались произведения Г. И. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова, В. Г. Короленко и др. [6]. Каталоги для публичных и общественных библиотек и читален составлялись с ведома и разрешения Главного управления по делам печати. Без предварительной цензуры названий книги не могли быть включены в каталог. Вплоть до 1905 г. для публичных библиотек и читален оставалось в силе запрещение всех изданий сочинений Чернышевского, а также журнала «Современник». Поэтому в каталоге книг, журналов и газет за 1900 г. общественной библиотеки в Соликамске отсутствуют сочинения Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова. Не было произведений Герцена, Чернышевского, Добролюбова и в Пермской городской общественной библиотеке.

«Умственной гадостью кормят рабочих в библиотеках»,— писала «Искра» [7]. Н. К. Крупская указывала, что фонды городских библиотек по своему составу были «ниже всякой критики»: «Рабочие не находили в библиотеках книг, которые отвечали бы на их запросы, даже отдел художественной литературы был далеко не удовлетворителен». Как отмечалось в листовке петербургских большевиков, царское правительство всячески «запрещало книги, могущие просветить и отчасти ответить на волнующие, животрепещущие вопросы» [8]. Все библиотеки, их деятельность находились под постоянным надзором полиции» [9].

[3] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 21, ч. III, 1900 г., д. 10, л. 52; ф. 776, оп. 21, ч. 1, 1900 г., д. 408, лл. 6, 10, 49, 53; ф. 777, оп. 5, д. 15, лл. 110—113; оп. 8, д. 1264; оп. 4, д. 342, лл. 292—299.

[4] Пречистенские рабочие курсы. М. 1948, с. 9; Куделли П. Ф. Дом № 65 по Шлиссельбургскому тракту. В кн.: Пролетарский пролог. Л. 1983, с. 192—193.

[5] ЦГИА СССР, ф. 141, оп. 2, д. 120, л. 13.

[6] Киртока А. Кишиневская народная бесплатная библиотека-читальня (1896—1909 гг.). Кишинев. 1961, с. 14; Громова А. А. Правовое положение народных библиотек и его изменение в 1905—1907 гг.— Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской. 1956, т. 1, с. 29.

[7] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 21, ч. 1, 1899 г., д. 392. Алфавитный указатель произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. СПб. 1903; Пермский областной краеведческий музей (ПОКМ), № 16957/247. Каталог книг, журналов и газет. Соликамск. 1900, с. 4, 10, 16, 18, 23, 24; Каталог книг и периодических изданий Пермской городской общественной библиотеки. Т. 22. Пермь. 1902, с. 61, 65, 68.

[8] Искра. 1901, октябрь, № 9; Крупская Н. К. О библиотечном деле. Сб. М. 1957, с. 47; Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг. Т. 1. 1902—1907. М. 1959, с. 18.

[9] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1901 г., оп. 99, д. 1779; ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 22, 1898 г., д. 31.

Под наблюдением властей были и те лица, которые проявляли интерес к запрещенной литературе, и в частности к произведениям Чернышевского. В 1899 г. генерал-майор Герман обратился в Главное управление по делам печати за разрешением получить полное собрание сочинений Чернышевского «без цензурных помарок и вырезок для собственного употребления». На его заявление была наложена резолюция: «О просителе справиться в Департаменте полиции». Последний дал следующий ответ: «Департамент полиции имеет честь уведомить Главное управление по делам печати, что о генерал-майоре Германе неблагоприятных сведений не имеется, но т. к. он, находясь в отставке с 1890 г., проживает на пенсию в меблированных комнатах, не имея никаких определенных занятий, то Департамент полиции не усматривает достаточных оснований к удовлетворению ходатайства генерала Германа о получении сочинений Чернышевского, вызываемое, по-видимому, одним любопытством» [10].

Царское правительство принимало все меры к тому, чтобы имена революционных демократов были забыты. Чтение их произведений жестоко преследовалось. В одной из социал-демократических прокламаций, присланных в редакцию «Искры», сообщалось, что полиция устраивает у студентов повальные обыски с целью найти «вредные книги» (как их называет само правительство), принадлежащие перу «величайших светил науки и литературы (Ф. Лассалю, К. Марксу, Ф. Энгельсу, М. Бакунину, А. И. Герцену, Н. Г. Чернышевскому и др.), без ознакомления с которыми нельзя признать себя образованным человеком» [11]. «Широкое знакомство с их сочинениями было не выгодно для рассчитанной на народную темноту правительственной деятельности» [12],— говорилось в листовке нижегородской социал-демократической организации.

Произведения Чернышевского часто находили у революционеров во время полицейских обысков. В Саратове, при обыске у члена марксистского кружка, организованного В. В. Костровским, был изъят роман Чернышевского «Что делать?». В 1906 г. эта книга была обнаружена наряду с брошюрой Н. Батурина (Н. Н. Замятина) «Очерки истории социал-демократии в России» у членов одного из саратовских социал-демократических кружков. У крестьянина И. В. Фомина среди других изданий были конфискованы экземпляр «Программы РСДРП» и рукопись с заголовком «К роману Чернышевского «Что делать?».

В 1899 г. у участников революционного движения в Киеве были изъяты сборник «Социал-демократ» со статьей Г. В. Плеханова о Чернышевском и рукописный экземпляр книги В. Г. Короленко «Из воспоминаний о Чернышевском». Та же книга была конфискована у члена Саратовской социал-демократической организации А. Н. Попова. При обысках находили также работы Чернышевского «Эстетика и поэзия», «Очерки гоголевского периода», брошюру П. Ф. Николаева «Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского на каторге». У М. И. Ульяновой при обыске в 1899 г. был обнаружен текст запрещенных «Писем без адреса» Чернышевского, которые заинтересовали в свое время К. Маркса [13].

В качестве вещественных доказательств изымались при обысках также фотографии Чернышевского, получившие широкое распространение в среде революционеров. В. И. Ленин взял с собой в сибирскую ссылку не только роман «Что делать?», но и альбом с фотографиями Маркса, Энгельса, Чернышевского, Писарева, Герцена. В 1901 г. у А. И. Ульяновой были изъяты фотографические портреты деятелей социалистической пропаганды в России и за границей. Фотографии Чернышевского, Белинского, Герцена, Огарева, Писарева и др. были изъяты во время обысков у участников революционного движения в Воронежской губернии. Негативы портретов Н. Г. Чернышевского,

[10] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 21, ч. 1, д. 280, лл. 95, 152.

[11] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 24, оп. 1, д. 318, л. 26.

[12] Красный архив, 1936, № 75, с. 170.

[13] Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 53, оп. 1, д. 111, лл. 39об.— 40, д. 46, л. 98об.; ГДМЧ, НВФ, № 14278, д. 2; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 48, лл. 30—31; д. 80, л. 244; ГАСО, ф. 53, оп. 1, д. 114, л. 16об.; Государственный архив Свердловской области (ГАСВО), ф. 184, оп. 1, д. 64, л. 268об.; Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 162, оп. 2, д. 168, лл. 20, 53об., 54; Новикова Н. Н. Ленин о роли Н. Г. Чернышевского как главы революционеров 1861 г. В кн.: Новикова Н. Н. Клосс Б. М. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. М. 1981, с. 239—240; и др.

П. А. Алексеева, С. Л. Перовской, А. И. Желябова, А. Л. Михайлова и др. были обнаружены в 1902 г. у членов Саратовской социал-демократической организации [14].

Под напором нараставшего революционного брожения в стране царское правительство вынуждено было смягчить цензурный режим. Появилась возможность публикации первого собрания сочинений Чернышевского, хотя, как впоследствии писала газета «Закаспийское обозрение», обстоятельства издания его — это «своего рода история хождения по мукам», оно стоило сыну революционера М. Н. Чернышевскому «колоссального труда и больших денег». В одном из писем конца 1904 г. к О. С. Чернышевской он писал: «А пока я совершенно измучился и физически, и нравственно». В печати появляются и фотографии выдающихся деятелей русского революционного движения, в том числе Чернышевского [15].

В годы первой российской революции выпуск и распространение политических изданий получили чрезвычайно широкий размах. Повысился спрос на революционную литературу и в Публичной библиотеке в Петербурге. Когда ряд издательств начал публиковать сочинения представителей передовой мысли прошлого, то именно материалы библиотеки были использованы для подготовки к публикации сочинений Радищева, Грибоедова, Чернышевского. Читатели Публичной библиотеки получили доступ к тем изданиям, которые до 1905 г. были под строгим запретом,— к сочинениям Радищева, Герцена, Чернышевского, журналу «Современник» и др. Политическая литература заняла достойное место в библиотеках Иркутска, находившихся под влиянием комитета РСДРП. Здесь имелись сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, а также революционно-демократическая литература, представленная работами Белинского, Чернышевского, Добролюбова [16]. Один из читателей-рабочих писал в то время, что рабочие, знакомясь с революционно-демократической литературой, стараются «приблизить истинный интеллигентский идеал Белинского, Герцена, Чернышевского, Михайловского» [17].

После поражения революции 1905—1907 гг. с наступлением реакции вновь началось гонение на передовую литературу, опять были изданы каталоги запрещенных изданий для библиотек. Царское правительство видело в них источник широкого распространения среди населения книг и других изданий революционного содержания и усиленно практиковало обыски, «ревизии» и изъятия книг из библиотек и читален, а также репрессии против их работников. В годы реакции из книгохранилищ изымались произведения Маркса, Энгельса, большевиков, русских революционных демократов, книги по истории революционного движения.

В Черниговской, Полтавской губерниях из библиотек были изъяты революционно-демократические издания, в том числе сочинения Добролюбова, Чернышевского, Писарева и др. В Пермской городской общественной библиотеке «под арестом» оказалось 3200 книг. Среди них были произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Ч. Дарвина, И. М. Сеченова, Н. В. Шелгунова и др., а также журналы XIX в.— «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово». В 1910 г. начальник Пермского губернского жандармского управления отдал распоряжение всем уездным исправникам в кратчайший срок негласным путем приобрести каталоги общественных библиотек и доставить их в жандармское управление. После проверки каталога Оханской земской публичной библиотеки из нее были изъяты 82 издания по истории русского революционного движения, в том числе книга «Объявление приговора Н. Г. Чернышевскому» и роман «Что делать?» [18].

Проводились обыски и в книжных магазинах. В январе 1908 г. полицейские отобрали 4628 экз. нелегальной и «тенденциозной» литературы в книжном магазине Шаховской в Архангельске. В фонде местного губернского жандармского управления хранится дело «Об обнаружении в магазине книг преступного содержания». В списке книг отмечена как марксистская литература, так и литература по истории революционного движения в России. Среди перечисленных в списке изданий книга «Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского на каторге» П. Ф. Николаева. В книжном магазине в Красноярске, тесно связанном с местным комитетом РСДРП, во время обыска было конфисковано большое количество книг, запрещенных цензурой, в том числе художественная литература (русская и зарубежная). Среди изъятых книг были и сочинения Чернышевского «Что делать?» и «Пролог пролога» [19].

В годы реакции вновь активизировалась деятельность цензурных ведомств. В 1907 г. было запрещено стихотворение Штерна «Николай Гаврилович Чернышевский», написанное, по словам цензора А. Фойгта, по поводу смерти «известного политического преступника». Был наложен арест на журнал «Былое», в котором появилась статья М. К. Лемке «Дело Н. Г. Чернышевского». Осталась запрещенной в 1909 г. книга Чернышевского «Письма без адреса». В 1912 г. был наложен арест на журнал «Современник», в котором напечатана статья Ю. М. Стеклова «Герцен и Чернышевский». В 1913 г. была арестована книга «Спутник рабочего на 1914 год», вышедшая в легальном партийном издательстве «Прибой» и пользовавшаяся огромной популярностью. Основанием для ее запрета послужила публикация в ней материалов о Марксе, Бебеле, Лассале и Чернышевском [20].

Таким образом, царизм всячески препятствовал изданию и распространению сочинений Чернышевского. Этот факт служит доказательством их революционной значимости не только на разночинском, но и на пролетарском этапе освободительного движения в России.

---

[14] Владимир Ильич Ленин. Биография. М. 1981, с. 58; У истоков большевизма. М. 1983, с. 297. ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 251, л. 55; ГАСО, ф. 53, оп. 1, д. 215, т. 1, лл. 578, 599; Пропагандист великого наследия, с. 58.

[15] ГДМЧ, НВФ, № 3842/12; Основной фонд (ОФ), № 3897/8; ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 4, д. 342, л. 299.

[16] См. История Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л. 1963, с. 130, 150; Полищук Ф. М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII в.— февраль 1917 года). Иркутск. 1983, с. 79.

[17] Клейнборт Л. М. Русский читатель-рабочий. Л. 1925, с. 80.

[18] Громова А. А. Библиотечное дело в России (в 1908—1914 гг.). М. 1955, с. 6, 7; ГАПО, ф. 162, оп. 3, д. 39, лл. 19, 25—31, 45.

[19] Государственный архив Архангельской области, ф. 1313, оп. 1, д. 359, лл. 18—20, 21об.—23; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 813, л. 79.

[20] Шестидесятые годы. М.—Л. 1940, с. 416; ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 6, д. 91, л. 59; ф. 776, оп. 9, д. 186, л. 128, ф. 779, оп. 4, д. 313, л. 81; оп. 9, д. 2192, л. 60; Шмушкис Ю. Е. В. И. Ленин и социал-демократическая литература.— Книга. Исследование и материалы. М. 1970, с. 108.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ОРДЕНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В России ордена появились на рубеже XVII—XVIII вв., в эпоху петровских преобразований. Пожалование ордена было в руках носителя верховной власти почетной и выгодной наградой за доблестное служение монарху и государству. Тогда же радикально преобразованная система чинов, званий и титулов, бывшая одним из устоев государственной машины и важнейшим элементом общественной жизни, вскоре тесно сплелась с наградной организацией. В дальнейшем шло параллельное развитие и укрепление орденского института и гражданской и военной бюрократии. Постепенно складывается система орденов, устанавливаются их строгие статусы, появляется орденская администрация, определяется четкий механизм наградной процедуры. В целом эти процессы завершились к 20—40-м годам XIX века.

Итог полуторавекового формирования орденской организации России подвело «Учреждение орденов и прочих знаков отличия» в редакции 1855 года. Оно же стало основой ее последующего развития. Сложившаяся орденская организация состояла из 8 императорских и царских орденов, имевших в общей сложности около 30 степеней и разновидностей. Во главе ее стоял Капитул орденов, подчинявшийся непосредственно и только императору.

В 1897 г. Капитул российских императорских и царских орденов отмечал свой столетний юбилей. Этому событию были посвящены три издания, которые в совокупности представляют собой в значительной мере «энциклопедию русских орденов» и являются незаменимыми для исследователя. Наиболее интересная из этих работ — «Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов» (СПб. 1891; изд. 2-е. СПб. 1892 менее полное). По заказу Капитула его написали и составили профессиональные историки Е. Е. Замысловский и И. И. Петров, использовав архив этого учреждения и Полное собрание законов. В 1901 г. на русском и французском языках была издана роскошно оформленная книга [1], в которой история русских орденов доведена до начала XX века. На фоне этих трудов небольшие работы П. П. Винклера [2] интересны, пожалуй, лишь довольно полной библиографией.

Из других вышедших в дореволюционное время книг и статей упомянем сочинение В. Мамышева «Владимирские кавалеры» (СПб. 1873), задуманное как «хранилище сведений о кавалерах, как награжденных орденом за особенное отличие, так и о наизамечательнейших из удостоенных им за выслугу лет, а равно и материалов для полной истории знаменитого ордена» (с. 5). К сожалению, дальше первой части первого тома с биографиями трех высших военных чиновников — кавалеров ордена св. Владимира,— дело не пошло. Деятельности Капитула орденов за 1881—1894 гг. посвящена большая глава в издании Министерства императорского двора и уделов (МИДиУ) [3]. Специальная литература посвящалась военному ордену св. Георгия — одной из знаменитейших русских наград [4].

Известная односторонность дореволюционной историографии, ее строго официальный характер вполне понятны. Но тем не менее нельзя не отметить, что в досоветской литературе содержится не утративший своего значения богатый фактический материал по истории отечественных наградных знаков отличия. Его использует и зарубежная историография. Справочник Э. Амбургера (ФРГ) «История организации государственных учреждений России от Петра Великого до 1917» содержит основные сведения о Капитуле орденов [5]. В 1968 г. в США вышел обширный каталог русских орденов, медалей и наградных знаков, включивший награды царской России, Временного правительства и СССР [6].

В советской исторической науке вопрос об орденской организации дореволюционной России долго не привлекал к себе серьезного внимания. Только в начале 60-х годов Е. Н. Шевелева составила «Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков». (Л. 1962). В дальнейшем изучение русской орденской организации шло в основном по трем, тесно связанным между собой, направлениям.

Прежде всего изучались сами орденские знаки. Так определил предмет своих исследований И. Г. Спасский, автор вышедшей в 1963 г. в Ленинграде книги «Иностранные и русские ордена до 1917 года». Разделы «Историческая эволюция орденов» и «Русские ордена» вместе с библиографией и богатым иллюстративным материалом дают во многом новые и ценные сведения, но вопросы, связанные с механизмом наградного дела в России, социальной функцией орденов автором практически не затронуты [7].

Второе направление — история Отечества в награждениях орденами и самих орденских знаках. Наиболее интересны в этом отношении работы ленинградского фалериста В. Г. Буркова [8].

Третье направление — историография орденской организация России как важной части ее государственного аппарата. В Московском историко-архивном институте эта работа велась под руководством проф. Н. П. Ерошкина [9]. Новый учебник коллектива авторов (В. Б. Кобрин, Г. А. Леонтьева, П. А. Шорин. Вспомогательные исторические дисциплины. М. 1984) рассмотрел наградную организацию как одну из систем социального этикета. Появился и ряд статей в специальных энциклопедиях [10].

Под наградной организацией советская историческая наука понимает важный элемент государственного аппарата, состоящий из администрации, ведающей этим делом, которая, используя систему знаков отличия и механизм наградной процедуры, проводит в данной области определенную политику в интересах государственной власти. В настоящее время перед советскими учеными стоит задача создания отвечающего современным научным требованиям исследования всей истории орденской организации дореволюционной России как важного политического института.

М. А. Леушин

---

[1] Квадри В., Конаржевский К. Российские императорские и царские ордена. СПб. 1901.

[2] Винклер П. П., фон. Очерки истории орденов и знаков отличия в России от Петра Великого до наших дней. СПб. 1899; его же. Орден.— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXII.

[3] Обзор деятельности МИДиУ за время царствования Александра III. Ч. 1, кн. 2. СПб. 1901, гл. V.

[4] См., напр., Степанов В. С., Григорович Н. И. В память столетнего юбилея (1769—1869) ордена св. Георгия. СПб. 1869.

[5] Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russland von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden. 1966.

[6] Werlich R. Russian Orders, Decorations and Medals Including those of Imperial Russia, the Provisional Government and the Soviet Union. Washington. 1968.

[7] См.: Дуров В. А. Русские и советские ордена. М. 1978 (изд. 2-е. М. 1983); Защук Г. В. Из истории одного ордена.— Вопросы истории, 1969, № 12.

[8] Бурков В. Г. Отечественные наградные знаки отличия и их документация как исторический источник и предмет фалеристики. Автореф. канд. дисс. Л. 1979; его же. Фалеристика. Л. 1985; его же. Фалеристика.— Советская Военная энциклопедия (СВЭ). Т. 8, с. 248; Дуров В. А. Русские ордена за Отечественную войну 1812 г.— Вопросы истории, 1988, № 6.

[9] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1983; его же. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М. 1981; его же. Чиновничество.— Советская Историческая энциклопедия (СИЭ). Т. 16; см. также: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России XIX в. М. 1978; Шепелев Л. Е. Отмененные историей. Л. 1977.

[10] Цамутали А. Н. Ордена в дореволюционной России.— СИЭ. Т. 10; Дуров В. А. Награды.— СВЭ. Т. 5; его же. Ордена России.— СВЭ. Т. 6.

Л. П. БЕЛКОВЕЦ. *Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг.* Изд-во Томского университета. Томск. 1988. 286 с.

Проблема, рассматриваемая в рецензируемой книге шире ее заглавия. Фактически речь идет о начальном этапе истории русской исторической науки, а также о межнациональном культурном обмене и взаимовлияниях, по поводу чего велись бурные споры. В центре исследования — фигура Г. Ф. Миллера, ученого с «непростой историографической судьбой» (с. 14). В аналитическом обзоре публикаций о нем охватить все Л. П. Беликовец, конечно, не могла. Но и привлеченный ею материал позволяет сделать вывод, что в дореволюционной России авторитет Миллера был очень высок. Не изменилась эта оценка и в первые советские десятилетия. Резкая перемена произошла в конце 40-х годов, когда в ходе борьбы с космополитизмом принялись доказывать непременный приоритет русской науки во всех областях, а заодно и проверять национальную принадлежность тех, кто в ней работал. Миллер же был немец. Этого было достаточно, чтобы надолго отлучить его от русской науки. Но были и «отягчающие» обстоятельства: Миллер был еще и норманист, да к тому же враг Ломоносова, имя которого с конца 40-х годов приобрело почти сакральное звучание. Нельзя, впрочем, полностью согласиться с автором, когда она пишет: «Приходится с горечью признать, что мы, поднимая из забвения славное имя М. В. Ломоносова, делали это в те годы в ущерб Г. Ф. Миллеру» (с. 39). О каком, собственно, забвении Ломоносова идет речь? Ведь значение его трудов, особенно в естественных науках, не умалялось никогда. Реальный Ломоносов был всегда достаточно значителен и не нуждался в постоянном присутствии злодея-Миллера для подчеркивания его заслуг.

За прошедшие 40 лет голоса в защиту Миллера раздавались не раз, а в последнее десятилетие появились и специально ему посвященные работы, которые убедительно свидетельствуют о его весьма значительном вкладе в развитие русской исторической науки, к которой, бесспорно, принадлежал и Миллер. Он прожил в России 58 из 78 лет своей жизни, писал по-русски, многое сделал для распространения научных знаний по истории России как внутри страны, так и за ее пределами. Ему принадлежит приоритет в разработке ряда важнейших проблем отечественной истории.

Но может ли вообще быть национальность у науки? И разве не принадлежит она всему человечеству? Это очень хорошо видно из содержания книги. Белковец анализирует работы Миллера, опубликованные на немецком языке, рассматривает их влияние на немецких, французских и английских историков, на духовную жизнь Европы XVIII столетия. И оказывается, что издававшийся Миллером на немецком языке первый русский исторический журнал сыграл важную роль «в повышении авторитета русской науки и культуры в Западной Европе в XVIII в.» (с. 184).

Издания Миллера и Бюшинга, их научные труды были направлены против искажения русской истории, они способствовали разрушению распространенных в Европе стереотипных представлений о России как об отсталой, варварской стране. Именно этим трудам были в значительной степени обязаны своими воззрениями на Россию такие крупнейшие европейские просветители XVIII в., как Вольтер и Гердер.

Еще два устоявшихся мнения исчезают после прочтения книги. Во-первых, даже самые ярые защитники Миллера (не исключая и автора этих строк) всегда полагали, что он в отличие от многих своих современников и коллег в Европе был чужд философии истории. Белковец убедительно доказывает ошибочность этой точки зрения. Анализируя многочисленные работы Миллера, автор приходит к выводу, что его научное мировоззрение имело целостный характер и основывалось на современных ему идеях рационалистической философии.

Второй разрушаемый в книге стереотип — это то, что у реакционного якобы историка Миллера были довольно прогрессивные по тем временам убеждения. Так, он открыто критиковал крепостнические отношения (с. 145—147). По мнению Белковец, появление содержащей эту критику публикации вызвало недовольство Екатерины II, поскольку высказанные в ней «идеи не отвечали действительным намерениям императрицы в отношении крепостного права» (с. 149). С этим вряд ли можно согласиться. Просто Екатерина считала несвоевременными подобные высказывания. А вот приведенная Белковец мысль Миллера актуальна и поныне: «Желал бы я очень, чтобы все народы признали общее свое происхождение от одного корня и вследствие этого отложили бы всякую ненависть и вражду между собою...» (с. 108). Белковец права, рассматривая Миллера как активного и заметного деятеля русского Просвещения XVIII века.

Проблема взаимосвязи исторической науки, распространения позитивных исторических знаний как составной части процесса развития в России идей Просвещения еще ждет своего исследователя.

Мы имеем некоторое, хотя и довольно смутное, представление о том, как рост национального самосознания в России отражался, скажем, в русской литературе и публицистике второй половины XVIII в., но какова была в этом процессе роль исторической науки? Мы все еще находимся в плену схемы, согласно которой русская историография второй половины XVIII в. была «дворянской», а, следовательно, если не реакционной, то уж никак не прогрессивной. Миллер явно не вписывается в эту схему ни по своим позициям, ни по тем методам исследования, какими он пользовался. Да, и вообще разделение историографии на дворянскую и буржуазную вряд ли плодотворно. Если говорить о взглядах историков, то взгляды, скажем, «буржуазного» историка С. М. Соловьева имели скорее продворянский, нежели буржуазный характер. А если говорить о методике исследования, методике работы с источниками, то вряд ли вообще возможно определить ее классовую сущность.

Самостоятельное научное значение имеет раздел, где анализируется дискуссия о приоритете России в географических открытиях в Сибири и на Дальнем Востоке, развернувшейся на страницах «Еженедельных известий», издававшихся Бюшингом. Эта сложная и запутанная тема практически не разработана ни в советской, ни в немецкой литературе. Оказывается, работами Миллера о русских географических открытиях, печатавшимися за границей, интересовались и пользовались виднейшие европейские ученые. Вокруг них развернулись жаркие дебаты, точка в которых была поставлена путешествием Дж. Кука, доказавшего правоту Миллера. Закономерным является вывод автора о том, что утверждение в Западной Европе научного знания о русских географических открытиях теснейшим образом связано с именами Миллера и Бюшинга, «дающих нам образец бескорыстного служения науке и плодотворного научного сотрудничества» (с. 281).

А. Б. Каменский

А. И. ПУТРО. *Левобережная Украина в составе Российского государства во 2-й половине XVIII в.* Киев. Вища школа 1988. 141 с.

Основное внимание в этой монографии уделено процессам постепенного разложения феодально-крепостнической системы на Левобережной Украине под влиянием развития капиталистического уклада. Исследование опирается как на известные, так и еще не введенные в научный оборот архивные источники.

В книге в едином комплексе рассмотрены крестьянское, казацкое и помещичье хозяйства, положение городов, структура органов управления, нобилитация казацкой старшины и окончательное закрепощение крестьянско-казацких масс, унификация административно-политического и военного устройства региона, формы классовой борьбы, общественно-политическое движение в период выборов в Комиссию по составлению «Нового уложения» 1767 года.

Характеризуя широкое распространение в регионе барщины, автор обоснованно подчеркивает, что речь в данном случае идет о новой экономической функции отработочной ренты, призванной обслуживать уже не только потребительские нужды замкнутого феодального хозяйства, но и новые рыночные связи помещичьего товарного хозяйства (с. 18). Автор показывает, что экономика крестьянского хозяйства в изучаемый период наряду с натурально-потребительскими функциями в значительной степени определялась ростом его товарности, созреванием в недрах феодального строя капиталистических отношений. При этом отмечается, что степень товарности крестьянского хозяйства находилась в прямой зависимости и взаимообусловленности с процессом расслоения крестьянства (с. 19, 28). Экономика крестьянского, казацкого и помещичьего хозяйства рассмотрена в работе

очень подробно, однако более глубокого рассмотрения требовал дискуссионный пока еще вопрос о формировании земельной собственности капиталистического характера.

В книге прослежены изменения в административно-политическом устройстве Левобережной Украины, отразившиеся на правовом положении народных масс, приведены данные о том, как казацкая старшина добивалась дворянских привилегий, тормозивших процесс разложения феодально-крепостнической системы. Большое место отведено автором политике угнетения народных масс со стороны как самодержавия, так и старшинской администрации. Окончательное закрепощение украинских крестьян, замечает Путро, являлось составной частью крепостнической политики царизма, особенно усилившейся после подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева (с. 92—93).

Рассмотрены в книге и малоизученные формы антифеодальных выступлений, их особенности (побеги и так называемые искания казачества), участие беднейших слоев крестьянства и казачества в Колиившине, в борьбе против польских феодалов и гайдамацком движении. Думается, однако, что, характеризуя степень разработки вопросов классовой борьбы, автору следовало бы назвать главные монографические исследования по данной проблематике, а не ограничиваться перечислением лишь коллективных (обобщающих) трудов и документальных сборников.

Анализируя политику казацкой старшины в период выборов в Комиссию по составлению «Нового уложения,», автор показывает, что ее экономическое могущество к середине XVIII в. настолько возросло, что она начала открыто стремиться к юридическому оформлению своего положения. В то же время нельзя согласиться с выводом Путро, что усиление контроля центральной власти над социально-политическими процессами в украинских городах «объективно способствовало сохранению и дальнейшему развитию здесь раннебуржуазных отношений» (с. 128). Здесь необходима оговорка, поскольку такой прямой зависимости быть не могло. Действительно, с одной стороны, центральная власть своими привилегиями мещанству содействовала развитию буржуазных отношений, но с другой — фискальная политика царизма тормозила этот процесс.

В. А. Голобуцкий

M. JOKIPI. *Jatkosoden aynty. Tutkimuksia Saksan ja Suomens sotilaallisesta yhteistyistä. 1940—1941.* Helsinki. Otava. 1987. 759 s.

М. ЙОКИПИЙ. *Рождение войны продолжения. История военного сотрудничества Германии и Финляндии в 1940—1941 гг.*

Стремящиеся к объективности историки в послевоенное время делали в разных странах многое, чтобы разоблачить фальсификацию истории войны, восстановить действительный ход событий, раскрыть подлинные мотивы, которыми руководствовались политические деятели. На этом пути исследователи сталкиваются с узостью документальной базы. Документы, которые освещают так называемые щепетильные моменты, по вполне понятным причинам чаще теряются, уничтожаются, чем материалы «нейтральные» и особенно «выгодные». Иногда важные договоренности, сделки формулировались только устно, и об их содержании можно судить лишь по косвенным доказательствам. Выявлению полной истины мешают также идеологические установки и предубеждения исследователя.

Книга известного финского историка, профессора Ювяскюлаского университета М. Йокипия представляет интерес с точки зрения выяснения роли Финляндии во второй мировой войне. Исследование его носит заголовок «Рождение войны продолжения». В Финляндии так называют войну с Советским Союзом в 1941—1944 годах. В работе рассматриваются и некоторые внутриполитические проблемы Финляндии, экономические, в том числе и внешнеэкономические аспекты, ее внешняя политика, и не только в отношении Германии, которая во время войны официально считалась братом по оружию. К сожалению, анализ финско-германского военного сотрудничества доведен автором только до 25 июня 1941 г., то есть до того дня, когда Финляндия официально вступила в войну. Прямое военное сотрудничество двух стран в ходе войны не рассматривается автором, как и более ранние связи между офицерами Германии и Финляндии.

Что же побудило финского историка так объемно и детально описывать столь непродолжительный период? Научная добросовестность, пристрастие (может быть, излишнее) к деталям? Несомненно. Но, думается, не только это. Вопрос об участии Финляндии в агрессии против СССР, учитывая и последствия последней для этой страны, является одним из самых щепетильных для Финляндии, известной своими демократическими традициями. Дискуссии велись и ведутся не только о мотивации руководителей страны, но и о причинах втягивания ее в эту войну.

Уже в июне 1941 г. политическое руководство Финляндии изображало дело так, что вступление в войну против СССР не связано с германской агрессией, что эта война представляет собой только продолжение советско-финляндской (1939—1940 гг.), возобновившейся якобы в связи с тем, что советская авиация совершила налет на финские аэродромы (о том, что там находились германские самолеты, естественно, не упоминалось). Этой концепции Финляндия придерживалась и в течение всей войны и после своего поражения. Хотя во время процесса над главными военными преступниками в 1946 г. были обнародованы некоторые документы, разоблачающие эту версию, финские историки и мемуаристы, в том числе К. Г. Маннергейм, изображали события, придерживаясь именно ее. Ей даже дали позаимствованное из воспоминаний германского посланника в Хельсинки фон Блюхера название: «теория о плывущем по течению бревне». Согласно этой версии, Финляндия была втянута в войну против своей воли, подобно «бревну в быстротечных финских реках».

Первые ощутимые удары этой теории были нанесены в 50—60-х годах английскими и американскими историками Ч. Лундином, Э. Антоном и Х. П. Кросби, использовавшими германские документы и мемуары[1].

[1] Lundin Ch. L. Finland in the Second World War. Princeton. 1957; Upton A. F. Finland in Crisis 1940—1941. Lnd. 1964; Krosby H. P. Suomen valinta 1941. Helsinki, 1967.

Против теории «плывущего бревна» выступал также тогдашний президент Финляндии У. К. Кекконен. В стране развернулась оживленная дискуссия. Теорию «плывущего бревна» «топили», но так и «не утопили», поскольку недостаточной оставалась финская документальная база. Трудно было установить, о чем германские и финские офицеры в тот подготовительный период между собой договаривались, так как Маннергейм приказал о самых важных делах докладывать ему лично и только устно. Часть финских военных документов была в конце войны увезена в Швецию, и их судьба, как пишет финская пресса, неизвестна. Совместных договоренностей о планируемых акциях против СССР, закрепленных подписями и печатью, не найдено. А может быть, этих документов и вовсе не было. Доклады же германских офицеров об их договоренностях с финскими коллегами можно было толковать и как передачу германской точки зрения, не вполне точно отражающей позицию финской стороны.

Пытаясь выяснить истину, Йокипий значительно расширял источниковую базу. Он работал не только в финских, но и в германских, шведских и английских архивах. Ознакомился не только с важнейшими дипломатическими документами, но и «боковыми», включая консульские, брал интервью. Но главное, конечно, это военные архивы. Автор не ограничился только материалами центральных ведомств, но и привлек документацию на уровне батальонов, экипажей военных судов, эскадрилий, зенитных батарей, как финских, так и германских. То, что в материалах более высоких инстанций было выражено довольно завуалированно (часть этих документов увезена из страны или уничтожена), в судовых журналах, например, отражено откровенно и конкретно. Автор подробно цитирует эти документы.

Перед читателем предстает целостная картина конкретного сотрудничества вооруженных сил Германии и Финляндии на нижнем уровне, в особенности между 22 и 25 июня 1941 г., то есть началом германской агрессии против СССР и официальным вступлением Финляндии в войну. На этой основе можно сделать вывод, что документы германских офицеров высокого ранга весьма точно отражают и финскую точку зрения. Тем самым в научный оборот введены весомые аргументы против теории «плывущего бревна».

Думается, что при переосмыслении ряда

сюжетов, относящихся к истории СССР во время второй мировой войны,— а это, как известно, весьма актуальная и важная задача в рамках перестройки,— целесообразно учитывать и метод Йокипий. Может быть, и нашим историкам следует под этим углом зрения проработать тогдашние дипломатические и особенно военные документы?

Х. Вайну

Л. Н. БРОВКО. *Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры. 1933—1945.* М. Наука. 1988. 304 с.

Научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, кандидат исторических наук Л. Н. Бровко стремится в своем исследовании решить ряд проблем из истории ведущего отряда европейской социал-демократии межвоенного периода СДПГ, в основном касающихся ее отношения к гитлеровской диктатуре и проблеме организации антифашистской борьбы. В советской историографии данная тема уже рассматривалась в контексте идейно-политической эволюции СДПГ. Основное внимание автора сконцентрировано на острой борьбе, происходившей внутри этой партии по проблемам нацизма, грядущей войны, союзников в деле сопротивления гитлеризму, а также будущего Германии. Автор использовал материалы из архивов ГДР и ФРГ, прессу различных направлений, мемуары, переписку видных деятелей германского рабочего движения, программные документы СДПГ.

И по прошествии почти 60 лет нас продолжает волновать вопрос: почему фашисты смогли нанести поражение одному из наиболее сильных — в организационном и идейно-теоретическом отношении — отрядов международного рабочего движения? Какая доля вины за это ложится на плечи СДПГ и КПГ? Что сделали Рабочий социалистический интернационал (РСИ) и Коминтерн, чтобы предотвратить приход фашизма к власти? Бровко утверждает, что КПГ, как с точки зрения теории, так и в практической деятельности, не была свободна от сектантства и догматизма, характерных в конце 20—30-х годов для всего коммунистического и рабочего движения (с. 19), но в то же время не снимает и ответственности с СДПГ, долгие годы недооценивавшей опасность фашизма, стремившейся решить проблему власти исключительно с помощью верхушечных политических комбинаций с буржуазными партиями. В результате партия, имевшая полувооруженные формирования («райхсбаннеры») — аналог им был только у австрийских социал-демократов («шуцбунд») — не смогла защитить Веймарскую республику, да и самою себя от все более наглевших штурмовиков.

В книге рассматриваются центробежные тенденции в СДПГ, показаны как процесс радикализации левого крыла, так и оппортунистические тенденции в официальном руководстве партии. Бровко критикует не только реформистскую косность лидеров СДПГ, но и достаточно типичные для части левых надежды на возможность устранения фашизма с помощью средств пролетарской диктатуры (с. 85). Подробно и всесторонне автор рассматривает важный теоретический документ германской социал-демократии — Пражский манифест 1934 г., содержащий некоторые формулировки, идейно близкие марксистскому пониманию ряда вопросов рабочего движения.

Чрезвычайно важным в тот момент было установление (после долгих лет вражды) контактов между руководством СДПГ и КПГ. Впрочем, и об этом достаточно убедительно говорится в книге, фактически это сотрудничество на низовом уровне началось уже в 1933—1935 гг., чему способствовали и решения VII конгресса Коминтерна. И все же переговоры руководящих органов этих партий (ноябрь 1935 г.) не дали положительного импульса спонтанно развившемуся процессу. По мнению автора, вина за это ложится на лидеров СДПГ, которые пошли на переговоры с КПГ якобы в чисто пропагандистских целях (с. 143). С этим вряд ли можно согласиться. Не до того было и социал-демократам, и коммунистам, несшим тяжелейшие потери. И, видимо, не так уж не правы те буржуазные исследователи, которые считают, что лед недоверия нельзя было растопить одним махом. Тем более что правильные в своей основе решения VII конгресса Коминтерна так и не получили творческого развития в практике КПГ.

Ситуация изменилась к лучшему, когда в 1936—1937 гг. в Испании и Франции образовались правительства Народного фронта. Число сторонников этой идеи множилось и в СДПГ, хотя условия тогдашней Германии не давали надежды на возможность скорого свержения гитлеризма и образования правительственного союза социал-демократов и коммунистов. Как отмечается в работе, и в этом вопросе «левые заскоки» имели место как у коммунистов, так и у социал-демократов. Некоторые радикально настроенные члены СДПГ считали антифашистскую борьбу делом исключительно рабочего класса. И в рядах КПГ «сохранялись известные настроения сектантства и левачества, колебания в оценке перспектив сотрудничества с антифашистскими демократическими силами за пределами рабочего класса» (с. 174).

В канун второй мировой войны, как показано в книге, то обстоятельство, что лидеры СДПГ питали иллюзорные надежды на Запад, который, по их мнению, не мог допустить развязывания войны, мешало партии найти отвечающие потребностям ситуации подходы к более активному участию в антифашистской борьбе. Трудно согласиться с автором, критикующим тех членов руководства СДПГ, которые призывали с осторожностью относиться к политике Советского Союза. Ну разве «ложно утверждало» Правление СДПГ в мае 1939 г., что СССР готов повернуться лицом к Западу не из любви к демократии, а из корыстных внешнеполитических соображений (с. 185—186)? В свете сегодняшних данных о советско-германских документах августа — сентября 1939 г. анахронизмом выглядят упреки в адрес социал-демократии, якобы «не осознавшей вынужденного характера этого маневра советской дипломатии, как единственной возможности для СССР отсрочить войну...» (с. 204). Гитлеровско-сталинский дележ Европы вбил еще один клин в отношения между коммунистами и социал-демократами, привел к замешательству в рядах первых и усилению настроений антикоммунизма и антисоветизма — у вторых.

Начало Великой Отечественной войны многое поставило на свои места, заставив даже тех, кто не слишком доверял друг другу, стать союзниками в борьбе против фашизма, победа над которым позволяла, хотя бы частично, в условиях ГДР, решить проблему восстановления единства рабочего движения. Что касается ФРГ, то там укрепление позиций рабочего класса происходило почти исключительно путем усиления роли и влияния СДПГ. Бровко, безусловно, права, когда отмечает связь между антифашистскими и антивоенными традициями этой партии и ее современной ролью, как одного из наиболее последовательных в Западной Европе защитников идей разрядки и разоружения.

В. Я. Швейцер

В. Л. МАЛЬКОВ. *Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии.* М. Мысль. 1988. 350 с.

Эта работа может рассматриваться как продолжение многолетних исследований доктора исторических наук В. Л. Малькова (Институт всеобщей истории АН СССР) по широкому кругу проблем истории США, связанных с периодом мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и «новым курсом». Автор точно определил жанр своей новой работы как историко-документальные очерки. В работе широко используются выявленные им архивные источники, позволившие добавить новые черты в характеристику и самого Ф. Д. Рузвельта и других политиков, главным образом тех, что его окружали — как искренних единомышленников, так и принципиальных противников. Это позволяет глубже раскрыть и содержание той острой и жесткой борьбы, в ходе которой вырабатывался и проводился в жизнь «новый курс» во внутренней политике США, определялись ориентиры и приоритеты внешней политики администрации Рузвельта.

Книга привлекает читателя человеческим, личностным подходом, которого так не хватало многим прежним работам по данной проблематике. Автор стремится проникнуть во внутреннюю логику поступков политических деятелей, беспристрастно осмыслить их позицию. Малькову удалось избе-

жать плоскостного, схематизированного изображения ведущих социально-политических процессов изучаемой им эпохи. Он не предлагает однозначных оценок. Читатель имеет возможность сам на основании многочисленных фактов, во многих случаях мало или вообще до этого неизвестных, наблюдений и суждений современников, равно как и исследователей данного периода, определить свое отношение, найти свой угол зрения.

Рузвельт предстает перед нами как великий реформатор, обладающий такими качествами, как проницательность и дальновидность, динамизм, политический реализм, основанный на собственном понимании развития мировых процессов, способный к использованию разнообразных тактических приемов, учитывающий политические и идеологические тенденции, развивающиеся в обществе, соотношение общественных сил, рационально сочетающий стратегическое предвидение, долгосрочные перспективные прогнозы с гибким, адекватным и оперативным планированием, умеющий идти на компромиссы, делать необычные ходы, принимать неожиданные решения. Собранные Мальковым материалы позволяют лучше увидеть этапы восхождения Рузвельта, пусть противоречивого и непоследовательного, но все же именно восхождения — от сугубо прагматических решений к осмыслению общечеловеческих приоритетов и измерений.

Автор не ставил перед собой задачи дать всестороннюю характеристику эпохи. Это уже предпринимали другие историки, как, впрочем, и автор. Однако исследование только бы выиграло, если бы он уделил специальное внимание современному подходу к вопросу о месте государственно-монополистического капитализма (ГМК) в истории США. Это позволило бы полнее осветить и «вызов эпохи», и роль Рузвельта, оценить этот этап с учетом последующей эволюции американского общества, в контексте исторического опыта. Собственно, и автор в предисловии обозначил эту линию исследования (с. 3,4). В этом плане можно было бы более развернуто рассмотреть возможности ГМК в той его модели, которая воплотилась в 30—70-х годах в США.

Более глубокого анализа требовал и вопрос о причинах и истоках «нового курса». По-видимому, сейчас уже недостаточно делать ударение главным образом на стремлении ньюдилеров спасти американский капитализм от растущей «революционной угрозы» (с. 4, 16, 23, 29, и др.). Думается, надо различать субъективное восприятие ситуации, сложившейся в стране, во многом связанное с революционными процессами, происходившими в мире, и объективные потребности развития существующей в США социально-экономической системы так же, как и стремление ряда американских политиков и публицистов в спекулятивных целях использовать жупел «красной угрозы» против своих соперников в межпартийной борьбе. Последнее обстоятельство необходимо иметь в виду и по той причине, что так называемые средние классы в США всегда были особо чувствительны к угрозе слева, к «красному страху», ко всему, что могло поставить под сомнение священное право частной собственности. Главным же при принятии Рузвельтом реформаторских решений было стремление преодолеть кризис капиталистической системы за счет серьезных структурных реформ.

Вполне оправданно внимание автора к движениям социального протеста. К сожалению, оно ограничивается в основном рамками первого этапа рузвельтовского правления (1933—1936 гг.). Трудно, например, понять, почему автор не коснулся такого многопланового и поучительного сюжета, каким были стачки периода войны. Рузвельтовский период побуждает к серьезным размышлениям о том, что развитие ГМК органически сочеталось с усилением тенденции к интеграции профсоюзов в его систему, в структуру государственного социально-экономического регулирования.

При характеристике массовых, в том числе и антимонополистических движений автор стремился преодолеть упрощенный, дихотомный (пролетариат — буржуазия), подход к их рассмотрению. В книге дана содержательная (хотя и слишком конспективная) характеристика столкновений и конфликтов разных социальных слоев, классов. Требования, выдвигаемые этими движениями, прослеживаются в развитии, в тесной связи с обострением потребности в глубоких переменах (с. 94). Говоря о слабости политического влияния на массы со стороны пролетарского «классово сознательного авангарда», автор склонен объяснять ее «приливом мелкобуржуазной стихии в лице широких движений социального протеста», вносивших, как он считает, серьезную путаницу в сознание масс, способствовавших «в ряде случаев... оживлению отсталых настроений, используемых реакцией для ведения антирадикальной и антилиберальной пропаганды» (с. 92). Думается, здесь необходимо было сделать более сильный акцент на специфике классовой структуры и классового сознания американского рабочего класса, масштабах его интегрированности в систему ГМК, равно как и на непреодоленных левыми силами, в том числе и коммунистами, сектантских тенденциях.

Большое место в книге занимают вопросы внешней политики США и рузвельтовской дипломатии. Малькову удалось показать, как поэтапно происходило формирование глобального внешнеполитического мышления президента и его ближайшего окружения, понимание того, что укрепление позиций США на мировой арене, обеспечение их государственных интересов невозможно на путях изоляционизма и требовало перехода к активному участию в коллективных действиях по упрочению мира и безопасности. К сожалению, не получила при всем обилии фактического материала достаточной теоретической разработки проблема отношения Рузвельта к политике «невмешательства» и «умиротворения». В нашей литературе «классический» вариант этого курса — английский — механически распространяется на все другие страны, в том числе на США.

Материалы, собранные Мальковым, показывают, что основная тенденция во внешней политике администрации Рузвельта состояла все же главным образом в стремлении удержать США от прямого участия в непосредственно не затрагивавших их интересы военных конфликтах. Рузвельт скрупулезно изучал донесения Ч. Буллита, Дж. Кеннеди, активных сторонников политики «невмешательства», но вместе с тем столь же внимательно читал и доклады У. Додда, Дж. Дэвиса, предупреждавших его об опасности этой политики. Но при этом президент вел свою линию, не совпадавшую ни с той, ни с другой точкой зрения, неизменно придерживаясь ориентации на реалистическое осознание внешнеполитических приоритетов США во взрывоопасной ситуации предвоенного кризиса. Мальков справедливо отмечает: «Дилемма в сфере внешней политики, вставшая перед Рузвельтом... объяснялась не доктринальными установками, а реальными условиями осуществления тех задач по укреплению позиций США (прежде всего экономических и военно-стратегических) на мировой арене, которые оказались подорванными в результате обострения межимпериалистических противоречий в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.» (с. 110).

Книга Малькова заметно обогащает представления о Рузвельте и «новом курсе», а самое главное — помогает поискам новых подходов к осмыслению этого сложного и противоречивого периода в истории США.

Р. Е. Кантор

А. В. АДО. *Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789—1794 гг.* М. 1987.

Первое издание книги доктора исторических наук, профессора Московского университета А. В. Адо вышло в 1971 году. Второе ее издание существенно переработано, особенно это касается вводных и заключительных разделов книги. С учетом новейших разработок мировой науки уточнена оценка экономического положения и социального развития Франции накануне революции. Вопрос об аграрных итогах последней поставлен в исторической перспективе: тенденции аграрной эволюции прослежена вплоть до конца XIX века. Историографический очерк дополнен оценкой современных течений в западной науке. В дискуссии с их представителями формулируются важнейшие положения, полемика является основой отдельных глав, да и в немалой степени книги в целом. В результате этих дополнений и существенной переработки всего текста четче прослеживается авторская концепция революции и крестьянского движения как ее важнейшей части.

В прошлом аграрная история Французской революции разрабатывалась (в том числе трудами «русской школы» — Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, И. В. Лучицкого) по линии исследования положения и условий деятельности сельского жителя. В тени оставалось при этом крестьянство как исторический субъект, наделенный сознанием своих целей и собственной волей. Адо поставил задачу — в обоб-

щающем исследовании представить крестьянство деятелем революции. В этом — значение его работы и ее актуальность.

Историографическая традиция обычно отводила крестьянам роль вспомогательной силы, и революция, в зависимости от идейных позиций авторов, отождествлялась либо с деятельностью сменявших друг друга органов верховной власти, либо — с городскими восстаниями, главным образом парижскими journées. На рубеже века П. А. Кропоткин обосновал альтернативную постановку вопроса. Ж. Лефевр ввел понятие «крестьянская революция», но анализ под этим углом зрения «великого страха» 1789 г., серия локальных исследований, осуществленных им и другими французскими учеными, оказались недостаточными, чтобы создать для нового понятия адекватную фактическую основу и закрепить его в историографической традиции. Даже исследователи, принявшие идею «крестьянской революции», склонны подчас трактовать ее как ряд разрозненных выступлений, «связанных между собой лишь как искаженное эхо событий в Париже»[1].

Автор воссоздал связную картину выступлений крестьян, представил общую панораму крестьянской борьбы против Старого порядка как единое в своих предпосылках и целях движение с его внутренней, не лишенной противоречий целостностью, со своей хронологией и географией, уникальным ритмом и многообразием форм. В книге охарактеризованы три важнейшие формы выступлений крестьян: борьба против феодальных повинностей (на ней со времен И. Тэна концентрировалось основное внимание историков), продовольственные движения и борьба за землю. Каждая из форм отличалась своими непосредственными целями, соотношением борющихся сил (в продовольственных движениях, например, врагами крестьян были не дворяне, а буржуа-хлеботорговцы и капиталистические фермеры). Единство же этих форм, как показывает Адо, заключалось в том, что крестьяне связывали борьбу за хлеб с борьбой за землю, от которой, как и от запасов продовольствия, они были отторгнуты из-за феодальных повинностей. Протест против этих повинностей служил как бы системообразующим элементом, объединяющим различные формы борьбы крестьян, сплачивал их.

Вместе с тем борьба против феодальных повинностей оказывалась лишь частью общего протеста против привилегий — налоговых и судебных, статусных и имущественных, реальных и символических — дворянства и духовного сословия. В этом вопросе все третье сословие: буржуазные верхи, неимущие низы, крестьянская масса стояли «по одну сторону баррикад». В привилегированном положении двух первых сословий воплощался Старый порядок в целом, его одиозность для народного сознания. Устремления и интересы третьего сословия здесь совпадали, и подобные совпадения нельзя недооценивать.

Представление о «баррикаде», разделившей революционный лагерь и контрреволюцию на основе социального происхождения, трактовка революционного лагеря как совокупности классов, находящихся в союзных отношениях, выглядят упрощением. Адо употребляет термин «союз», говоря о взаимоотношениях буржуазии и крестьян; но показывает нечто иное — при известном совпадении устремлений отсутствие, по крайней мере на первых этапах, единства действий. Напротив, буржуазии, утвердившейся в местных органах власти и сформировавшей национальную гвардию, принадлежала особая роль в подавлении крестьянских выступлений. Жестокие расправы продолжались вплоть до 1793 года. Если говорить о «союзе» как единстве действий, то это понятие скорее подходит к отношениям между буржуазией и либеральным дворянством на первом этапе революции.

Этот либеральный «союз», или «поток» — образ питающих революцию различных потоков, взаимодействующих, но не сливающихся, не меняющих своей, достаточно сложной, впрочем, социальной природы, но допускающих изменение отношения своих составляющих к представленному в каждый данный момент революционной властью политическому вектору революции,— сыграл свою роль в развязывании революции, в том числе, как доказывает Адо, в революционной мобилизации крестьян. Однако именно борьба крестьян в описании Адо побуждает выделить уже в самом начале революции иной — «демократический поток»[2]. Он также лишен классово-политической однозначности.

Один из рецензентов первого издания книги Адо подчеркнул необходимость учитывать в общем итоге контрреволюционные выступления крестьянства. Адо констатировал общность истоков «крестьянской революции» и «крестьянской контрреволюции» как движений социальных (с. 15), но не счел возможным присоединить к своей работе соответствующие разделы. Действительно, простое соединение мало что дало. Главное здесь взаимодействие, осмысление которого еще впереди. Все же в рецензируемом труде намечается выход к политической «многомерности» крестьянской борьбы.

Очерчивая исторические рамки понятия «крестьянская революция», Адо пишет о «вандейском» повороте (с. 209), имея в виду отход от политической активности, а затем конфронтацию с революционной властью отдельных отрядов крестьянства. Означало ли это, что в корне изменилась социальная природа соответствующих слоев деревни или скорее что «демократический поток» породил демократическую же контрреволюцию? Если мы допускаем, что либерализм в политической жизни якобинского периода мог стать контрреволюционным, то почему не допустить политического расщепления демократизма?

Адо объясняет «вандейский» поворот тем, что надежды крестьян на революцию не оправдывались. Насколько универсальными для различных слоев крестьянства они были, насколько чаяния крестьян соответствовали реалиям и возможностям буржуазной революции, сводимы ли эти чаяния к «общему знаменателю» перехода от феодализма к капитализму? Понятие «крестьянская революция» в обычном понимании включает большую или меньшую, но часть крестьянских стремлений, иначе — стремления определенной части крестьянства. Но в широком смысле это понятие охватывает весь спектр целей, которые ставило перед собой крестьянство, поведение крестьян в целом, вплоть даже до противостояния революционной власти.

Автор видит обе перспективы, но в фокусе его исследования «крестьянская революция» выступает как слагаемое буржуазной революции в принятом значении революционного перехода от феодализма к капитализму. Одновременно для автора буржуазная революция — объект воздействия крестьянского движения со всей его небуржуазной специфичностью. В таком аспекте и впервые в историографии с такой основательностью вскрыты в книге крестьянские истоки якобинизма. Крестьянская «война замкам» могла прекратиться, ибо войну замкам объявил якобинский Конвент. Самые радикальные крестьянские требования об отмене без выкупа феодальных повинностей нашли отражение в декрете 17 июля 1793 года. Требования продовольственного движения воплотились в законах о максимуме. Не только социальное содержание якобинской политики, но и сами формы якобинской диктатуры свидетельствуют об их крестьянском происхождении.

Порой в популярной литературе почти рифмуются 1793 и 1937 г.; но в отличие от сталинского террора якобинский — и в этом убеждает книга Адо — «пришел снизу». Уже летом 1792 г. в «патриотической тревоге», почувствовав реальную угрозу своим завоеваниям, крестьяне начали расправляться с теми, кто казался им «подозрительным». Было бы, однако, ошибкой ставить знак равенства между стихийным народным террором и сознательной государственной политикой устрашения, между крестьянскими расправами над представителями привилегированных сословий и судебными инсценировками, при помощи которых якобинское руководство пыталось удержать власть, рассматривая несогласие как государственное преступление. Но и этот трагизм якобинского самоуничтожения, трагедия революционной власти, неспособной обрести опору для продолжения своей революционной политики, находит дополнительное объяснение при «крестьяноведческом» анализе.

Как показывает Адо, то движение, которое с 1789 г. образовывало наиболее мощную базу революции и которое вызвало к жизни якобинскую диктатуру, к концу 1793 г. уже исчерпало себя. «Сошла со сцены «жакерия». Прекратились восстания таксаторов» (с. 351). Продолжалась борьба за землю, но она скорее противопоставляла, чем объединяла различные группы сельского населения. Порой (и раньше и теперь) якобинцев осуждают за то, что они не возглавили движение бедноты за «черный передел». В рецензии на первое издание книги автора упрекали за недооценку уравнительно-социалистических потенций крестьянского движения. Однако во втором издании он еще определеннее обосновал свою позицию. Ни радикально-эгалитарнстская программа так называемого аграрного коммунизма, ни ее противоположность — «расчистка земель» для крупного, капиталистического фермерства по «английскому образцу» не имели достаточной поддержки в масштабах страны. Революция подтвер-

[1] Bercé Y.-M. Révoltes et révolutions dans l'Europe moderne. P. 1980.

[2] Сходную идею двух «линий» революции высказал Адо в книге «Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии» (М. 1986, с. 119).

дила и утвердила ту тенденцию развития семейно-единоличного крестьянского хозяйства, которая наметилась в предшествующий период. В этом ее аграрные итоги можно считать предопределенными. Вместе с тем Адо далек от фатализма. Если оценивать, например, вантозские декреты не по меркам «социализации земли», а по номиналу, то это, по-видимому, была реальная программа, которая могла углубить эгалитарное содержание якобинской диктатуры и обеспечить более полную победу крестьянской революции.

Именно неполнота крестьянской победы — сохранение крупного землевладения и крестьянского малоземелья — осложнила, по Адо, социально-экономическое развитие послереволюционной Франции. Убежденность в прогрессивности крестьянского хозяйства и крестьянской революции, поскольку она способствовала его укреплению, отличает Адо от большинства западных ученых, которые по-прежнему отождествляют социальный прогресс с утверждением и победой в аграрной сфере крупного производства. Но именно поэтому позиция Адо вызвала большой интерес и не раз становилась предметом дискуссий на международных форумах. Его капитальное и оригинальное исследование воспринимается в аспекте более глубокого понимания характера и итогов Великой французской революции.

А. В. Гордон

D. DIMBLEBY, D. REYNOLDS. *An Ocean Apart. The Relationship between Britain and America in the Twentieth Century.* London. 1988. 408 p.

Д. ДИМБЛБИ, Д. РЕЙНОЛДС. *Отделенные океаном. Отношения между Британией и Америкой в XX столетии.*

При подготовке книги по истории англо-американских отношений английский публицист Д. Димблби и профессор Кембриджского университета Д. Рейнолдс, помимо традиционных источников — архивных, документальных публикаций, прессы,— широко привлекли материалы «устной истории»: воспоминания, интервью и беседы с различными политиками, дипломатами, с простыми англичанами и американцами, очевидцами прошлого. В центре внимания авторов — исследование факторов, определяющих единство и противоречия в истории взаимоотношений двух англосаксонских стран. Общность языка, демократических традиций и институтов, личные интересы и контакты — все это, как показано в работе, несмотря на подчас достаточно острые формы борьбы, связывало Великобританию и США.

При всем своеобразии американского пути развития и несхожести его с британским США в последней трети XIX в., по мнению авторов, имели больше общего с Великобританией, нежели с континентальной Европой. Тенденция к сближению была обусловлена и взаимной поддержкой экспансионистских планов (британских — в Южной Африке, американских — в Латинской Америке и других регионах). Авторы указывают и на то, что англосаксонские расистские теории получили распространение по обе стороны Атлантики (с. 38).

Эти тенденции действовали в условиях острого экономического и морского противоборства. К 1913 г. США заняли место Британии в качестве крупнейшей промышленной державы мира; капитал Нового света энергично устремился за омывающие материк океаны. Феномен «особых» отношений, основанных, как отмечают авторы, на «сотрудничестве-соперничестве», получил, по их мнению, полное выражение во время первой мировой войны.

В книге показано, что в дальнейшем ошибочность расчетов США на мировое лидерство стала очевидной, равно как и надежд Лондона на возможность в союзе с Вашингтоном обеспечить свои имперские интересы. «Единство англосаксов» отсутствовало уже в момент заключения перемирия 1918 г., а в последующее десятилетие было отмечено острейшим соперничеством между двумя державами в сфере валютно-финансовой политики и морских вооружений, борьбы за рынки Азии, Латинской Америки и т. п. В книге содержится много новых данных на этот счет, в том числе о проникновении капитала США в экономику Великобритании. Рузвельтовский «новый курс» в середине 30-х годов не имел, за немногими исключениями, сторонников на Британских островах. «Британские левые, считая, что депрессия доказала банкротство американского капитализма, обращались к примеру Советского Союза» (с. 112).

Подозрения, недоверие к США характеризовали государственную политику Великобритании при консервативных премьер-министрах С. Болдуине и Н. Чемберлене. В книге фактически оправдывается сдержанное отношение последнего к США и американскому «плану мира» (1938 г.) [1]. Можно было бы. однако. сильнее подчеркнуть развитие объективной тенденции к сближению США с Англией в условиях роста агрессивности фашистских держав. В книге дана достаточно сбалансированная оценка военного союза США и Великобритании, который по своему уровню превзошел «ассоциацию» 1917—1918 годов. Значительное место отведено и раскрытию противоречий между ними по вопросам стратегии, колониальной политики, отношений с СССР.

Рассматривая послевоенную историю англо-американских отношений, авторы учитывают изменения в расстановке сил на мировой арене, ослабление Великобритании и активизацию глобальных устремлений США. В книге отмечено, что возрождение англо-американских связей, прерванных в 1945—1946 гг., и формирование (по инициативе обеих участников) Атлантического союза происходило на фундаменте борьбы с СССР, с коммунизмом. В работе, к сожалению, не вполне ясно показаны специфические цели каждого из двух союзников при создании военного блока НАТО. Устойчивость англо-американских связей в первое десятилетие «холодной войны» не раз нарушалась вследствие расхождений по вопросу о Корейской войне, в связи с отношениями с Китаем, а также из-за обострившегося нефтяного и политического конфликта на Ближнем и Среднем Востоке.

Серьезный удар союзническим отношениям, по мнению авторов, был нанесен в 1956 году. Суэцкому кризису посвящена одна из самых интересных глав книги. На основе многих документов, в том числе из архива премьер-министра, критически проанализированы позиции Англии и США.

Димблби и Рейнолдс не являются сторонниками распространенной в западной историографии версии, что решающими причинами неудачи военной акции против Египта явились выступление представителей США в ООН и американское финансовое давление на Англию. В Вашингтоне, как и в Лондоне, говорится в книге, хотели бы избавиться от Насера. Но Эйзенхауэр принимал в расчет и резко враждебное отношение американской общественности к применению силы против Египта и приближение президентских выборов. Он не хотел обращением к «дипломатии канонерок» восстанавливать против США развивающиеся страны, прежде всего — арабский мир.

Авторы, однако, обходят молчанием такое существенное обстоятельство, как наличие важных американских (политических, нефтяных, стратегических) интересов на Ближнем Востоке. Этот регион еще с конца второй мировой войны стал, и не только из-за его природных богатств, одним из центров повышенной активности американских монополий и дипломатии. США стремились занять на Ближнем Востоке место старых колониальных держав. Представляется, что не совсем оправданно стремление авторов рассматривать развитие Суэцкого кризиса только в контексте англо-американских отношений. Это был не локальный, а международный кризис, отразивший ряд факторов (процесс деколонизации, роль ООН, выступление СССР в поддержку Египта, антиимперские настроения на Западе, в том числе в странах Британского содружества и др.).

К американскому аспекту политики Великобритании авторы привлекают внимание и в связи с темой «Общего рынка». Неспособность страны успешно противостоять экономической экспансии США, собственными силами нейтрализовать их превосходство в научно-технической сфере и дать ответ на «американский вызов» вынудила руководство лейбористской партии в середине 50-х годов отойти от прежней оппозиции западноевропейской интеграции и возбудить вопрос о членстве Англии в Европейском экономическом сообществе.

Двусторонние — «особые» — отношения с США всемерно культивируются нынешним консервативным правительством, подчеркивают авторы.

Димблби и Рейнолдс не пытались прогнозировать будущее англо-американских отношений. Но им удалось главное — донести до читателя всю «многослойность» этих отношений, охватывающих и экономику, и политику, и дипломатию, и взаимопроникновение культур.

Л. В. Поздеева

[1] См. также: Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance 1937—1941. Lnd. 1981.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

НЕОБХОДИМО ПРОДОЛЖИТЬ РАЗГОВОР

Хотя «Вопросы истории» (1988, № 10) уже откликнулись на книгу И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко «Города-государства Древней Руси» (Л. 1988), нам представляется необходимым продолжить обсуждение проблем, поднятых авторами этой монографии.

Как известно, согласно концепции Фроянова, Древняя Русь с конца X в. вступила в полосу завершения распада родоплеменного строя, начался так называемый дофеодальный период, переходный от доклассовой к феодальной формации (с. 39), охвативший XI—XII вв. и, судя по всему, первую половину XIII века. Таким образом, дофеодальный период рассматривается авторами как заключительный этап родоплеменного, первобытнообщинного строя. Не углубляясь в анализ социально-экономических аспектов данной концепции, отметим, что существует и другой подход к этому периоду, как к переходному, т. е. не относящемуся ни к первобытности, ни к феодализму[1]. В отличие от А. И. Неусыхина Фроянов не обосновывает свой взгляд на место дофеодального периода в формационной цепи, не поясняет, почему он относит-ся именно к первобытности.

Книга посвящена политической надстройке Древней Руси. По мнению авторов, она в политическом плане была совокупностью городских земель-волостей (городов-государств) (с. 265—266), которые, как они считают, были по сути аналогами древнегреческих и древнеримских полисов, являвшихся республиками. Тем самым в отличие от Западной Европы того времени раздробленность на Руси, как считают авторы, имела нефеодальную природу.

Конечно, тезис о вечевом характере правления в Древней Руси имеет определенное преимущество, поскольку не требует углубленной интерпретации источников, главным образом летописей. Однако нельзя согласиться с этой картиной политического строя Древней Руси. Авторы делают ударение на приниженном положении княжеской власти по сравнению с вече (для XI — середины XIII в.), особенно когда они оспаривают мнение М. С. Грушевского о дуалистической структуре власти (с. 75). Но если следовать за авторами, то как же тогда объяснить, что при столь сильной власти общин в домонгольской Руси в течение трех с половиной столетий непрерывно сохранялся один правящий род Рюриковичей?

Предположим, что православной Руси XI — XIII вв. неоткуда было пригласить других правителей. Но существовали же единоверные Византия, Болгария (в периоды независимости), наконец, христианская Европа, с которой Рюриковичи не гнушались заключать династические браки, тем более что у ряда европейских правителей в жилах текла русская кровь. Допустим, что этот феномен объясняется сакральными взглядами того времени на правящий княжеский род. Но как же тогда объяснить попытки отдельных бояр княжить в Галиче?

Приходится признать: княжеский род был реальной силой, обладавшей монополией на высшую власть. Эта монополия возникла после истребления местных князей не-Рюриковичей — Аскольда и Дира, Мала, Рогволда. Она базировалась, очевидно, на доходах от кормлений, судебных поборов, вотчин (с XI в.), на доле в военной добыче. Все это позволяло содержать большие дружины воинов-профессионалов, приглашать наемников. Кроме того, необходимо учитывать семейные связи правивших родов, проявлявшиеся в княжеских съездах, браках, союзах, в том числе и внешних. Трудно, например, представить, как бы смог Владимир Святославич в условиях полиса крестить языческую часть киевлян.

Конечно, сила княжеской власти не была, очевидно, одинаковой во все времена. Влияние князя падает с ослаблением центральной власти. С распадом государства уменьшается подвластная каждому князю территория, а значит, и доходы, и численность дружины. Однако и в этих условиях жизнь княжеского мужа оценивалась по «Русской Правде» выше жизни простого человека, что говорит о княжеском авторитете, даже в период раздробленности. Приводимые в книге примеры изгнания князей чаще относятся к моментам ослабления их власти вследствие военных поражений, неблагоприятных внешнеполитических условий, неразберихи в момент смерти старого князя, когда прежний аппарат управления бывал дезорганизован.

[1] Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М. 1968.

С той точки зрения, которой придерживаются авторы, необъяснимы и другие вопросы. Почему собственно правители Европы охотно вступали в браки с «бессильными ставленниками» волостей? Почему владимирцы восстали против княжеской администрации только в момент смерти Андрея Боголюбского? Характерно, что сами авторы признают здесь наличие элементов социального протеста (с. 238) и при этом отмечают, что «представители княжеской власти беспомощны перед лицом народа, который расправляется с ними с необычной легкостью» (там же). Но почему же тогда недовольный народ не восстал против «подчиненного» ему князя еще при его жизни, а выбрал момент дезорганизации княжеской власти? Тот же вопрос можно поставить и применительно к восстанию 1113 г. в Киеве.

Почему галичане, сумевшие в 1173 г. вмешаться в семейную жизнь своего князя Ярослава Осмомысла и казнить его незаконную жену, в 1159 г. вынуждены были тайком обратиться к киевскому князю Изяславу Давидовичу с просьбой: «Толико яви стяги и мы отступим от Ярослава»[2]. И, наконец, почему в «Слове о полку Игореве», образчике мышления людей той эпохи, содержатся обращения только к князьям, а не к землям? Произведение было широко известно, повсеместно исполнялось, было достаточно популярно, оно нашло отзвук в ряде других произведений и, значит, не могло быть отражением мировоззрения только элиты.

Вопрос о правомерности характеристики древнерусской волости как республики по меньшей мере спорен. Различия между республикой и монархией при всей своей кажущейся простоте («общее дело» и «власть одного») чрезвычайно запутаны, ибо существуют республики, где власть президента не уступает власти конституционного монарха. При республиканском строе в интересах общества допускается временное сосредоточение власти в руках одного лица, обладающего необходимыми талантами и авторитетом, но никакое «общее дело» не может оправдать закрепления власти за определенным влиятельным родом. Последнее — вернейший атрибут именно монархии. Необходимо исследовать реальную власть, а не номинальное «царствование». Отталкиваясь от всего этого, следует рассматривать древнерусскую волость как ограниченную монархию, сосуществовавшую в XI — середине XIII в. с сильным народным вече.

Сравнение же городов-государств Руси с полисами (с. 266) не представляется нам столь очевидным, хотя, конечно, полисы могут сосуществовать и с монархической властью, как, например, в условиях эллинистических государств. К тому же не всякий город-государство — это полис (вспомним, например, средневековые Геную и Венецию). При всех различиях в определении полиса непременно указывается на привилегированное положение его полноправных граждан, на защиту прав которых направлены все общественные усилия, подчас в ущерб знати и богачам. Гражданин полиса не мог быть продан за долги в рабство, он нес только имущественную ответственность. Статьи же «Русской Правды» не дают нам подобной картины.

И все же, несмотря на излишнюю категоричность ряда выводов, нельзя не признать, что книга ленинградских историков содержит ряд интересных идей и наблюдений, например, о решениях Любечского съезда 1097 г., закрепившего «отчинное» владение землями, о Северо-Восточной Руси как федерации трех городов-государств: Ростова, Суздаля и Владимира, об отсутствии объединительных тенденций в этом регионе в XIII в. и др. Книга еще раз подтверждает ту истину, что смелые, постоянно ищущие исследователи интереснее и полезнее для науки, чем робкие и консервативные. При всех расхождениях с авторами мы убеждены, что проделанное ими исследование побуждает внимательнее присмотреться к такому политическому институту, каким была древнерусская волость.

Р. М. Мендубаев

[2] Полное собрание русских летописей. Т. 2. М. 1962, стб. 498, 499.

Прочел в вашем журнале ответ на анкету редакции главного зоотехника З. М. Омарова (1989, № 11). Считаю, что никакой предвзятости у Антонова-Овсеенко относительно Сталина нет, про его преступления история скажет еще больше.

Привожу примеры из действительности. На лагпункте Ванькино (Ныроблаг Пермской обл.) я встретил ветврача по фамилии Балдецкий. В 1930 г. он работал в ветеринарной лечебнице и второпях влил лошади крестьянина не лекарство, а слабую кислоту. Простая ошибка, но за это ему дали 10 лет. Он работал на стройке канала под Москвой, а после окончания строительства ему, как и тысячам других, дали новый срок, теперь уже за вредительство. Был он в 1945—1947 гг. на лагпункте ассенизатором, ел крыс. Если дневальный убьет крысу в бараке, то отдает ее Балдецкому. Выглядел он в свои 45 лет 70-летним.

Другой пример. В одном совхозе Смоленской обл. в середине 30-х годов случился массовый падеж свиней. Всех ветврачей района пересажали, но падеж продолжался. Дошло до области. Приехал оттуда ветврач и увидел, что свинарка в корм свиньям кладет соли в несколько раз больше нормы, а делала это она по неопытности (горсть соли на свинью). Областной ветврач тоже получил срок, за халатность. Сидел 5 лет в Ныроблаге (лагпункт Кляпая). Если бы Омаров опоздал на работу или «стащил» брикет одной порции каши, то получил бы от 5 до 10 лет лагерей.

Вкратце о том, как жили и работали узники в лагерях. Лагпункт Ванькино, осень 1944 г.; бригады Г. Меньшиковой и В. Володина (москвичи) работают на лесо-

повале неподалеку от захоронения лошадей. Они их раскапывают, достают дохлятину и жарят на кострах. В этом участвовали и мужчины, и женщины. Встречалось и людоедство, и трупоедство (могу указать факты).

Насчет «семимильных шагов»: они были в войну, от Бреста до Волги и Кавказа, а потери наши неисчислимы. Талоны или карточки на необходимое — это тоже продукт сталинщины, этого кошмарного, леденящего душу сна.

М. Н. Дорохин, ваш подписчик (политзаключенный ареста 1940 г.), п/о Кирилловка Химкинского р-на Московской обл.

Выписываю «Вопросы истории» более пяти лет, активно использую его материалы при подготовке к занятиям со школьниками и студентами. Разительны перемены, которые произошли с журналом. От малоинтересных, «нейтральных» с точки зрения науки и актуальности проблем наметился в последнее время переход к освещению и анализу сложных и противоречивых фактов, явлений, процессов. Журнал смело вступает в дискуссии, формулирует свою точку зрения, уважительно относясь к иным мнениям, даже если они высказаны зарубежными авторами. Видно стремление привлечь и исследовать широкий круг источников. Это особенно относится к новейшей истории, в первую очередь советской. Журнал постепенно обретает свой особый облик, что выделяет его в потоке многих периодических изданий, в той или иной мере обращающихся к истории.

Отрадно, что «Вопросы истории» публикуют материалы мемуарного плана. Весьма удачным и перспективным направлением стала попытка показать личность в контексте истории. Считаю эту сторону деятельности редакции одним из существенных достижений. Интересны исторические портреты — Конфуция, Екатерины II, Д. Плетнева, Ришелье.

Выбраны верные ориентиры. Думается, что сейчас возможен переход от анализа фактов и явлений к обсуждению — на основе учета разных мнений — проблем концептуального характера. Интересно было бы в этом плане обсудить на страницах журнала проблемы многовариантности исторического развития на Западе и Востоке, вопросы формирования и развития социалистической системы, историю колониализма, национально-освободительного движения, проблемы стран «третьего мира». Заслуживает, несомненно, дальнейшей разработки тема роли личности в истории. Эти вопросы важны не только с точки зрения науки, но и в процессе преподавания истории в школе и вузе. В связи с этим полезно было бы уделить внимание наглядности в журнале: картам, схемам, перепечатке фотоматериалов

Хотелось бы встретить на страницах «Вопросов истории» материалы, связанные с характеристикой работ М. С. Восленского, А. Авторханова, а также исследований современных западных советологов — А. Улама, Р. Такера и др.

И еще одно пожелание. В перспективе стоит подумать об издании приложения к журналу в виде библиотеки классиков исторической науки (подобное по отечественной философии осуществляют «Вопросы философии»). Это, несомненно, внесло бы значительный вклад в формирование исторической культуры нашего общества.

А. Чумаков, преподаватель, Калининград

Меня всегда интересовали отношения, складывавшиеся между В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и античеловечным Сталиным. В №№ 7, 8, 9 вашего журнала за 1989 г. прочел статьи А. В. Антонова-Овсеенко «Сталин и его время» и Л. Д. Троцкого «Сталинская школа фальсификаций». Я всю жизнь мечтал об этом узнать, в конце концов дождался.

Мне с детства запомнились рассказы участников гражданской войны и пожилых людей, живших в нашей местности. В 1918 г. требовалось срочно создать совершенно новую боеспособную армию, а опыта не было, да и противник не ждет. Ленину и Троцкому экстренно пришлось формировать боевые части и соединения всех родов войск. Гражданская война для Родины была опасной, жестокой и сложной.

Троцкий был одним из наиболее решительных революционеров, действовавших тогда,— только он мог исполнять сразу столько военных должностей, ездить по фронтовым дорогам. Ленин по военным вопросам в основном опирался на него. Они не терпели предателей, а противников революции предавали жестокой каре. И это было правильно — ведь шла война. В годы гражданской войны в нашей местности, на территории Татарии и Удмуртии, бывал Троцкий. В те времена было принято называть административные волости именами Ленина и Троцкого, это было и у нас.

Троцкий во время Брестского мира допустил ошибку, но ведь такую же ошибку допустили и многие другие члены ЦК, а в вину все ставится только Бухарину и Троцкому. Троцкий эту ошибку тысячу раз искупил перед Родиной и партией в период войны 1918—1922 годов. В Октябре 1917 г. во время вооруженного восстания он тоже твердо стоял на стороне Ленина.

Сталин же в мирное время для военачальников устроил войну: тысячи их уничтожил. И с родственниками Троцкого расправился, сейчас некому даже ходатайствовать о его реабилитации. Кому, как не историкам и военным, взять эту миссию на себя? Все-таки он был подлинный революционер, долгое время в суровые годы был военным наркомом, стоял у истоков создания Советской Армии. Пусть имя Троцкого займет достойное место среди крупных военачальников Советского Союза. И еще об одном: хорошо бы в журнале написать о Ф. Ф. Раскольникове (Ильине), он здесь в Удмуртии, на Каме, у с. Гольяны освобождал наших местных коммунистов и красноармейцев из баржи смертников в октябре 1918 года.

М. М. Максютин, пенсионер, г. Можга Удмуртской АССР.

Конечно, спору нет, материалы о «белых пятнах» нашей истории читаются с интересом. Но из своего опыта знаю, что и сегодни есть «бывшие», которые говорят: «Кому это нужно?!» Так вот, им я прямо говорю: «Это нужно и вам, и нам, и всем нашим детям!»

Раньше ваш журнал я просматривал от случая к случаю, а сейчас без него, считаю, не может обойтись любой мало-мальски уважающий себя сельский учитель истории. Я сам работаю в районном центре в школе. Журнал берут читать у меня соседи, знакомые. Материалы журнала часто использую на уроках, в беседах. Хочу поддержать тех читателей, которые предлагают помещать в журнале карты, схемы, фотографии, хотя, наверное, это связано для издательства с большими трудностями.

Прошу на страницах журнала привести данные о том, например, что можно было купить до революции (хотя бы в 1900—1914 гг.) на среднюю заработную плату рабочего; поместить факты из истории взаимоотношений церкви и государства; подробные биографические справки и состав семьи русских царей; рассказать о том, что представляли собой тюрьма, каторга и ссылка в дореволюционное время; осветить эпоху Ивана IV и Петра I. По периоду советской истории: как жило и работало население на оккупированной гитлеровцами территории, были ли колхозы, как убирался и распределялся урожай?

Материал в журнале должен быть более живым, не таким академичным. А то есть статьи по содержанию интересные, а по форме изложения очень сухие.

В. Ф. Вербицкий, г. Снегиревка Николаевской обл.

В № 10 вашего журнала за 1989 г. А. В. Антонов-Овсеенко на с. 87 пишет, что расстрел заключенных производился на шахте 18. В действительности это было не на шахте 18, так как она не входила в Речлаг и не бастовала. А происходило это, то есть расстрел, под руководством двух генералов — Деревянко и Масленникова — на шахте 29 (Юр-Шор), где было убито около 100 человек сразу, а сколько умерло от ран — неизвестно. На Аяч-Яге было убито два человека, один из них сидел и читал книгу у барака, пуля попала в сердце. Второй убит в голову разрывной пулей. Стрелял мл. лейтенант Масалыкин из ручного пулемета. Фамилия одного убитого — Макевичус Иозас, второго фамилию забыл, молодой парень с Украины.

П. Х. Иванов, Москва.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ-ГЕРМАНИСТОВ

25—26 января 1990 г. состоялось координационное совещание историков-германистов. Представители научных и учебных центров Москвы и других городов обсудили положение дел в советской германистике и решили создать Центр германских исторических исследований, чтобы объединить в нем специалистов по истории Германии, ГДР и ФРГ и начать дискуссию по наиболее актуальным проблемам.

В ходе обсуждения указывалось на кризисное состояние советской германистики, слабость координации исследований, недостатки в подготовке кадров. Подчеркивалась научная и общественно-политическая значимость переосмысления проблем германской истории и выхода советской германистики на европейский и мировой уровень, развития ее сотрудничества с историками ГДР и ФРГ.

Большинство выступавших склонялось к тому, что Центр германских исторических исследований должен быть прежде всего «мозговым трестом», координирующим работу над различными проектами, касающимися прежде всего новейшего периода и особенно оценки хода и перспектив современных событий в ФРГ и ГДР, гарантий стабильности и мира в общеевропейском доме.

На совещании прозвучало требование восстановить принцип историзма и отказаться от идеологизированного, узкоклассового подхода к проблемам германской истории. Непредвзятый научный анализ предполагает разрыв со сталинской концепцией фашизма и антифашизма, признание альтернативности в развитии революционного процесса 40-х годов в ГДР и многовариантности моделей социализма. Переосмысления требуют такие проблемы, как формирование германской нации, русско-германские и советско-германские отношения, причем взятые во всем их многообразии и на всех уровнях. Советские германисты могли бы принять участие в разработке таких тем, как «план Барбаросса», советские военнопленные в Германии и немецкие военнопленные в Советском Союзе, германский фашизм, в создании справочных изданий по историографии ГДР и ФРГ.

Вместе с тем на совещании прозвучала мысль о том, что новая концепция истории Германии не может замыкаться в рамках новейшей истории, не охватывать средневековье и новое время, историю немецкоязычных народов, включая историко-культурные проблемы. Большое значение приобретает междисциплинарное сотрудничество всех обществоведов.

Был затронут вопрос о подготовке кадров историков-германистов.

Особое место занял вопрос об истории советских немцев, а также о разработке многовековой истории взаимоотношений между народами нашей страны и немецким народом.

Предполагается, что Центр германских исторических исследований будет активно участвовать в работе Центра по истории европейской цивилизации.

Совещание образовало рабочее бюро Центра, которое избрало своим председателем Я. С. Драбкина.

Совещание приняло два обращения к советской общественности, тексты которых приводятся ниже.

М. Б. Корчагина

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРА ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОДДЕРЖКУ СПРАВЕДЛИВЫХ ТРЕБОВАНИЙ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ

Центр германских исторических исследований, объединяющий советских историков-германистов, обсудил на своем всесоюзном совещании в Москве 25—26 января 1990 г. задачи своей деятельности, в том числе проблемы советских немцев. Советские историки глубоко озабочены тем, что решение этих проблем непомерно затягивается, следствием чего является стремительный рост выезда советских немцев из СССР.

Объединившиеся в Центре историки выражают готовность принять активное участие в поиске эффективных путей решения вопросов, связанных с восстановлением прав, государственности, возрождения национальной культуры и языка советских немцев, готовы сотрудничать со Всесоюзным обществом советских немцев «Возрождение» в деле улучшения исторического образования, распространения гуманистической культуры.

В Центре германских исторических исследований намечено создать специальную секцию по истории советских немцев.

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРА ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПОВОДУ АКТИВИЗАЦИИ ШОВИНИСТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

Центр германских исторических исследований при Институте всеобщей истории Академии наук СССР от имени участников всесоюзного совещания в Москве выражает свое гневное возмущение участившимися погромными выступлениями шовинистов, позорящих имя патриотов России.

Нам, историкам, хорошо знающим, как в разных странах рождался «обыкновенный фашизм», как он проникал в толщу народов, ввергая их в круговорот кровавых злодеяний и войн, особенно ясно, что чудовищная опасность должна быть отвращена в самом ее начале, подавлена в зародыше. Советская Конституция должна соблюдаться. Демократия должна уметь защищаться от своих врагов, а не давать им вырасти в угрозу для человечества. Всем надо помнить завет Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны!»

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА

«Перспективы исследований этнографии русских» — с таким научным докладом выступила 8 февраля 1990 г. доктор исторических наук М. М. ГРОМЫКО (Институт этнографии АН СССР) на заседании Бюро Отделения истории АН СССР. Этнографическое изучение русских — самого крупного этноса страны, составляющего более половины населения СССР, осуществляется слабо, не соответствуя ни их численности, ни масштабам расселения, ни их вкладу в исторический процесс и развитие мировой цивилизации. Доныне в РСФСР нет, в отличие от других союзных республик, республиканского Института этнографии, фольклористики и прикладного искусства. Между тем политические и научные запросы требуют незамедлительных ответов ученых относительно народных традиций в сферах промыслов, земледелия, трудовой помощи, социального опыта, религии, этики, национальной одежды, быта и пр.

Для обеспечения научного уровня решения этих задач необходимо, в частности, широкое привлечение письменных источников и полевых экспедиционных материалов по всей исторической и сегодняшней территории расселения русских с учетом местных особенностей и теоретическое осмысление развития традиций в современных условиях. Характерно, что идентичная научная работа применительно к другим народам СССР опирается на исследования, проводимые в союзных и автономных республиках, а изучение зарубежных этносов — на материалы научных организаций их стран; этнографическое же изучение русских не имеет аналогичной базы, хотя за последние годы и удалось выпустить несколько монографий и сборников по этой тематике.

Вот уже около 60 лет ложные идеологические посылки, навязанные советской науке в период коллективизации сельского хозяйства, мешают прогрессу важнейших проблем отечественной этнографии. Извращение ленинского кооперативного плана, разгром научной и практической школы видных экономистов и кооператоров во главе с А. В. Чаяновым и Н. Д. Кондратьевым, фальшивая концепция о крестьянстве как «враждебной» социализму и «невежественной» социальной силе, трактовка хозяйственных и работящих крестьян обязательно как кулаков, представляющих собой отрицательное явление, способствовали выработке насильственно-бюрократического метода управления советской деревней, что резко препятствовало изучению богатого опыта русских крестьян, их быта и жизни.

Было подорвано исследование взаимодействия индивидуального хозяйства и сельского коллектива, сочетания интересов отдельных семей и сельской общины. Страшный удар по возможностям научной работы в этой сфере нанесли раскулачивание и затем фактическое раскрестьянивание, массовая вынужденная миграция селян в города, ликвидация «неперспективных» деревень. Не меньший урон породили репрессии в городе: высылка ряда категорий городских жителей, уничтожение лучших представителей нашей интеллигенции, приведшие к ухудшению генофонда народов СССР, в том числе и русских.

В то же время состояние источников позволяет изучать различные аспекты развития русского этноса во всех его социальных и региональных вариантах. При этом требуется решительный отказ от такой подготовки научных работ, при которой многие упомянутые традиции русской жизни и быта в городе и деревне подтверждаются фактическим материалом как положительные, а во введении и заключении считалось непременным дать отрицательную их оценку, поскольку авторы стремились обезопасить себя от обвинения в том, что они, дескать, восхваляют отжившие стороны действительности. Резко сказалось идеологическое давление и на изучении духовной культуры народа. Сотни лет православия словно бы и не существуют для нашей этнографии, хотя проявления христианства пронизывали все сферы народной жизни.

Сегодня появилась наконец возможность объективного изучения всего этого. Однако в стране почти нет специалистов, которые

могли бы квалифицированно подойти к проблематике. Несколько лучше обстоит дело со старообрядчеством (за счет материалов археографии), но ведь раскольники — лишь небольшая часть русских. Письменные источники и данные полевых наблюдений позволяют науке осветить, в частности, такие вопросы истории и сегодняшнего бытования христианства, как общечеловеческие и религиозные основания народной этики и воспитания молодежи, взаимодействие музыкального, устного и изобразительного народного творчества с профессиональным и параллельно с церковным, церковный календарь и праздники в городской и сельской трудовой жизни, приходская община как один из социальных коллективов.

Исключительно перспективно исследование национального сознания в его историческом развитии, соотношения его с общественным окружением, бытовой психологией и официальной идеологией. Современный подъем в СССР национального сознания практически у всех этносов, включая русских, по-новому освещает связи национального сознания с традиционной культурой. Требует также изучения проблема вторичного (возникшего не стихийно) его развития.

Постижение закономерностей соотношения стабильности и динамичности этносов — задача всего комплекса гуманитарных наук. Но в любой из них ошибочен подход, огульно отрицающий традиционные компоненты культуры во имя не всегда обоснованных новшеств. Тут прикладное значение исторической этнографии состоит не в искусственном сочинении новых обрядов, а в целенаправленном выявлении тех элементов традиционной культуры, которые могут быть использованы для обогащения и улучшения современного образа жизни. Этнографы выступают при этом как знатоки конкретной области традиционной культуры (разрабатывая фундаментальные исследования) и как эксперты по потребностям общества в этой области (давая практические рекомендации). Изучение этностабилизирующих явлений не мешает поиску архаики — раритетов, уцелевших от древних пластов культуры, причем здесь этнографии предоставляет богатый материал и другим наукам для реконструкции былого.

Культурно-бытовые процессы у русских должны изучаться на материале всех социальных сред: крестьянства (по регионам), дворянства (с учетом его деления на придворную аристократию, провинциальное и столичное, на военное и гражданское), рабочих (по регионам и по профессиям), мещанства с купечеством, чиновничества, духовенства и т. д. Каждую категорию следует рассматривать с выделением внутренних групп.

Вследствие исторических особенностей расселения и различий в этническом и конфессиональном окружении будет раздельно освещаться комплекс этнографических проблем применительно к русским в союзных и автономных республиках СССР. В еще большей степени относится это к русскому населению зарубежных стран, поскольку оно изучено еще слабее, не говоря уже о том, что русские в Болгарии, Франции, США и Маньчжурии далеко не одно и то же. Фактически по ряду аспектов всей вышеупомянутой проблематики в нашей науке зияет лакуна.

Участники прений дополнили картину, нарисованную докладчиком. Полезным источником сведений этнографического свойства могут служить многочисленные очерки быта и описания образа жизни русских в литературе и публицистике XVIII — начала XX века. Больших успехов в этом плане добилось советское краеведение, насильственно ликвидированное на рубеже 20-х — 30-х годов; его восстановление может дать хорошие результаты. Создающийся сейчас в Москве Центр по изучению русской этнографии и культуры тоже должен помочь разработке этой тематики. Русской тематике — прямое место в исследовательских планах возникающей АН РСФСР. Нужно воспитывать кадры специалистов по этнографическому изучению русского населения на иноязычных территориях. Полезно было бы создать соответствующие сектора в институтах славяноведении, всеобщей истории, востоковедения АН СССР. Требуется создание комплексной программы с данной тематикой в рамках Отделения истории АН СССР. Историки недостаточно контактируют с филологами-русистами. Не поставлена даже тема истории и быта русского населения современных мегаполисов. Особое внимание должно быть уделено тому, чтобы в эту сферу науки не проникли приверженцы шовинистических организаций вроде «Памяти».

Интересную работу осуществляет возникшее при Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина Общество по изучению, сохранению и распространению традиций русского крестьянства: оно помогает движению «зеленых» возрождать уголки сельского образа жизни в условиях научно-технической революции, берет на учет свыше 130 тыс. ушедших из жизни за последние 30 лет русских селений разного типа, будет выпускать «Энциклопедию русских деревень» с летописью 300 тыс. поселений и «Перепись народных названий в России». Среди других тем, подлежащих углубленной разработке, назывались также этногенез, фольклор и народное искусство русских. Желательна публикация массы хранящихся в плохо приспособленных помещениях этнографических и географических материалов.

А. Ш.

CONTENTS

SOMMAIRE

SUMARIO

Publicaciones: Soviet de diputados obreros y soldados de Petrogrado en abril de 1917. Nueva interpretación de la historia da la sociedad soviética: **M. M. Górinov, S. V. Tsakunov.** Concepción leninista de la NEP el proceso de formación y el desarrollo. Articulos: **B. M. Orlov.** En busca de aliados: el mando del Ejército Rojo y los problemas de la política exterior de la URSS en los años 30; **A. K. Sorokin.** Ganancia monopolista en Rusia. Memorias: Memorias de Nikita S. Jruschov. Ensayos publicísticos históricos: **Robert Conquest.** Cosecha del pesar. **H. Tomas.** Hess. Relato de dos asesinatos. Retratos históricos: **A. I. Nemirovski.** Jesús evangélico como hombre y predicador. Historia y destinos: **A. I. Denikin.** Ensayos de los tiempos turbios en Rusia. Hombres, sucesos, hechos: **E. A. Yagodinski.** Primeros comandantes militares soviéticos del Palacio de Invierno; **A. Yu. Drugovskaia.** Prohibido por la censura. Historiografia: **M. A. Leúshin.** Sobre el estudio de la institución de condecoraciones en Rusia prerrevolucionaria; L. P. Belkovets. Rusia en el periodismo histórico alemán del siglo XVIII. G. F. Miller y A. F. Büsching; A. I. Putró. Ucrania de la orilla izquierda del Dniéper en la estructura del Estado de Rusia en la segunda mitad del siglo XVIII; M. Jokipi. Surgimiento de la continuación de la guerra. Historia de la cooperación militar de Alemania y Finlandia en 1940-1941. Helsinki; L. N. Brovkó. Socialdemocracia alemana en los años de la dictadura fascista. 1933-1945; V. L. Malkov. Franklin Roosevelt. Problemas de la política interior y de la diplomacia; A. V. Adó. Los campesinos y la Gran Revolución Francesa. Movimiento campesino en 1789—1794; D. Dimbleby, D. Reynolds. An Ocean Apart. The Relationship between Britain and America in the Twentieth Century. London. Cartas a la Redacción Crónica de la vida científica. Nuevos libros en el exterior.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 15.03.90. Подписано к печати 09.04.90. А 09437. Формат 70×108 1/16.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 105 000 экз. Заказ 2071. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП. Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.
Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16. Зак. 808.